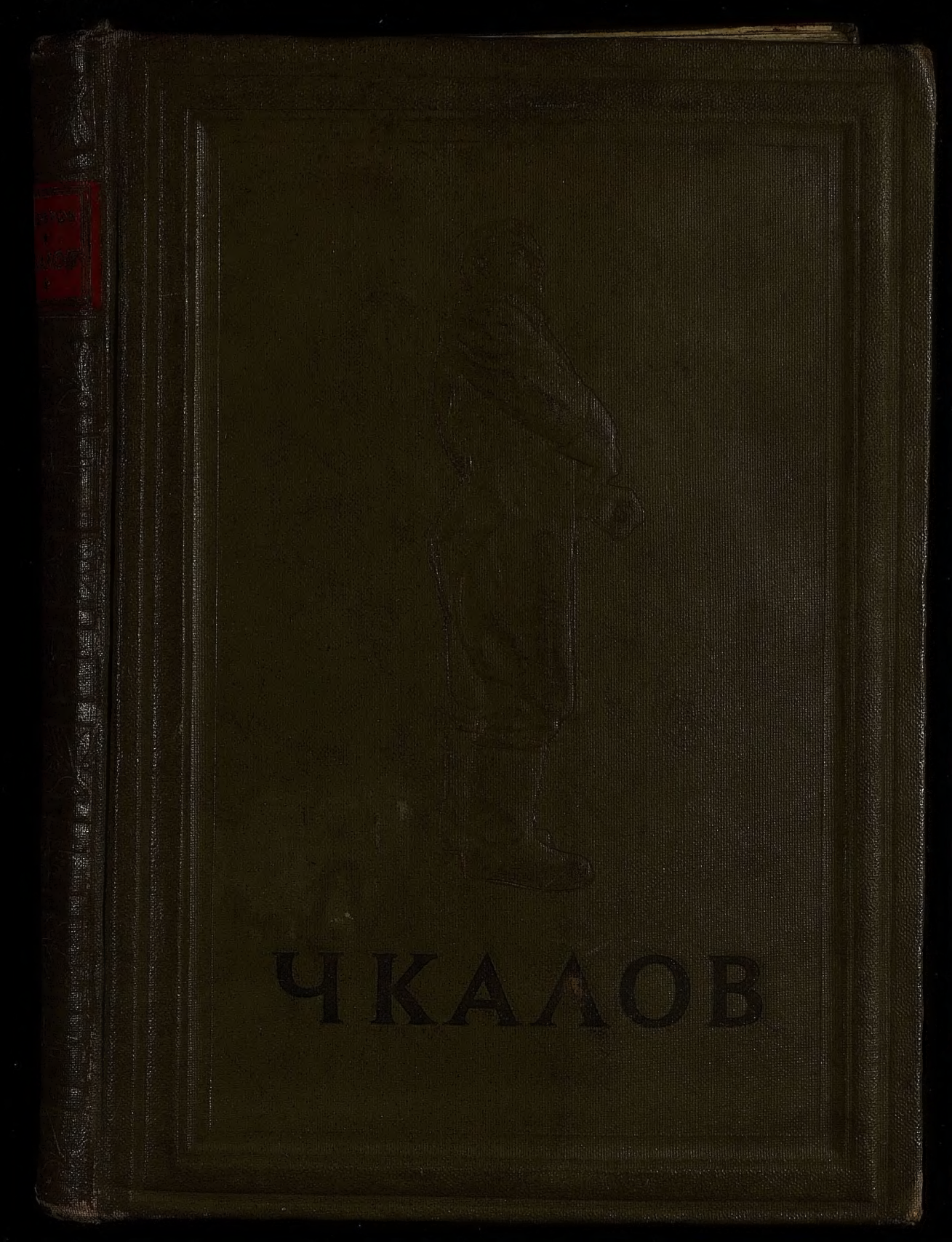
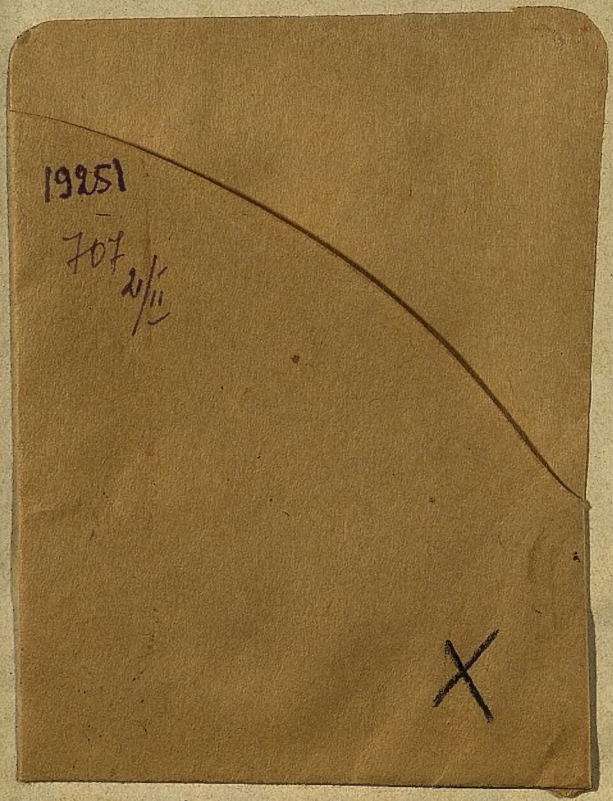
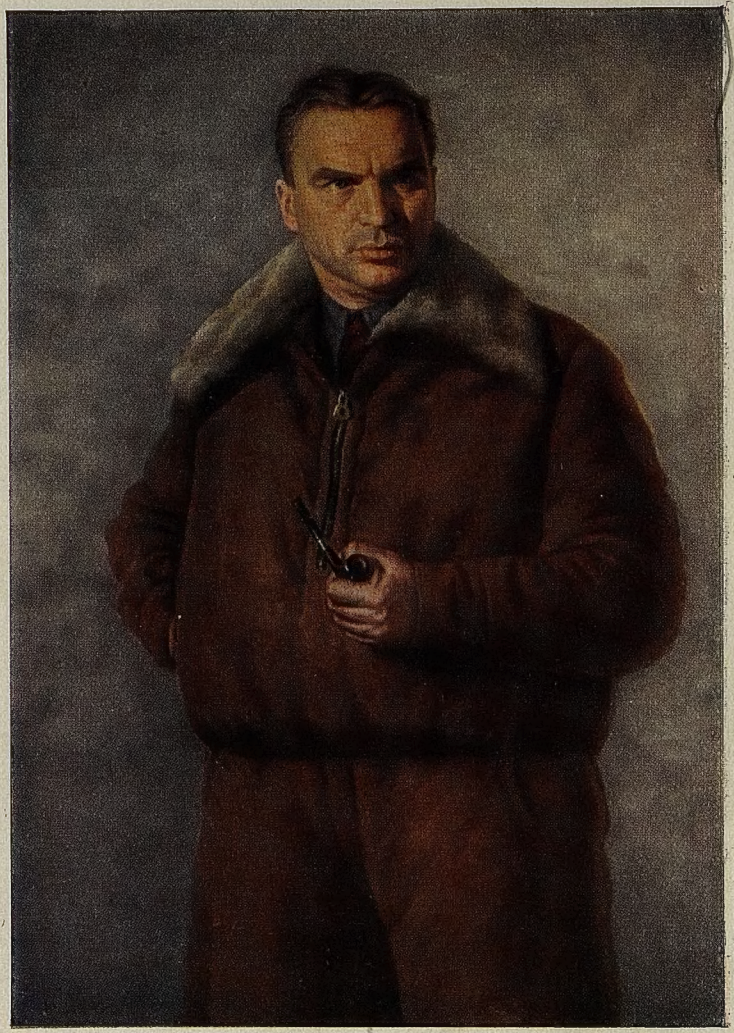

ЧКАЛОВ


19251
707 21/11

Книга должна быть
Возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. прошед. выдач._____



Б-72

Н. БОБРОВ

ЧКАЛОВ

МОСКВА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1940

„Самородок, каких мало
не только у нас,
но и во всем мире"

Сталин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образ Валерия Павловича Чкалова глубоко запал в сердца народа. В стране нет уголка, где бы не знали Чкалова и не грустили об его ранней гибели. Его уход из жизни вызывает печаль даже у мало знавших и никогда не видавших его людей.

— Это был настоящий человек! Простой человек! — говорят о нем.

Почему образ Чкалова незабываем?

Валерий Павлович вышел из недр здорового русского народа. Став великим летчиком, получив всеобщее признание и высокую награду, он до конца своих дней остался скромным человеком.

Вот почему образ Валерия Павловича жив в народе.

Тяга к культуре, к знаниям и сильная воля выковали из него большую личность.

Натура Чкалова очень сложна и многогранна. В ней уживались вместе с крупными достоинствами и человеческие недостатки. Эти недостатки шли от яркого темперамента, от больших чувств, может быть, даже от некоторой необузданности молодой натуры. С годами эти недостатки сглаживались. Их сменила мудрость и внутренняя собранность, равновесие сложившегося человека. Это был незаурядный ум. «Самородок, каких мало», — так сказал Сталин.

Иосиф Виссарионович, осторожной и ласковой рукой отца коснувшись души Валерия Павловича, заставил звучать лучшие ее струны. Богатая, плодовитая натура и нерастраченный запас сил раскрылись для творческого труда на благо своего народа.

Чкалов быстро впитывал в себя культуру. Маленький кочегар с «Баяна» стал одним из передовых людей своей страны.

С каким достоинством и внутренним тактом Чкалов, прилетев в Америку, выполнил выпавшую на его долю роль представителя своего народа.

Описывая пребывание Чкалова в Америке, Н. Н. Бобров подмечает эти свойства Валерия Павловича:

«...Отвечая на бесчисленные вопросы неутомимых американцев, он, как и всегда, был в центре внимания. И не по одному тому, что он являлся командиром только что завершенного блестящего перелета. Он обладал способностью привлекать к себе простотой, уменьем разговаривать с людьми...»

И в другом месте: «...он сразу же вошел в окружающую обстановку, сразу же нашел верный тон в обращении с людьми, которых он видел впервые. У него начиналась «дипломатическая работа» по представительству своей великой страны».

Это для Валерия Павловича, несомненно, характерно. В последние годы его жизни из Чкалова выковывался большой общественный деятель, величайший патриот своей Родины и настоящий новый человек социалистического государства. Он понимал, чувствовал свою страну, следил за ее ростом и рос вместе с нею.

Валерий Павлович никогда не страдал самовлюбленностью. Он всегда стремился быть лучше и чище. Об этом свидетельствует такой факт. Это было на родине Чкалова. После его выступления в клубе девочка-пионерка преподнесла Валерию Павловичу букет цветов, сказав при этом: «Когда я вырасту, я хочу быть такой, как вы, товарищ Чкалов». Он задумался над этими словами. Быть такой, как Чкалов! И кто это говорит? Ребенок! Чистая душа. Разве я достоин ее.

В своей книге Н. Н. Бобров собрал много фактов. Это первая работа о Чкалове, в которой мы находим такой большой материал для изучения жизни Валерия Павловича. На протяжении всей книги мы видим постепенный рост и формирование личности Валерия Павловича, чувствуем обстановку, среду, из которой вышел великий летчик. Автор верно показал определяющие черты этого образа.

Образ Валерия Павловича значителен и интересен. Он будет вдохновлять многих поэтов и писателей. Мужественный боец-герой и, наряду с этим, человек, в натуре которого было заложено много глубокого и яркого лиризма, он жил полноценной жизнью в великую Сталинскую эпоху. Таким Чкалов останется в памяти потомства.

21/XI-40 г. *О. Чкалова*

* * *

Никогда не думалось, что придется писать предисловие к книге о Чкалове после его смерти.

Один из нас часто мечтал сам писать книгу о том, как рядом, плечо в плечо, в узкой тесной кабине самолета мы, побеждая стихию, мчимся втроем через бушующие океаны, неприступные горы, видим новые и новые куски земного шара, а рядом над ухом басит охрипший от длительного полета на морозе голос Валерия:

— Егор, а Саша правильно сказал: вокруг шарика пролететь — чепуха: вон уже виднеется Москва... Жаль, что быстро... Но ничего — мы еще махнем через Южный полюс: из Москвы в Москву...

И его окающий говор сменяется тихой, усталой улыбкой, а глаза хитро смотрят вниз, где расстилается родная земля.

Таким возникает в памяти образ нашего друга. И до сих пор все кажется, что Чкалов уехал куда-то далеко и вот-вот он вернется и мы вновь увидим жизнерадостного, широкоплечего летчика в Кремле рядом с Иосифом Виссарионовичем: они оба хохочут над рассказом об очередной фантазии неутомимого волгаря...

Часто спрашивают — что было самым интересным в этом человеке?

Ответить на такой вопрос затруднительно, но каждый раз приходишь к одному и тому же выводу:

Чкалов был на редкость цельный человек — любивший жизнь всю, как она есть, не падавший на колени перед трудностями ее и не задиравший чрезмерно головы при очередных победах, ценивший все, что дает жизнь, отдававший свои силы борьбе за прогресс, за благо народа.

Этим мы объясняем и непосредственность в характере и поступках Чкалова, и его упорство в достижении цели, его прямоту, честность

и доброту к людям, любовь к своему народу, к своему вождю, скромность и исключительную смелость.

Не случайно этот самородок был поднят на щит славы и уважения. Товарищ Сталин своей беседой с Чкаловым открыл в нем одного из лучших представителей народных масс, назвав его самородком из народа. И не кто иной, как товарищ Сталин, лично доверил Чкалову народное представительство в воздухе, разрешая ему и перелет на Камчатку, и перелет через полюс в Америку. Ведь эти перелеты были демонстрацией достижений всего советского народа, достижений Сталинских пятилеток.

Лётное дело Валерий знал в совершенстве. Безудержная храбрость и отвага, смелость мысли и действий, безграничная любовь к своей Родине и преданность товарищу Сталину, — вот черты замечательного летчика нашей страны и депутата нашего народа. Имя Чкалова чрезвычайно популярно. Его имя носят города и улицы, колхозы и предприятия, школы и пионерские отряды. Страна помнит и чтит своего героя. Поэт Асеев правильно сказал о Чкалове, что он отдал свое мужество самой памятливой стране.

Чкалов, как и всякий человек, обладал не одними только положительными качествами. Но, будучи человеком исключительной воли, он побеждал противоречия своего характера, подчиняя их одной общей идее, являвшейся смыслом его жизни, — служению своему народу, своей социалистической Родине.

Чкалов погиб большевиком, полностью осознавшим свое место в обществе.

О чем думал и беспокоился Чкалов в опасные минуты перелетов? О себе или о своих товарищах, об опасностях, о возможности вынужденной посадки? Нет. Валерий думал о Родине. Разбирая свои небольшие «архивы», мы недавно нашли интересную записку Чкалова, написанную им на кусочке фанеры. История этой записки такова: находясь на самолете во время перелета из СССР в Америку (1937 г.), мы на вторые сутки пересекли Полярный бассейн и приближались к берегам Канады. Самое трудное было пройдено, погода улучшалась, и Беляков после длительной беспрерывной вахты спал. Связи по радио самолет в это время с землей не имел из-за небольшого повреждения радиостанции. Вот что написал Чкалов Байдукову на обороте дощечки, на которую был наклеен график пилота:

«Егор, а позади осталось все опасное, а так как Саша ничего не принял, — говорит, что не слышно, то, наверно, и его также не слышали, — думаю, что на родине паника».

Сталин любит народ, борьбе за благо народа он отдает всю свою жизнь, и потому Иосиф Виссарионович так полюбил Чкалова со всем его сложным, иногда противоречивым характером. При встречах в Кремле товарищ Сталин и Чкалов обнимались как отец и сын. Отец видел в сыне народ, а сын видел в отце настоящего защитника и вождя трудового народа. Сильную, искреннюю, неподдельную любовь Чкалова к Иосифу Виссарионовичу знают многие близкие и знакомые Валерия Павловича.

Чкалов после встречи с товарищем Сталиным в 1935 году стал более целеустремленным и еще более жадным к жизни. Ему казалось, что все, сделанное им в жизни, — ничтожно мало и незаметно по сравнению с тем, что может сделать человек.

Не преувеличивая, скажем, что Чкалов, совершив перелет из Москвы на Камчатку через Ледовитый океан и посадив машину на крохотный островок, полагал, что пролетели «мало», — ведь, если бы не ветры да не плохая погода, вполне добрались бы до Хабаровска, а так что же: в баках бензин остался, вот только горы да обледенение не пустили... нехорошо получается...

И Чкалов страшно сконфузился, когда из Кремля, со всего Советского Союза телеграф принес поздравления с победой. Он искренне недоумевал, говоря: что же мы особенного сделали?

Он всегда стремился ко все более сложным делам. И всю свою жизнь летел, летел и летел к новому, неизведанному, разбрасывая перед собой барьеры трудностей, делая это без крика и шума, не выпирая левым плечом вперед и не ударяя себя кулаком в грудь.

Эта скромность и жажда непрерывного движения вперед присущи народу, и Чкалов как замечательный его представитель потому и был таким полноценным человеком, настоящим большевиком. По-нашему, это и есть самое главное в Чкалове, это и сделало его популярнейшим героем нашей Родины, великим летчиком нашего времени.

Мы не хотим навязывать своих суждений о книге Н. Н. Боброва. О ней будет судить самостоятельно каждый, кто прочтет эту книгу о великом летчике. Следует отметить трудность положения Н. Н. Боброва, состоящую в том, что ему приходится давать материал, еще памятный многим и вместе с тем являющийся историческим, поскольку события прошли и закончены. В книге Боброва весьма много действующих лиц, людей, живущих сегодня, и это иногда ставит литератора в затруднительное положение.

Боброву пришлось собрать сотни рассказов от свидетелей жизни В. П. Чкалова, и, вместе с тем, автор не мог не быть подвержен влия-

нию той легенды, которой обволакивается память любимого народного героя.

Н. Н. Бобров проделал большой важности труд, собрав и объединив материал и переработав его в своеобразную биографическую повесть о Чкалове.

Из книги Боброва читатель узнает много нового и интересного о детстве и юношестве Чкалова, о среде, в которой он рос. Читатель сумеет проследить все важнейшие этапы жизни Валерия Павловича.

Ноябрь 1940 г. *Г. Байдуков, А. Беляков.*

ОТ АВТОРА

При работе над этой книгой автор пользовался прежде всего записями бесед непосредственно с Валерием Павловичем Чкаловым.

Длительное общение с великим летчиком, поездки с ним на Волгу, наблюдения над его жизнью и работой давали автору материал, который лег в основу многих глав.

Большую помощь оказали родные и друзья Чкалова. Их рассказы о родителях героя, о его детстве и юности, воспоминания о нем, документы, письма Валерия Павловича были также использованы в книге.

В качестве основных печатных источников я пользовался: сборником «Великий летчик нашего времени» и книгой В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова «Два перелета».

Изучение бортовых журналов дало возможность воспроизвести подробности знаменитых чкаловских перелетов на остров Удд (о-в Чкалов) и в Америку через Северный полюс.

Приношу глубокую благодарность О. Э. Чкаловой, Г. Ф. Байдукову, А. В. Белякову, А. А. Трояновскому, сестрам Валерия Павловича А. П. Гордеевой и С. П. Фролищевой, его брату А. П. Чкалову, Н. Г. Чкаловой, летчикам Л. А. Максимову и И. П. Антошину, Л. А. Фролищеву, П. Ю. Боровому, скульптору И. А. Менделевичу, А. Л. Менделевич, В. В. Качурину, М. Э. Зингеру и другим товарищам, предоставившим мне ценные для меня сведения о жизни и деятельности Валерия Павловича.

27 ноября 1940 г. *Н. Бобров*

I

К вечеру Покровская гора меняет свою окраску. Свежая ее зелень постепенно блекнет. Смутно белеет высокая монастырская колокольня, которую старые лоцманы прозвали «Николой Неотвязным» — ее, действительно, видно бывает еще долго после того, как уже все очертания берега сотрутся речной далью.

В тени, отброшенной гористым берегом, едва угадывается направление реки. Внизу Волга кажется совсем черной, будто там медленно движется густая смола, опоясанная редким ожерельем рубиновых огоньков — горящими бакенами. Несколько желтых точек плывут, качаясь, в темноте, глухо стучат плицы колес, и вдруг в ночи, рассеивая кругом золотистый свет, вырастает у самого берега пассажирский двухпалубный пароход.

Старый лодочник, девяностолетний дед Ипат, не уходил с обрыва, с любимой скамейки, пока за Василёвским островом не скрывался огонек мачтового фонаря.

Когда же иной раз с верховья показывался второй пароход, дед снова усаживался поудобней на скамью, не отрывая от желтой точки старческих, но еще не утративших зоркости глаз.

Случилось и мне сидеть на этой скамейке и слушать рассказы деда Ипата.

— Да, батюшка, то ли раньше было! Такие ли посудины! — говорил дед, по-нижегородски окая. — Пароход ныне не штука! Сам идет... А вот, бывало, как мы... да по раскольничьему делу... Приходилось от Василёва-то да до Лыскова, а то и ниже, беглопоповцев возить... Сам знаешь —

тайна была... Шлепаешь-шлепаешь веслом, а надо. У нас, в Василёве, тоже ведь беглопоповская часовная таилась... пять их, молелен-то. Спасались от приставов...

Старик скорбно вздохнул, покачал головой.

— Э-эх! И сколько же понапрасну трудов ушло... на какой бес старался, и сам не пойму... Иное дело — торговля. Это статья ясная. На ярманку там или на базары, в Нижний, Лысково, Козьмодемьянск... Нагрузишь зáвозню, сядет в воду до краев, вот-вот зальет, а главное, изделия спортишь... там чашки, ложки, коробки разные, а то и крупчатка...

Слово «крупчатка» дед произносил с каким-то особенным почтением в голосе и при этом хитро щурил глаз: вот, мол, какие дела делали!

— Торговля была наперебой. Кто кого перешибет. Не шадили друг дружку. Надо было чем-нибудь людям-то жить. Лучше торговать, чем воровать или в холуях у бар состоять. Бывало, один тебе сует свои мешки, другой — свои... Ну, стало быть, цену держишь... своя посудина... небось, не бурлак... не на хребте, а в лодочке... честь честью! Берешь цену настоящую, а не то плыви, как знаешь.

Старик добродушно смеялся, собирая лучистые морщинки вокруг рта и глаз. И рассказывал дальше, прислушиваясь к женскому голосу, к несущейся с середины реки песне:

Волга, ты Волга, матушка!
Широко Волга разливалася,
Со крутыми берегами поравнялася,
Понимала все горы, долы, —
Все сады зеленые...

— Был у нас такой лыцарь, — рассказывал дед Ипат,— по фамилии Кожирнов, а по прозвищу Макаров. Роста небольшого и прижимист, потому как небогат был, копеечку берег. Вот нарубил как-то Иван Иваныч Макаров таловых обручей и повез их на ярманку обручнику продавать. Продал, едет обратно домой. И в аккурат попадается ему по дороге свояченица. «Иван Иваныч, здрасти!» — «Ты как сюда попала?» — спрашивает. «Да вот на ярманке орехов два мешка купила, довези, свояк, я тебя за это сладеньким угощу!» И поднесла ему рюмочку красного вина. Он эту рюмочку выпил и одурел. И орехов лишился, и памяти! Ехал в де-

ревню, а очутился на другом берегу Волги. Я как раз в ту пору с мукосеями на берегу работал. Вижу: человек на телеге поперек Волги плывет. Да как же это может быть, думаю, — пес его так! Волга версту ширины! Управляющий Тихов подбегает: «Что это за человек, — говорит, — через Волгу на телеге переезжает?» — «Да точно Иван Иваныч Кожирнов, какой-то дурной». На телеге долбленая лодка — бутаришко рыбацкое лежит, сам в лодке сидит, а лошадь из сил выбивается. Яр-то крутой, надо как на стену лезть. Иван Иваныч в воде барахтается, весь вымок, лошадь кувыркается. Подбежали, отпрягли жеребца, покрыли мешками, начали по горе водить, чтобы согрелся. Управляющий мельницей спрашивает: «Что с тобой случилось, Иван Иваныч? Человек-то какой ты умный, первый в артели...» А он: «Отойди, — кричит, — а то лещей надаю!» На кухню его привели, осень была, вода холодная, а он свое: «Что вы надо мной озоруете?..» — «Одумайся, — говорим, — Иван Иваныч, сотвори молитву-то, ведь ты не в себе!» А он опять: «Что вам за молитвы? Да что вы меня одумываться-то уговариваете!» А потом как задрожал, задрожал и говорит жалобно: «Господи, как я зябнуть-то стал. Где я? Как сюда попал?» — «Да ты погляди, на чем Волгу переехал. Ты ведь и себя и лошадь замучил!» Отвечает: «Как это случилось, не пойму! Ведь я одну единую рюмочку красненького винца выпил — свояченица поднесла!»

Дед Ипат рассказывал об этом совершенно серьезно.

— Не веришь? Алексея Григорьевича Чкалова расспроси. Из Высокова. Он родным дядей летчику Чкалову доводится. Знаешь такого? Он наш, василёвский. А Иван Иваныч Макаров — родной его дедушка по матери, отец Арины Ивановны покойной...

И поднимался со скамейки, шел неторопливо по высокому берегу, мимо бревенчатых домиков с резьбой, гордо вскинувшегося журавля над темным квадратом колодца. За досчатыми заборами стояли в лунном свете белоснежные яблони. Голос с реки, разливаясь над селом, пел о привольи, о волжской удали.

— Мы, поди, тоже не лыком шиты, — говорил Ипат на прощанье, — мой дед сказывал: поляков наши василевцы тут били... Сотни три годов назад тому будет. Панские бугры, небось, видел? Как же...

Дед сильно закашлялся, пожаловался, что на старости лет начинает кашель мучить. Но когда я посоветовал ему сходить в аптеку и купить доверовых порошков, Ипат с недоумением посмотрел на меня, махнул рукой, усмехнулся.

— Знаю я! Аптека убавит полвека. Уволь от доверенных... От старости только могила лечит...

— А умирать не хочется?

— И-и, милый... Игла служит, пока уши, а люди — пока души. Дело натуральное. Прежде века не умрешь. Мой доктор — баня. Единственно! Баня парит, баня правит, баня все поправит...

* * *

Один за другим гаснут на Волге бакены. Рыбак раздувает костер, чтобы в старом прадедовском котелке разогреть смолу и размалевать свою остроносую лодку, которая уже вытащена на коричневый мокрый песок.

В розовеющей воде отражаются неуклюжие баркасы, стройные мачты с еле вздрагивающими на легком ветерке флагами, рыжие плоты с игрушечными домиками.

Но проплывет буксир или перевозчик ударит по воде веслом, и закачается изображение, всё сольется, смешается, а тут еще подует низовый ветер, налетит туча, разразившись коротким теплым дождем. И нескоро опять река примет прежний вид.

Село Василево когда-то было родовой вотчиной Василия Ивановича Шуйского.

Вместе с Городцом, что стоит пониже, на левом берегу Волги, Василево участвовало в войне с Самозванцем, в междоусобицах князей. Здесь больше трехсот лет тому назад боярин князь Лыков-Оболенский разбил наголову атамана Заруцкого и бывших с ним поляков. До сих пор сохранились следы земляных валов, именуемых в народе «Панскими буграми». В окрестностях Василева скрывались участники походов Ермака, Степана Разина.

В Василеве стояли тайные древние моленные. Хлысты и последователи секты бегунов укрывались в оврагах.

Были хлебные пристани, живописные базары, полные гончарных изделий. Предприимчивые василевские торговцы закупали пшеницу у хвалынских раскольников. Бурлаки каждую весну приходили из разных сел на работу в затон. Поз-

Б-72

же в затоне отстаивались казенные белотрубые пароходы путейского ведомства, землечерпальные машины и сосуны.

Конечно, Василеву слободу нельзя было считать значительным центром сектантства, но она все же влияла на окрестный раскол.

Иное дело — торговый Городец, где, по преданию, был город Малый Китеж, разоренный татарами. Это село было передаточным пунктом тайных сектантских известий между Москвой и восточным краем России. Городецкие раскольники хвастались своими связями и с Петербургом. Беглопоповская часовня, имевшая до пятидесяти тысяч прихожан, стояла будто бы на месте той кельи, в которой скончался Александр Невский. Однако, следует сказать, что этой реликвией раскольники, заядлые торговцы, хотя и дорожили, но, повидимому, не очень бы горевали, если б ее вдруг и уничтожили. Хуже для них было бы то, что с уничтожением часовни подорвался б торговый кредит...

В этих местах, при всей коммерческой подоплеке городецкого сектантства, раскольниками создано много поэтических легенд. Особенно красива легенда о Кирилловой горе.

Если на заре, когда народ еще спит, мимо этой горы вниз по Волге плыли бурлаки, то растворялись будто бы двери часовни, и выходили из нее благолепные старцы, и говорили пловцам:

— Когда будете в Жигулях, поклонитесь нашим братьям.

То же бывало и с жигулевскими бурлаками. Подплывая к Кирилловой горе, бурлаки, если везли поклон жигулевский, непременно должны были крикнуть:

— Братья Кирилловой горы, вам кланяться велели братья Жигулевских гор!

И, если это случалось на заре, то гора растворялась, и выходили чудные старцы, и кланялись молча пловцам в знак благодарности.

Но когда у Кирилловой горы или в Жигулях бурлаки забывали поклониться, то или буря подымалась, или судно садилось на мель, и неминуема была гибель, если бурлаки не повинятся перед старцами.

Валерий Павлович Чкалов не застал времен, когда на Волге процветало бурлачество, но от старших членов семьи слышал рассказы о прадеде своем, бурлаке Михаиле Чкалове.

Его сын Григорий, дед Валерия Павловича, также водил

1951

в молодости бичевой баржи, груженные рожью. А когда стал постарше, таскал на плечах крупчатку на мельнице купца Бугрова и крестьянствовал — сажал на поемных островах капусту и огурцы; на узкой полоске земли в урожайный год собирал зерна мешка три, в засуху же и посеянных семян, бывало, не соберет.

Деревенька, где жили предки Чкалова, называлась Высоково. Ничем не была она примечательна, — разве только постоялыми дворами да близостью к селу Копосово, прославившемуся в свое время грабежами.

В этой деревеньке и прожил всю жизнь дедушка Григорий.

Ростом дед был с аршин. Бабушка Анна — высокая. Дед был полный, бабушка—худая. И лошадей дед покупал всегда маленьких, пузатеньких да еще кривых на правый глаз или на левый. За лошадь платил пятерку, а продавал за трешницу, после того как она ему отслужит на совесть. Подарили ему как-то сибирского коня, прыткого, горячего, — дед так его уездил, что жалко было на него смотреть, и все же ухитрился продать татарину за пятерку. Чай из самовара разливал сам, — бабушке не полагалось, а пил чай всегда из бокала, на котором было написано: «В день ангела». Дедушка Григорий никого не боялся, постоянно ходил нараспашку — и зимой и летом. Несмотря на маленький рост, он обладал громадной физической силой, — был лютый, как говорили родственники.

Валерий Павлович смелостью и силой в деда пошел. Когда мальчиком был, все подтверждали:

— В аккурат дедушка! Как дедушка лютый был, так и он точь-в-точь в него!

Григорий имел несколько сыновей. Сына Павла он начал приучать к работе, когда тому не исполнилось еще девяти лет.

Каждую осень в Высоково приходил приказчик купца Бугрова и нанимал крестьян выгружать баржи. Собиралась артель. Григорий брал с собой сына.

— Идем, Павлушка, на баржу, — говорил он строго, — буду тебя, молокососа, обламывать. Раз пшеницу носить сила не возьмет, значит — ты не человек!

Мальчик оказался крепким и научился носить тяжелые мешки. Спина его ныла под непосильной ношей, но три-четы-

ре медных пятака, заработанных за день, весело позванивали в кармане его продырявленных штанишек.

Потом Павел научился ковать гвозди, это была работа полегче. Спустя год мальчик сказал отцу:

— Тятя, отпусти меня в Ярославь к подрядчику Баранову. Уж больно не хочется гвоздочки-то ковать.

Отец отпустил, и мальчик уехал в Ярославль. Там он выучился чеканке, и это, пожалуй, определило весь его дальнейший жизненный путь.

День за днем из Павла Чкалова вырабатывался прекрасный мастер по котельному делу. Сначала подавал он раскаленные докрасна заклепки, потом научился клепать, сделался сборщиком, затем — гибщиком.

Работал Павел и в котельном цехе Сормовского завода (ему еще там полпальца на руке оторвало), строил и ярмарочный пассаж в Нижнем-Новгороде.

Как и родитель, он был очень силен; рассказывают, что мог побороть семерых, орехи грыз, точно подсолнухи, а однажды, поспорив, уцепился зубами за спинку венского стула и поднял на нем приятеля.

Глаза Павла смотрели упрямо из-под темных бровей; он мог изрядно выпить, но работу свою любил, на работе не разговаривал, бил тридцатипятифунтовой кувалдой, как говорят котельщики, по заказу; изделия из-под его проворных рук выходили законченные, красивые и такие, про которые уверенно можно сказать, что они переживут пра-правнуков созидателя их.

В те годы начальником затона был Рихард Карлович Мазинг. Этот самый Рихард Карлович и убедил Павла Григорьевича остаться на постоянной работе в Василевском затоне. Он говорил молодому котельщику:

— Не жалей, Павел Григорьевич, пятьсот рублей, которые тебе должен подрядчик Камышев. Я тебе эти деньги выплачу и инструмент дам, будешь ты у меня мастером, сделай только дымник на три котла!

Дымник, действительно, сделал Павел Григорьевич наславу. И обшил и трубу вывел. Из трех мест дым в одну трубу шел.

— Что у тебя за руки золотые, Павел! — восхищался начальник. — Как начнешь по чеканке кромочку рубить, точно машинкой гонишь!

— Я без останова, Лихард Карлович, могу лист рубить. Что хотите, на пробу сдам. Только прикажите, и из этого жгутика буду гвоздочки ковать!

Вскоре Мазинг поручил Павлу Григорьевичу сделать котел.

Павел Григорьевич никому не доверял котел клепать — сам клепал. Мазинг раз стоял на мостике и любовался, как он ловко и быстро бил молотком. А Павел Григорьевич (назад-то нельзя оборачиваться: заклепку перерубишь) и говорит:

— Кто позади меня? Смотри, чтобы в харю не влетело!

А потом как взглянет назад:

— Извиняюсь, — говорит, — Лихард Карлович!

— Ничего, ничего, — ответил тот, — продолжай, вот за это тебя люблю: не бросишь работу, а до конца доведешь.

Помолчал немного и спросил:

— А кому топку сварить в котел? Надо кузнеца звать.

— Да я разве не кузнец, Лихард Карлович? На токарном не могу, а из железа все сделаю!

— А на чем варить?

— Да на чем прикажете. Советую на коксе.

И такую сварил топку, что Рихард Карлович хлопнул его по плечу и сказал:

— Нечего тебя учить. Ты больше меня знаешь.

Затон представлял собой в ту пору неглубокий залив с разбросанными кое-где деревянными домиками и ремонтными мастерскими. Зимой затон оживал. Становились на ремонт голландские и бельгийские землечерпалки. Несколько старинных землечерпательных машин — первых на Волге, их называли: «самовар с трубой», — две-три шаланды, брандвахты и пароходики, обслуживающие караваны, дополняли скучный пейзаж, казавшийся еще более серым в туманный зимний день.

Суда вытаскивали на брусья, поднимали на клети, котельщики меняли днища, боковины. Все эти работы возглавлял Павел Григорьевич.

Пока еще не начался ледостав и не спустили пары из пароходных котлов, девушки под веселые песни мыли палубы тряпками, нарезанными из старых домотканых рубашек.

Мороз сковывал реку. Взору пешехода, проходившему в погожий солнечный день по берегу, представала пестрая кар-

тина. От ударов пешней летели в разные стороны кусочки льда. Маляры покрывали ярко-оранжевым суриком деревянные плицы. Парни колотили за пятиалтынный в день железными секачами по пароходным трубам, вытряхивая из них сажу и ржавчину.

К апрелю ремонт заканчивался. Пароходы провертывали колеса. Капитаны пробовали гудки. У каждой трубы был свой тон. Наступал, наконец, день, когда над Василевом стоял разноголосый хор гудков. Жители села выходили тогда на обрыв и, щурясь на солнышке, говорили с таким видом, словно поздравляли друг друга с великим праздником:

— Загудели... Скоро Волга тронется...

Жену себе Павел Григорьевич взял из родной деревни Высоково — Арину Ивановну, дочь того самого Ивана Ивановича Кожирнова, о котором рассказывал дед Ипат.

Павел задолго до женитьбы ухаживал за Ариной, и ей он нравился, да родные отговаривали: «Разве он пара тебе, низок он для нас, получше найдем жениха!» Решилась их судьба в день преполовения, между праздниками пасхи и троицы.

В этот день, по местному обычаю, девушки и парни обливали друг друга студеной колодезной водой. Павел долго поджидал Арину, пока, наконец, она не появилась с перекинутым через плечо коромыслом, на котором раскачивались полные ведра.

Он подошел и сказал то, что полагалось в этом случае.

Она потупила взор, прибавила шагу, он догнал ее, выхватил ведро и вылил на нее всю воду.

Она завизжала, засмеялась, а потом вскинула на него голубые глаза и шепнула, убегая:

— Приходи...

Он тоже побежал в свою хату, не чувствуя под собой земли.

— Ступайте, мама, сватайте! Согласие дала!

Мать позвала тетку Степаниду.

— Пойдем, Стеша, к Кожирновым, одолел, жениться, говорит, хочу.

К вечеру все и решилось. В воскресенье назначили сговор. А там сыграли и свадьбу, и Павел Григорьевич зажил с Ариной Ивановной.

Арина Ивановна была широкоплечая, сильная женщина, совершенно неграмотная. В характере ее твердость сочеталась с добротой, не имевшей предела.

Если знакомая выходила замуж, Арина Ивановна и пирогов напечет, и юбки накрахмалит. У самой рубашки нет, переменится нечем, а чужой сошьет и подарит. Родится ли ребенок у бедных соседей — все приданое снарядит.

Арина Ивановна была веселая, любила пошутить, звонко пела. Супруга своего побаивалась и при нем не смеялась.

Жили они дружно, хотя Павел Григорьевич порой и ревновал жену. Ласкательным именем, Аришей, ее не звал, а говорил всегда: Арина.

— Ну, как у тебя, Арина, обед-то скоро?

А потом, бывало, похлопает ее по плечу и скажет:

— У моей стряпоньки все мягонько... Стряпает день до вечера, а поесть нечего!

Гостеприимны оба были чрезвычайно.

А какие пироги пекла Арина Ивановна — объеденье!

В воскресный день соберутся затонские, едят, выпивают, а потом в преферанс сядут играть. Уже далеко заполночь, а в комнате то и дело раздается:

— Ну, как, Павел Григорьевич? Бубны?

— Крефы.

Павел Григорьевич не признавал слова «трефы», а всегда говорил: «крефы».

Арина Ивановна в игре участия не принимала, только и знала, что подносила угощения. Делала она это с тем радушием и сердечностью, которые присущи русским женщинам.

Но иной раз у нее вдруг менялось настроение, и она со свойственной ей прямотой говорила:

— Извините, гости дорогие, хозяева два раза гостям рады бывают. В первый раз, когда приготовляются. Батюшки, не идут! Знать, не придут! Знать, напрасно я припасалася! А как сойдутся, подаешь, подаешь — все подано, что было, — и огурцы, и капуста, и грибы маринованные, нечего подавать больше! Гости расходятся. Хозяева во второй раз тогда рады бывают. Слава богу, — говорят, — нелегкая их унесла!

И гости котельщика Чкалова, уже давно привыкнув к такому намеку, не обижались и расходились по домам.

* * *

Шли годы.

На нефтеналивных судах, обслуживающих землечерпалки, дерево постепенно вытеснялось железом. В Василевском затоне строили котлы и пароходные корпуса.

Работы у Павла Григорьевича прибавилось.

Его искусство попрежнему восхищало товарищей.

— Машина, а не человек! — говорили про него.

А иные подручные-молотобойцы после двух недель совместной работы не выдерживали:

— Невозможное дело с Чкаловым работать. Замучает!

Действительно, работал он играючи. Бывало, стоит у раскаленного листа, в одной руке держит десятифунтовый молоток, в другой — горсть семечек. Правой рукой ударяет по железу, — только короткий звук вылетает из-под молотка,— а другой рукой отправляет в рот семечки. Так с утра до вечера. Любил погрызть семечки, два передних зуба проел. Пудами покупал, полные карманы набивал, когда шел на работу.

Его уже считали в затоне лучшим мастером по облицовке турбин и называли не иначе, как художником котельного дела. Он продолжал строить шаланды, суденышки, сложные черпаки с зубьями из марганцевой стали.

Пароход «Казань» с чкаловским котлом и поныне плавает на Волге.

В 1896 году ехала в Нижний-Новгород на открытие всероссийской выставки английская делегация. В пути сожжен был котел, и пароход «Межень» встал в посаде Пучеж на прикол. Из Василева вызвали Павла Григорьевича. Он появился на пароходе в своем всегдашнем суконном картузе, подбрючных сапогах с рыжеватыми голенищами и начищенными до блеска носками, молча осмотрел котел и заверил делегацию, что пересаживаться на другой пароход не нужно: делегация приедет точно к открытию выставки. Котел починил он на удивление быстро. Впоследствии Павел Григорьевич часто вспоминал этот случай.

Павел Григорьевич любил русского человека, возмущался иностранной маркой на павловских ножах и вилках:

— Чорт его знает! Ведь это же все в Павлове делается, а надпись чужая!

Долго он был неграмотным, умел писать только свою фа-

милию, да и то таким почерком, что иной раз и самому не прочитать.

Родные хранят в памяти рассказы о том, как он покупал букварь. Лучше всех об этом рассказывает Алексей Чкалов из деревни Высоково, родной брат Павла Григорьевича.

— Пошел Павел на базар азбуку покупать. Стоила она три копейки. А тот, который хотел его научить по азбуке пыхтеть-то, решил подшутить и надоумил продавца лавки: «Придет, — говорит, — к тебе за азбукой Павел Григорьевич Чкалов, с ним еще двое... Спроси с каждого по три рубля». Вот приходит в лавку Павел Григорьевич. «Сколько стоит азбука-то?» — «Три рубля», — отвечает продавец. Павел Григорьевич молча вынул из кошелька деньги, расплатился и ушел. Товарищи его тоже по трешнице дали. А у хозяина лавки всего товара на трешницу не было. Возвращаются счастливые домой. По дороге встречают земляка, который хотел их грамоте учить. «Купили азбуку-то?» — спрашивает. «Купили». — «Наверное, задешево вам продали? По скольку? По пятерке, небось, взяли?» — «Нет, только по трешнице», — довольный, отвечает Павел Чкалов.

Кое-как, с трудом, Павел Григорьевич научился грамоте, читал медленно, нараспев, водя указательным пальцем по строчкам. Потом откладывал в сторону книгу, надевал картуз и подолгу прогуливался в саду, что-то нашептывая про себя.

— Это он вслух думает, — говорила жена.

Семья прибавлялась. Арина Ивановна ждала ребенка, шестого по счету.

На ремонте шаланд Павел Чкалов получил хорошую выработку. Все это заставляло котельщика подумывать о постройке дома.

— Где строить-то будем? — озабоченно спрашивала жена.

— Место надо на горе просить, где поповский дом стоит.

От отца Павел Григорьевич взял раздельный приговор, пригнал с Унжи плот, заключил с катунскими плотниками договор, и закипела работа. Дом выходил высотой в чистоте четыре аршина от пола до потолка, с тяжелыми вензелями, резными карнизами, завитушками, крыльцом из дубовых плах, мезонином и «галдареей», — так называл Павел Григорьевич навес, — с черными и белыми полами на шкантах и славянским парадным ходом, имеющим двери на три стороны.

Котельщик любил все добротное, прочное, сработанное на веки вечные.

Едва только вывели дом под крышу, как Павел Григорьевич стал мечтать о какой-то особой печи, которая обогревала бы столовую и спальную. Рассадил фруктовый сад, к оконным рамам изнутри приделал жестяные колодки, чтобы стекали капли, когда стекла запотевают...

Но вот тут-то в жизни Павла Григорьевича и произошло очень значительное событие, последствия которого тяжелой ношей легли на широкие плечи котельщика.

Произошло то, что Павел Григорьевич отказал одному затонскому инженеру, просившему взаймы довольно крупную сумму, и вскоре был поставлен в такие условия, что ему ничего иного не оставалось делать, как уйти с работы.

Друзья утешали его, советовали не горевать; возникла мысль купить на паях корпус сгоревшего буксирного парохода.

— Дмитрий Никанорович «Героя» своего продает в рассрочку на десять лет. Машина сохранилась.

Павел Григорьевич долго не соглашался:

— Да что я с вами свяжусь? Грамоте я не могу. Как пароходом работать-то буду?

Но друзья приводили доводы, против которых трудно было устоять:

— Дмитрий Никанорович — купец первой гильдии; «Павла Григорьевича, — говорит, — очень даже тонко знаю и всегда полагал, что человек он умный. Я ему, — говорит, — за небольшую сумму буксир отдам в рассрочку. В компании вашей он за старшого будет».

Арина Ивановна воспротивилась:

— Послушай меня, Павел Григорьевич, ведь ты малограмотный, — говорила она, робко вмешиваясь в разговоры.

Но тут уже задевало Павла Григорьевича за живое:

— Малограмотный... Да если бы меня грамоте учили, таким бы я был? Инженером служил бы.

— Котельщик ты есть, котельщиком и оставайся.

— Фу ты, боже мой, Арина! Как ты не понимаешь, из затона уходить надо. Чем жить-то будем?

— Да какой ты пароходчик?

— Ничего, Арина! — говорил Павел Григорьевич, окончательно сдаваясь на уговоры приятелей. — Задаток, кото-

рый Колчин требует, как-нибудь уж заработаю. Руки и голова-то на что?

И Арина Ивановна, вздохнув, вынула из сундука завернутые в тряпочку деньги, которые были припасены на черный день.

Павел Чкалов пересчитал деньги и вместе с будущими компаньонами — багермейстерами Малаховым и Пименовым и машинистом парохода «Стрежень» Гихуном — поехал в Нижний-Новгород оформлять сделку.

Купец Дмитрий Никанорович Колчин был старообрядец, жил одиноким, денег у него были миллионы, а носил он всегда грязный зеленоватый чапан, выцветший от времени, и сапоги, на головках которых было не меньше тридцати заплаток. Деньгам он видел наилучшее применение в том, чтобы ссужать их под заклад недвижимого имущества.

Колчин встретил Павла Григорьевича приветливо.

— Развивайся, богатей, — говорил, принимая задаток.— Будешь хозяином, жалованье команде положишь, на тебя я надеюсь. А то сколько пароходов ни давал людям, поработают месяц-другой, а там, глядишь, то в карты его проиграют, то пропьют...

И Павел Чкалов привел пароход из Нижнего-Новгорода в Василево.

Это был шестидесятисильный буксирчик, без трубы, с маленькой осадкой и кормой, крытой кровельным железом.

Дав ему название «Русло», Павел Григорьевич принялся его переделывать. Заплатал кое-где корпус, выкрасил палубу, навел порядок в матросском помещении, перестроил рубку (у него всегда была потребность что-нибудь строить).

Приняв на себя роль распорядителя, не имея капитала и не будучи по природе дельцом, Павел Григорьевич стал работать на уплату процентов по векселям.

Управляющий не отпускает в кредит мазута для «Русла». Пароход стоит. Павел Григорьевич мечется, летят телеграммы одна за другой: «Отпустите мазута». Дали мазут. А тут осень подкрадывается, и у Павла Григорьевича опять одни только убытки: Волга обмелела, баржи стали на перекате, нужно делать перевалку, паузиться, перегружать товары с больших барж на малые. Павел Григорьевич озабочен тем, чтобы товар не раструсился; следить за этим — на обязанности водоливов, а они — как сговорились — все до одного во-

руют, стараются провести на чем только могут. А тут, глядишь, и зима близко, векселям срок наступает...

— Николай Иванович, устрой мне как-нибудь сотню рублей, — упрашивает Чкалов своего приятеля Шапошникова.

— Где же взять-то, Павел Григорьевич?

— Пойдем к Прокопию Семеновичу клянчить.

— Иди один.

— Ишь ты... Без тебя он не даст.

И Павел Григорьевич шел вместе с приятелем занимать деньги.

— У тебя пароход-то так все и провертит колесами, — говорила Арина Ивановна мужу. — Какой ты пароходчик, безграмотный! Всё на людей надеешься...

— Командир у меня хороший, Арина, — оправдывался Павел Григорьевич.

Цены деньгам Павел Григорьевич не знал. Ему бы лишнюю копейку пустить на погашение долга, а он возьмет да и отделает под дуб рубку на своем пароходе.

Проходил какой-нибудь месяц, и Чкалов говорил жене:

— В гостиной обой надо сменить. Как думаешь, Арина?

— Зачем обой портить, Павел Григорьевич? У нас еще очень хороший обой.

— Нет, уж надо все заново. И лампу купить надо с разурвалом. — (Павел Григорьевич не выговаривал слово «резервуар»). — А то у нас одна «молния» — старая безножка.

И спустя несколько дней к воротам сада подъезжала телега, груженная ящиками.

— Батюшки! Павел Григорьевич чего-то опять купил! — кричала Арина Ивановна, видя из окна, как парнишка в кумачевой рубашке взваливал на плечи ящики и шагал к «галдарее».

Любопытство Арины Ивановны сменялось отчаянием.

— Лампы! — причитала она. — Господи, что мне с ними делать? Семь ламп! Да одна другой страшней! Батюшки! Сумасшедший! Чем платить-то будем?

И она принималась извлекать из ящиков лампы то вороненой стали с бронзовыми подвесками, то с изящной тумбочкой из меди, разрисованные какими-то розовыми амурами, порхающими на голубом фоне «разурвала».

Зимними вечерами собирались изредка в чкаловском доме багермейстеры и машинисты сыграть две-три пульки в пре-

феранс. В гостиной мерцали свечи. На столе появлялись маленький графинчик водки и любимая закуска — соленые грузди и огурцы. Играли иной раз до утра. Если Павлу Григорьевичу везло в карты, он смеялся, смех у него был раскатистый, звонкий. Но, не дай бог, начнет проигрывать — тогда туча-тучей. Хмурится, брови сдвинет, к гостям придирается.

— Эх, ты, чудак-человек, что же ты, голова, не то несешь. Прокидал впустую.

Когда игра кончалась, Арина Ивановна любила иногда порассказать гостям о своей жизни в Высокове до замужества, об отце. Ее воспоминания о нем обычно ограничивались рассказом о том, как он переплыл на телеге Волгу.

И всегда она заканчивала так:

— Его «черные» перенесли.

Она боялась произнести греховное слово «черти» и потому заменяла его словом «черные», «она», «оно», «нечистая» или совсем смешным — «шишиги».

Если гости уходили рано, Павел Григорьевич принимался читать псалтырь. Читал медленно, нараспев, как прежде букварь, с таким напряжением, будто делал тяжелую физическую работу.

— ...И сказал господь, прийдите и посмотрите... Мурра...

— Папа, — перебивала старшая дочь, — мирра, а не мурра. Мирра через ижицу пишется.

— Никаких ижиц я не знаю, Анюта. Дай-ка лучше мне газету почитать.

И Павел Григорьевич приступал к чтению газеты.

* * *

Десятый ребенок, Валерий, родился у Арины Ивановны 20 января 1904 года. Мальчик родился почти без признаков жизни.

— Батюшки, парнишка-то бесчувственный! — воскликнула Секлетея Павловна, подруга роженицы. — Грех-то какой! Кто будет отвечать за ребенка на том свете?

— Надо отхаживать, — строго сказала карлица-повитуха Гришиха.

И принялась трясти младенца за плечи с такой неожиданной для ее юркого тельца силой, что казалось — сей-

час он рассыплется. Однако это не помогло. Тогда кто-то надоумил зажечь черную крашенинную тряпку и поднести к носику новорожденного. От едкого дыма ребенок дважды чихнул.

— Слава богу! — сказали все в один голос. — Значит, будет жить!

Издав первый крик, вызванный столь необычным способом, мальчик уже не останавливался.

— Да замолчи ты, полорот! — с отчаянием и тоской в голосе говорила Секлетея Павловна, качая на руках младенца.

Впрочем, на несколько секунд ребенок затих. Это случилось, когда местный священник приходской церкви погрузил его в купель, полную водой, принесенной с Волги, из проруби, вместе с ледышками.

Крестный отец, Николай Иванович Шапошников, пробовал было протестовать и вылавливать из купели льдинки, но ни у кого из присутствовавших не встретил сочувствия, безнадежно махнул рукой (все равно, мол, всех ледышек не переловишь) и стал в сторонку, ожидая конца обряда.

Но процедура, как нарочно, томительно затянулась. Наконец, кумовья три раза дунули, три раза плюнули, и все было закончено.

— Будто из парной бани, — посетовал крестный, видя, как от покрасневшего тельца шел густой пар.

Перенес ледяную купель маленький Валерий удивительно легко, — разве только голос его окреп: теперь он орал чуть не на две октавы ниже, — и все пошло своим чередом.

Ребенок рос. Как полагается, сначала ползал, потом научился ходить, старался забраться повыше, — оттуда, то с лестницы, то со стула, то со стола — слетит и хватится лбом об пол. Болячка никогда не сходила с его лба; этот шрам от болячки остался навсегда на лице Валерия Павловича.

— У нас Валериан-то со звездой растет, — говорили в семье.

Года три ему было, когда он на швейной машине прошил насквозь мизинец, а лет пяти он уже барахтался в волжской воде.

Зимой Валерия выпускали на улицу в шапке-папахе и полушубке — наследство от старшего брата Алексея — с красным кушачком.

На морозе кушак он развязывал, папаху — на затылок,

полушубок — нараспашку, — за что и получил кличку «Чкалов-полушубник».

Рос он здоровым ребенком, как кряж, что вдоль, что поперек. Пойдет, бывало, на базарную площадь к большим весам — «виселице», поднимет гирю и начнет кидать ее то на себя, то от себя.

— Волька, Волька! Что ты делаешь? — кричит, выглядывая из палисадника, подруга матери, Александра Васильевна Мятелкова, жившая рядом с базаром. — Грудь проломишь!

— Да полно, тетя Саша!

Или, рассказывают, притащит в дом лист судового железа.

— Что ты, сукин сын, Валерьяшка канальский, испортишься! — только скажет Павел Григорьевич и опять погрузится в свои думы и заботы.

Дела с пароходом день ото дня становились всё хуже и хуже.

Операция с вывозкой хлеба в Рыбинск окончилась полной неудачей. Кто мог знать, что вода в реке Белой очень быстро спадет и придется делать на перекатах перевалку? Паузки принесли Павлу Григорьевичу большой убыток. Пришлось думать не только о том, чтобы свести концы с концами, но и о том, как расплатиться. Выход был один, и Павел Григорьевич им воспользовался: он заложил дом и пароход сроком на десять лет.

Настали тяжелые дни. В гости к Чкаловым перестал ходить церковный причт. Дьякон приходской церкви говорил при встрече с крестным Валерия:

— Что к Чкаловым-то ходить? Арина Ивановна пирогов-то нынче не печет.

Мать отдала старшую дочь учиться шитью. Четырнадцатилетняя Анна теперь шила на знакомых.

Арина Ивановна иногда стучалась в ее комнатку:

— Анюта, нет у тебя рубля? Отцу не на что телеграмму послать. «Русло» опять стоит без мазута.

А бывало, и сам Павел Григорьевич обращался к дочери:

— Нет у тебя денег, Анюта?

И девочка отдавала отцу последние сбережения.

До всего этого не было никакого дела маленькому Валерию.

Его окружали друзья-сверстники, смелые, озорные, с

первым вдохом втянувшие волжский воздух. Старшие товарищи угадывали ночью в темноте по гудкам или силуэтам названия пароходов. Отец — с густыми, сдвинутыми бровями, всегда молчаливый — был добрый, ни разу не воспользовался плетенной из кожи двухвосткой, которая, если помахать ею, издает звук, похожий на комариный писк. За большим обеденным столом велись мирные беседы. В зимние вечера, когда сквозь разрисованные морозом окна проступали синие сугробы и липы, мать рассказывала то смешные, то грустные сказки. Слушая их, Валерий играл на полу, у натопленной печки, на изразцовом зеркале которой по какому-то непонятному случаю (Павел Григорьевич политикой не занимался) был выбит барельеф, изображающий женщину со знаменем и мечом, занесенным над орлом без короны. Летом мальчик уезжал на рыбную ловлю, ходил в лес по грибы или плескался на песчаных отмелях с маленькими заливчиками и одинокой избушкой бакенщика.

Зимой Валерий катался с крутой горы на мясных полка́х — санках, которые удавалось утащить с базарной площади в тот миг, когда сторож, завернувшись в тулуп, задремлет или заговорится с кумой.

Привольно текло детство Чкалова на волжских просторах. С самой ранней весны он не расставался с рекой. Зацепится ли сеть за корягу — Валерий мигом под воду и обрежет ножом веревку. Отваливает ли пароход с Самолетской пристани — маленький Чкалов незаметно подплывет и усядется верхом на руль. Пароход огибает остров, а Валерий уже перелез потихоньку с руля на корму, оттуда на верхнюю палубу и притаился у трубы. Выберет удачный момент — и прыгнет в воду. Пассажиры кричат, капитан отдает приказание в машинное отделение: «Стоп!» А большая голова мальчика уже еле заметной точкой маячит на широкой желтопенистой дороге, взбаламученной пароходными колесами.

— Ну, конечно, это он, чертенок! — ругался капитан. — Глухаря Павла Чкалова сын! — (Павел Григорьевич был глуховат: профессиональный недуг котельщиков.)

Причалив к Василевской пристани, капитан иногда разыскивал Павла Григорьевича и кричал ему в ухо:

— Да не пускай ты своего пострела в воду, когда пароход идет. Непременно он у тебя под колесами погибнет.

— Вот я его выдеру! — отвечал Павел Григорьевич, а сам был доволен: ему нравились смелость и ловкость сына.

Любил Валерий качаться и на больших волнах от заднего колеса старинных «русинских» пароходов, ходивших в те годы по Волге. Валы катились ровно, не торопясь, словно выжидали мгновенья, чтобы покруче поднять на свои гребни ловкое тело мальчика и низвергнуть его в пучину, расцвеченную золотисто-лиловыми пятнами нефти.

Игрушек Валерий не знал. Василевские ребята предпочитали нырять под плоты, да не просто нырять, а старались проплыть под водой как можно дальше. А чтобы не сбиться со счета, пловцы для «сигнализации», проплывая каждую пару бревен, выпускали ртом пузырьки воздуха. Ныряние было самым любимым занятием Валерия. Лёгкие мальчика работали, как кузнечные меха. Плывя под водой, он отсчитывал до сорока бревен плота.

— Пропадет наш Валерьяшка, ни за что пропадет, — скажет отец.

— Придет осень, успокоится, — утешали родные.

Но приходила осень, свистел ветер, раскачивая оголенные ветви яблонь и лип, по реке кое-где плыло «сало», а Валерий продолжал купаться. А весной... С каким нетерпением он ждал прихода весны! Как ловко забирался он на льдины — и плыл по течению.

— Кто это наверху стоит? — говорила Арина Ивановна мужу, любуясь с обрыва ледоходом.

— Кто стоит? Валька. Ты смотри, Арина, где напирает льдина на льдину, туда и наш лезет.

— Уйдем, Павел Григорьевич, уж лучше не смотреть.

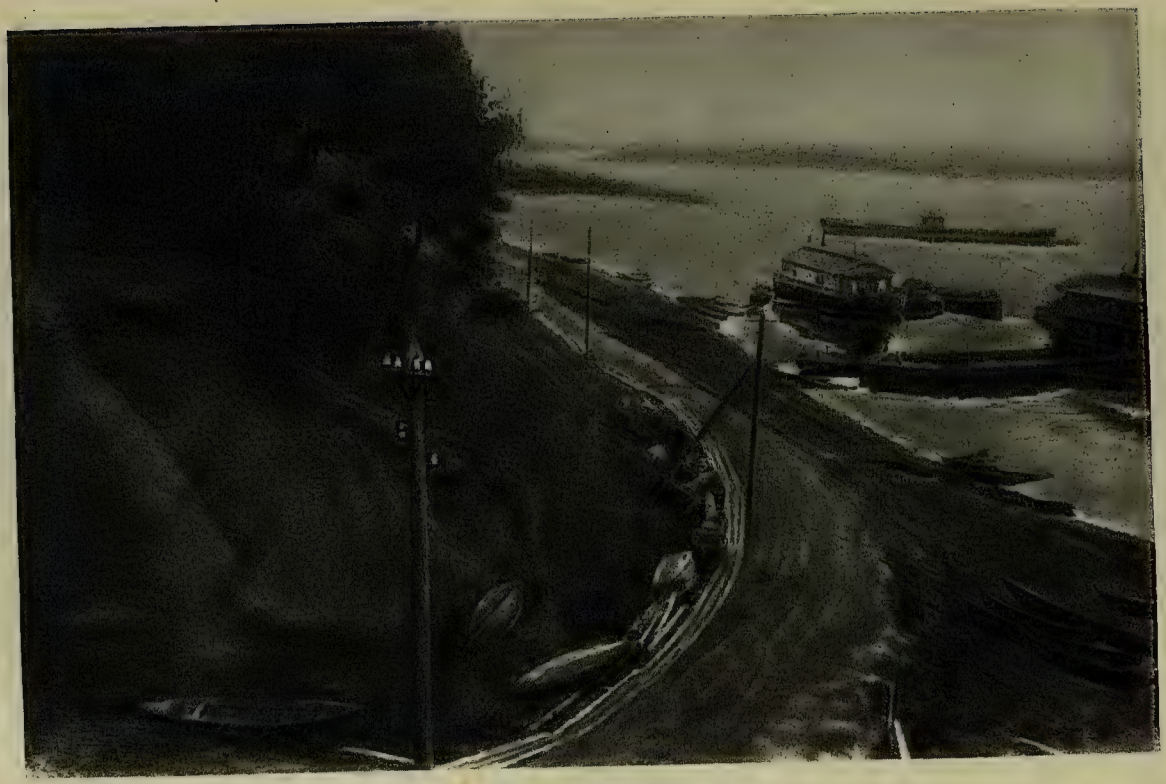
* * *

Пароходные дела запутывались. Не оплатит во-время Павел Григорьевич какого-нибудь векселя — вексель опротестуют и назначат опись имущества. В доме Чкалова появлялся судебный пристав.

Арина Ивановна, увидя издали худую фигуру с потрепанным рыжим портфелем, кричала:

— Батюшки, судебный пристав идет! Дети, прячьте еноговую шубу на чердак!..

— Опять приехал к вам из Балахны, уважаемая Арина



Василевский взвоз

Волга у Василева (Чкаловск)

Ивановна. Как живем-можем? Денег не платите, всё в долгу, — здороваясь, говорил пристав.

Иногда не удавалось обмануть пристава, тогда назначалась распродажа имущества с молотка. Торги происходили в домашнем зале, в котором присутствовало не более двух-трех покупателей — друзей Чкалова. Енотовая шуба, фигурировавшая на торгах как особенно ценный предмет, оставалась неизменно за тем покупателем, который специально пришел ее покупать, то-есть, в конце концов, за Павлом Григорьевичем Чкаловым.

Когда у Павла Григорьевича не было денег, шубу покупал его приятель Николай Иванович Шапошников. Спустя несколько дней он продавал ее обратно Павлу Григорьевичу. Так двенадцать раз переходила эта шуба из рук в руки и все же осталась за исконным ее владельцем.

Павел Чкалов не любил сам просить денег в долг. Обычно он посылал старшую дочь с запиской, на которой с трудом выводил неровным почерком:

«Яков Петрович, заимообразно прошу пять рублей. Дайте Анюте. Буду вами очень благодарен. Павел Чкалов».

Анна бежала с запиской. Иной раз ее в дом пригласят, усадят, дадут конфетку. А иной раз заставят ждать в прихожей.

— Яков Петрович в бане парятся, ты посиди тут, девочка. После бани чаю напьются, тогда поговорят с тобой.

Павел Григорьевич терпеливо ждал возвращения дочери.

— Ну как? — спрашивал он Анну.

— Дали, папа, пятерку.

— Вот и хорошо. Беги, Анюта, в затон. С масленщиком Алексеем расплатись.

Вскоре постигла Павла Григорьевича новая беда. Заболела Арина Ивановна. Она дохаживала последние недели беременности и еще накануне была совсем здорова. Замесила тесто, утром вскочила с постели:

— Батюшки! Проспала. Тесто убежит!

Бросилась к печке, оступилась, упала, родила раньше срока и, пролежав в кровати несколько месяцев, умерла.

Павел Григорьевич тяжело переживал горе, осунулся, стал еще молчаливее, чем прежде. Голос его звучал глухо и неуверенно, и только черные зрачки из-под сдвинутых, тронутых

сединой бровей, попрежнему пронизывали собеседника, как сверла.

Он весь погрузился в свои дела. Уехал на Белую, выводить караван.

Однако хозяйка в такой большой семье была нужна. Стали поговаривать, что Павел Григорьевич познакомился с одной женщиной, которая займет это место. И действительно, вскоре Павел Григорьевич приехал в Василево с новой женой, Натальей Георгиевной, милой женщиной, искренно полюбившей своего уже немолодого супруга.

— Вот тебе дети, Наташа, — сказал Павел Григорьевич, вводя в дом жену. — А вот, дети, вам мать. Слушайтесь, что будет вам наказывать, чему учить будет вас...

Однажды Павел Григорьевич пришел расстроенный и, повесив на крюк суконный картуз, прошел молча в гостиную. Через несколько минут он позвал Наталью Георгиевну и старшую дочь.

— Подумайте только, Колчин говорит, что я ему ничего не платил за пароход.

— Как же это так? — спросила дочь.

Но отец перебил:

— Подбери-ка все векселя, Нюра.

Векселей оказалось огромное количество. Все они были подшиты и сложены в ящике стола.

— Вот и хорошо, — сказал Павел Григорьевич, — теперь я в суд поеду.

Началось судебное дело. Колчин нанял адвоката. Чкалов — своего. Все уплатные документы, написанные на гербовой бумаге, перешли к прокурору.

На гербовой бумаге, как известно, всё, что угодно можно стереть, и будет незаметно, если не посмотреть на свет.

На счастье Павла Григорьевича, прокурор проверял документы вечером. Приложив гербовую бумагу к абажуру лампы, он обнаружил подделку. Документы были подчищены.

Узнав об этом, Павел Григорьевич воспрянул духом, и на его лице заиграла широкая улыбка.

— Мой адвокат дело выиграет, Нюра, — говорил он дочери, луща подсолнухи. — Представь себе, приходит мой защитник к колчинскому адвокату и говорит: «Вот извольте посмотреть этот лист бумаги и вот этот. Этот, где роспись, худой, залощенный, меньше полтела в нем, а этот цел, све-

тится ровно. Здесь соскоблено, — говорит, — и я бороться буду против неправильности». Колчинский адвокат так и смяк. Видно, Петрович его заборол...

Но как заблуждался Павел Григорьевич! Правда была на его стороне, закон — против него. Колчин передал дело вторично в суд. Пароходик «Русло» арестовали и поставили на прикол.

Суд опять присудил в пользу Павла Чкалова. Тогда Колчин подал жалобу в сенат. Павел Григорьевич туда же... но оттуда ни ответа, ни привета.

Эта история с «Руслом» тянулась несколько лет, и маленький пароходик попрежнему стоял на приколе у самого берега — с двумя караульщиками: Зверевым и кривым Терентием.

Нашлись люди, которые хотели помирить Павла Григорьевича с Колчиным. Случалось, что недруги даже попадались друг другу на глаза, и купец кричал издали:

— Иди ко мне, Павел Григорьевич!

— Иди ты ко мне, — отвечал Чкалов. — Не о чем мне с тобой говорить. Вот возьму да и уведу пароход домой, он на меня гласит.

— Я богатый! — еще пуще кричал Колчин через дорогу. — В Петербург поеду, на высочайшее подам. А ты бедный, не поедешь.

— Ладно, разберемся. — И Павел Григорьевич, нахлобучив картуз, прибавлял шагу.

— У тебя уж больно муж-то горд! — говорил Колчин при встрече Наталье Георгиевне. — Он бы пришел ко мне да попросил, все бы и уладилось. А он кланяться не хочет.

— Павел Григорьевич вам платил, — вмешивалась в разговор Анна. — У меня все векселя целы. Суд-то все равно нам присудит.

— С сильным не борись, с богатым не судись! — отвечал Колчин с хитрой усмешкой.

— Куда вы деньги-то денете? — не унималась девушка.

— Умру и с собой возьму!

— Вот вас змеи-то на том свете и съедят, — говорила, раскрасневшись, Анна и убегала.

Колчин смотрел ей вслед и откланивался:

— Почтенье, Наталья Георгиевна. Дочка-то, видно, в отца пошла. Скажи, на той неделе сукна ей на платье пришлю.

* * *

Валерий не уступал никому первенства в мальчишеских играх. Уже многие переставали удивляться, когда встречали его с выбитыми зубами.

— Куда зубы-то девались? — спрашивали знакомые.

— В футбол играли. На поле я два зуба и выплюнул.

— Как это ты просто говоришь, Валя!

— Играть — не пировать, а отцу с матерью не жаловаться.

Особенно весело Валерий проводил время на масленицу. Всю неделю жители Василевой слободы, кто побогаче, катались на тройках. Лошади были в сбруях под серебро, с бубенцами.

Перед нашими вороты
Разыгралися ребята.
Люли, люли, бурлаки.
Все ребята молодые,
Молодые, холостые.
Люли, люли, бурлаки.

Промелькнула тройка с расписными дугами в развевающихся лентах и пестрых бумажных цветах, — только облако пушистого снега повиснет над дорогой, а на другом конце слободы уже разносится эхом:

Ты садися, девка, в сани,
Ты поедешь, девка, с нами.
Люли, люли, бурлаки.
С нами, с нами, молодцами,
С понизовы бурлаками.
Люли, люли, бурлаки.

Показалась еще тройка, всё ближе, ближе... За ней — пара разгоряченных коней, и опять скрылись за сугробом розвальни, оставив за собой снежную пыль да след конских копыт. Посмотрит какой-нибудь молодец в дорожную даль и крикнет завистливо:

— Хоть что заложить, а масленицу проводить!

В среду — день лакомки — из окружных деревень в Василево съезжался народ и справлял «столбы». Базарная площадь еле вмещала гуляющих. Овчинные тулупы, малахаи, куньи воротники, посеребрённые от инея, модные дипломаты

из англицкого сукна и просто домотканые зипуны — все смешивалось, нестройно двигаясь по площади. Солнце заливало это сборище веселых людей. Перекатывался неясный гул голосов, точно где-то прорвалась плотина. Только на широком взвозе, круто поднимающемся от реки, было тише и строже. Там стояли рядами молодые, новообвенчанные. Богатые щеголихи, простояв битый час на морозе в модном дипломате, внезапно исчезали куда-то и вновь появлялись в бархатной «таратонде» на лисьем меху и в беленьком платочке, а поверх него в шляпке с зелеными или розовыми перьями.

Между рядами новообвенчанных прогуливались родители и любовались нарядами молодых.

С годами порядок изменился. Гуляли молодые, а отцы и матери смотрели на них издали.

Валерий любил со старшими братьями толкаться на базарной площади среди этих кумовьев, вдовиц, будущих женихов; ремесленников, лоцманов, хлебопашцев, багермейстеров, торговцев, котельщиков; румяных от мороза волжских красавиц и степенных стариков, тоже разрумяненных на морозе.

Были доступны Валерию и другие масленичные забавы — качели, ледяные горы и городки из снега.

В прощеное воскресенье жители слободы жгли масленицу. Валерий вместе с ребятами собирал по дворам корзинки, ящики, бочки, старые корыта. Все это свозилось на Волгу, на лед, складывалось в кучу, поджигалось. Большое зарево занималось над Василевом. Ребята прыгали, плясали вокруг гигантского костра и пели:

Как по нашей улице
Ехал чорт на курице,
А бабенки суются,
Не с яйцом ли курица?

И долго, до утренней зари, тлели уголья в недвижимом воздухе да сквозь разукрашенные морозом окна бревенчатых домиков раздавался приглушенный хохот или молодецкий храп подвыпивших гуляк.

Пришла пора, и Валерия отдали в сельскую школу. Он сел за парту охотно и с первого же дня обнаружил любозна-

тельность и стремление к точным наукам, — может быть, то было влияние отца, мечтавшего дать сыновьям техническое образование.

Закона божьего не любил мальчик. Начнет батюшка рассказывать из библейской истории, а Валерий возьмет да и сделает приставку к именам Мельхиседека или Валтасара, — выйдет какое-нибудь смешное слово, класс загогочет.

Павел Григорьевич не ругался, когда дети получали плохие отметки, он только ворчал:

— Ах ты, господи боже мой, как же это так? Да что это вы пользы-то своей не понимаете?

Впрочем, к десятилетнему Валерию это не относилось: учился он прилежно, хотя за поведение больше тройки никогда не имел.

Удивительно легко давалась ему арифметика. Бывало, лежит на кровати — ноги на подушке — и поет песню.

— Волька, чего ты поешь? — спросит Наталья Георгиевна.

— Не мешай, мама. Задачки по арифметике решаю.

— Да, наверное, не решаешь?

— Иди, чудна́я, погляди.

В школе он был очень живым, любил подраться и пошуметь.

— Смерти или живота? — спрашивал он басом (у него в голосе появились низкие нотки), подмяв под себя парня.

Иногда дрались классом, партия на партию. Иногда же Валерий дрался один против пятерых. Парты сдвигали к стене. Валерий с засученными рукавами вставал посреди комнаты. Наступала тишина.

— Пока не скажу «начинать», не начинайте, — говорил Чкалов, вбирая в легкие воздух. — Любя — так любя.

Его тесным кольцом окружали сверстники, он спокойно излагал условия:

— Бить кулаком можно, только уговор — не пинаться. Ну, ребята, с богом! Начинайте!

Часто школьники играли в коней, садились друг другу на плечи. «Лошади» не принимали участия в драке — только носились с седоком по коридорам, Чкалов был самой выносливой «лошадью». Он скакал без отдыха сорок минут, всю большую перемену. Седок устанет, а «лошадь» все бегает, одного сбросит, другого посадит.

Прозвище ему дали «буйвол». Он ходил, наклонив голову, рукава засучены... Станет у стены в школьном коридоре и смотрит исподлобья.

В то время в Василеве дрались «стенка на стенку». Иногда на такое зрелище приезжал в лакированной пролетке пристав с урядником. Когда урядник, показывая длинной худой рукой, говорил: «Дерутся, ваше высокоблагородие!», пристав перебивал его:

— Дурак, ну и пусть дерутся! Революцией будут меньше заниматься!

Василевские ребята, разделившись на «базарских» и «горских», подражали старому обычаю взрослых и тоже бились на кулачках. Валерий был предводителем самой сильной группы ребят.

Шли годы, Валерий стал уже засматриваться на девушек, и все милее становился ему откос, где в тени деревьев гуляли василевцы. Но и эта пора юных увлечений и прогулок по волжскому откосу пролетела.

Павел Григорьевич мечтал видеть сыновей инженерами, в крайнем случае — техниками. Из Череповецкого ремесленного училища выходили техники, которые славились на всю Россию, и дальновидный старик, потратив уже немало денег на образование детей, решил обучить Валерия ремеслам, и нигде иначе, как только в Череповце.

Осенью 1916 года Наталья Георгиевна собрала Валерия в дорогу и проводила его в Череповец, где ему предстояло держать конкурсный экзамен.

На конкурсе он прошел третьим и, к общему удовольствию всех родных, был принят в училище.

— Хороший котельщик выйдет из Валерьяшки, — говорил отец, вспоминая, как сам в молодости играл кувалдой у листа судового железа.

* * *

После Октябрьской революции Павел Григорьевич пошел в затон работать котельщиком. Иначе не могло и быть: в конторе работать Павел Григорьевич не мог по своей малограмотности, и он с радостью пошел в котельщики к одному бывшему своему ученику.

Пароход «Русло» национализировали и направили с красноармейцами на Каму. Там он погиб в бою с белыми.

Старый котельщик весь отдался работе в затоне. Работал он от свистка до свистка и так быстро, точно плясал у раскаленного листа железа, указывая подручным, куда бить. Разгильдяйство ненавидел.

Кувалда его была тяжелее, чем у других, а бил он ею до того ловко и верно, что порой становилось непонятно, работает он или играет. Он требовал, чтобы заклепки лежали гладко. И когда подмечал в работе подручного недостатки, то говорил, указывая на заклепку:

— Ах, ты, сукин сын, переделай! Неласково она у тебя лежит.

Павел Григорьевич облицовывал турбины, делал сварные топки, черпаки, заплатал как-то корпус парохода «Власть Советов», который получил пробоину, задев днищем за якорь или камень. Весенняя вода в тот год быстро прибывала, и Павел Григорьевич подводил железные листы, стоя по горло в воде.

Однажды, идя на работу, он неожиданно встретил своего младшего четырнадцатилетнего сына.

— Какими судьбами, Валерьяшка? — воскликнул старик.

— Из Череповца. Здравствуй, отец.

Из короткого разговора Павел Григорьевич узнал, что Валерий с Череповцом расстался навсегда, окончить ремесленное училище ему не удалось, плохо было с питанием. Павел Григорьевич выслушал, покачал головой, посочувствовал, что-то буркнул про себя, и, предлагая сыну горсть семечек, сказал:

— Работай-ка ты со мной, Аверьян. Видно, не быть тебе техником.

И Валерий, взяв в руку кувалду, стал работать с отцом в качестве его подручного, молотобойцем.

В затоне рабочий день начинался чуть свет. Каждое утро Валерий сквозь сон слышал гудок, призывающий к работе, нехотя просыпался, натягивал на свои широкие плечи пиджак, обувался в громадные растоптанные отцовские валенки и шел на берег.

Работал он, как и отец, играючи, но иной раз сдавал и, возвращаясь с работы, говорил сестрам и брату:

— Ну, уж с отцом работать, замучает! Ничего не показывает, только ругается. «Ты, голова, — говорит, — приглядывайся, смотри, куда я бью. Нас никто не учил».

Ежедневная десятичасовая работа тяжелым молотом сильно утомляла подростка. Впрочем, недолго это продолжалось. В затоне объявляли набор на суда, и Валерий в поисках заработка решил переменить свою профессию, стал работать кочегаром на камнечерпалке, которая теперь называется «Волжская двадцать первая».

Научили его ребята шуровать, познакомили с устройством котлов и манометров, и попал он первым рейсом в Кострому разрабатывать гавань.

Обзаведясь хозяйством, состоявшим из кулька муки и картофельных очистков, — голодные стояли времена, — Валерий навел в кубрике порядок и зажил припеваючи, в обществе приятеля, кочегара Ивана Анфимова, и девушки, работавшей на камнечерпалке хлебопекаркой. Когда иссякали в тесном кубрике продукты и не оказывалось под рукой картофельных очистков, Валерий выходил после вахты на остров — за капустой, и варил потом суп. Когда камнечерпалка посещала хлебные места, Валерий раздобывал муку. Веселая хлебопекарка пекла тогда лепешки.

Из Костромы поплыли в Казань. Там белыми была сожжена пристань и потоплено много оружия, которое предстояло поднять со дна.

Из Казани направились к устью Камы. Там тоже была потоплена белыми большая баржа с камнями, чтобы загородить ход красным судам. День и ночь трудились рабочие камнечерпалки, очищая фарватер от камней.

Валерий не чувствовал усталости. Обливаясь потом, он ловко выгребал из поддувала золу, всегда ровно держал в котлах пар.

Стоило полюбоваться, как он шуровал кочергой дрова. Его упругое, стянутое в талии и неимоверно широкое в плечах тело вздувалось под тонкой сеткой узлами мышц и сухожилий. Пурпуровые отблески, вырываясь из топки вместе с горячим воздухом, делали лицо его еще более рельефным, скульптурным. Эту рельефность усиливали резко прочеркнутые темные брови, одна чуть выше другой, и нос с горбинкой. Небрежно зачесанные назад светлые волосы слегка вились, и упрямая прядь спадала на крутой, высокий лоб. Ничего не было неподвижного в его невысокой коренастой фигуре.

Поработав в верхнем и среднем плесах, камнечерпалка на зиму стала в Криушинский затон Симбирской губернии. Ко-

гда пришла весна, начальник затона обратился к команде с предложением: не найдутся ли желающие шуровать дрова на пароходе «Баян»?

— Пойдем, поплаваем на пассажирском, — сказал Валерий своему товарищу Ивану Анфимову.

И приятели, вместе с хлебопекаркой, которая к тому времени уже стала женой Анфимова, поступили в команду комфортабельного волжского парохода «Баян». Пароход перевозил моряков, спешивших на фронт. Валерий с большим усердием выполнял свои обязанности. Бывало, закроет свою топку и кричит Анфимову:

— Дай-ка я за тебя пошурую!

Механик и капитан его очень любили.

Неизвестно, как бы дальше сложилась жизнь молодого Чкалова: может быть, из него вышел бы опытный боцман или капитан каботажного плавания, — если бы не один случай, которому Валерий не придал даже особого значения. В один прекрасный день пришла телеграмма, в которой предлагалось перевести «Баян» с дров на мазут. Капитан начал составлять штат.

Конечно, Валерий мог бы справиться и с форсунками, но ему не хотелось огорчать человека, претендовавшего на его место, и он, покинув пароход, вновь очутился на берегу.

Никто не ждал его в Василеве. Он появился там неожиданно, в зеленых обмотках и в старой шинели. На спине он нес подарок семье — мешки с картофелем и мукой, а в карманах — ситцевые пестрые кофточки для сестер Анны и Софьи.

Он поднялся с ношей по откосу, сбросил мешки с плеч и долго смотрел в ясную даль реки и вокруг. Те же старые липы и молодые яблоньки, посаженные отцовскою рукою, та же калитка на краю обрыва. Неужели по этому крутому, почти отвесному склону он мчался когда-то на лыжах? А там, за пристанью, у песчаной косы, стоит та же обветшалая баржа, с кормы которой он любил прыгать в реку.

Нетерпение охватило его. Он толкнул калитку, ржавые петли заскрипели, и этот скрип снова вызвал воспоминания о детских годах.

— Ну, мать, вари пельмени! — говорил он спустя час, сидя в кругу родных. — Мукой мы теперь богаты. Видишь мешок? Ну, как дела, отец? — обратился он к Павлу Григорье-

вичу, который сидел, по обыкновению, молча и не сводил с сына глаз.

— Я по-старому, Валерьяшка, в затоне. Отрядную работу выполняю. Да вот мой ученик Лазарь серчает, что я под его руководством клепаю. Говорит, наоборот бы надо. Лазаря помнишь? Хороший мастер. А живем мы ничего. Ртов меньше теперь у меня. Алексей учится в Питере на инженера. Надолго ли к нам?

— Не знаю. О работе думать нужно.

— А мы с матерью в фино иногда ходим, — неожиданно сказал Павел Григорьевич.

Валерий улыбнулся: отец, следуя неисправимой привычке, вместо кино говорил «фино». И опять живо припомнились сценки из детства, когда он, подросток, поправлял отца. «Не рае, папа, а разве», «не разурвал, а резервуар», а отец, прищуря глаза и приложив ладонь к уху, спрашивал: «Как? Что?».

Валерий вышел в сад. Вечерело. С Волги тянуло прохладой. Солнце медленно опускалось и било косыми лучами в стекла домиков и в железные крыши.

Вот он приехал домой. Что он будет здесь делать?

Трудно было ему, пятнадцатилетнему парню, окончившему всего-навсего сельскую школу, разбираться в жизни. Но от товарищей он уже знал о событиях в Питере, о партии большевиков. В родных краях шла гражданская война. Партизанские отряды заменялись частями регулярной Красной Армии. В Нижнем-Новгороде стоял 4-й авиационный парк. Иногда над городом летали самолеты.

Шагая в раздумьи по саду, Валерий незаметно очутился под навесом сарая. Там в углу лежала двухпудовая гиря. Ему захотелось «побаловаться». Он поднял одной рукой гирю за ушко и подбросил ее. Повторил еще раз. Вдруг услышал голос сестры. Обернулся. Анна стояла вблизи.

— Что ты делаешь, Валерий? Голову проломишь!

— Вот еще чего выдумала! — засмеялся он. — Я могу гирю подбросить и грудью отшибить! Хочешь покажу?

— Да она налетит на тебя! — испуганно сказала девушка.

— Ох, уж и налетит!..

Но недолго прожил Валерий в родных местах. Он был молод, силен, хотелось работать. И самым подходящим ему

казалось работать в воздухе. Какие счастливые минуты пережил Валерий, слушая рассказы своего соседа — Владимира Фролищева о полетах русских авиаторов. Встречаться с Фролищевым доводилось и в Василеве и в Нижнем, где тот работал авиационным механиком. Рассказы Фролищева покорили Валерия и не выходили у него из головы. Самолет он видел лишь несколько раз, — маленький гидросамолет, круживший над пристанями и прибрежными зданиями Нижнего-Новгорода. Еще на пароходе, услышав шум мотора, Валерий забывал о работе и выскакивал из кочегарки. Черный, обливающийся потом, следил он за исчезающей на горизонте машиной. Мечта летать самому казалась ему несбыточной, и все же почти безотчетное стремление пережить это ощущение — когда человек один в воздухе, — охватывало его порой, возвращаясь с непреодолимым постоянством и упорством.

Однажды, когда Валерий, стоя у обрыва, долго любовался машиной, плывшей в знойном воздухе, у него созрело окончательное решение: надо пойти к летчикам, попросить, чтобы они научили его летать.

* * *

Над Волгой спускалась темная ночь. Теплый низовый ветер сгонял тучи, раскачивая верхушки деревьев. Опавшие листья кружили по садовым тропинкам. Темный силуэт Телешина острова освещали зеленые вспышки зарниц, играя в черной толще кустарника фосфорическим блеском. Низко нависло над притихшей землей небо.

Валерий в ожидании парохода бродил по откосу около дома, вдыхая предгрозовый воздух. В окнах горели огни, но итти в комнаты не хотелось. Он медленно шагал по обрыву, чувствуя в темноте край дорожки.

Из-за ствола дерева показалась стройная фигура знакомой девушки. С ней он когда-то любил кататься на санках с горы. Девушка первая негромко окликнула:

— Здравствуй, Волька.

— Здравствуй, Лёлька. Пойдем по яблоки!

Они вошли через калитку в сад. На Елене была широкая с напуском кофта. Валерий нарвал яблок, и девушка со смехом положила их за пазуху.

— Ты, говорят, сегодня уезжаешь, Волька?

— Уезжаю, Лелька.

Помолчали. Зашли в комнаты сестры Анны. Она читала книгу.

— Волька, уезжаешь? — спросила сестра брата.

— Да, Нюрка.

— Куда?

— Не знаю. До тех пор в Василево не приеду, Нюрка, пока человеком не стану. Папа где?

— Наверное, в спальной.

— Я уезжаю, Нюра, проститься бы надо...

— Постучи в спальную.

Вышел Павел Григорьевич. Старик, вероятно, спал, волосы его были взлохмачены.

— Ну, как решил, Валерьяшка? — спросил отец.

— Уезжаю, папа.

— Что ж. С богом. Куда думаешь?

— Не знаю... Хорошо бы в летчики...

— Зря, Аверьян.

— А что?

— Страсть-то какая.

— Летать на аэроплане буду.

— Ну, смотри, Аверьян, тебе видней...

И с этими словами Павел Григорьевич крепко обнял сына.

— Прощай, сынок... Ну, смотри же... — еще раз с суровыми нотками в голосе произнес отец.

Щелкнул замок в парадной двери, и дом погрузился в темноту.

Валерий весело шагал по садовой тропинке, задевая плечом ветки с плодами. Рядом с ним шла Елена. Из-за кромки острова ласково мигал огонек.

— Пассажирский, — сказал Валерий. — Пора.

Быстро залез на старую яблоню, сорвал несколько яблок, сдернул с девушки платок, завязал яблоки, предложил с очень серьезным видом:

— Ешь яблоки-то, не гляди, что маленькие да зеленые. Самые вкусные. Ну, иди домой. Мать ругаться будет, спросит, где была — скажи, что Вольку Чкалова провожала. На пристань не ходи. Чего же стоишь, чудная? Беги домой.

И, толкнув девушку в плечо, Валерий направился к при-

стани. Он шел вразвалку, как ходят моряки, широко расставляя ноги, мимо амбаров и темных бревенчатых изб. Пароход уже приваливал к пристани. Едва успел Валерий вступить на сходни, как упали первые крупные капли дождя.

* * *

Что представляла собой советская авиация в годы гражданской войны?

Исключительно тяжелы были условия ее работы. Авиационная промышленность, растеряв кадры, едва влачила существование. Простые обойные гвозди приходилось выдирать из старых, негодных самолетов. Россия не производила обойных гвоздей. В стране, богатой лесными массивами, не оказалось столярного клея и авиационного леса.

Единственно, на что можно было рассчитывать — это на ремонт старых самолетов. Парки и поезда-мастерские находили выход из самых трудных положений.

Из всех старых самолетов повыдергали гвозди. Из обломков двух-трех аэропланов строили один. Полотно на крыльях заменяли бязью. Тыл принимал героические меры к тому, чтобы сохранить на фронтах хотя бы постоянное число самолетов.

Некоторым источником пополнения являлись трофейные самолеты. Так, после ухода белых из Мурманска и Архангельска, английское авиационное имущество перешло к красным частям.

Им распорядились очень экономно и, с точки зрения англичан, нецелесообразно.

На мурманском складе было найдено двадцать моторов «Сидней Пума». Англичане считали, что эти моторы давно отслужили свой срок. Поэтому они их изуродовали ударами кувалды и превратили в лом.

Советские механики разобрали моторы, починили, установили на самолеты...

Располагая даже такой материальной частью, советские летчики не только обеспечивали разведкой Красную Армию, но и боролись с технически сильнее вооруженным противником; например, с Польшей, у которой был мощный воздушный флот. Более того, красные летчики одержали решительную победу над польской авиацией. Воздушные победы наших истребителей отбили охоту у противника вступать в бой.

Летая на заплатанных машинах устаревших марок и выпусков — «воздушных гробах» — то в жестокие морозы, в туманы и метели, то в невыносимую жару, советские летчики вели разведку, поражали противника бомбами, проявляли необыкновенную храбрость, вступая в одиночку в бой с целыми соединениями, сбрасывали над неприятельским расположением листовки, которые действовали сильнее бомб и вырывали у противника целые полки...

...В эти времена Валерий и приехал из Василева в Нижний-Новгород.

Вспомнил он о своем друге Владимире Фролищеве, бригадире по сборке самолетов, и уже собирался было его навестить, как узнал, что Фролищев сам хочет видеться с ним.

Друзья встретились.

— Получил расчет на «Баяне», слышал я... — сказал бригадир.

Валерий кивнул головой.

— Пойдем к командиру парка. Может быть, он примет тебя в мою бригаду учеником.

Все вышло гораздо проще, чем казалось.

Чкалов добровольцем поступил в ряды Красной Армии. Его приняли сборщиком в 4-й авиационный Канавинский парк, расположенный в заречной части города на берегу Оки. Валерию шел в то время шестнадцатый год. Работа пришлась по душе: плел он искусно тросы, покрывал лаком плоскости, ввертывал шурупы с таким усердием, что на ладони образовалась шишка; присматривался к тому, как товарищи производили сборку «фарманов», «ньюпоров», «моран-парасолей», «вуазенов». Чудом техники казались ему смешные, на наш взгляд, неуклюжие машины с винтом, расположенным позади летчика.

Изредка Чкалова посылали в другие города собирать старые авиационные детали. Валерий любил эти поездки, доставлявшие ему немало веселых минут.

В щели полуразбитой теплушки задувал ветер, не с кем было поговорить, но Валерий не унывал. Он что-то насвистывал, развлекая самого себя, или, свесив ноги с узеньких нар, хлебал из котелка водянистую кашицу. Чаще же всего он дремал, пристроившись на ящиках, полных запасных аэропланных частей.

Во время одной из таких поездок машинист, трогая поезд

с места, дергал длинный состав с такой силой, что Чкалов каждый раз падал с ящиков на пол.

— Вот дьявол! — ворчал он, ощупывая бока и снова влезая на ящики. Он быстро засыпал, однако сон был хотя и крепкий, но короткий. Валерий от несносных толчков опять валился.

— Ладно, я тебя проучу, — буркнул он, потеряв, наконец, терпение, и, дождавшись остановки, выпрыгнул из теплушки и побежал к паровозу.

— Эй, ты, механик... или как там тебя... Чего так дергаешь, спать не даешь? — крикнул Валерий.

Из паровозной будки высунулся машинист.

— Чего кричишь, малый?

— Спать, говорю, не даешь!

Машинист, попыхивая на морозном воздухе цыгаркой, небрежно протянул:

— Ишь ты, спать... чего захотел... дома выспишься. А то, гляди, как растолстел, медведь.. Вредно тебе спать-то.

— Подергай, подергай, — ответил Валерий. — У меня в вагоне-то в ящиках бомбы лежат, гляди — так дернешь, что вместе с твоим паровозом на воздух взлетишь!

После этого разговора поезд пошел значительно аккуратнее.

Чкалов опять возвращался в Канавино, в парк. Собирал самолет, провожал готовую машину за город, на крошечный аэродром, огороженный досчатым забором наподобие загона для скота, — пилот садился в кабину, и, с завистью следя за уходящим в небо самолетом, Чкалов вздыхал:

— Эх, мне бы полетать.

Он добился того, что летчики стали брать его в полет. Побывав в воздухе, он почувствовал, что другой жизни, кроме как в небесных пространствах, у него и быть не может. Он стал упрашивать начальство определить его в школу. Предметом его мечтаний стала Егорьевская школа.

Эта школа была первой советской теоретической школой летчиков.

Сюда с фронтов, из авиационных частей, отрядов и парков приходили в серых потертых шинелях и рваных башмаках рабочие, красногвардейцы, мотористы. Они мечтали поскорее научиться летать и снова вернуться на поля сражений. Ходили ученики в лаптях, у многих брюки были сшиты

Дом, где родился В. П. Чкалов

В. П. Чкалов. 1928 г.

из солдатских одеял. Полуголодные веселые ребята изучали арифметику, геометрию, русский язык, немецкий, аэронавигацию, моторное дело, знакомились с истрепанными, побитыми машинами, присланными с фронта.

В 1921 году в Егорьевскую школу командование авиапарка и направило старательного сборщика Валерия Чкалова...

Наконец-то его желание было удовлетворено.

Что могло сравниться с той минутой, когда, перешагнув порог школьного здания, он увидел в списке принятых свою фамилию и получил койку и парту.

Валерий, хотя приходилось и голодать, хотя ноги были обуты в лапти, ни на минуту не впадал в уныние.

В перерыве между уроками запевал он волжские песни; любил пошутить над учительницей немецкого языка, тщедушной женщиной, носившей старомодную прическу с фальшивыми локонами и неловко чувствовавшей себя в обществе здоровых ребят.

Учительница, бывало, направляется в класс на урок, а Валерий с ватагой товарищей встретит ее в дверях, — руки по швам, — и гаркнет на всю школу:

— Товарищ преподаватель, курсанты класса «ИК» все налицо!

Учительница вздрогнет.

— Почему вы так кричите, Чкалов?

А он еще громче оглушит ее рапортом.

Вообще, курсанты любили кого-нибудь «разыграть», как они выражались.

Был в школе командир взвода, рассеянный человек. Когда он производил утреннюю проверку, курсанты никогда ему не отвечали «здесь», а говорили по-разному, кому что взбредет в голову, и взводный не замечал этого.

— Чкалов?

— Стою.

— Максимов?

— Тут.

— Вердеревский?

— Пришел.

— Кузнецов?

— Мы.

Чкалов всегда искал случая похвастаться перед товарищами своей силой и с гордостью заявлял:

— Я — волжский кочегар. У нас на Волге, знаете, как кочегары шуруют уголь в колосниках? Могу и вас пошуровать!

Не всякий соглашался померяться с ним силой. Но с теми, кто давал почувствовать, что и у него есть силенка, Валерий еще крепче завязывал дружбу.

Учение давалось ему легко. Задачи он решал в уме, поражая преподавателей своей памятью и способностями. Неплохо чувствовал он себя и в воздухе, на старых самолетах «вуазен», и «фарман». Более того, они уже не удовлетворяли его, и он мечтал о быстром истребителе. Он чувствовал, что из него выйдет летчик, и всегда говорил уверенно:

— Меня из школы не отчислят.

В школе находились ученики, которым безразлично было, на какой машине летать. Если же спрашивали Валерия: «на чем будешь летать?», он отвечал:

— Только на истребителе.

Он мечтал об опасности, о трудных и рискованных положениях. Его привлекало то, что летчик-истребитель летает один и больше, чем другие, ощущает стихию воздушного боя. Казалось заманчивым летать не по прямой, а всегда с выкрутасами, с задором, и не на спокойной машине, как, например, на разведчике — полетал по прямой тихонько и вернулся или где-нибудь спрятался, — а на машине маневренной, «горячей», пыл которой можно охладить еле заметным движением руки, приказанием рассудка.

Чкалов учился прилежно, но он не походил на тех учеников, которых принято было в старых школах называть зубрилами. В нем жила любовь к охоте, к удальству, к шуткам, от которых не всякому поздоровится.

По окончании учебы в Егорьевской школе Валерия перевели в Борисоглебск, в школу практическую, лётную.

Школа эта только формировалась, на аэродроме кипела стройка, кавалерийский манеж переделывали в ангар. Чкалова вместе с другими учениками водили ломать стену конюшни.

— Не выломаешь этот кусок стены — не будешь вечером летать, — говорил Чкалову начальник школы.

И Валерий брал в руки кирку или лом. Обсыпанный известкой, он ловко ударял ломом, не гнушаясь черной работой. Он готов был ломать стену, мыть самолеты, чинить «козьи ножки» — трубки на шасси, — лишь бы вторично, вечером, взяли его в полет. Это — главное. Там жизнь.

...Незабываемы ощущения первого полета. Все кажется тогда в необыкновенном свете: и маленькие люди, деловито шагающие по дорогам, и мягкие лиловые облака, и сам воздух, пространство, отделяющее самолет от земли, кажутся такими, какие представлялись в детстве, когда слушал любимые сказки. С годами эти ощущения пропадают и на смену им приходят новые, но первые чувства полета не забываются никогда. Не забыл их и Валерий Чкалов.

* * *

...Учлет, как известно, летает с инструктором. Всегда он слышит в воздухе докучный его голос: «Поверни направо!», «Поверни налево!», «Куда задрал?», «Куда опустил?», «Держи ровнее!», «Смотри на горизонт!». Или: «Выключай контакт!», «Убирай газ!», «Угол, угол держи!», «Не разгоняй скорость!», «Не выбирай из угла!».

До чего бывает тоскливо каждый день слушать эти слова. Ученик только и мечтает о том, как бы отделаться от своего инструктора, полетать одному и не слушать его поправок, которые прожужжали уши. Ему уже кажется, что он законченный летчик, — так бы и взвился сейчас вольной птицей, — и вот в этот самый момент он слышит:

— Если ты мне будешь так сажать самолет, я тебя костылем по башке из кабины выгоню к чортовой матери! Вылезай скорей! Следующий! Плохо летаешь!

По традициям Борисоглебской школы, инструктор ругался до последней минуты, до самого выпуска, и считалось: чем крепче он бранится, тем, значит, лучше ученик летает.

И наступает, наконец, день выпуска. Что сделалось в этот день с инструктором? Человека точно подменили. Он превращается в заботливую, ласковую няню. Перед самостоятельным вылетом он подойдет к ученику, и улыбнется, и по плечу погладит, и много нежных слов наговорит:

— Голубчик ты мой, милый, дорогой, бесценный, золото ты мое! Ты уж поаккуратней над Чегараком. Делай все так, как тебя учил, ничего лишнего, и все великолепно будет, замечательно, просто чудесно, — только делай, как со мной: пролетишь, уголочек — и на посадку.

Слушает учлет инструктора со вниманием, а сам думает:

«Господи, когда ты отстанешь со своими увещеваниями? Скорей бы улететь, побыть одному в воздухе, не слышать за спиной: «Куда задрал?», «На горизонт смотри!».

И садится учлет в кабину, преисполненный великим минутным торжеством.

Вокруг стоят товарищи и завистливо на него смотрят. Кто-то будет сегодня такой же счастливец? Кого-то следующим выпустит инструктор в воздух? Он вчера ругался крепче обычного, — выпустит ли сейчас?

А счастливец продолжает с важным видом сидеть в кабине. Вот взмахнет он рукой — разойдитесь, друзья, взлетать буду! Дал газ, сосредоточился в незабываемом мгновении, все быстрей, быстрей... чувствует: оторвался самолет от земли. Вышел на прямую. Высота заученная: сто метров. За спиной — молчанье. Неужели никто не сидит позади? Оглянулся... Как хорошо лететь одному!..

Потом учлет вдруг вспоминает: надо ведь разворачиваться, он велел — до деревни и обратно. Заложит крен, как он учил, развернется и идет обратно на посадку, соблюдая все наставления.

Но какая жалость! Под самолетом уже Чегарак, высохшая речонка на границе аэродрома. Тут старается ученик быть особенно внимательным, а то друзья освищут за плохую посадку. Посадил самолет и — на вершине блаженства! Идет по аэродрому и земли под собой не чувствует. Так и хочется заплясать от радости, крикнуть любому встречному и поперечному: знаешь ли ты, добрый человек, я сегодня вылетел в первый раз!

Его уже окружили со всех сторон, поздравляют, жмут руки, инструктор расточает похвалы — хоть, может быть, и ошибку какую-нибудь допустил ученик, — все равно хвалит.

— Разреши, — говорит он, — поздравить тебя со вторым рождением. А раз ты сегодня родился, слетай еще раз.

И совершает ученик второй полет. День кажется очень полным. Необычайную легкость во всех движениях чувствует молодой летчик, как на большом и веселом празднике.

Инструктором Чкалова был Очев, человек серьезный, требовательный и к ученикам и к себе. Очев знал, что каждое его необдуманное слово может подействовать на настроение курсанта, вывести его из равновесия, и поэтому был всегда внимателен и сдержан.

Курсанты любили Очева, звали «парасолинным богом», потому что он в совершенстве владел сложной машиной «моран-парасоль», капризной до того, что с ней нелегко было справиться даже опытному пилоту.

Девятнадцатилетнего Валерия Очев всегда ругал — признак того, что Валерий уже хорошо летал с инструктором.

Но однажды, в раннее августовское утро, Очев вдруг переменил тон обращения. Чкалов понял, что ему суждено сегодня лететь одному.

Ясное, опаловое по краям небо манило, вокруг было тихо, ни один стебелек не дрожал в степи, только где-то в стороне, у проселочной дороги, среди поля, омытого утренней росой, слышался скрип крестьянских телег, груженных свежим сеном.

Чкалов сидел один в кабине и слушал ласковые, напутственные слова «парасолинного бога»:

— Валюшенька милый, ты уж соблюдай, голубчик, делай точные движения, ничего лишнего.

Великая минута в его жизни наступила.

Когда Валерий очутился один в воздухе, ему хотелось и на землю-то посмотреть, узнать, что делается там, внизу, без него; и высохшая речонка Чегарак показалась ему полноводной; и радовался-то он, что машина не валится, а послушна каждому движению его руки; а, главное, радовался он потому, что видел не только горизонт и капот мотора, а весь окружающий мир: и деревеньку, и небесный купол, и телеги с крестьянами, и группу товарищей, ожидающих терпеливо на другом конце аэродрома своей очереди.

Еще только показался полукруг солнца из-за перелеска, а Валерий уже весело шагал, окруженный друзьями, и выслушивал поздравления. Ни на какие блага мира не променял бы он этих пяти-шести минут, проведенных в воздухе.

Валерий быстро совершенствовался в летном искусстве. Многих удивляло его бесстрашие. Ему не раз говорили об этом.

— Все равно два века не проживешь, — отвечал он, — а летать — хорошо.

Он безукоризненно производил расчет посадки, у него вырабатывался свой стиль управления машиной — решительный, резкий, напористый, уверенный. Не удовлетворял его спокойный полет.

Ему скажут: «Сделай вираж в шестьдесят градусов», — а он сделает в семьдесят пять. «Сделай одну мертвую петлю» — скажут, а он — три. Или заберется метров на тысячу и начнет спиралить. Уже близко земля, на аэродроме все за головы хватаются — вот-вот сейчас свалится, разобьется! А он на малой высоте возьмет да и выведет самолет из спирали ниже крыши элеватора. Станут его ругать, а он сдвинет брови и ответит угрюмо:

— Что ж я блинчиком-то ходить буду.

В нем продолжал жить волгарь, и как нельзя лучше к нему шла фамилия Чкалов: от слова «чка», — так в верховьях Волги называют ледоход, все сокрушающий на пути своей безудержной силой.

Валерий окончил школу с хорошей аттестацией. Его командировали в Московскую высшую школу авиации по классу летчиков-истребителей. Здесь предстояло постичь искусство высшего пилотажа — отрабатывать петли, штопоры, перевороты и другие фигуры.

Окна школьного общежития выходили на аэродром. Из них хорошо были видны знаки сигнальной вышки. Курсанты, просыпаясь, тотчас же, в одном белье, подбегали к окну.

— Ну, братцы, вывешен шар! — кричал громче всех Валерий. — Погодка лётная. Рассаживайтесь по местам. Максимов, дирижер, где твоя палочка?.. Ты на чем, Вася? — обращался он к другому товарищу.

— На кларнете. А ты?

— Я только на басе или на барабане.

Барабан заменяли венским стулом.

Все мигом садились на неубранные кровати и, кто на губах, кто кулаками, откалывали «польку-хохотунью» с таким задором и грохотом, что звенели стекла во всех окружающих помещениях.

Когда же в окнах стояло серое, дождливое утро, Чкалов, хмурый, шагал, широко расставляя ноги, по половицам спальной комнаты и говорил:

— Не летать нам сегодня. Рассаживайтесь, братцы, по своим местам. Что делать? Придется — похоронный марш Шопена.

Звуки грустной мелодии наполняли общежитие, курсанты нехотя одевались и шли в классы.

Каждый пилот военной школы переживает взволнован-

ные минуты, когда ждет от инструктора решения: в истребительную авиацию, бомбардировочную или разведывательную?

Чкалов продолжал мечтать об истребителе. По всему складу характера он наиболее подходил для этого.

Упорно работал он над собою, чтобы сдать экзамен, стал требователен к себе. Казалось, летает не ученик, а вполне законченный мастер летного искусства.

И однажды он, выйдя из кабины, наконец услышал от инструктора два слова:

— В истребительную.

Это был счастливейший день его юности.

Летчику-курсанту истребительной авиации обычно очень трудно бывает овладеть искусством сложных виражей. Осваивая их, летчик каждую минуту рискует перейти в штопор, из которого ученик не всегда умеет выходить.

Обычно учлет идет к этому постепенно. Чкалов постиг «тайну» штопора в несколько дней.

Как-то раз на одном из виражей он сорвался в штопор. В глазах зарябила земля. Чкалов вывел машину из штопора. Наблюдавшие за полетом Валерия решили, что он пойдет на посадку. Не тут-то было. Чкалов повторил вираж, снова попал в штопор, опять вывел самолет, — так он делал до тех пор, пока не овладел этой фигурой.

Его талант выделял его. Фигуры высшего пилотажа Валерий делал с таким изяществом и мастерством, что инструкторы открывали рот от удивления и после Чкалова поднимались в воздух сами, чтобы так же чисто выписать эти фигуры. Ученик превращался в учителя.

Московскую школу Чкалов окончил с высшей оценкой. Его направили в Серпуховскую школу воздушного боя. Здесь Валерий получил окончательную шлифовку как летчик-истребитель и провел несколько учебных воздушных боев.

С горизонтом он распростился, уже не держался за него, как говорят летчики, то есть следил не за машиной, которой управлял автоматически, чувствуя ее всем телом, а отдавал глаза «противнику».

Однажды так увлекся он, преследуя «противника», что вышел из боя только над макушкой леса: совершенно забыл, что существует земля.

Как ловко и быстро ловил он на прицел, кидался на «вра-

га» сверху — или, стремительно падая камнем, вдруг выводил самолет из отвесного пике и снова взмывал в голубой простор «свечкой», как ракета, пущенная с земли!

— Дайте мне Леньку, — говорил он, имея в виду своего приятеля, летчика Максимова. — Я ему наклею.

Да и Максимов сам был азартный и тоже искал случая подраться в воздухе с Валерием.

Их не допустили к бою (убьются два смельчака!), а поручили им вместе совершить перелет из Серпухова в Москву.

Это был «великий» перелет по тем временам — сто километров.

Не вытерпел и тут Валерий. Летя над подмосковным дачным пляжем, стал разгонять купающихся: то сделает пике, то с шумом низко пронесется над головами дачников. Кругом визг, крик! Кто — в воду, кто опрометью бежать вдоль берега...

Уже делал он круг над московским аэродромом, с тем, чтобы итти на посадку, как вдруг увидел чей-то самолет, который, сорвавшись в штопор, падал, кувыркаясь в воздухе. Еще мгновенье. Удар о землю. Облако пыли. Валерий круто повернул самолет к месту катастрофы и над грудами обломков начал делать фигуры высшего пилотажа.

Это называлось: отдать последнюю дань погибшему товарищу.

К счастью, в наше время эти традиции отжили, советской авиации люди дороги; но еще лет пятнадцать назад, когда хоронили летчика, товарищи, сбрасывая с самолета венки, делали головоломные фигуры. Редкие похороны обходились без того, чтобы кто-нибудь не изуродовался.

Валерий, отдавая прощальную дань, в этот день переусердствовал, за что и получил выговор.

Притом вскоре выяснилось, что «покойник» и не думал умирать, даже не обнаружил ни одной царапины. Выбравшись из-под обломков, он тут же отправился с товарищами праздновать свое спасение.

Так закончился «великий перелет» из Серпухова в Москву.

А спустя немного состоялся школьный выпуск. Чкалов — военный летчик-истребитель — в июне 1924 года уехал в Ленинград в Н-скую Краснознаменную истребительную эскадрилью.

189—1—204

* * *

В эскадрилье служили старые, опытные летчики. Чкалов присматривался к их полетам. Впрочем, он и сам летал не хуже других. А когда налетал сотни часов, то заскучал.

Вот он достиг того, к чему стремился. Он летает. Какое это хорошее и простое слово: летать. Да, он летает и, кажется, неплохо, — так думал он, прогуливаясь в часы досуга по широким улицам Ленинграда. И все же его не удовлетворял «просто полет». Почему это? Отчего ему было скучно летать в строю?

Он вспомнил, как всего лишь несколько дней назад кувыркался низко над землей. Товарищи, наблюдавшие за его полетом, очень волновались, а у некоторых даже пробегали по коже мурашки. Кто-то даже зажмурил глаза. «Правильно ли я сделал, допустимо ли это?» — затягиваясь папироской, думал теперь Чкалов.

На этот вопрос он не мог дать ясного ответа. Может быть, неправильно, даже наверно — неправильно. А быть может...

Он перерос дозволенные нормы высоты, был уверен в своих силах, — иначе разве он позволил бы себе выполнять фигуры на малой высоте?

И от этой мысли становилось как-то легче, спокойней на сердце. Оправдание было найдено.

Вспомнились волжские рыбаки, удалые ребята и молчаливые строгие старики. С ними он не раз рыбачил, буря застигала на середине Волги. С каким спокойствием добирались они в непогоду до берега, и все обходилось благополучно. И теперь это хладнокровие, приобретенное еще в юношеские годы, часто выручало Чкалова. Возможно, поэтому проделывал он в воздухе то, что было не под силу другим.

Эх, в военное время он показал бы, что значит летчик-истребитель. Он нашел бы себе применение. Там бы, на поле сражения, никто его не укорил, — думал он.

* * *

Золотой купол Исаакиевского собора величаво высился в небе, розоватом от множества уличных огней.

Острая мысль блеснула в голове Валерия: не попробовать ли покружиться вокруг купола?..

189—1—204

Нет, чего ради понапрасну рисковать.

И, словно опасаясь, как бы эта мысль не засела глубоко, он ускорил шаг, свернул в переулок и уже не оборачивался больше в сторону собора.

Он пришел поздно в свою комнату, разделся и лег в кровать.

— Нет, рисковато... — рассуждал он сам с собою, натягивая одеяло. — Хочешь сильных ощущений, иди, брат Чкалов, в штурмовую авиацию. Там всяко походишь.

«Там всяко походишь», — с этой мыслью он просыпался. А почему в истребительной он не мог всяко ходить? — вдруг возникал вопрос. «Нельзя, — отвечал он на свои мысли. — Нарушение правил... Эх, ты, переросток! Что же? Подождем. Будущее покажет».

Все дни он жил этим будущим, пока еще неясным, а вечерами, возвращаясь с аэродрома, снова ощущал в душе неудовлетворенность, в теле какую-то неловкость, словно на его широкие сильные плечи надели тесное платье.

И он начал искать, куда бы приложить свое неудержимое стремление к опасностям.

Он продолжал проделывать в воздухе какие-то ему одному понятные эксперименты, полюбил сложные, замысловатые фигуры. То улетит на сухопутном изношенном самолете далеко-далеко в открытое море и сбросит вымпел на палубу корабля.

Его спросят:

— Что бы вы стали делать, Чкалов, если бы на вашем сухопутном самолете сдал мотор в восьмидесяти километрах от берега?

Он разведет руками и ответит:

— Утонул бы. Попробуйте-ка проплыть восемьдесят километров.

Или ринется с голубых высот в пике, испытывая при выходе из него влияние центробежной силы, которая вдавливает голову в плечи и прижимает пилота так крепко к сидению, что кажется, будто свернулся кольцом позвоночник.

Во всем этом его привлекала та непередаваемая свежесть ощущений, которую поймет только тот, кто сам это пережил.

И вот однажды ему сказали:

— Чкалов, ты любишь испытывать самого себя. Испытывай лучше новые машины. В нашей эскадрилье есть само-

леты, у которых надо проверить моторные рамы и на прочность.

— Можно попробовать, — ответил он своим окающим нижегородским говорком, расправляя плечи.

Каждое утро приходил он на аэродром и садился в кабину, предвкушая удовольствие от высшего пилотажа. Меняя режим полета, он неистовствовал в воздухе вместе с машиной. Рамы ломались одна за другой. И когда сломал последнюю, то сказал товарищам:

— Надо полагать, заграничная фирма, поставщик рам, не очень-то останется довольна моей работой.

Это развлекало его на некоторое время, но вскоре он опять заскучал.

* * *

Аэродром эскадрильи был расположен среди болот.

Командовал частью Иван Панфилович Антошин, опытный летчик. Еще в годы империалистической войны сражался он с немецкими пилотами, а в гражданскую войну сбил польский самолет.

Чкалов любил своего командира, часто расспрашивал его о том, какое бывает у летчика самочувствие во время воздушного боя; какие нужно применять эволюции, когда самолет противника имеет превосходство, расспрашивал и о том, что нужно делать, если машина в маневренном отношении уступает машине противника.

Однажды Валерий делал над аэродромом настолько резкие фигуры, что благополучного исхода ожидать было трудно. Старый, потрепанный самолет «ньюпор-24-бис» мог рассыпаться в воздухе. К счастью, все кончилось хорошо. После полета Чкалов весело шагал по полю. У ворот аэродрома он встретился с командиром эскадрильи.

— Почему вы делали фигуры на самолете, который для таких целей забракован? — спросил строго Антошин. — Вы нарушили мое приказание.

Валерий молчал.

— Приказываю отвечать на мой вопрос!

Чкалов опустил голову и тихо сказал:

— Товарищ командир, я нарушил дисциплину и за это должен понести наказание.

Помолчав немного, он добавил:

— Не мог сдержать себя... Весна дождливая... Лётные дни выпадают редко... Подумайте, я ведь не был в воздухе больше месяца...

Приближалось время выхода в лагеря. Все мечтали о тех днях, когда можно будет полетать вволю, а главное, заняться стрельбой и воздушным боем.

И, наконец, эти дни наступили.

Каждое утро с лагерного полигона выпускали в воздух «шары-пилоты», окрашенные в черный цвет. Улетая, они превращались в черные крапинки на лазури неба. Летчики, кружась над землей, отыскивали их и расстреливали из пулемета.

— Не удается мне стрельба по шарам, — говорил возбужденно Чкалов, зайдя в палатку командира. — Помогите мне.

Антошин расспросил Чкалова, как он подходит к мишеням, с какой дистанции открывает огонь. Валерий начал объяснять подробно, с увлечением, даже с некоторой досадой.

— Сразу ничего не дается, — сказал командир. — Чтобы метко стрелять, нужно много тренироваться. Вам надо пока заменить оптический прицел обыкновенным кольцевым, у которого гораздо больше поле видимости. Вот что мы сделаем. Завтра — день отдыха, летный состав я отпущу в город, для вас же назначаю полет. Вы будете стрелять по шарам, которые я буду выпускать сам. Вы увидите, насколько легче у вас пойдет с кольцевым прицелом.

В хорошем настроении Валерий покинул палатку. Спал он эту ночь неспокойно, проснулся раньше обычного, умылся быстро и отправился на аэродром. Антошин был уже там. Механик готовил машину к вылету.

— Готовы? Пристрелку пулемета проверили? — спросил командир и, получив утвердительный ответ, уехал с шарами на полигон.

Чкалов вылетел. Через несколько минут, набрав высоту, он уже покачивал самолетом с крыла на крыло — знак, что готов. Антошин выпустил шар. Валерий сбил его со второй атаки. Тогда командир выпустил следующий шар. Валерий сбил и его с первой атаки. Решив дать своему ученику более сложную задачу, Антошин пустил два шара, один сразу вслед за другим. И они оказались сбитыми. Наконец,

когда Чкалов начал очередную атаку, он обнаружил, что запас патронов кончился. Шар продолжал подниматься. Валерий, видя, что цель уходит, догнал ее и протаранил пропеллером.

Антошин видел с земли атаки Чкалова. Когда летчик возвратился с полигона на аэродром, командир спросил:

— Зачем вы разбили винтом шар?

Валерий ответил:

— Так я буду расправляться с неприятельскими летчиками, когда мои пулеметы перестанут стрелять!

Решимость Чкалова очень понравилась командиру эскадрильи, хотя запрещено было сбивать шары самолетом. Был доволен и Чкалов. Он благодарил своего командира, долго пожимал ему руку и назвал его «батей». С того дня так и пошло, что Чкалов в неслужебное время звал Антошина только «батей». Друзьям он говорил с гордостью:

— Для меня сам командир эскадрильи выпускал шары, да еще в день отдыха.

Антошин, делая как-то ранним утром физкультурную зарядку, бежал вокруг рощи. Вдруг в густом кустарнике, поодаль от тропинки, он увидел Валерия. Командир прекратил бег и стал пробираться сквозь заросли. Валерий стоял в одних трусах у неуклюжей треноги, на которой было укреплено полено, служившее в данном случае моделью пулемета. На полене были укреплены оптический прицел Альдиса и кольцевой, визирный. Чкалов тренировался в наводке «пулемета» по обоим прицелам, чтобы овладеть «Альдисом».

— Что вы здесь делаете в такой ранний час? — спросил Антошин. — Ведь из вашего отряда все еще спят, у вас полеты вечерние.

Чкалов не ожидал, что его застигнут врасплох, он смутился и, поправляя трусы, нехотя ответил:

— Батя! Я решил потренироваться в прицеливании. И вот приспособил модель, чтобы наводить сразу по кольцевому и по «Альдису». Так думаю привыкнуть и к «Альдису»... У меня просьба к тебе, батя, — добавил он немного помолчав. — Ты уже не говори, пожалуйста, никому из ребят, что я иногда тут вожусь с бревном в этих колючках. Дай слово.

Чкалов вскоре стал первым воздушным стрелком во всей части. Уже сам командир не удивлялся, когда Валерий про-

сил «подраться» с ним в воздухе, хотя до этого ему, старейшему боевому летчику, никто не предлагал таких вещей.

Но и эти бои — с неожиданностями, резкими маневрами, головокружительными пике, крутыми виражами, внезапными атаками, свистом ветра, ревом мотора, быстрой сменой впечатлений, когда то вершины деревьев проносятся под крыльями, то багровый солнечный шар выплывает из утренней дымки, — уже и эти бои перестали удовлетворять Чкалова. Он дрался, забывая, что живет в мирное время, дрался презирая всякую опасность, и, если б не осторожность «противника», он просто таранил бы его самолет, как это едва не случилось в учебном бою с летчиком Павлушовым.

Да, то были такие бои, что ставили командира эскадрильи в тупик: в душе он гордился своими молодцами. Он искренне жалел, что не имел в отряде на фронтах гражданской войны таких летчиков, как Чкалов, как Павлушов. Но, с другой стороны, и допускать в мирное время между своими такие драки в воздухе он не имел права — это могло привести к печальным результатам.

Во всяком случае, командиру было ясно одно: Валерий — настоящий истребитель, отличный стрелок.

Чкалов говорил командиру:

— Хороший летчик должен, батя, летать и в непогоду — не только в ясный день. А я хочу быть только хорошим летчиком, или я не буду летать совсем! Уж лучше быть хорошим шофером, чем плохим летчиком.

Однажды командир отлучился из лагеря. Возвратившись, он узнал, что Чкалов совершил полет на «фоккере» вверх колесами. Антошин приказал немедленно вызвать Валерия для объяснения.

— Докладывайте, как было, — сказал командир, смотря прямо в лицо Чкалова.

Валерий быстро произнес:

— Товарищ командир, я делал мертвую петлю, в верхней ее точке завис. Самолет, вместо того чтобы свалиться на крыло, стал планировать на спине... Вот и получился полет вверх колесами.

Он замолк. Молчал и командир. Нет, здесь было что-то не так... Антошин сам неоднократно зависал на петле, однако самолет не планировал, а сваливался тотчас же на крыло и входил в штопор.

— Удивлен, по меньшей мере, — сказал, наконец, командир. — Сегодня же вечером сам проверю, так ли ведет себя машина в воздухе. Вы свободны, товарищ Чкалов. Идите.

Вечером Валерий видел, как механик готовил самолет Антошина к вылету.

— Скоро полетит командир? — спросил он механика.

— Минут через десять, — ответил тот.

Чкалов быстрым шагом направился к палатке командира. Столкнулся с ним у входа, у самой линейки.

— Батя, повремени итти на аэродром, — сказал он дрогнувшим, таким сердечным голосом, что вызвал на лице командира улыбку. — Ругай меня, наказывай, но я хочу сказать, что полет вверх колесами я делал намеренно.

— Почему же ты с самого начала не сказал мне об этом?... Что же ты молчишь?.. Тогда ответь, что заставило тебя притти с повинной?

— Совесть заговорила, батя... Кого-нибудь, я, может быть, и обманул бы, но тебя, батя, обмануть не могу. Совесть не позволяет.

Антошину нравились в Чкалове честность и прямота, и все же ему пришлось на два дня отстранить своего любимца от полетов.

Валерий безропотно подчинился.

* * *

Наступала осень. Пронзительный ветер рвал в клочья густые облака, низко нависшие над громадами зданий. Как призраки, за сеткой дождя торчали на сером небе портовые краны. На гребнях волн покачивались баркасы.

Корабли Балтийского флота участвовали в больших маневрах. Случилось так, что флагманский корабль потерял радиосвязь. В это время разведка «красных» обнаружила главные силы противника и подготовку десанта. Сведения разведки нужно было передать флагману.

Это поручили авиачасти, которой командовал Антошин.

Трудна задача обнаружить с воздуха корабль, когда туман стелется над самой водой, идет дождь и видимость по горизонту исключительно плохая. Антошин выделил для этого самых лучших летчиков — Чкалова и Леонтьева, приказал им разыскать флагмана и сбросить на палубу вымпелы.

Летчики немедленно сели в кабины и скрылись в моросящем дожде.

Прошло два часа. Летчики не возвращались. Антошин нервно шагал по мокрому аэродрому. Им овладело сомнение: целесообразно ли было посылать в море сухопутные самолеты, да еще в такую непогоду? Где-то они кружат сейчас над водяной пустыней?..

Погода ухудшалась. Дождь перешел в ливень. Отвесными полосами низвергался он на землю. Вдруг из-за деревьев вынырнул самолет. Через несколько секунд машина опустилась на аэродром, поднимая столбы грязной воды. Леонтьев вылез из кабины, подошел к командиру, устало доложил:

— Встретил в море много кораблей, но флагмана не обнаружил, бензин был на исходе. Сбросить же вымпел на какой-либо другой корабль боялся. Корабль мог оказаться «неприятельским». Видимость отвратительная: облака, сильная болтанка, дождь. Сплошная вода сверху и снизу.

— Где Чкалов? — перебил командир.

— После того, как мы разошлись на поиски флагмана, я Чкалова не встречал.

Прошел еще час, а Чкалов не возвращался. Антошин шагал по аэродрому под проливным дождем, не замечая, как ноги его вязли в грязи и как холодные струйки текли по лицу и шее. Он терялся в догадках: где же Валерий? Бензин в баке его самолета должен уже кончиться: значит, Чкалов утонул или, в лучшем случае, разбил машину. Ведь на побережьи Финского залива почти невозможно найти клочок земли, пригодной для посадки... Нет, не может быть!.. Мотор надежный, — утешал себя командир. — Чкалов — отменный летчик.

Темнело. Дождь стал реже и мельче. На вечернем небосклоне в разрывах туч бледнели узкие полосы зари. С чувством беспокойства Антошин направился к дому. Вдруг он увидел: дежурный по штабу бежит к нему. Дежурный, как вкопанный, остановился перед командиром и, тяжело дыша от быстрого бега, доложил:

— Товарищ командир, вас просят к телефону из Ораниенбаума.

Приложив к уху трубку, командир услышал голос Валерия:

— Батя, несмотря на окаянную погоду, я нашел в море

флагманский корабль. Вымпел сбросил. Задание выполнено. Из-за недостатка бензина сел благополучно у Ораниенбаума. Батя, вышли, пожалуйста, моториста и бензин.

Антошин хотел расспросить Чкалова об его самочувствии, сообщить ему о своей тревоге и радости, но Чкалов уже повесил телефонную трубку на рычаг.

На следующее утро Валерий прилетел с места вынужденной посадки. Через час он сидел в штабе и весело рассказывал:

— В тумане — а тут еще дождь моросит — корабли все на одно лицо. Как увижу в море корабль, я — к самой воде и стараюсь прочесть надпись на борту. Только таким путем, наконец, и разыскал флагмана. Я решил искать до тех пор, пока в баках осталось бензина столько, чтобы добраться до берега... Как я мог, дорогой батя, вернуться, не выполнив твоего приказа? — добавил он, помолчав немного, и его суровое лицо осветилось улыбкой.

Дни шли. Командир эскадрильи уехал отдыхать на берег Черного моря. Там он получил от приятеля письмо, в котором сообщалось, что Чкалов пролетел под мостом, перекинутым через Неву.

— Да как пролетел! — писал приятель. — Он не задел колесами истребителя поверхности Невы, а концами крыльев — быков, хотя их отделяло несколько сантиметров!

Да, это был полет поразительно точного расчета, требовавший исключительной храбрости и выдержки. Вряд ли из тысячи летчиков один согласился бы проделать что-нибудь подобное. Командир вспомнил, как Чкалов ловко пролетал в искусственные ворота из двух тонких длинных шестов, верхние концы которых соединены были белой лентой марли. Чкалов, проходя ворота, ни разу не задел колесами самолета за ленту и приземлялся всегда в точно установленном месте. Это увлекательное упражнение помогало летному составу эскадрильи усвоить правильную глиссаду планирования и сажать самолет на указанную точку.

Но полет под мостом! Шесты никак нельзя было сравнить с быками, а ленту марли — с мостовой аркой.

Да и сам Чкалов был взволнован этим полетом. В ушах несколько дней гудело точно так же, как тогда, когда над ним под сводами мгновенно пронесся адский гул, гул такой силы, что казалось — мост рушится.

Его вызвал комиссар.

— Вы хотели пощекотать себе нервы? — спросил комиссар.

— Я хотел проверить себя, — ответил Чкалов.

— Но ведь вы нарушили правила. Согласитесь со мной.

— Я истребитель, товарищ комиссар. Смелость и расчет необходимы для истребителя.

— Не спорю, и все же этого не надо делать.

Чкалов утвердительно кивнул головой.

— Скажи мне по совести, — спрашивал Антошин, вернувшись из отпуска: — что побудило тебя предпринять полет под арку моста?

— Дорогой батя, — начал оправдываться Чкалов, — ты сам заставлял нас проскакивать ворота на аэродроме. А пролет моста все же немного шире, чем твои ворота.

Командир молчал; про себя же думал: Валерий настолько уверен в своих расчетах, в уменьи управлять машиной, что спокойно совершил этот полет. Он искусственно создает для себя труднейшие препятствия!

— Полет твой — трезвый, идеально точен, как математика, — сказал, наконец, командир, — и все-таки я должен его осудить. Это — риск, ничем не оправданный. Не надо так делать.

Чкалов и тут соглашался.

Но проходили дни, и его опять тянуло к острым ощущениям, «к проверке собственного организма», как выражался он.

Антошин гулял как-то по Ленинграду и вдруг среди городского шума услышал прерывистый гул мотора. Командир остановился на перекрестке и стал смотреть в том направлении, откуда раздавался гул. Через несколько секунд легко было определить, что самолет приближался со стороны Аптекарского острова. Не прошло и полминуты, как Антошин увидел проносящийся низко над крышами домов истребитель.

Истребитель летел мертвыми петлями, то-есть делал непрерывно одну петлю за другой, продвигаясь вдоль Большого проспекта. Крыши зданий помешали командиру увидеть номер самолета, но одно было несомненно: самолет принадлежал эскадрилье, которой Антошин командовал. Антошин поспешил на аэродром. У открытого ангара стоял самолет, и

рядом — Чкалов. Увидев командира, Валерий сделал несколько шагов вперед и отрапортовал:

— Товарищ командир! Испытывая крепость подмоторной рамы, я сделал пятьдесят мертвых петель по маршруту от Смольного до Крестовского острова. Рама в полном порядке.

— Кто разрешил вам? — строго спросил командир. — Почему петли делали, летя так низко, да еще над центром Ленинграда?

Валерий молчал.

Командир потребовал объяснения.

Помедлив, Чкалов ответил:

— Я нарушил, товарищ командир, основные положения. Я виноват. Готов нести наказание.

Ответ Чкалова и огорчил, и взволновал Антошина. «Батя» не мог допустить, что его питомец без всякой причины стал бы так нарушать уставные правила. Надо произвести тщательное расследование, — решил командир. Он занялся опросом летчиков. Но истинную причину выяснить ему так и не удалось. Он снова вызвал Чкалова и начал по-дружески объяснять ему все сначала...

— Подумай, Валерий, к чему бы мог привести твой полет? — закончил он длинную свою речь.

Валерий был растроган. Он не вытерпел и сказал:

— Милый батя, свой полет я произвел потому, что заключил с летчиком Козыревым пари. Я взялся сделать пятьдесят мертвых петель, но... прости, батя, вошел во вкус и сделал шестьдесят шесть...

— Пари? — переспросил недоверчиво Антошин. — Валерий, мудришь. Что мне с тобой делать? Все мы тебя уважаем, любим, но согласись, что таких вещей...

— Не следует делать, — закончил мысль Антошина Чкалов.

Заметив на себе пристальный взгляд бати, Чкалов оживился, поднял глаза.

— Я еще сам не разобрался. Конечно, батя, это не только пари...

— Хорошо, Валерий, — сказал Антошин и крепко пожал ему руку. — Когда разберешься в полезности такого полета, дашь мне объяснение.

Чкалов не удовлетворялся успехами, уже достигнутыми авиацией. Часто, никому не говоря ни слова, он уводил

свою машину в сторону от аэродрома и там, где-нибудь за лесом, штопорил, делал резкие пике, неожиданно переворачивался и летел вниз головой. Увидел как-то с воздуха два дерева, расстояние между которыми было меньше размаха крыльев, — подлетел, поставил на большой скорости машину на ребро и проскочил узкое место.

Уже нетрудным казалось ему летать вдоль лесных просек. Сложней представлялся соблазнительный для него полет вокруг купола Исаакиевского собора, но и это оказалось выполнимым: в конце концов он не вытерпел и сделал несколько глубоких виражей вокруг купола.

Во мглистый день летел он однажды очень низко над полотном железной дороги, по обе стороны которого рос высокий лес. Слабенький мотор еле-еле тянул машину. Вдруг Чкалов увидел мчавшийся навстречу паровоз. Свернуть вправо или влево было поздно. В десятках шагов перед паровозом Чкалов поставил обледеневшую амфибию на дыбы, перепрыгнул через трубу и, едва не касаясь лыжами покрытых снегом крыш теплушек, скрылся за хвостом поезда в морозной мгле.

* * *

Над городом стояла большая лётная весна. В белые ночи Чкалов продолжал заниматься воздушной стрельбой. Он целился и стрелял в самолет «противника» то лежа на боку, то головой вниз, то взлетая «свечкой» на своем истребителе.

Слухи о летных подвигах Чкалова, о его стиле пилотирования передавались из уст в уста. Слухи эти вырастали, обволакивались фантазией, и уже трудно было отличить правду от выдумки.

Как зачарованные, стояли на земле товарищи и наблюдали за полетом Чкалова. Он делал «бочки», иммельманы, свечи с необычайным искусством. Он летал свободно, как птица — что птица? Птица не может лететь вверх лапками, взвиться пулей в синеву небес, а он это проделывал с предельным совершенством: переворачивался вверх колесами, вертелся юлой, ввинчиваясь в небо, вел замедленный пилотаж, — тогда самолет его при самых сложных фигурах шел плавно, как в масле. И все это проделывал он легко, четко, изящно, без малейшего напряжения.

Иногда страшно было наблюдать за воздушным боем, ко-

торый вел Чкалов. Этим искусством он владел мастерски. Он быстро и всегда метко поражал воздушные и наземные цели. Искусные маневры для выхода из-под обстрела чередовались с ошеломляющими атаками. Начинал он бой на большой высоте и заканчивал его почти у земли. В воздухе начиналась такая чехарда, что у зрителей захватывало дух.

Фигуры Чкалов проделывал не автоматически, а отдавал себе полный отчет во всех своих действиях. Особенно удавалась ему сложная и опасная фигура перевернутого штопора, вверх колесами. Движения летчика при этом следовали одно за другим в обратном порядке. И его выбрасывало из кабины, а не прижимало к сиденью.

Каждую фигуру Валерий выполнял по-своему, вносил в нее особенное, чкаловское. И, вылезая из кабины, часто говорил басом:

— Воздушный бой может происходить на всяких высотах. Нужно уметь хорошо владеть машиной и на большой высоте, и на малой.

Он уже привык к тому, что во время выполнения фигур его прижимало к сидению с силой, превышающей в несколько раз собственный его вес. Кровь перемещалась в сосуды нижней половины его плотного тела. Но как мгновенно исчезали неприятные ощущения во время воздушного боя! Организм напрягался, весь тогда он был стремление, порыв, и взор его становился орлиным. Сидя в овальной кабине, он почти сливался с крыльями, с коротким, сплющенным туловищем-фюзеляжем и делался похожим на большую птицу; крупная голова в кожаном тугом шлеме, чуть вдавленная в плечи, еще усиливала это сходство.

Ни доли секунды промедления! Доля секунды решает все. Победит тот, кто обладает железным здоровьем, мгновенной реакцией, безудержной храбростью и железной выдержкой, холодным расчетом и хитростью в бою. Чкалов обладал всем этим. Соколом кидался он в атаку, отвечая каскадом фигур на маневры «противника». Ветер, грозный рёв моторов были его стихией, и, казалось, само воздушное пространство расступалось перед ним.

А он, сросшись воедино с машиной, то с угрожающей быстротой ринется в пике навстречу земле, то сделает глубокий вираж, вглядываясь в «мертвые конуса обзора» — куски голубого неба, закрытые дотоле крыльями и фюзеляжем.

Мгновенье — и он снова перевернулся, координируя все свои пять чувств. И ими, пятью, управляло шестое чувство, которым его наделила природа: чувство воздуха.

На ничтожной высоте, у самой земли, Чкалов умел выполнять сложную фигуру — «четверную бочку». Он вел самолет с математической точностью. Никто не мог превзойти его в искусстве высшего пилотажа.

— Если идешь в бой, не отступай ни на шаг. Истребитель должен быть отважным, — учил он молодых пилотов.

Иные летчики любили показать свое превосходство над новичком, повертеть его в воздухе.

Чкалов этого никогда не делал. Он пролетал раза два над аэродромом и осторожно приземлялся.

— Человеку надо доставить удовольствие, а не трепать его так, чтобы он потом вспоминал о полете с отвращением и ужасом.

Да, он умел получать радость от своей работы и поэтому хотел, чтобы и другие чувствовали радость, паря в воздухе.

Работал он с упоением, со страстью, он переживал вдохновение художника-творца, вдохновение новатора, расширяющего власть человека над стихией.

* * *

Под новый год в клубе педагогического института собралось много нарядных девушек. В зале зажглись на старинных люстрах новогодние огни. Приодевшуюся Ольгу Орехову окружили знакомые ребята, много смеялись, просили спеть, но все около этой синеглазой девушки с тяжелой прической светлых волос держались строже и более подтянуто, чем с другими.

После двенадцати Ольга сидела на клубной сцене и о чем-то оживленно разговаривала с подругами.

Вдруг к ней подошел незнакомый человек. Он был в лётной кожаной тужурке и высоких сапогах. Подойдя, он слегка облокотился на ее стул. Она чуть-чуть отодвинулась. Тогда он протянул широкую ладонь и сказал:

— Чкалов. Истребитель. Из эскадрильи. Будем знакомы.

Девушка с удивлением посмотрела на него: от неожиданности она не знала, что сказать.

Он посмотрел на Ольгу прямо и смело и едва заметно дотронулся до ее руки.

— Ну, протяните же руку. Думаете, мол, выпил, не соображает. Как на зло, ни капли... Это в новогоднюю-то ночь!

Она слегка отвела его руку и проговорила:

— Я не думаю ничего... Я не знаю вас...

— Зато я вас знаю. Вас Ольгой зовут.

— А где вы меня видели? — вдруг спросила она и сама удивилась своему вопросу.

— Уже четвертый месяц слушаю ваше пение. Нравится оно мне...

И закончил твердо:

— И сегодня сюда пришел из-за вас. — И громко рассмеялся: — Чего смущаетесь? Очень даже здорово поете...

Его смех показался ей немного грубым. Она ничего не ответила.

— Простите, я не такой, как вам кажусь, — сказал он с неожиданной прямотой.

И Ольга почувствовала искренность в его голосе. А почувствовав это, вдруг как-то сразу поверила ему всему, вообще.

Валерий и Ольга вышли из клуба вместе.

И между ними сам собою завязался один из тех разговоров, который бывает в жизни многих молодых людей. Тогда и ночь, и снег, и все на улицах кажется особенным, и каждый из двоих открывает в другом новые, необыкновенные, прекрасные качества.

Яркий голубой снег блестел под уличными фонарями. Впереди расстилалась Нева, скованная льдом. Темным силуэтом вырисовывался парапет набережной.

Они неторопливо шли по тому мосту, под которым несколько месяцев назад пролетел Валерий. Он вспомнил и улыбнулся.

— Послушайте... — сказал он, взяв Ольгу под руку. — Забыл поздравить вас с новым годом.

Она ответила:

— Спасибо.

И опять тихонько отвела его сильную руку.

— Вы о чем-то думаете? — спросил он.

— О хвостиках. Анатомию и физиологию еще не сдала...

Незаметно очутились они перед кинотеатром. Над входом

висела большая реклама, изображавшая леопарда в Уссурийском крае.

— Так не бывает, — сказала Ольга, — там тигры водятся.

— Нет, леопарды тоже живут, — возразил он.

Они заспорили, даже в кино не пошли.

— А не страшно там? — спросила вдруг Ольга.

— Где?

Она показала глазами на небо.

— Это о полетах? А вы попробуйте.

Они подходили к дому, в котором жила Ольга. Расставаться не хотелось. Опять свернули в переулок и вышли на набережную. Валерий облокотился на парапет и долго смотрел в речную даль.

— Эх, сейчас бы наши розвальни, — вздохнул он. — У нас в эту ночь на парах катаются...

— Вы из каких мест?

— С Волги. А вы здешняя?

Она кивнула головой.

— Ну, значит, не поймете волгаря. Здесь-то давно живете?

— Двадцать лет. Отец машинистом работает на Приморской дороге.

— Ну? А мой — котельщик в Василевском затоне. Василево, конечно, не знаете?

— Папа у нас строгий... — продолжала она задумчиво.— Мать мы потеряли, когда мне двенадцать лет минуло.

— Моя мать тоже умерла... Мне шесть лет тогда было... Мы, мальчишки, охоту любили, — сам себя перебил Валерий, сгребая рукой с парапета пушистый снег. — Дружок у меня был Левка... «Поедем, — бывало, скажет, — на ту сторону Волги, порох и ружье мои, а ты, Валька, дробь доставай». Я потихоньку от родных из лампы, что над столом висела, — сегодня горсть дробинок, завтра горсть... А отец не догадывается, видит только — лампа все ниже опускается. Убивали, конечно, больше ворон да воробьев.

Валерий ласково заглянул в лицо девушки, она слушала его с вниманием, изредка поднимая грустные синие глаза.

— Сильный я был. К нам в Василево борец Флягин приезжал. Ну, я его на обе лопатки... Как сейчас помню, отец покачал головой и сказал: «Вольно, Аверьян, тебе было его

положить. Вишь, какого чорта выворотил». А один раз с братьями Бурлаковыми дрался. Тогда еще ногу мне сломали в драке. Больно было, когда сапог стягивали. А кричать не хотелось. Отвезли в затонскую больницу. Шесть недель лежал. А катались, знаете, как с горы? Утащим с базара полки трехъярусные, на горе уже ждут парни, девчата. Кто помельче, усаживались внизу, а кто побольше — на втором ярусе. На третьем — кто попало. Человек тридцать всего. Я сбоку бежал, управлял. Другой раз не справишься — яма налево была, там старые лодки, бревна свалены — и всей компанией... бац! — прямо в столб. Хохоту, крику, синяков! А бывало и благополучно, прямо на Волгу. Хорошо!

Он рассказал Ольге и о том, как стал летчиком, как упорно шел к своей цели. И Ольга, слушая Чкалова, ясно представляла себе его раннюю юность. Запомнилось ей, как он, слесарь, целый год упрашивал начальника авиационного парка и, наконец, тот сдался, помог Валерию поступить в лётную школу... С тех пор прошло всего пять лет...

— Будем друзьями, — сказал Валерий, прощаясь с девушкой, и крепко пожал ее руку.

Поздно вернулась Ольга домой. Уже давно спал отец. Спала вся Петроградская сторона.

* * *

... — А вы были неправы, — такими словами встретил он ее через несколько дней. — Леопарды живут и в Уссурийском крае. Я проверил по Брему. Я его почти всего читал. Меня не проведете.

Она обрадовалась встрече, и Валерий решился рассказать ей о своем плане: ему хотелось увидеть ее и пригласить готовить с ним вместе водевиль для клубной сцены.

Валерию уже приходилось играть в любительских спектаклях. Были даже излюбленные роли: особенно удавался ему Любим Торцов.

Ольга согласилась.

Свои встречи с Валерием Ольга вначале скрывала от отца. Но вскоре она познакомилась с Анной, приехавшей погостить к брату. Встречи стали более частыми. И Валерий начал бывать в семье Ореховых.

Как-то Ольга и Анна гуляли по Каменноостровскому про-

спекту. Они увидели высоко на небе самолет, делавший непрерывно одну мертвую петлю за другой.

Анна насчитала более ста петель.

— Больше не могу... шея устала, — сказала она.

Через некоторое время Ольга узнала, что петли делал Валерий.

Он сам признался ей в этом.

— Двести пятьдесят мертвых петель крутанул. И дернула же меня нелегкая. Пришлось отсидеть на «губе».

Ольга не поняла.

— На гауптвахте, — пояснил он.

И, ощущая желание выговориться перед близким человеком, стал жаловаться, что его не понимают как летчика.

— «Батю» переводят в другую часть. Кроме «бати» защитников нет. Вот недавно: профигурял у земли. Опять устав нарушил. Но если я все-таки могу летать лучше, чем определено по уставу? Вы знаете, в воздушном бою нашему брату-летчику приходится прижиматься и к самой земле. А фигурять — все равно фигуряй, хоть из кожи лезь. И если я не научусь это делать в мирное время, на войне враг меня убьет. А я умирать не хочу. Нам надо не умирать, а побеждать!.. Вот и ответьте, что я, преступник какой-нибудь?

Он пытливо заглянул в глаза Ольги. Но она молчала.

— Весь вопрос в разном понимании сущности дела, — продолжал он. — А потом... Ну, что ж, в конце-то концов, говорить: я же все-таки чувствую, что могу так летать. Могу же я это чувствовать. Вот. А если бы я летал, как все, я, конечно, был бы дисциплинированным... Ну, да ладно. Когда-нибудь поймут и меня.

Валерий откинулся на спинку дивана и затянулся папиросой.

— Лёлик, обязательно напишу книгу о том, как надо летать. Вы мне поможете.

— Чем же я вам помогу? — спросила Ольга. — Я не разбираюсь в авиации...

— Ничего... — задумчиво ответил он. — Обработать рукопись вы сумеете. Непременно с вами напишем.

Она смотрела на его большую голову и думала: только бы не полюбить его. Припомнились ей из раннего детства рассказы матери о летчиках. Много красных гробов возили тогда мимо окон их домика, стоявшего недалеко от аэродрома.

Валерий и Ольга виделись все чаще.

И вдруг Валерий пропал. Не бывал он больше и в клубе. Встретились неожиданно, на улице. Чкалов был расстроен. Он только что отсидел за нарушение лётных правил положенную норму на гауптвахте.

— Первую кого встречаю, вас, Лёлик! — воскликнул он и крепко потряс ее руку. Резкая складка над переносицей исчезла, лицо опять озарилось улыбкой, весь он ей показался добрым и каким-то необыкновенным. Когда пришли к Ореховым, Ольга вскипятила чайник. Валерий пил из кружки и рассказывал, как недавно стоял на аэродроме, у истребителя, обняв пропеллер машины, и чуть не плакал оттого, что на целый месяц ему запретили полеты.

Ольга слушала внимательно. Она постаралась его рассеять, отвлечь.

— Почему вы в воздухе любите самое опасное? — спросила она.

Он не ответил.

Она дотронулась до его руки.

— А я уже беспокоилась немного...

Это было начало не только любви, но и большой дружбы на всю жизнь.

* * *

Через год они поженились. В Ленинград приехал Павел Григорьевич. Новая семья ему понравилась.

— Мой Аверьян теперь в надежных руках, — сказал котельщик. — За него я спокоен.

Старики подружились. Отец Ольги, Эразм Логинович, старик с большими пушистыми усами, любитель книг, поклонник Тараса Шевченко и Льва Толстого, водил Павла Григорьевича по музеям. Ездили они и на острова, осмотрели дворцы; полюбовались и Петергофскими фонтанами. Эразм Логинович хорошо знал достопримечательности родного города.

Однажды Валерий совершил с отцом воздушную прогулку над городом.

Павел Григорьевич спокойно сидел в кабине, позади сына, даже улыбался от удовольствия, поглаживая аккуратно подстриженную бороду.

Перед отъездом в Василево котельщик сказал сыну:

— Вот уж нагляделся я досыта, Аверьян. Теперь и умирать можно!

— Поклонись от меня Волге! — крикнул Валерий, когда поезд тронулся.

— Приезжай яблоки есть. Скоро поспеют! — в свою очередь крикнул Павел Григорьевич и скрылся в окне вагона.

Но побывать осенью на родине Валерию не удалось. Предстояли большие воздушные маневры.

Вот когда он мог показать, какая сила таится в нем!

Крыло в крыло летала на маневрах тройка Чкалова. Если бы можно было в голубом небе исполинской рукой художника воспроизвести следы чкаловского полета, какая причудливая картина, сотканная из геометрически правильных узоров — острых углов, смелых линий, мягких полуокружностей, представилась бы взору людей, наблюдавших за полетом. Всё это быстро менялось, дополнялось, уступало место новому, еще более чудесному рисунку, который возникал в небе так же мгновенно, как и пропадал бесследно, и никакой художник в конце концов не поспевал бы набрасывать эти линии, круги, зигзаги.

В детстве иногда снится, что, делая еле заметные движения, летаешь по комнате медленно, словно плывешь под водой. Точно так Чкалов умел вести замедленный пилотаж. При этом, если грозила опасность, он сохранял полнейшее спокойствие. Большая сила воли и способность молниеносно реагировать помогали ему находить выход из тяжелого, казалось бы — безнадежного, положения.

Однажды он показывал фигуру медленного иммельмана. И вдруг, в тот момент, когда самолет проделывал петлю, вернее, когда находился в верхней ее точке, остановился мотор. Потеряв скорость, машина вверх колесами стала падать.

Все это произошло так быстро, что люди на земле не успели ничего сообразить. Только глухой вздох толпы, точно гул от обвала в горах, пронесся над аэродромом да кто-то крикнул:

— Конец! Разобьется!

В следующую секунду встревоженные зрители увидели невероятное: Чкалов в двух метрах от земли резко перевернул самолет — небо опять блеснуло над его головой — и изящно приземлился.

И снова — теперь уже радостный — гул пронесся над полем. К Чкалову, перегоняя друг друга, бежали товарищи. Он сидел в кабине спокойно, точно изваяние, и тихо улыбался.

— Валерий! Жив? — раздавались отовсюду голоса.

— Признавайся, струсил?

— Конечно, струхнул, — перебил кто-то. — Но он и глазом не поведет. Разве вы не знаете его?

Чкалов продолжал молчать.

— Чего вы меня окружили, ребята? — наконец, сказал он недовольно. — Дайте вылезти из кабины-то.

И, выпрыгнув на землю, зашагал вразвалку к ангару.

В этот день ничего не добились от него товарищи. И только спустя неделю, как-то в дружеской беседе, Чкалов рассказал о своих переживаниях, да и то рассказал скупо, коротко, двумя-тремя фразами.

— Нечего греха таить. Была опасная минута в моей жизни, пришлось поволноваться. Но волнение я испытал гораздо позже: не в воздухе, а уже на земле, когда шел к ангару и вы приставали ко мне с вашими расспросами.

* * *

Приближалась десятая годовщина Великой Октябрьской революции. Эскадрилья вылетела из Ленинграда в Москву на всенародный праздник.

8 ноября Чкалов на аэродроме имени Фрунзе показал членам Правительства фигурный полет на высоте 25—50 метров от земли.

Это было зрелище, которое превосходило все виданное доселе. Самолет Валерия то вертелся юлой, ввинчиваясь в синеву, то с ревом проносился над землей, сотрясая стекла ангаров и едва не задевая лыжами крышу. Витки штопора чередовались с боевыми разворотами. Влево, вверх, опять вниз, еще стремительней и круче, — в небе снова возникал фантастический рисунок, — то Чкалов проделывал классический вираж, выписывая замкнутую кривую. Наконец, он повел самолет на посадку. В пятидесяти метрах от земли опрокинул он машину на спину, некоторое время летел головой вниз, и вдруг легко, изящно, приняв нормальное положение, опустил самолет у самого посадочного знака.

Вся глубина чкаловской натуры, бесстрашие и совершен-

ное умение, сказались в этом рискованном, но важном с точки зрения военного дела полете, требовавшем точной координации движений и исключительного «чувства земли».

Чкалов поздно вернулся в номер гостиницы. Возбужденный, он писал в эту ночь жене:

«Лелик, ты не можешь себе представить, что я сделал здесь своим полетом. Весь аэродром кричал и аплодировал моим фигурам. Мне было разрешено здесь делать любую фигуру и на любой высоте. То, за что я сидел на гауптвахте, здесь отмечено особым приказом, в котором говорится: «Выдать денежную награду старшему летчику Чкалову за особо выдающиеся фигуры высшего пилотажа». Это было прочитано в Большом театре на торжественном заседании. Начальство хочет видеть еще раз наш общий полет, а здесь много самолетов. Это будет что-то особенное...»

Через несколько дней, улетая обратно в Ленинград, Чкалов еще больше удивил своих товарищей.

Земля на московском аэродроме освободилась от зимнего покрова, лишь кое-где оставались ноздреватые побуревшие его островки. Тем не менее Чкалову предстояло взлететь на лыжах: в Ленинграде наступила настоящая зима.

Один из летчиков эскадрильи пытался подняться с небольшого островка, но не рассчитал, — при разбеге царапнул лыжами мокрую землю и сломал машину.

Чкалов видел неудачный взлет товарища, но это не остановило его. Он выбрал узкую снежную полоску, прикинул расстояние в уме и начал взлет. Самолет бежал все быстрей, быстрей. Перед моментом отрыва машина все же царапнула лыжами землю, накренилась набок, полетели комья грязи, послышался глухой удар, и — отвалился кусок крыла.

Все, кто наблюдал за взлетом, видели, как упал конец крыла. Побежали к месту старта, но Чкалов был уже высоко в небе. Он уверенно вел самолет на север. Серьезное повреждение не помешало ему приземлиться в Ленинграде с обычной, присущей ему, грацией.

* * *

У Чкаловых родился сын. Первенца назвали Игорем. На лето Павел Григорьевич пригласил невестку к себе, в Василево. Валерий это лето проводил в лагерях в Белоруссии.

Ольга, живя в Василеве, часто получала письма от мужа. Валерий опять испытывал тяжелую неудовлетворенность работой.

Он жаловался в письмах, что чувствует себя не у места и не при деле. О том, что сидел на «губе», не хотелось писать: Ольга кормила сына грудью. За что сидел? Не по уставу летал. Почему же некоторые пользовались его методом воздушного боя? Другие пользуются, а он, выходит, виноват? Когда же, как не в мирное время, он должен успеть до войны закалиться, овладеть своим оружием. Поговорить бы с главными! Сказали бы — не годен — ушел бы из авиации. А уж ежели сказали бы — молодец — такую бы жизнь начал...

Прошло немного времени, и письма перестали приходить. Обманывать он не любил, а писать правду ему не хотелось.

Случилось же за это время вот что: перелетая из Гомеля в Брянск, Чкалов врезался в телеграфные провода. Разбитый самолет упал на пахоту, а верхняя плоскость осталась между столбами на проволоке. Валерий отделался ссадинами и ушибами, но попал в исправдом. Осудили на год.

В Брянский исправительный дом он пришел сам, без конвоя. Долго тянулся первый день. Под вечер Валерий взял тетрадку и начал писать. Он писал и второй день...

«...Камера маленькая, но теплая. Как пришел, так сразу же начал писать. Ночью уснуть долго не мог. Мысли о Лелюське и Игоре не давали покоя. Как-то они там в Ленинграде... Неудачник я в жизни... Если бы не было Лелюськи и Игоря, я бы жить не стал. Это малодушие, но это так...»

Вставал он рано, с головной болью, набрасывался на книги. Но вскоре и книги все были прочитаны.

«Скука страшная, тяжелая, гнетущая тоска. Днем спал. Проснулся. Принесли обед. Сидел, лежал, ходил, все надоело. Думы о жене, о сыне... Написал Лелюське первое письмо. Завтра оно попадет на почту. Лелюська будет его читать и плакать. Спокойной ночи, Лелик. Наша жизнь еще впереди».

Однообразно тянулись дни в камере № 12. Мысли о семье попрежнему не давали покоя. И он продолжал разговаривать сам с собою, выводя в дневнике строчку за строчкой:

«Как Игорюшка, что нового, как проводите время? —

вот вопросы, на которые я хотел бы ежеминутно иметь ответы. Как мало теперь мне нужно, чтобы быть спокойным».

Чкалова освободили очень скоро, задолго до срока. Он пробыл в исправительном доме лишь девятнадцать дней. Однако жить в Брянске ему уже не хотелось. Он чувствовал себя одиноким и тосковал по семье. Письма к Ольге были полны расспросов:

«Лелик, почему так долго у сынка нет зубов? Ты обрати внимание. Это плохо, если у него сразу пойдут потом. Правильно: два зуба внизу, потом два зуба наверху, четыре внизу, и т. д. Как он сидит — сам или нет? Капризничает или нет? Как привилась оспа? Ты вот все эти мелочи про сынку не пишешь. Как он вырос? Вес какой его? Сейчас же сходи и взвесь его. Ты знаешь, как мне хочется все это знать... Ну, вот и все, что я могу написать. Душу свою, больную и скучающую, на бумаге не выложишь, да ты ее и так понимаешь...»

Он приехал в Ленинград. Некоторое время не мог устроиться на работу. Из армии его уволили.

«Брошу, Лелик, летать. Не понимают меня. Буду учиться. В вуз поступлю...»

В семье Чкалова наступили черные дни. Валерий замкнулся в себя, почти перестал разговаривать с близкими. Очень страдало самолюбие.

Жена видела, как он тосковал.

Наконец, он устроился в Осоавиахим, катал желающих на пассажирском самолете над Ленинградом. В редкие минуты хорошего настроения он называл себя «воздушным извозчиком».

Как-то Валерий снял со стены свою фотографию. На ней он был изображен в военной форме. Долго смотрел он на карточку, махнул рукой, подошел к столу и написал на портрете:

«Бывший военный летчик-истребитель. Когда-то летал. Сейчас подлетывает на «юнкерсе-13». Грустно мне смотреть на вас, Валерий Павлович! Самолет к вам не подходит, не по духу. Вам бы сейчас «хенкель» или что-либо в этом роде, вот это еще подошло бы. Ну, а вообще, катайте пассажиров, и то хлеб».

Год он летал на «юнкерсе». Спокойная, однообразная работа не удовлетворяла. Хмурый приходил он домой.

Однажды его не было всю ночь. Ольга Эразмовна давно проснулась, встала, уже надела пальто, торопясь в школу на занятия. В раздумьи подошла к окну. Было пасмурное утро. По улице полз туман. В это время на лестнице послышались такие знакомые, тяжелые шаги.

Ольга Эразмовна повернула голову. На лице вошедшего Валерия она заметила какое-то особенное выражение, она спросила спокойно:

— Почему ты так рано? Ведь не летал же ты ночью?

Валерий ответил улыбаясь:

— Поездом приехал. Придешь из школы, расскажу.

Однако и вечером, когда Ольга вернулась домой, он ей ничего не сказал. О происшедшем с ним она узнала от домашних, с ними он поделился своими переживаниями.

Машина, на которой Чкалов летал с механиком, обледенела и не могла набрать высоту. Под крыльями расстилался лес. Сквозь него пролегало железнодорожное полотно. Навстречу шел поезд. Сесть было некуда. Валерий нырнул под железнодорожный мост, но и за ним не мог совершить посадку: перед самолетом вырос семафор. Машина об него ударилась... В конце концов это даже оказалось лучшим исходом. Ведь, если бы не ныряли под мост, то разбились бы о платформы идущего поезда. Так, все-таки, и Валерий, и механик остались живы.

Долго тянулся для Ольги этот вечер. Она смотрела на Валерия и видела, как он был счастлив сидеть дома, в семье. Она понимала его настроение. Накануне он был на волосок от смерти и сейчас не верил, что он тут, живой.

В конце августа 1930 года Чкалов ушел из Осоавиахима и уехал отдохнуть на Волгу.

На обратном пути он остановился на несколько дней в Москве. И вот он наконец прислал Ольге радостное письмо: после больших хлопот ему удалось поступить летчиком-испытателем в Научно-Исследовательский институт Военно-воздушных сил РККА.

* * *

На лётном поле Института встретились впервые Валерий Чкалов и Георгий Байдуков.

Познакомились они ночью, перед полетом; Чкалову было поручено проверить, как летают в темноте молодые инструк-

торы, прибывшие в Институт из строевых частей. Было так темно, что Байдуков даже не рассмотрел лица Чкалова, а видел только плотную, приземистую фигуру, казавшуюся высеченной из камня.

— Проверим, как ты ночью летаешь, — сказал Чкалов, садясь в кабину позади Байдукова и любуясь красным узором неоновых огней — оградительных знаков. — Как фамилия?

— Байдуков?

— А зовут.

— Георгий.

— Ну, значит, Егор, а по-нашему, по-волгарски, Егорушка...

По рассказам летчиков Георгий знал, что обычный, спокойный полет не удовлетворял Чкалова. Опасаясь, что тот станет его переучивать — чего доброго не выпустит в испытательный полет, — Георгий сразу же, как только оторвал машину от земли (а ночью нелегко и разобрать, где земля, не освещена она), схитрил и заложил глубокий вираж.

Это очень понравилось Чкалову. Он одобрительно похлопал Байдукова по плечу.

«Кажется, схитрил на пользу себе», — подумал Георгий и, осмелев, ушел в зону. Там он сделал еще несколько глубоких виражей и пошел на посадку.

Луч прожектора скользнул по самолету. Георгий разглядел лицо Чкалова. Оно было сосредоточенно спокойно. Нос с горбинкой, резко очерченные губы. Упрямый подбородок. Глаза, искрящиеся задором, как бы видели далеко за пределы горизонта.

Когда приземлились, Чкалов вылез из кабины первым. Ничего не сказав Георгию, он вытащил ручку управления и помахал ею в темноте. Это означало: можешь летать один.

Георгию в самом деле посчастливилось. Многих летчиков Чкалов не сразу допустил к испытательным полетам. Одного заставил сделать шесть полетов и все же не выпустил. Байдуков спустя несколько дней признался в своей хитрости.

— Я такой номер сознательно выкинул. Помнишь, тогда ночью? — сказал он.

Чкалов улыбнулся и ответил, грозя пальцем:

— Ты еще молод, Егор. Смотри, не зазнавайся, а то

убьешься. Но летаешь ты так хорошо, что я тебя с первого полета выпустил, без провозных.

Так произошло знакомство, а потом на многие месяцы они потеряли друг друга из виду.

Встретились они снова, когда Байдукова перевели в истребительное звено летчика Анисимова. У Анисимова же работал и Чкалов.

Чкалов не просто ценил Анисимова как летчика, он его боготворил. Анисимов, со своей стороны, так же относился к Чкалову, хотя и любил при случае подзадорить друга и бывал очень доволен, когда удавалось вывести его из терпения.

Байдукову Чкалов казался скрытным, неразговорчивым, даже грубоватым. Но чем он внимательней всматривался в его энергичное лицо, в резко сдвинутые брови, в суровый взгляд исподлобья, который становился иногда нежным, почти ребячьим, — тем он все большую симпатию чувствовал к этому человеку. Особенно привлекало Байдукова то, что его новый товарищ говорил всегда откровенно, от души, напрямик.

Чкалов, встречая летчиков, делавших опасные ошибки при выполнении фигур на малой высоте, предупреждал, глядя прямо в глаза:

— Смотри, не убейся.

Но ведь сам он тоже проделывал высший пилотаж почти у самой земли. Почему же он не боялся встречи с ней? Наоборот, кувыркаясь над самыми крышами ангаров, он управлял самолетом с удивительным спокойствием.

— Я понимаю, — допытывался Байдуков, — одно дело храбрость, но ведь у тебя это иногда приводит к таким действиям, которые, с точки зрения целесообразности их необъяснимы. Непонятно мне, для чего ты это делаешь, Валерий...

Чкалов помолчал немного.

— Ты еще молокосос, Байдук. Ты земли боишься.

— А ты даже и не знаешь, как это люди боятся?

— Только дураки ничего не боятся. Но я побеждаю страх. Уверен я в себе, Байдук.

— Я тоже уверен, когда на высоте метров пятьсот. А вот фигурять на стометровой высоте — рука дрожит. Это все же опасно, и не нужно этого делать.

Чкалов вздохнул глубоко и буркнул:

— Мало ли что не нужно делать. Натура у меня такая...

«Они с Анисимовым хотят приучить меня к своей школе, — думал Байдуков. — Если не угроблюсь, то наверняка выучусь»... Когда он думал об этом, ему хотелось зажмурить глаза.

Однако ему предстояло выполнить задание своего командира Анисимова, сделать иммельман с переходом на «бочку» на стометровой высоте. Слегка волнуясь, Байдуков направился к самолету. Чкалов стоял сбоку и, насупившись, следил за его нерешительной походкой.

Увидя на лице друга не очень-то веселое выражение, Чкалов подбодряюще сказал:

— Чего боишься. Иди, иди...

И Байдуков взлетел и заложил над головой командира глубокий разворот. Затем перешел в непрерывную восходящую спираль. Это показалось ему таким восхитительным, что он осмелел, ввел машину в штопор, вырвался из штопора в трехстах метрах от земли, последовала стремительная серия фигур, затем он снизился до двухсот метров и повторил весь набор фигур. Набрав высоту, он яростно обрушил машину вниз и стал проделывать иммельманы, двойной переворот, «бочки» — на высоте, не превышающей сто метров.

Чкалову понравилась его смелая техника пилотирования. Он первым подошел к Георгию, сделал несколько замечаний, хвалить не стал, а только спросил:

— Откуда ты родом, Байдук? Сколько годов летаешь-то?

* * *

Чем чаще встречался Георгий с Валерием, тем ясней и шире раскрывался перед ним образ нового друга. Чкалов не отказывался иной раз выпить, сытно поесть, вкусно говорил о пельменях и стерляди. Баню он любил с паром и лохматым березовым веником. С друзьями прогуливался в обнимку, а уж если схватит в свои объятья — косточки хрустнут. В компании через несколько минут после знакомства становился душою общества; задумал что-нибудь сделать, — только держись, поспевай. Для каждого находил хорошее слово, а иной раз и резкое, если человек того заслуживал. Любил посмеяться, пошутить, лихо забивал в «азы» — домино — пристрастие со школьных лет. Играл с азартом и никому спуску не давал; всегда стремился быть впереди всех и достигал

этого только честными и открытыми приемами, даже в мелочах. В его натуре, очевидно, была какая-то страсть к преодолению препятствий.

На земле никогда не подчеркивал он своего превосходства, был очень скромен, в воздухе же никому не уступал первенства.

Байдукову приходилось завоевывать свое «право» с бою. Только после одного воздушного «поединка» Чкалов признал его настоящим летчиком.

— Мы условились, что Валерий покажет мне бой на встречном курсе, — рассказывал Байдуков молодым летчикам. — Начали сближение с дистанции двух километров. Я не отрывался от коллиматора[1] и время от времени стрелял фотопулеметом[2], целился в мотор Валерия, еще рассмотрел, что мотор дымился...

Когда от двух километров осталось метров пятьсот, я стиснул ручку, чтобы отвалиться влево и вверх; секунда задержки — и в «пространстве смерти» уже ничто не спасло бы нас. Я выглянул и в то же мгновенье сильно взял ручку на себя, чтобы «перепрыгнуть» через Валерия, то-есть пошел на петлю. В верхней точке я сделал переворот. Получился классический иммельман. Валерия я потерял из виду. Механики потом рассказывали, что мы в одну и ту же долю секунды задрали носы машин, бросившись почти вертикально вверх. Однако до этого мы мчались лоб в лоб, и теперь дуга несла наши машины колесами навстречу друг к другу. Мы были так близко, что казалось, вот-вот колеса сцепятся. Но все обошлось, и мы иммельманами разошлись каждый в свою сторону.

Когда мы подошли друг к другу на земле, первое, что я услышал, было:

— Дурак, так убьют тебя!

Я говорю:

— По-моему, и ты не из умных, если лезешь на рожон! Тебе нужно было ложиться в вираж.

Он мне только показал кукиш и, шагая к своей машине, крикнул:

---

[1] Вид прицела для авиационных пулеметов.

[2] Учебный прибор, снимки которого дают возможность судить о том, правильно ли прицеливались в момент выстрела.

— У тебя такой же упрямый характер, как и у меня. Мы с тобой обязательно столкнемся. Лучше ты, Байдук, сворачивай первый, а то так по глупости и гробанемся.

Товарищи смеялись, слушая рассказ Байдукова. Обаяние Чкалова, который летал «с перцем», остро, уже давно пленило их, молодых летчиков; некоторые из них старались даже подражать его манере разговаривать на «о», ходить медленно, слегка раскачиваясь. Словом, он был среди них настоящим воздушным вожаком, как некогда был вожаком самой сильной группы василевских ребят. Задор не пропал в нем.

Служба в воздушном флоте отшлифовала черты его смелого, общительного характера, упрямого и добродушного — черты, которые зародились еще на волжских отмелях, на откосе родного села среди берез и просмоленных лодок, соловьиных песен и пароходных гудков, несущихся вдаль и вширь над раздольем великой русской реки.

* * *

Павел Григорьевич продолжал работать в затоне Василевской слободы. Попрежнему считали его лучшим котельным мастером.

Старший сын, Алексей, окончил Институт и получил звание инженера-технолога. На радостях Павел Григорьевич выслал ему двести рублей. Старик всю жизнь мечтал видеть Алексея инженером. Вообще он гордился своими детьми. Любил вспоминать, как летал с Валерием на аэроплане...

— И как ты решился сесть в машину-то? Сердце ведь у тебя больное... — говорила Наталья Георгиевна.

— А сердце тут, Наташа, и не при чем... — возражал котельщик, — очень даже спокойно с Аверьяном летать: как на пароходе едешь. Не думал я, грешный, что из него такой большой человек выйдет. И супруга у него добрая... Одно плохо: деньги на черный день не берегут, — неожиданно заканчивал старик.

После работы Павел Григорьевич приходил домой, переодевался во все чистое и отправлялся гулять. Это он делал ежедневно, с твердой последовательностью, так же, как в юности и в зрелых годах.

Работа кувалдой, да еще выбранной Чкаловым по руке, —

то-есть тяжелее, чем у других, — расшатывала его здоровье. Он жаловался на сердце.

— Не пора ли, Павел Григорьевич, на пенсию? — робко спрашивала жена.

— Ах, ты, Наташа! — начинал сердиться старый котельщик. — Как же я брошу работу? Кто турбины-то будет обкладывать?

— Ну, хоть полечись, Павел Григорьевич.

— Погоди, будет время хворать, належимся...

И словно чувствовал! Накануне работал в затоне да еще рассказывал молодым, как много лет назад сменил топочный лист, не вылезая тридцать пять часов из пароходного котла. А на рассвете проснулся и, разбудив жену, сказал:

— Наташа, захворал я...

— Вот тебе, новое дело!

Мрачное настроение Павла Григорьевича сменилось недолгой радостью, вызванной внезапным приездом семьи Валерия. Увидев внука, котельщик вскрикнул, откуда только голос взялся:

— Игорюшка, канальский ты мой! Иди-ка скорей ко мне, миленький. Дай-ка я тебя обниму.

Но, погостив у стариков, Ольга Эразмовна с сыном вскоре должна была ехать обратно. В доме котельщика стало опять тихо.

Время тянулось медленно для Павла Григорьевича, не привыкшего хворать, лежать в постели.

— Ой, тоска, Наташа... Поедем в Москву, к Аверьяну!

— Куда мы с тобой тронемся? Вот полегчает тебе...

— В Москве к профессорам меня сводила бы, Наташа. У Аверьяна погостили бы.

— Валерушка писал, что по службе в другой город улетает, — пробовала уговаривать жена.

Павел Григорьевич пристально и недоверчиво смотрел на Наталью Георгиевну. И взгляд его, упрямый, темный, из-под сдвинутых густых бровей, говорил: э, врет баба!

— Не хочешь в Москву, поедем тогда на козью ярманку в Нижний, — настаивал больной.

— Батюшки! Да кто нам рад будет на козьей ярманке! Не поеду я никуда, Павел Григорьевич!

— Озорница ты... — сердился котельщик. — Больной, не нужен стал.

— Был бы здоров, поехала бы.

— Ладно, подождем. Напиши Валерушке, чтобы рыбки и икорки прислал. Лучше телеграмму отбей.

Приходили посылки от сына. Павел Григорьевич всегда сам распаковывал их.

День ото дня старик слабел, и уже наступило время, когда Наталья Георгиевна, ухаживая за мужем, стала подбадривать его:

— Ты еще сильный, Павел Григорьевич, меня можешь поднять, как перышко.

Но старик уже не верил этому.

В один из мартовских дней, когда с крыши на теплую землю падали сосульки, а по крутому взвозу, ворочая камни, весело бежали ручьи, Павел Григорьевич умер.

* * *

Валерий летал теперь на самолетах самых разнообразных типов. Через его руки проходили истребители, бомбовозы, разведчики...

Однажды, выполняя задание, Чкалов прилетел на тяжелом бомбовозе в Одессу. Там он неожиданно встретился с Антошиным.

— От души рад видеть тебя, батя! — говорил Валерий, обнимая старого своего учителя. — Что поделываешь?

— Начальник лётной школы.

— Вот как!.. Нет, ты не представляешь, как я рад...

— А ты немного изменился.

— Стареем, что же ты хочешь: отец семейства. Сын родился.

— Поздравляю! Надолго прилетел?

— С месяц поживу. Испытать одну машину поручили мне. Тяжелую. А ты на чем летаешь?

— На истребителе.

— Батя, дорогой! Дай, пожалуйста, душу отвести на твоем самолете. Давно не летал на истребителе. До того соскучился по ястребку!

Антошин четыре года не видел Чкалова. Он не мог ему отказать.

На следующее утро встретились на аэродроме.

Валерий проверил мотор, взлетел над самой землей, стал

проделывать фигуры высшего пилотажа в таком темпе, что трудно было определить, где кончалась одна и начиналась новая. Весь полет его был сплошной фигурой.

С ближних огородов сбежались колхозники, хлынули на аэродром, — никто не мог остановить их. Когда Чкалов приземлился, колхозники вместе с курсантами школы подбежали к самолету, вытащили летчика из кабины и долго качали.

Полет Валерия произвел на Антошина сильное впечатление.

— Ты совсем другой, — признался Антошин. — Взрослый стал, опыта много приобрел...

Так было и в Москве.

Пикирующие полеты, беззвучное падение сменялись растущим рокотом мотора, полетом по горизонтали. Глубокие виражи чередовались со штопорами, полетами на спине. Красный истребитель пилота, как метеор, проносился над окраинами столицы.

А на земле уже ждали товарищи. И стоило Чкалову появиться среди них, как его окружали со всех сторон. Воздушные бойцы спрашивали, как лучше вести бой на новом самолете; молодые летчики интересовались его оценкой их работы; конструкторы советовались с ним, как удобней разместить приборы в тесной кабине скоростного истребителя...

...Как-то Ольга уехала погостить к родным в Ленинград. Возвратившись домой, она отперла комнату, по привычке поправила одеяло на кровати, взглянула на выбеленную стену с ковриком... Там висела новая фотография Валерия. Лоб его был туго забинтован. Глаза из-под повязки смотрели сосредоточенно, с хмурой настороженностью, как после суровой беды. Долго не могла она оторваться от этого взгляда.

День прошел в хлопотах, уборке комнаты. Уже совсем вечером — Ольга накрыла к обеду стол — раздались знакомые шаги. Вошел Валерий.

Она сразу же подвела его к фотографии, взволнованно спросила:

— Что случилось?

Он ответил спокойно:

— Ничего особенного, шел по лестнице и задел об угол.

— Ты от меня скрываешь, Валерий. Ты, наверно, испытывал самолет. Почему ты не хочешь...

Он промолчал, насупился. И лишь через две недели Ольга узнала от соседей, что Валерий недавно чуть не разбился, облетывая новую машину. Ее охватил ужас.

Ночью у них произошел разговор; собственно, говорила только она, он молчал.

Он давно заставил ее поверить в то, что он всегда победит. Она верит, что с ним ничего не может случиться в полете, если это зависит только от него. Но почему же он тогда скрыл от нее? Она сильно обижена на него... Какой он не простой!...

Он стоял у окна, задумавшись, как будто бы ее слова относились не к нему. Потом подошел ближе и нежно обнял ее.

— Лелик...

Рабочий день летчика-испытателя начинался затемно. Чкалов начинал лётную работу раньше всех.

Частенько без обязательного завтрака в столовой аэродрома, в самый сильный мороз, в утренние сумерки, в непогоду, когда никто не шел в полет, взлетал он.

Замерзшим входил потом в столовую, ледяные сосульки еще не успевали оттаять вокруг рта, отказывался от стакана молока, садился около печки и думал о чем-то своем, суровый и неразговорчивый.

Ощущая в воздухе биение мотора, он что-то прикидывал в уме. Он сам еще до конца не знал, чего хочет от себя и от машины. Ему знакомо было волнующее чувство новизны, та грань, где и уже освоенное, открытое превращается в совершенно новое. А многие из окружающих его не переставали жить старыми авиационными нормами и представлениями, которые он неизбежно должен был разрушить.

На него поэтому часто сыпались нарекания. Зато близкие, хорошо знавшие его смелое мастерство, говорили ему:

— Если бы нам быть такими, как ты.

Иногда им овладевали «фантазии». Бывало, перед вылетом заглянет в столовую, подойдет к летчикам и скажет:

— Сегодня обязательно сяду на товарную платформу на ходу поезда.

— Что ты говоришь, подумай!

Чкалов хмурился и отвечал:

— Ну, не буду. Я пошутил.

В памяти его друзей навсегда запечатлелось московское

зимнее небо с несущейся низко над крышами домиков машиной Чкалова.

Утомленный, широко шагая, подходил он к крылечку, на котором любили собраться его друзья.

— Зачем ты это делал сейчас? Страшно смотреть было.

— Пробую. Можно еще не то показать.

— Летчик ты замечательный, а носишь только четыре кубика на петлицах.

Чкалов отмахивался, вздыхая:

— Хорошо — хоть это имею. Хотели из армии уволить. Будет время, правда свое возьмет. Владеть машиной — не значит гоняться за акробатикой. Ничего. Правительство, когда узнает, будет за таких, как я.

Он присаживался на ступеньках, закуривал и долго молчал. Иногда неожиданно вставал, улыбался, вспоминая что-нибудь смешное:

— На прошлой неделе один из начальников гонял меня, гонял на земле. А мне как инструктору пришлось на следующий день знакомить его с полетом на бомбовозе. Взлетели до солнышка. Только поднялись, я и взял его в работу. Что-нибудь не так сделает, а я ему строго: «Сиди, слушай». Он показывает рукой вниз: на посадку, мол, пора, — а я ему еще строже: «Летай, летай!» Уж отыгрался я на нем, братцы!

С аэродрома Чкалов направлялся в гостиницу, где занимал с семьей маленький номер.

Ольга Эразмовна готовила на керосинке ужин.

— Контрабандой занимаешься, — шутил он, шумно входя в номер и показывая на керосинку. — Смотри, амуров на потолке не закопти.

— Как же быть? В столовой питаться не по карману.

— Давай есть, Лелик. Ужином ты командуй, а я на сына погляжу.

Полюбовавшись спящим ребенком, он садился за стол. Ел молча, глядя в тарелку. И уже перед самым сном делился с Ольгой впечатлениями прожитого дня.

— Знаешь, Лелик, когда поднимаюсь в воздух, я во весь голос пою. Без конца. «Роспрягайте, хлопцы, кони». И несусь, лечу... И сегодня пел.

— Как дела-то твои? В воздухе ты поешь, а посмотреть на тебя — хмурый.

— Эх, Лелик, устала ты от всех неприятностей. Ничего,

скоро по-другому заживем. Правда, повышения по службе я не получаю, но...

— Я не о том, Валерий...

Она понимает и разделяет его обиду. Но пусть он простит ее, иногда ей кажется, что он не умеет ладить с людьми. Он резок в своих суждениях, его прямота...

— И буду таким.

В нем какой-то избыток сил. Он вот не любит спокойной, будничной работы. Но ведь и в воздухе есть свои будни...

Он опять не дал ей договорить. Причем здесь будни. Вопрос в другом. Его полеты выделяются, начальству это надо как-то отметить. И вот это отмечают как «воздушное лихачество». А может быть, кто-нибудь из начальников боится новшеств? А может, кто-то не хочет, чтобы истребители дрались как следует?

— Рутинеры, а пожалуй, и хуже... — вырвалось у него.

Она посмотрела на мужа. Потом тихо сказала:

— Успокойся.

Да он и не горячится. Но он им не даст сваливать в одну кучу ценные опыты и случайные, необдуманные.

Он говорил убежденно.

Между тем, его служебные дела обстояли опять неблагополучно.

Враждебные советской авиации люди продолжали травить Чкалова. Валерий чувствовал это и часто возвращался к одной своей мысли:

— Как истребитель я прав и буду впоследствии еще больше прав.

Вскоре Ольга Эразмовна узнала, что Валерия отчислили в дисциплинарный батальон. Она осталась одна с маленьким сыном.

Виделись с Валерием редко, и от каждой коротенькой встречи оставалось мучащее беспокойство: «Как изменился, совсем замкнулся в себе».

Чкалов находился в школе спецслужбы, куда собрали недисциплинированных из разных частей. Там он был на положении курсанта, без разрешения отлучаться, не имел права летать, ходил в строю и на поверку. Держался он очень отчужденно, в его голове никак не укладывалась мысль, что он в дисциплинарном батальоне. Он ни в чем не был виноват, разве только в излишней смелости.

Каждое утро курсанты строем приходили в столовую. Валерий садился в стороне. Он почти не дотрагивался до еды.

— Кушайте, Валерий Павлович, — упрашивала его заведующая столовой, старая знакомая.

— Я знаю, вы хотите, чтобы я был сыт. Но я не хочу. Не буду.

На его лице появлялась улыбка.

— Дайте лучше пачку папирос.

В школе на первом же занятии Чкалов увидел Антошина. Иван Панфилович Антошин занимался с курсантами.

— Ну вот, батя, опять встретились... Скажи мне, батя, за что я попал сюда? Ты не скроешь от меня.

— Честное слово, не знаю. Может быть, ты скажешь?

— Я хочу пробовать новые вещи, натура у меня такая, за это меня «перевоспитывают». Но я же прав, батя. Не могу я считаться с их нормами. Не по мне сшили эту рубашку... Знаешь что, батя: помог бы ты мне устроиться на какой-нибудь завод испытателем!.. Поможешь?

— Не смогу, Валерий. Я ведь только преподаватель.

Чкалов махнул рукой.

— Эх, батя, нескладно все... Был грех в молодости, изобретал в воздухе сложные задачи, но за что меня теперь наказали? Я уже давно перестал играть со смертью по пустякам.

* * *

Испытание нового самолета — это битва, схватка со стихией, борьба за овладение новой техникой. Выйти победителем из этой схватки может только тот, кто хорошо подготовлен к ней. Поэтому летчик-испытатель тщательно изучает объект, который будет подвергаться испытаниям.

Чкалов не раз говорил, что испытатель в представлении людей, не имеющих непосредственного отношения к авиации, — это человек риска. И всегда стремился доказать, что такое представление неверно. Испытатель это человек, отягощенный заботой: раньше чем полететь на опытной машине, он участвует в ее рождении.

Много раз наблюдал будущий испытатель машины, как она собирается, растет, превращается из мелких частиц, — металлических и деревянных, — в могучее воздушное оружие.

Заканчивается в цехе ее сборка. Десятки молоточков ударяют по серебристым крыльям, и от ударов стоит несмолкаемый гул и звон. Испытатель начинает ходить вокруг самолета, по-хозяйски прикидывает глазом. Опытный пилот может много полезного рассказать расчетчику. Каждый болтик и трос он ощущает как живые органы, как нервы живого существа.

Ему хочется познать машину в движении, в действии, очутиться с нею в воздухе наедине. Он уже знает машину до последнего винтика. Но верить ей он не имеет права. И вот он сначала рулит на ней по аэродрому, делает подлеты на метр-полтора, совершает один-два круга над полем.

Инженеры тщательно осматривают машину, устраняют мелкие недостатки.

В нормальном положении машина летает отлично. Но как она поведет себя при полете на спине или во время штопора? Прочна ли она?

И тут-то начинается самый ответственный, самый опасный момент испытания.

Летчик, поднявшись на большую высоту, бросает машину в пике и мчится к земле со скоростью 600 километров в час. Шестьсот километров в час — это 166 метров в секунду. Если на такой скорости летчик высунет голову, ему свернет шею. Стоит при выходе из пике замешкаться на полсекунды — и он врежется в землю. Сила инерции настолько велика, что она стремится раздавить летчика. Он старается возможно равномерней распределить свой кажущийся вес, величина которого под давлением центробежной силы иногда доходит до 700—800 килограммов...

... Машина испытана на подъем, на маневренность, управляемость, устойчивость, километраж, в фигурных полетах, в «потолке», в штопоре. Испытатель внимательно следил за работой мотора и приборов; он записывал все свои наблюдения.

Если обнаружен какой-нибудь крупный дефект, то самолет снимается с заводских испытаний; его переделывают снова. Затем испытания возобновляются и продолжаются до тех пор, пока в машине не останется, как говорят летчики, никаких неясностей.

Выявление штопорных свойств самолета является конечным и самым ответственным этапом испытаний. Фигурные

полеты и штопор испытатель проводит с максимальной осторожностью, продумав предварительно каждое движение.

Давая самолету такие нагрузки, каких он никогда не будет переносить впоследствии, испытатель должен уметь быстро ориентироваться во всех свойствах машины, подметить ее недостатки, определить причины их. Конструктор ждет от летчика-испытателя правильно поставленного диагноза.

Свое счастье Чкалов нашел на авиационном заводе. В кропотливой и чрезвычайно напряженной работе летчика-испытателя он видел свое настоящее призвание. Здесь он получил то, к чему стремился всю жизнь.

И в этой, новой для него, работе он попрежнему не останавливался перед риском, но это был уже иной риск: трезвый, осторожный. Одно неправильное движение — и машина разбита.

Именно боязнь разбить новый образец самолета, который должен служить обороне страны, заставила Валерия отказаться от неоправданного риска. Он стал более спокойным, сдержанным.

Общение с конструкторами — высокообразованными специалистами авиационного дела — расширяло его кругозор. Ему стали понятны широкие масштабы лётной работы.

Со многими самолетами, которые еще только зарождались в чертежах, он связывал большие планы.

Нередко встречался он с Байдуковым.

— Эх, Байдук, никак не удается зацепить такую машину, чтобы на ней отхватить без посадки тысячи километров. Я показал бы, как надо летать. А то прыгаем, как блохи.

Чем труднее было испытание, тем охотней брался за него Чкалов.

Его техника пилотажа была тончайшей художественной работой.

— Главное — тренировка. В авиации, как и в музыке, ежедневно упражняться нужно, — было его излюбленным изречением.

Во время подготовки к воздушному параду Чкалову предложили вести целое соединение. Прежде всего он сам испытал каждый корабль. Затем приступил к тренировке летчиков.

Многие командиры поражались: откуда у рядового летчика, который никогда не командовал строевыми частями, такое уменье объединять людей?

На параде корабли шли сомкнутым строем, крыло к крылу. Командование фотографировало их с земли. Соединение Чкалова особенно выделялось четкостью своего построения.

Усталые пилоты вернулись на аэродром.

— Славно поработали сегодня, — сказал Валерию летчик Моисеев.

Чкалов засмеялся:

— Пустяки какие! Это же прогулка! Подожди, Яша, будем летать не столько, а по двадцать, сорок, пятьдесят часов. Непременно начну приучать себя к длительным полетам. Подумай, вспыхнет война...

Готовясь к будущим схваткам с врагом, он упорно продолжал заниматься воздушным боем. Каждый нелетный день казался ему выброшенным из жизни.

Как-то раз Валерий заканчивал испытание самолета на прочность. Маленький истребитель, точно ястреб, сложивший крылья, летел отвесно к земле. Трепетали стрелки приборов. Скорость росла с каждой секундой.

Четыреста, пятьсот, шестьсот километров. Ветер пронзительно свистел в ушах. Во рту пересохло. Глотая слюну, Чкалов смотрел на крылья. Обшивка их вспухла с верхней стороны и продавилась снизу.

«Довольно», — подумал пилот и взял ручку на себя. Самолет рванулся из пике. Центробежная сила, как огромное незримое чудовище, вдавила голову в плечи. Кровь отлила от головы, в глазах поплыли огромные круги, разноцветные зигзаги.

Чкалов на мгновенье ослеп.

Но вот зрение снова вернулось к нему. Машина летела уже горизонтально.

«Все отлично. Крылья крепки», — подумал Валерий, и его охватило хорошо ему знакомое, ни с чем не сравнимое чувство победы.

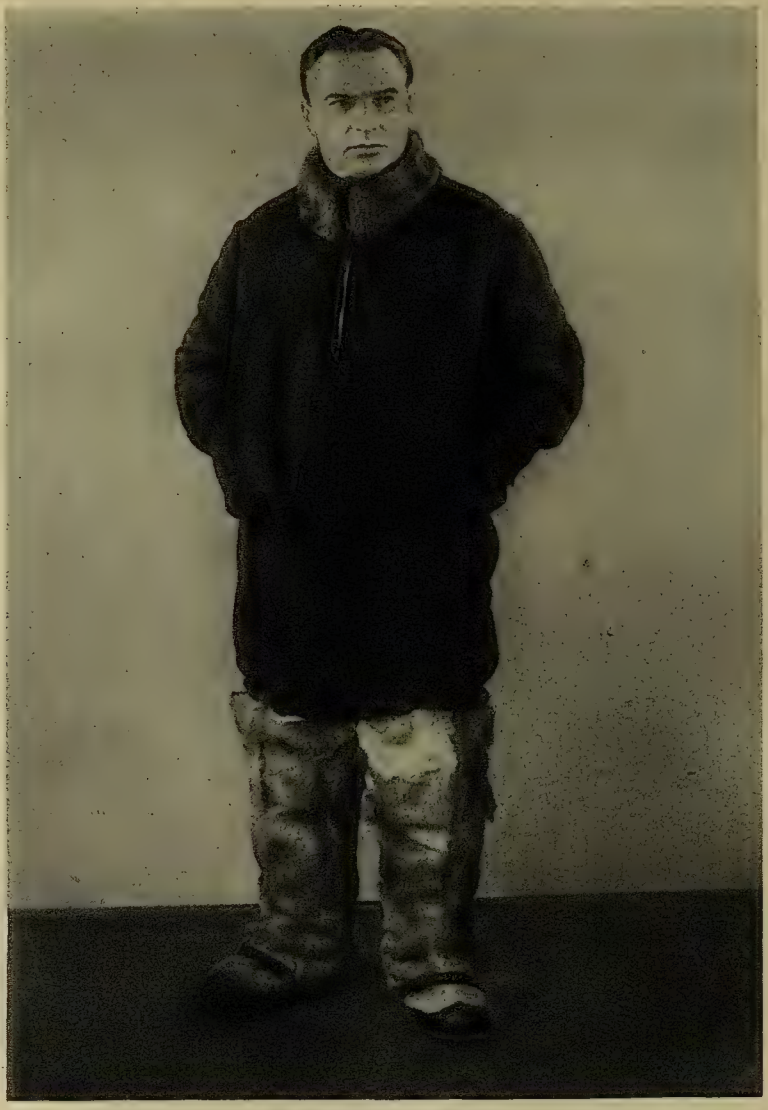
«Пойду на посадку», — решил он, чувствуя испарину на всем теле и ноющую боль в пояснице.

Он начал выпускать шасси.

И тут произошло неожиданное и очень неприятное событие: правая «нога» шасси благополучно вышла, а левую заело. Очевидно, трос, подтягивающий шасси, свернулся в петлю.

Чкалов стал кружить над аэродромом, чтобы выиграть

В. П. Чкалов. 1935 г.



В. П. Чкалов. 1936 г.

время и попытаться придумать способ спасти машину. Он не допускал и мысли погубить свой истребок.

«Истребитель новый, опытный, — размышлял он, сохраняя полное спокойствие. — Если сесть на одно колесо, самолет разобьется. Прыгать с парашютом? Машина наверняка уже разобьется, пропадет труд рабочих, инженеров. Нет, ни за что! Надо попробовать создать перегрузки, «потрясти» самолет, может быть, петля распутается, тогда и «нога» вылезет...»

С этой мыслью Чкалов вновь ринулся в пике. Самолет понесся стремительно, почти отвесно. Где-то внизу, словно из утреннего тумана, замелькала в глазах земля. Камнем пролетел Чкалов вниз тысячу метров и резко вывел самолет из пике. Лоб его стукнулся о колени. Опять потемнело в глазах, Валерий потерял сознание. Это был миг.

Режущая боль наполняла грудь. Он очнулся и посмотрел усталым взглядом на щит. Рядом с зеленой попрежнему горела красная лампочка. Левая «нога» шасси все еще не вышла.

«Не сдамся», — промелькнуло в голове Чкалова. Он начал бросать машину из стороны в сторону. Он делал двойные перевороты, внезапно развертывал самолет то вправо, то влево, бросал его колесами вверх. Все было безрезультатно. Колесо не выходило.

Снова Чкалов ринулся с большой высоты вниз в страшном крутом падении. Выходя из пике, почти теряя сознание, Чкалов опять увидел рдеющий внимательный красный огонек.

Ломило спину. Из носу показалась кровь. Но Чкалов не прекращал каскада разнообразных фигур.

И, наконец, в последний раз он взметнулся в голубой сверкающий простор, к солнцу.

Швырнув машину с большой высоты, он так резко выровнял ее, что лоб его опять коснулся колен. Сорокапудовая тяжесть навалилась на плечи. Пришел летчик в себя, когда самолет шел вверх. Застрявшая «нога» стала на место.

Чкалов вздохнул и посмотрел на часы. Неужели сорок минут проделывал он фигуры высшего пилотажа? Он чувствовал смертельную усталость. Сердце его стучало. Летчик вытер лоб, передвинулся, усаживаясь удобнее, и пошел на посадку: он спас машину.

Было тихо и немного страшно, когда к Чкалову подбежали товарищи и спросили, почему он не воспользовался парашютом.

Валерий выпрямился во весь рост. У него ныла поясница. Недовольно он ответил охрипшим басом:

— Благодарю по-о-корно. Одно дело, когда в машине сидит учлет, а другое дело — наш брат. Мне коллектив, целый ко-о-ллектив доверяет машину, свои труды... Это надо понимать.

* * *

Валерий с Байдуковым все чаще собирались по вечерам. Валерий, шагая по комнате, остановится, смотрит в окно.

— Совершим этот полет — в Австралию махнем... Эх, милый, доживем мы с тобой, когда и вокруг земного шарика летать будет тесно. Увидишь, Егор.

Разговоры заканчивались обычно чтением книг. Летчики узнавали во всех деталях историю полярных экспедиций, казалось сами путешествовали в торосистых льдах Северного океана. Иногда все это казалось настолько близким, осуществимым, что Чкалов показывал даже, как в Арктике надо охотиться и готовить пищу.

Они запирались в комнате, раскладывали на полу большие географические карты, до глубокой ночи ползали по ним, проводя линии цветным карандашом.

Эти линии отмечали путь героев, пробивавшихся к Северному полюсу. Валерий и Егор во всех мелочах знали уже историю борьбы за полюс. Любой пункт цветной линии оживлял перед ними образы и картины прошлого. На помощь приходили книги исследователей Севера.

«Ледяные глыбы, — писал Нансен в своей путевой тетради, — поднимаются высокими грудами почти наравне с такелажем судна. Ледовый шум постепенно возрастает и становится подобным звуку всех труб органа вместе. Судно дрожит и трясется. Но мы сидим в наших уютных каютках совершенно спокойно и даже не выходим на палубу посмотреть на хаос. Приятно сознавать, что судно крепко — другие суда были бы давно раздавлены. Чорт возьми! Было бы совсем не комфортабельно уходить с корабля каждый раз, как начинается сжатие, или покидать его с мешком на спине».

«Погода ужасная, — записывал Нансен, когда они зимо-

вали с Иогансеном, на Земле Франца-Иосифа, в хижине, напоминавшей скорее звериную нору. — Ревет такая буря, что почти задыхаешься, когда высунешь нос наружу. Я лежу в норе и пытаюсь спать. Но это удается не всегда. Ох, эти долгие бессонные ночи, когда ворочаешься с боку на бок, поджимаешь ноги, чтобы хоть немного согреть окоченевшие ступни, и желаешь только одного в мире: заснуть! Безустально работает мысль над тем, что-то теперь дома? А длинное, тяжелое тело тщетно пытается найти удобное место на неровных камнях. Иогансен спит и храпит на всю хижину. Я рад, что его мать не видит его теперь. Она, наверное, пожалела бы своего мальчика, если б увидела, как он сейчас черен, безобразен и грязен».

«Мы будем летать, как орлы, и ничто не сломит наших крыльев», — вспомнились слова другого полярного путешественника — Саломона Августа Андре.

«...Сколько несчастий годами и годами несло ты человечеству, сколько лишений и страданий дарило ты ему, о бесконечное белое пространство! — писал в своем дневнике Амундсен. — Но зато ты узнало и тех, кто сумел поставить ногу на твою непокорную шею, кто сумел силой бросить тебя на колени. Но что ты сделало со многими гордыми судами, которые держали путь прямо в твое сердце и не вернулись больше домой? Что сделало ты с отважными смельчаками, которые попали в твои ледяные объятия и больше не вырвались из них? Куда ты их девало? Никаких следов, никаких знаков, никакой памяти — только одна бескрайняя белая пустыня».

Друзья перечитывали слова Георгия Седова:

«Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без тех средств, на какие я рассчитывал. Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением надо итти к полюсу? Вместо восьмидесяти собак у нас только двадцать; провиант истощен, да и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно... Все это, конечно, нам не помешает исполнить свой долг. Долг мы исполним. Наша цель — достижение полюса. Все возможное для осуществления ее будет сделано».

Дневник Георгия Седова кончался на первом дне марта; под этим числом отмечено появление солнца арктического дня. Запись обрывалась словами:

«Посвети, солнышко, там, на родине. Как тяжело нам здесь, на льду!..»

...Байдуков уходил, а Валерий долго еще шагал по комнате, осторожно, боясь разбудить сына и жену. Склоняясь над глобусом или картой, он так ясно видел места, над которыми мечтал пролететь, точно ему самому доводилось не раз бывать там.

Мечтая о дальнем арктическом перелете, они с Байдуковым не прекращали своей повседневной работы.

Георгий попрежнему летал в тумане и облаках, совершенствуясь в слепых полетах.

Валерий ежедневно кружился над «пятачком» аэродрома, разгадывая в воздухе характер и повадки новых стальных птиц.

Так шла жизнь друзей, пока не произошло одно очень важное событие.

* * *

Горяч и недвижим весенний полдень. Густая синева голубеет, светлеет, становится почти незримой у горизонта. Бескрайнее, пронизанное светом небо заливает аэродром.

Веселые зайчики прыгают на серебристых крыльях готовых к полету машин.

День безоблачен и просторен. Излучина реки сверкает. Огромное поле все закрыто сотнями настороженно застывших в строю самолетов.

И вдруг аэродром вздрагивает от края до края. Воздух зарокотал, метнулись, разбрызгивая полуденное марево, светлые диски работающих винтов, и могучий, разноголосый шум моторов ринулся в небо.

Таким был полдень 1 мая 1935 года в Москве.

Сияла на солнце медь оркестров, рдели штандарты, колыхались древки знамен. Над Красной площадью плыли, как бы связанные невидимой нитью, тяжелые корабли. Высоко в небе, ярко освещенная солнцем, застыла еще одна группа самолетов.

Чкалов вел пятерку истребителей, которая с молниеносной скоростью пронеслась над стенами Кремля.

После парада ему долго не хотелось покидать аэродром; он стоял на вышке и смотрел, как одна за другой садились машины.

На следующий день, 2 мая, на Центральном московском аэродроме имени Фрунзе, лучшие конструкторы и летчики страны приготовились для встречи с руководителями Партии и Правительства. Почти на два километра растянулись шеренги летчиков и механиков.

Вытянувшись в струнку, спиной к мотору своего маленького краснокрылого самолета, стоял Чкалов. Сила и спокойствие чувствовались во всем его облике — и в синеватых глазах, и в линии крупного рта, и в резких контурах профиля. Профессия наложила отпечаток суровости на его лицо; он выглядел старше своих лет.

Аэродром вдруг замер. Начался парад. Дружно ответили летчики на приветствие наркома обороны Ворошилова. Рядом с Климентом Ефремовичем шли товарищи Сталин и Орджоникидзе. Около некоторых летчиков Климент Ефремович останавливался и, называя каждого по фамилии, обменивался с ними несколькими фразами. Валерий был взволнован. Приложив руку к шлему, он, не отрывая глаз, смотрел на Сталина. Он видел его спокойную походку, его чуть улыбающиеся глаза. Обходя ряды, приветствуя бойцов, товарищ Сталин поднимал правую руку.

«Неужели он подойдет сюда?» — подумал вдруг Валерий. У него перехватило дыхание, но тут же он почувствовал себя таким же внутренне собранным, как во время испытательного полета.

Валерий шире расправил плечи. Да, Сталин и Ворошилов приближались. Вскоре они остановились перед ним. Полуденное солнце освещало их сбоку. Иосиф Виссарионович поздоровался с Чкаловым. Началась беседа, во время которой Чкалову казалось, будто он видит Иосифа Виссарионовича вовсе не в первый раз, будто они знакомы уже давным-давно. Обаяние простоты этого великого человека захватило Валерия целиком.

Он старался отвечать товарищу Сталину как можно точнее и короче.

Иосиф Виссарионович, внимательно выслушивая ответы пилота, заинтересованно посматривал на него. Он спросил:

— Почему вы не пользуетесь парашютом, а обычно стараетесь спасти машину?

— Материальная часть дорога, товарищ Сталин, — ответил Чкалов. — Я летаю на опытных машинах, ценных, губить

их неохота. Стараешься спасти машину, а вместе с ней и себя. Мысль во время испытания направлена на то, чтобы узнать машину...

Наступило короткое молчание.

— Я обожаю парашюты, — добавил Чкалов, — но предпочитаю обходиться без них.

Слово «обожаю» он произнес густым басом, окая, по-нижегородски. Все засмеялись. Улыбнулся и товарищ Сталин. Он подошел еще ближе к Чкалову и заговорил тихо, до того просто, что сердце пилота снова переполнилось. Он говорил о том, что надо обязательно пользоваться парашютом, что, если в воздухе случилось что-нибудь неладное с машиной, то нужно спасать собственную жизнь.

— Ваша жизнь дороже нам любой машины, — закончил Иосиф Виссарионович, глядя в открытое, обрамленное тугим летным шлемом лицо Чкалова.

Валерия потрясли эти слова. В его глазах все окружающее вмиг преобразилось, приняло другие, неизмеримо более яркие краски, иной смысл. Этот голос, который, казалось, он слышал не раз, внезапное рукопожатие...

Человек дороже машины! Двенадцать лет он летает — шутка сказать! В какие только тяжелые положения ни попадал в воздухе и никогда не задумывался над этим. А, оказывается, жизнь его, Валерия Чкалова, дороже вот этих удивительных машин... Чем он заслужил такое отношение?.. Почему раньше никто не говорил ему об этом?.. Если бы можно было выйти сейчас из строя, он побежал бы к жене и сыну, он обошел бы сегодня же всех своих друзей, рассказал бы о пережитых минутах, он не упустил бы ни одной детали, ни одного малейшего движения, оттенка — все запомнилось ему.

«Ах, да, — подумал летчик, — сейчас надо показать гостям фигурный полет». И при этой мысли он немного успокоился и стал терпеливо ждать. А когда наступила его очередь, он в каком-то приподнятом состоянии вскочил в кабину красного истребителя, запустил мотор и стремительно поднялся на небольшую высоту. Что ему следовало сделать? С разбега ринуться по вертикали вверх, опрокинуть машину на спину и, летя вниз головой, набирать вновь высоту? Это была его любимая фигура. Он хотел отблагодарить вождя.

Как все это выглядело с земли — объяснить невозмож-

но. Какая тайна была скрыта в машине Чкалова? В руках его, позволившего машине преодолеть силу тяжести и инерцию, она превращалась в сказочную жар-птицу. Она горела багрянцем своих крыльев, уменьшалась, вырастала, кружилась с мягкостью и свободой танца — и казалось, будто плещется в небе красный платок; то плавно ложилась на крыло жар-птица, то переворачивалась и снова скользила вниз, чтобы набрать еще большую скорость для нового чудесного взлета.

Делая каскад фигур на высоте, Чкалов думал о Сталине. И, совершая петли низко над самой землей, он думал о нем. В голове все еще звучали его слова. Он чувствовал, что Сталин следит за его полетом. И поэтому, пересиливая волнение, он вкладывал сейчас всю страсть летчика, все свое мастерство в каскады великолепно выполняемых фигур.

Он приземлился, наконец. Выпрыгнув из кабины, похлопал ладонью по фюзеляжу машины.

— Выходит, дорогуша, — сказал он, прищурив глаз, — моя жизнь, понимаешь, моя, дороже тебя. Эх, ястребок, как мы еще полетаем!

...Возбуждение не покидало его ни на минуту.

— Лёлик, что было сегодня! — говорил Валерий жене, переступая порог прихожей.

— Что такое? Случилось что-нибудь? — с тревогой в голосе спросила жена. Она уже привыкла за долгие годы к опасной профессии мужа, но легкое волнение охватывало ее каждое утро, когда она провожала его на аэродром.

— Говори же, что-нибудь необыкновенное случилось?

— Да... вот именно необыкновенное.

— Да что? Что?

— Сталин сказал...

— Что сказал?

— Моя жизнь, Лёлик... — Валерий дотронулся рукой до сердца, — дороже любой машины. Так сказал Сталин.

Валерий не мог больше говорить. Боясь, что жена увидит его глаза, (она всегда видела его только веселым или немного суровым), отвернулся, повесил шлем на крюк и быстро вышел.

— Куда же ты, Валерий?

— Скоро приду, — коротко ответил он.

Ему надо было успокоиться, чтобы еще раз пережить все,

впитать в себя ясную силу этих простых слов. Валерий вышел на бульвар. Клейкие весенние листья, звонкие голоса детей, возившихся с песком, воздух, полный бензиновых испарений и весенних запахов зелени, воды и земли, — воспринимались с особенной свежестью.

Нет, всё это было удивительно просто и в то же время очень сложно!

Жизнь летчика дороже машины! Но ведь и машина тоже очень дорога! Чтобы ее спасти, он готов был отдать свое здоровье, кровь. Хватит ли у него сил покинуть машину, когда есть хоть слабый проблеск надежды спасти ее?

Поднимаясь в воздух испытывать опытную модель, каждый раз чувствовал он огромную ответственность перед конструкторами и тысячами рабочих. В его руках была судьба их труда. Погибнет самолет, и все пойдет прахом! А оказывается, его жизнь дороже любой, самой совершенной машины.

Он встретил на улице летчика Маврикия Слепнева, сказал ему:

— Мавр, мне Сталин руку жал, — и пытливо заглянул в глаза.

— Знаю, Валерий, слыхал.

— Понимаешь, Мавр, сам Сталин подошел, пожал руку и сказал, что люди нам ценней всякой машины, в случае чего, прыгайте... Вот какие дела!

Много дней он жил под впечатлением этих слов. Друзья поражались перемене в нем.

— Что с тобой сделалось, Валерий? — удивлялись близкие. — Тебя не узнать.

Это пожатие Сталинской руки, теплоту которой он ощущал до сих пор, это глубочайшее внимание к нему человека, о встрече с которым он мог только мечтать, совершенно переродили Валерия Чкалова. Он как бы весь светился.

Он стал вдруг необычайно дорожить временем и с какой-то особой тревогой следил за скользящей по циферблату часовой стрелкой.

Высшая награда, которую он получил от Правительства — орден Ленина — за мужество и смелость в испытании самолетов новых конструкций, — обязывала его ко многому.

Валерий и раньше проводил немало времени в заводских цехах, лабораториях, на лётном поле, в кругу конструкторов

и рабочих, испытывая новые самолеты или всматриваясь в контуры будущей машины и нащупывая на чертеже зорким глазом ее сильные и слабые стороны. Теперь же он с головой ушел в работу.

Дома, в семье, стало шумно. Валерий всегда был рад гостям. Да и когда расходились гости, еще долго, — до поздней ночи, раздавался по всей квартире его веселый хрипловатый голос (профессиональная болезнь: простуда) и добродушный раскатистый смех.

— Спой, Лелик, мою любимую, — не унимался Чкалов.

— Что ты, Валерий, уже поздно. Устал, небось? Ты сегодня хохотал громче всех. Спать пора.

— Вот еще чего выдумала! Я еще гирей перед сном побалуюсь. Не хочешь петь — я затяну.

И он запевал басом:

Вдоль по улице метелица метет,
За метелицей мой миленький идет.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дозволь наглядеться, радость, на тебя...

— Хорошая песня, Лелик, за душу хватает...

— Право же, устала я, Валерий, — говорила жена.

Как-то раз он сказал ей:

— Ты вникни, Лелик, в эти слова: «Ваша жизнь дороже любой машины»! Понимаешь, Лелик? Ведь это не только мне он сказал, а всем летчикам. Я уже решил про себя. Он доверит нам совершить перелет. Он поймет нас... Он так говорил со мной, что я понял: он знает, любит нас, как отец своих сыновей. Нужно крепко беречь себя, чтобы оправдать доверие...

С этой мыслью Чкалов и засыпал. А снилось ему — будто ведет он большой самолет, под крыльями плывут облака, и в разрывах туч — необозримые ледяные поля, на фоне которых резко очерчены величавые и молчаливые острова арктической земли.

* * *

Уже давно Чкалов познал тревожный лёт скоростных истребителей. Теперь он чувствовал новое влечение — к тяжелым машинам, к дальним радиусам действия.

— Одни истребители в будущих боях не решат дела, — говорил он. — Нужна еще воздушная артиллерия, сжатый стальной кулак — тяжелые корабли.

Уходя каждый день в очередной испытательный полет, Валерий выжимал из машины все, что она могла дать. Он продолжал шлифовать замкнутую кривую в горизонтальной плоскости. Он очень ценил эту фигуру и говорил:

— Мне она еще пригодится в бою. В поединке истребителей победит тот, кто с наибольшей точностью выпишет классический вираж.

Но не меньшее значение придавал Валерий и бреющему полету. Бреющим полетом летал он так, как об этом могли только мечтать немногие пилоты.

— Ты часто идешь на риск, — говорили ему друзья.

Чкалов перебивал:

— Летчик, не умеющий умно и расчетливо рисковать, — не может называться полноценным мастером.

— Вчера, Валерий, ты едва успел взлететь, и уже сделал «бочку» над самой землей. Крыло прошло у самой травы. Понимаешь, у самой травы. Мы же видели: блеснуло. Мы так и ахнули.

— Есть еще порох в пороховницах, — смеялся Чкалов. — Рука-то моя не дрогнула, повела самолет на подъем. Значит, риск себя оправдал. Испытывать машины надо, ребята, в труднейших сочетаниях, на различных скоростных режимах.

— Вот это мы тоже смотрели. Ты и на малых скоростях выполняешь фигуры, как бог, честное слово.

— Это уже вы зря, ребята... Не люблю, когда хвалят. Думка есть у меня...

— А что?

— Ладно... Когда-нибудь узнаете.

Бортмеханики, техники считали, что уже если Чкалов испытал машину, то на нее может положиться любой пилот: все остальное — в воле летчика. Они не раз говорили ему об этом.

— Довольно, ребята, хвалить, — всегда отвечал он. — Ей-богу, осерчаю и прогоню.

— Да, ты и сердиться не умеешь.

— Ну, это как сказать... — бурчал Валерий.

— Чкалов, вот мы здесь спорим: на какой скорости лучше делать «бочку»?

— Смотря где: на земле — одно дело, а вверху — другое. На земле нужен, как говорит мой друг Егор Байдуков, запас кленовых досок, а вверху — запас скорости. Остальное все от тебя зависит.

— Подеремся завтра с тобой в воздухе, — предлагали ему.

— Не хочу.

— Почему?

— Тебя жалко — смеяться над тобой будут. Ты все же мне приятель.

— Ну, давай тогда в биллиард сыграем...

Он искусно загонял шары в угол. Обыгрывая партнера, заставлял его пролезть под столом, а для большего наказания высыпал на пол кулек мела. Если же приходилось подлезать под стол ему, Валерию, то он это проделывал так ловко, что не задевал мела и краешком одежды.

Утром он всегда был на аэродроме: или летал, или подолгу сидел в тесной кабине самолета и записывал показания приборов. Часто бывал он там и ночью, когда на крышах ангаров горели красные огни заградительных знаков, а на старте темнели силуэты самолетов и вдоль них вырывались из выхлопных коллекторов длинные языки голубоватого пламени.

Над аэродромом происходили нередко удивительные вещи. Вылетал молодой пилот, чтобы сделать мертвую петлю, а у него получалась не петля, а какая-то новая, неизвестная фигура. Пилот, не обладающий особой наблюдательностью, не замечал, не оценивал этого, повторить фигуру не умел.

— Да эту фигуру сделал не ты, а машина! — шагая навстречу пилоту, кричал издали Чкалов.

С ним самим подобного случиться не могло. Если машина совершала неожиданную, но чем-то примечательную фигуру, то в памяти Чкалова это запечатлевалось надолго. Валерий всесторонне исследовал такую фигуру, запоминал, в каком положении она получалась и, освоив ее, передавал другим.

С еще большим упорством, чем прежде, он продолжал учить летчиков быть бесстрашными и находчивыми. Чкаловских учеников можно было безошибочно определить в воздухе «по походке».

Сам Чкалов не считал себя человеком выдающимся, но был глубоко убежден, что победителем оказывается тот, кто умеет по-настоящему дерзать.

Он говорил обычно ученику, вылезая из кабины:

— Ты еще не освободился от скованности во время маневров самолета. Сбрось все это, дорогуша, как ненужную шелуху. Но помни: в воздухе каждую минуту подстерегает опасность. Что такое опасность? Это прежде всего неожиданность. А раз так, то надо все предугадать, ко всему быть готовым. С завтрашнего дня мы начнем вырабатывать в тебе защитный рефлекс на всякие воздушные сюрпризы. Человек — хозяин пяти своих чувств.

После работы Чкалов спешил домой на подмосковную дачу, где обычно проводил с семьей лето.

Однажды в июньский полдень его навестил там Антошин. Валерий обрадовался встрече.

— Батя! Какими судьбами! Идем в сад, а Лелик сообразит нам закусочку.

— Стол уже накрыт, — крикнула из палисадника Ольга Эразмовна.

Позавтракав, друзья направились в сосновый бор.

— Привольно здесь, батя. Местность немного напоминает мне наше Василево. Березка кругом, овражки. Пойдем-ка поглубже, поля посмотрим. Хлеба здесь знаменитые, в прошлый раз пролетал над ними. На зорьке, случается, проснешься, выйдешь в поле, небо высокое, светлое, и в нем коршун... Долго его наблюдал вчера.

— Ты все такой же, Валерий, неугомонный. Я много думал о тебе и не знаю, чего в тебе больше: мужества или сентиментов. Ты вот любишь технику, сам говоришь, что у тебя — «пафос винтика», и — наслаждаешься природой...

— А как же без природы-то, нам-то, волгарям... Пойдем, батя, посидим на бережку. Смотрю я сейчас, батя, на Москва-реку и тянет меня на Волгу. Широкая она, воздуха там много. Как ее Левитан изобразил. Помнишь, «Над вечным покоем»? Зоркий был художник.

Друзья помолчали немного.

— Эх, батя, время летит. Дел много. Всего не успеваешь...

— Ты стал теперь поспокойнее в воздухе.

— Пора, батя.

— А помнишь, как ты дрался с Павлушовым? — спросил Антошин.

Вспомнили годы, проведенные в ленинградской истребительной эскадрилье.

— Вы сошлись, как сейчас все вижу: на высоте километров трех и ни за что ни тот, ни другой не уступает. Сцепились, как петухи. Ведь дрались до тех пор, пока чуть не задели за деревья. Я порядочно переволновался: ну, как же, что же там до земли-то оставалось!..

— Помню, батя. Ты меня тогда здорово отчитал. Но ты не учел того, что Павлушов первый нарушил дистанцию сближения. А если мой командир так сделал, то почему я не мог так поступить?

— Разобраться было трудно, Валерий, кто прав, кто виноват. Одно было ясно, что оба вы — настоящие истребители.

— Жаль мне Павлушова. Любил я его, батя, — сказал Чкалов, хмуря брови. — Настойчивый был. Я много думал и до сих пор не согласен с тем, что погиб он по собственной ошибке. Ведь он же летал, как бог. Ты же сам знаешь. Помнишь, на Дудергофе?

— Разве это забудешь.

Речь шла о случае, когда на самолете Павлушова загорелся мотор, и летчик при помощи скольжения сбил пламя и виртуозно приземлился.

— Да еще где! — напомнил Чкалов. — На клочке пляжа, у Дудергофского озера. Трудно даже представить себе.

Чкалов задумчиво смотрел на другой берег реки.

— Батя, а ведь я на самолете чувствую себя гораздо устойчивей и крепче, чем на земле, на ногах. Неужели когда-нибудь и я окажусь в таком же положении, как Павлушов, и не смогу выйти из беды? Не может быть. Есть парашют... Всегда можно...

Он оживился, подсел ближе к Антошину и, оглядываясь вокруг, словно боясь, чтобы его не подслушал кто-нибудь, заговорил:

— Давно, батя, запала мне в голову мысль, о ней никому не говорил, но тебе скажу, хочу знать твое мнение. У нас есть прекрасные самолеты, на них можно делать чудеса. Так вот я и решил совершить какой-нибудь особый полет, ну, например, вокруг земного шарика, без посадки. Как ты смотришь на это? — и он пытливо заглянул в глаза другу.

— Не знаю, Валерий. Мне кажется это дело трудным. Нужно подготовить не только себя, но и материальную часть.

— Ну, а если с посадкой?

— Смотря где и сколько...

— Вот ты какой, батя. И помечтать не дашь. Ну, а ежели через полюс махнуть?

— А другие направления, говоришь, тебя не устраивают?

— Тьфу, какой же ты несговорчивый. Мы с Байдуковым думаем крепко о полете на продолжительность. Байдука-то знаешь?

— Насчет дальнего перелета одобряю, Валерий. При твоей настойчивости и при твоем...

Но Чкалов уже не слушал Антошина. Он смотрел в сторону, сквозь кустарник, откуда приближался мальчик, несший небольшое ведерко.

— Юрка, поди сюда! — крикнул он. — Что несешь?

Мальчик поставил на песок ведерко; в зеленоватой воде плавал линь.

— Богатый у тебя улов, — засмеялся Чкалов. — Гляди, линь какой. Глаза-то как таращит. Убери, малец, руку. Укусит!

Мальчик испуганно отдернул руку.

— Да ты не бойся, я пошутил, — еще раскатистее засмеялся Чкалов.

— Я их тут всех знаю, рыболовов, — продолжал он, когда мальчик, взяв свою ношу, зашагал вдоль берега. — Значит, батя, благословляешь?.. Добре. Айда, купаться!

И Чкалов, быстро раздевшись, бросился в воду. Он поплыл саженками, по-волгарски, нырнул, показался вновь с черной корягой в руках и опять нырнул.

— Хорошо! — крикнул он, вынырнув.

Купался долго. Наконец, вышел на берег и докрасна растерся полотенцем. Потом предложил:

— Давай поборемся, батя.

— Да неужто тебе некуда силу девать?

— Не хочешь — не надо... А через полюс когда-нибудь всё же махну, — неожиданно, с задором вырвалось у него. — Эх, батя, сколько у меня планов разных...

Он начал рассказывать о самых фантастических проектах дальних перелетов.

Уже давно спустилось солнце, кое-где зажглись огни, над

головами порхали ночные бабочки, а друзья всё сидели на берегу. Валерий рисовал на мокром песке веткой лозы трассы перелетов (он уже побывал в Мексике, и в Австралии, и в Канаде) и заглядывал в глаза Антошину, стараясь выпытать его мысли, поймать в глазах его волнение сочувствия. И неизвестно, сколько бы времени они оставались здесь, но в кустах зашелестело и показалась голова сына.

— Чего тебе, Игорь?

— Мама сердится, обед давно простыл.

— И тут не дадут помечтать, — проворчал Чкалов. — Ладно, пойдем уж.

Он бросил на песок окурок и, придавив его по лётной привычке ногой, обнял Антошина и зашагал к даче.

* * *

Испытание новых, только что рожденных и поэтому «таинственных» самолетов позволило Байдукову глубже познать авиационную науку и высокое искусство пилотажа. Совершал он на тяжелых самолетах и длительные «прогулки». Это заставило его серьезно изучить технику слепого полета. Он стал специалистом в этой области. Когда же начались перелеты советских военных машин с визитами в иностранные государства, Георгий инструктировал и тренировал летчиков.

В 1934 году он повел вместе с флагштурманом Беляковым эскадрилью тяжелых воздушных кораблей в Варшаву и Париж.

Байдукову хотелось быть летчиком-инженером. Последние два года он просиживал ночи напролет, готовясь поступить в военно-воздушную академию. И, вопреки надеждам командира его части, не желавшего расставаться с ним, выдержал конкурсный экзамен и был зачислен на инженерный факультет.

Он уже переходил на второй курс, когда однажды Сигизмунд Леваневский (с ним Георгий не был знаком) вызвал его по телефону и попросил приехать для важных переговоров. Когда они увиделись, Леваневский предложил Георгию Филипповичу принять участие в полете через Северный полюс. Стояла лётная весна. Георгий тосковал по длительным перелетам. Он согласился.

Перелет не удался. Достигнув Баренцова моря, летчики вынуждены были вернуться из-за неисправности масляной системы.

Что предстояло Байдукову? Продолжать прерванную учебу в академии или испытывать самолеты? Из экипажа он остался один. Сигизмунд Леваневский уехал в Америку на заводы, где ему предстояло познакомиться с новейшей авиационной техникой Соединенных Штатов. Мысль об арктическом перелете не выходила у Байдукова из головы. Ради него он расстался с академией. Георгий Филиппович не мог больше спокойно сидеть за партой.

К этому году и относится начало их более тесного сближения с Валерием Чкаловым.

Тем временем, в дни пребывания в Соединенных Штатах, Леваневский задумал большой перелет из Лос-Анжелоса в Москву через Арктику. На заводе «Волти» строился специально для этого перелета быстроходный комфортабельный моноплан.

Старый товарищ Леваневского по полетам, штурман Виктор Левченко, жил в Москве. Пилот пригласил его принять участие в перелете. Левченко обрадовался предложению: пересечь полмира на поездах, пароходах, самолетах — об этом он мечтал еще в детстве.

В один из весенних дней летчики провожали штурмана.

Обычно веселый, живой Левченко, окруженный товарищами, стоял сейчас на перроне молча. До отхода поезда оставалось полчаса. Валерий, участвовавший в проводах, был озадачен неожиданно грустным видом Левченко и искоса поглядывал на него.

— Ты что такой скучный, Виктор?

Левченко поправил фетровую шляпу, дотронулся рукой до борта драпового пальто.

— Будешь скучным в такой непривычной робе. Я чувствую себя в штатском костюме, как девушка, которая в первый раз влезла в туфли на высоких каблуках... Да и не знаю, как там-то будет все-таки... Ни тебе по-русски, ни тебе по-украински...

— Ну, вот! Ты, брат Виктор, не журись. Такие слова, как «Москва», «большевик», «комсомол», «советы», давно уже стали международными. Это, брат, почище эсперанто. Гляди веселей! Чего тебе нехватает? Одет как пижон! Деньги есть! Кормить будут! А встретишься с Сигизмундом — всласть по-русски наговоритесь...

Они прошлись вместе по перрону.

Фигуры высшего пилотажа:
1. мертвая петля, 2. колокол, 3. переворот через крыло, 4. иммельман

Фигуры высшего пилотажа:
1. медленная бочка, 2. последовательные положения самолета в крутом штопоре

— Тут, брат, другие думки приходят. Весна... А как в Европе весна, так нюхай, откуда раньше запахнет порохом.

Он взял под руку Левченко.

— Я, Виктор, если что будет, попрошусь на восточный фронт. Пусть наша молодежь на Западе себя покажет, а я — на Восток. Там, говорят, есть летчики-«смертники». Они себя заранее на смерть обрекли, дали обещание таранить летчиков в воздухе — себя погубить и противника; так, по крайней мере, похваляются. Вот этих самых смертников я и буду разыскивать. Попробуй, возьми меня на таран! Я найду его в воздухе и скажу: «Ты смерти искал, на, получай ее! Нашего брата на таран не возьмешь! Мы еще полетаем!..»

Левченко оживился, разговорился.

Паровоз разводил пары. Левченко попрощался с товарищами и поднялся на подножку вагона. Поезд тронулся. Чкалов ускорил шаг вслед за удалявшимся составом.

— Счастливого пути, — крикнул Валерий, — и успеха!

И еще раз махнув рукой, он направился к выходу.

Возвратившись домой, Валерий весь вечер рассматривал географические карты и делал какие-то выписки из книг, посвященных арктическим экспедициям.

Валерий Павлович вначале скрывал от жены, что замышляет полет на полюс. Он давно договорился с ней «на всю жизнь», чтобы она не вмешивалась в его летные дела.

Но в конце концов и ей все стало известно.

Первое время Ольга Эразмовна волновалась и с тревогой в глазах поглядывала на мужа. Но постепенно, сама того не замечая, привыкла к частым посещениям Байдукова и перестала настороженно прислушиваться к их разговору.

Однажды Байдуков пришел возбужденный, поздно ночью. В столовой он застал гостей.

— Входи, Егор, входи! — крикнул Чкалов. — Тебя как раз тут и недостает. Мы разбирали случай, который произошел со мной недавно.

— Какой случай?

— Неприятность с лыжами... Садись, Байдук, расскажу. Лечу навстречу земле и вдруг вижу: у моего ястребка оторвалась лыжа и встала перпендикулярно линии полета. Я попытался сбавить скорость, лыжа закачалась. Постой, думаю, голубушка, я тебя направлю на место. А она опять болтает-

ся, негодница! По снежному полю уже бегут санитары. Делаю круги над аэродромом, все думаю, думаю.

— И что же придумал?

— Ничего другого придумать не мог, как сесть с одной лыжей. Что же делать? Не сутки летать. На малой скорости плюхнул машину на землю, не дав ей зарыться носом. Она, конечно, опрокинулась на спину.

— А с тобой что?

— Повис на ремнях. Как видишь, здоров.

— Да ведь ты мог гробануться, Валерий, — сказал один из гостей. — Ты чуть-чуть...

— «Чуть» в авиации не считается, — шутливо перебил Чкалов.

— Вот опять ты не прыгал с парашютом, Валерий? Почему же?.. — сказала взволнованно жена. — Вот посмотрите, Георгий Филиппович, ну что же он опять за старое...

— Успокойся, Лёлик. Я ж понимаю. Как видишь, и жизнь, и машина спасены... Значит, всё в порядке.

В столовой наступило молчание.

— Валерий, разговор есть к тебе, — тихо сказал Байдуков.

Чкалов оживился:

— Ну-ну, говори, Егор. В чем у тебя дело?

— Неудобно. Гости.

— Да ну, давай, что ж нам компанию ломать.

— Видишь ли, вчера на заводе я узнал...

— Ну?

— Не спеши. Выйдем. Скажи, что меня проводить идешь.

— Лёлик! — крикнул Чкалов жене, которая вышла в спальню посмотреть, как спит дочь. — Я сейчас вернусь. Егора только провожу.

Друзья вышли на улицу.

— Ну, что там, Байдук?

— Я узнал, что самолет NO-25 переделан, стоит готовый в Цаги, без применения. Я сказал, что мы найдем ему хорошую работу. Значит, самолет есть. Нужны только экипаж и разрешение.

— Егорушка, милый! Что же ты, дуралей, меня томил! Вот обрадовал! Ну, дальше, дальше?

«Загорелся», — подумал Байдуков.

— Ох, Егорушка! Дело-то какое громадное!..

— Полагаю, обдумать надо, — окая и передразнивая Чкалова, засмеялся Байдуков.

— Чего мы с тобой остановились? Пойдем дальше. Значит, через полюс летим с тобой, орел! Машина, говоришь, есть?

Они незаметно очутились в тихом переулке. Чкалов шел медленно, не замечая редких пешеходов.

— Взгляни, Валерий, небо-то какое звездное...

— Подожди, Егор. Шут с ним, с небом. Ты мне лучше скажи, кого же мы из штурманов пригласим?

— По-моему, Белякова, — ответил, не задумываясь, Георгий. — С ним мы летали в Польшу и во Францию. Он же участвовал в подготовке перелета Леваневского. Нашу машину знает хорошо. А по-твоему, кого?

— Добре, Егор, давай твоего штурмана. Завтра же пойдем в Цаги.

— С маху нельзя, Валерий, не горячись.

— Чего — «не горячись». Завтра же составим бумагу и с Серго переговорим.

Чкалову в последние годы доводилось встречаться с Серго Орджоникидзе на совещаниях, на которых обсуждались вопросы самолетостроения. Он любил своего наркома. И Серго, восхищаясь смелостью и мастерством пилота, ценил опыт Чкалова, его суждения о строящихся машинах.

— Может быть, подумать, обсудить еще раз? — заметил Байдуков.

— Нечего думать. Звони по телефону твоему штурману. Скажи готовиться, мол, начинаем.

— Тебя гости ждут, Валерий, — сказал Байдуков и протянул руку. — Добрый путь.

— В добрый, далекий путь, Егорушка, — ответил Чкалов и хлопнул друга по плечу.

II

Беляков никак не предполагал, что его приглашают штурманом перелета через Северный полюс. О Чкалове он слышал давно, но работать вместе не приходилось.

В тот же день после встречи с Байдуковым он отправился на аэродром, захватив с собой сведения о машине и кое-какие расчеты, которыми хотел поделиться с Чкаловым.

Он долго разыскивал его у ангаров, между рядами разведчиков и бомбардировщиков, заглянул в цех, где происходила сборка самолетов. Чкалова нигде не было.

— Где же Валерий Павлович? — спросил Беляков механика, который провертывал винт.

— А вон в воздухе маленькая машинка кувыркается, — ответил равнодушно тот, указывая рукой на небо. — Там и есть Валерий Павлович.

Через полчаса над головой штурмана пронесся красный истребитель. Приземлившись на большой скорости, машина неуклюже запрыгала по аэродрому. Беляков, глотая пыль, быстро направился к самолету. Он увидел Чкалова, вылезающего из кабины.

— Разрешите представиться, прибыл к вам по просьбе товарища Байдукова.

Чкалов не сразу ответил, а сначала расстегнул ворот комбинезона, поглядел в даль, на старт, и только потом, спрыгнув на землю, протянул руку.

— Холодок сегодня... — сказал он, хлопая в ладоши.

— Да, денек не весенний, товарищ командир.

Чкалов улыбнулся:

— Зови просто: Чкалов. Ты ведь такой же командир, как и я. Ну, здравствуй, Беляков!

И взяв штурмана под руку, он зашагал к ангарам.

В первую же минуту Беляков почувствовал, что имеет дело с добродушным, открытым человеком. Ему показалось даже, что эти ласковые глаза, эти глубокие складки на щеках и орлиный изгиб носа он уже видел когда-то.

— А ты, Валерий, долго сегодня летал, — произнес он, не удивляясь тому, что назвал летчика Валерием и сказал ему «ты».

Чкалов помолчал немного.

— Тебе Егор сказал, что надо делать?

— Приблизительно сказал.

— Ну, так и делай. А вечерком ко мне приходи. Придешь?

— Конечно, буду.

— Ты прости меня. Спешу в чертежную помочь конструктору... Одна машинка тут строится.

И, тряхнув крепко руку Белякова, Чкалов скрылся в дверях заводского здания.

Вечером Беляков постучался в квартиру Чкалова. Дверь открыл мальчик. Александр Васильевич сразу же заметил в ребенке сходство с отцом. Подождав, пока незнакомец разденется, мальчик воспользовался случаем и проскользнул вслед за штурманом в дверь, ведущую в отцовский кабинет.

Беляков увидел Валерия Павловича в облаке табачного дыма. Чкалов стоял перед небольшой географической картой и попыхивал трубкой. Байдуков, облокотившись о подоконник, что-то насвистывал.

— Входи, Саша. А мы с Егором без тебя уже до полюса долетели, — сказал Чкалов, не отрывая глаз от карты. — На «крыше» мира побывали. — Он выпрямился, протянул руку Белякову и увидел Игоря. — А ты зачем сюда? Ты лучше нам скажи, как насчет уроков...

— Приготовлю... — неуверенно ответил Игорь.

— А ты смелее — приготовишь все-таки или нет? Смотри, завтра проверю... Ну, брысь отсюда!

Мальчик со смехом выбежал из кабинета, и Чкалов рассмеялся так же громко, довольный в душе тем, что сын был любознателен, смел, немного озорной — весь в него.

— Ну, мушкетеры, за работу! Егорушка, тебе слово, — сказал Чкалов.

Говорили долго в тот вечер, исчертили карандашом карту, молча втроем вглядывались в тонкую линию будущего своего маршрута, пересекавшую полюс. Уже два пробило за стеной, а спать не хотелось, летчики продолжали тихо разговаривать. Все было им ясно: лететь надо.

Беляков притащил для развлечения выписку из дневника Роберта Пири:

«Северный полюс — такое место на земле, где нет времени, — там есть только один день и одна ночь в году. Там все небесные светила движутся горизонтально к земле и одна Полярная звезда видна над головой. Там дует только южный ветер. Там нет ни севера, ни запада, ни востока...»

«Мушкетерам» осталось решить еще одну задачу, самую легкую, но она оказалась наиболее трудной: выбрать командира.

Чкалов отказывался:

— Егор, берись ты.

Но Байдуков настаивал на своем. Беляков его поддерживал. Желая прекратить спор, Байдуков громко крикнул:

— Валерий, мы с Сашей единогласно утверждаем твою кандидатуру! Понимаешь, единогласно.

— Тс... тише, дочку разбудишь, — сказал Чкалов и пошел проведать девочку. А когда вернулся снова в кабинет, о споре позабыл и больше к нему не возвращался.

За окном громыхали первые утренние трамваи, когда Чкалов начал диктовать письмо в Центральный Комитет ВКП(б). Он просил разрешения совершить полет через Северный полюс. Байдуков писал под диктовку быстро, взволнованно.

— Не годится, Егорушка, — Чкалов покачал головой. — Больно пишешь размашисто, неаккуратно. Разбужу жену... Она лучше нас умеет это делать...

Вошла Ольга Эразмовна, ровным почерком переписала заявление, прочитала вслух.

— Добре, — сказал Валерий. — Завтра с Серго повидаюсь.

Проводив друзей, Чкалов снова разложил карты. Но мечтал он уже не так, как полгода назад, теперь мечтания его

были предчувствием больших событий. Что скажет Сталин? Как отнесется он к идее перелета?

— Полагаю, он скажет свое мнение. Не может быть, что дело повиснет в воздухе, — говорил Чкалов жене, уходя на аэродром.

Все эти дни летчики обдумывали свой перелет. Вечерами они встречались и обсуждали детали маршрута. Эти встречи вошли в привычку, Чкалов говорил:

— Не повидаю вас — и нет у меня дня.

Вскоре все уже было готово, и только разрешение на полет не приходило.

В начале июня на одном из заседаний Центрального Комитета ВКП(б) обсуждался вопрос о борьбе с авиационными авариями.

Во время перерыва Чкалов и Байдуков, приглашенные на заседание в числе прочих командиров авиации (Белякова в тот день не было в Москве), подошли к товарищу Орджоникидзе и спросили его, как расценили их проект.

Серго, ласково прищурившись, оглядел их.

— Не сидится вам, всё лететь хотите. Машину нужно хорошо проверить.

— Машина проверена. Хоть сегодня лети... — сказал Чкалов.

— Ладно, — улыбнулся Орджоникидзе их нетерпению. — Я вас с товарищем Сталиным сведу. Что он скажет...

Вдруг дверь открылась, и вошел товарищ Сталин. Он поздоровался, крепко пожал летчикам руки и спросил, улыбаясь:

— В чем дело? Чего вы хотите, товарищ Чкалов?

— Просим вашего разрешения, Иосиф Виссарионович, совершить полет к Северному полюсу, — сказал Чкалов.

В это время подошли товарищи Молотов и Ворошилов.

— Вот хотят лететь на Северный полюс, — обратился к ним Серго.

Наступило минутное молчание. Летчики, взволнованные встречей, ждали от Сталина ответа. Разрешит ли он полет на полюс? Доверит ли им эту ответственную и почетную задачу?.. А вдруг откажет?..

— Зачем лететь обязательно на Северный полюс? — сказал товарищ Сталин. — Летчикам все кажется не страшным—рисковать привыкли. Зачем рисковать без надобности?

— Да ведь машина хорошая, мотор хороший, и риска мало, товарищ Сталин, — вступился Чкалов.

Сталин немного подтрунивал над летчиками, но тут же стал уже вполне серьезно объяснять, что прежде надо хорошо и подробно изучить условия полета у Северного полюса: туда лететь надо наверняка... А пока можно использовать необъятные пространства нашего Союза. Можно совершить очень далекий и трудный перелет над нашей территорией.

Сталин помолчал, внимательно взглянул на летчиков.

— Вот вам маршрут для полета: Москва — Петропавловск-на-Камчатке.

В первый момент летчики даже растерялись. Их охватило волнение. Они летят! Маршрут выбран интереснейший и выбран удивительно точно. Человек, чье внимание и время поглощены делами всего мира, так тщательно обдумал их предложение. Задача, которую он перед ними выдвинул, имела огромное практическое значение для Родины.

Грузный, с широкой спиной, Валерий стоял, слегка расставив по-матросски ноги. Он порывисто протянул руку. Сталин крепко пожал ее.

— В добрый путь, товарищи!

Над Москвой спускался вечер, когда летчики вышли из Кремля.

— Байдук, летим с тобой, орел! — произнес Валерий, подмигнув другу и ласково подтолкнув его плечом.

Сели в автомобиль, пересекли центр города, но ехать дальше не хотелось. Вылезли из машины и пошли пешком по аллее Ленинградского шоссе. Зажглись фонари.

— Ну, Егорушка, что скажешь?.. «В добрый путь!»..

По лестнице Валерий взбежал и забарабанил в дверь своей квартиры. Открыла Ольга Эразмовна. Она по лицу мужа поняла, что он пришел с радостной вестью.

— Всё в порядке! — громко объявил он.

Ольга, улыбаясь, показала на дверь: ребята спят.

— Ладно, — понизив голос, сказал Валерий, — пусть спят. Всё в порядке.

Весь вечер провел он с Ольгой, шутил, смеялся, вспоминал детство. Жаль, что отец не дожил до этого дня. Он разделил бы сейчас его радость. Волнение Валерия усиливалось тем, что на послезавтра пришло приглашение в Центральный

Дом Красной Армии, где руководители Партии и Правительства примут командиров, награжденных орденами.

— Выпьем, Лёлик, по бокалу вина! — сказал Валерий. — Скоро перехожу на нарзан.

Он поднял бокал, торжественно чокнулся с женой.

Многое вспомнилось ему в эти минуты. Такое близкое, будто вчера, детство в Василеве, работа с отцом в затоне. Авиационный парк. Годы учения. Во всей Советской России была одна авиационная школа, когда он начал учиться. Вспомнил он и гауптвахты и по-новому осмыслил свои столкновения с начальством. Иногда его не понимали, незаслуженно сажали на гауптвахту за слишком смелые полеты, а он, давным-давно уже их освоив и мучась «однообразием и простотой» своей профессии, мечтал в это время о еще больших дерзаниях. Но иногда он был сам неправ: ему казалось, что воздушные трюки — это и есть настоящий героизм, он не замечал того, что за смелостью и отвагой нередко крылась недисциплинированность...

Валерий подумал об Антошине. Скольким он был обязан этому человеку! Он вырвал лист из блокнота и быстро написал:

«Дорогой батя! Живу великолепно — мои лётные дела идут как нельзя лучше. Сообщаю тебе радостную весть для меня и не менее радостную для тебя. Твой «непослушный сын» получил задание, да еще какое! — пролететь по небывалому в истории авиации маршруту. Задание дал не кто-нибудь, а... Сталин. Будь уверен, тебе краснеть за меня не придется. Подробности потом. Твой Валерий».

Спал Чкалов в эту ночь крепко; утром по обыкновению уехал на аэродром, летал, проводя последнее испытание новой машины. Он был спокоен. Давно уже прошли тревожные минуты волнений, в воздухе он находился в привычном состоянии сосредоточенности и подтянутости, когда все внимание приковано только к машине.

На аэродроме Валерий увидел старого знакомого — летчика Моисеева. Чкалов был очень весел, на расспросы отвечал загадками.

— Что-то ты задумал, Валерий Павлович? — спросил Моисеев.

— Помнишь, я говорил тебе, что нам придется летать по несколько суток. Вот и понимай...

— Ну что же, Валерий, я тебе всегда желаю самого лучшего.

Чкалов пожал товарищу руку.

— Спасибо. Дело предстоит большое.

Вечером следующего дня Валерий отправился в Центральный Дом Красной Армии. В зрительном зале вместо рядов стульев он увидел длинные сервированные столы. На белых скатертях стояли вазы с цветами.

Здесь встретилось много друзей. Всюду слышались оживленные возгласы, смех, шутки. И вот внезапно шум голосов стих. И сразу громкие рукоплескания огласили зал: вошел товарищ Сталин в сопровождении товарища Ворошилова и других своих боевых соратников.

— Позвольте считать наш вечер, посвященный приему командиров-орденоносцев, открытым, — обратился к собравшимся товарищ Ворошилов.

Климент Ефремович сумел сразу придать простой и задушевный тон этой торжественной встрече. Провозглашалось множество тостов. Климент Ефремович поднял бокал за тех, кто еще не награжден, но, как он надеется, будет награжден, «а таких у нас будут не сотни, а тысячи», — закончил он. Эти слова были покрыты долгими аплодисментами.

Вскоре встал Иосиф Виссарионович. С затаенным дыханием все слушали его речь. Он говорил о несокрушимом могуществе и успехах Красной Армии, надежно обеспечивающей нам возможность спокойно работать и строить бесклассовое общество.

— В нашем народе, — сказал Иосиф Виссарионович, — скрыты неисчислимые источники новых побед. В ближайшее время мы организуем беспосадочный полет по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке.

Сердце Валерия забилось. Он огляделся вокруг. Рядом, плечо к плечу, стояли командиры, молодые и старые воздушные бойцы, много было участников гражданской войны. Было хорошо чувствовать себя плотно слитым с их средой.

Иосиф Виссарионович кончил говорить. Уже давно все сели, а Валерий продолжал стоять и попрежнему не сводил глаз с товарища Сталина.

Чем дольше он вглядывался в его улыбающееся лицо, в густые, зачесанные назад, слегка седеющие волосы, тем сильней охватывало его желание сказать, что значит Сталин для

советского человека, как бесконечно дорог он людям нашей авиации; хотелось крикнуть на весь зал, что советские пилоты во славу Родины с именем Сталина на устах готовы преодолеть любые преграды.

Сталин увидел Чкалова и позвал к себе. Пилот подошел. И вдруг все слова, которые он прочувствовал и обдумывал, исчезли. Он стоял смущенный, молчаливый, взволнованный и только широко улыбался.

— А я думал, что вы уже на Камчатке, — тепло взглянув на него, пошутил Иосиф Виссарионович.

— Машина подана на горку аэродрома, — ответил Валерий, — мы приступили к тренировке.

Он замолчал и с грустью подумал, что ничего яркого не может сказать человеку, который вошел в его жизнь прочно, навсегда.

Сказать Валерий ничего не мог, но глаза его так светились, что Сталин притянул его к себе и обнял.

Прием командиров затянулся до глубокой ночи.

Войдя в свой кабинет, Валерий увидел на письменном столе еще не отправленное письмо Антошину. Он распечатал конверт, вынул листок и дописал:

«Знаешь, батя, я раньше не мог себе представить и не верил в то, что один человек может отдать жизнь за другого без колебаний. Признаюсь, я был неправ. Есть такие люди, за которых без рассуждений отдашь жизнь. Вот я тебе прямо и говорю — если нужно будет, не колеблясь, отдам жизнь за Сталина».

* * *

Руководители перелета предложили летчикам переселиться в подмосковное местечко Щелково. Там, на берегу Клязьмы, близ лётного поля, была для них уже приготовлена просторная комната.

— Заживем отшельниками, Егорушка, — шутил Чкалов, вешая на стену большую географическую карту. Он прислушивался к шелесту деревьев. В распахнутые окна доносился смолистый запах хвои.

— Хорошо здесь.

Открывающийся полупрозрачный синий пейзаж с лесными тропинками и желтым песком, горевшим в лучах солнца, напомнил ему детство и волжские отмели. Светлая полоса

горизонта, скошенные луга, обрамленные кустарником и молодыми деревьями, вызвали на минуту воспоминания о любимом развлечении — охоте.

Чкалов отошел от окна и задумался о гигантском прыжке, который предстояло совершить.

На карте будущий маршрут был намечен тонкой серой линией, пересекающей голубые, желтые и шоколадные пятна горных хребтов, морей и островов.

— И через полюс слетаем, Егорушка. И хорошо бы вокруг шарика. Непременно. Неплохо бы и в стратосфере на скоростной машинке. Как полагаешь?

Байдуков молча кивнул головой. Ему было приятно помечтать с Валерием. В душе, про себя, он называл его человеком с сердцем орла. Он знал, что Чкалов, давая простор воображению и своим мечтаниям, с упорством претворял их в действие, в жизнь.

Дел было по горло. Предстояло овладеть техникой посадки и взлета на перегруженной машине; натренироваться в слепых и маршрутных полетах; изучить радиосвязь; познать еще глубже самолет; усвоить рельеф и климат местностей, над которыми пойдет их машина; почитать описания арктических экспедиций прошлого; составить подробнейшие карты, нанести на них маршрут, радиостанции, зимовки, величины магнитного склонения; выработать график режима полета при наименьшем расходе горючего; установить распорядок работ и отдыха во время полета. А Белякову как штурману предстояло, кроме того, тренироваться в аэронавигационных и астрономических измерениях.

— Саша, Егор, вставайте! — кричал каждое утро Чкалов, сбрасывая с себя одеяло.

Позавтракав, летчики отправлялись на аэродром.

На двухкилометровой широкой бетонной дорожке стоял, распластав крылья, самолет. Валерий и Георгий производили взлеты, изучая все тонкости «характера» своего самолета. Взлету перегруженной машины Чкалов придавал большое значение.

— Мое дело — хорошо взлететь и удачно сесть, — говорил он друзьям со свойственной ему скромностью.

На самом деле его работа была неизмеримо сложней. В часы испытательных полетов он опять превращался в прежнего искателя и, в то же самое время, строго и неуклон-

но следовал окончательно укрепившейся привычке не быть с машиной «запанибрата», «не разговаривать с ней на ты», а обращаться с ней осторожно и почтительно.

В конце концов летчики убедились, что самолет с полетным весом в одиннадцать тонн побежит в день старта строго по середине дорожки и, оторвавшись, плавно пойдет в воздух.

Экипаж провел практическую проверку лётных свойств машины, составил график полета на весь предстоящий рейс.

Чкалов знал Арктику лишь по книгам и рассказам товарищей. Но разве не доводилось ему летать в бурю и в тумане, в сплошных облаках? Выручали Чкалова в этих случаях приборы. Но, однако, бывало и так: приборы показывали, что машина идет прямо, а Валерию казалось, что она дает крен. Тягостную раздвоенность ощущал иногда он в слепом полете. И сейчас больше всего работал именно над слепым полетом. Его тренером был Байдуков, замечательный мастер вождения самолетов в этих труднейших условиях.

Байдуков, в самом деле, любил часами летать в «подходящую» погоду: «подходящей» он называл такую, когда тучи, туман, пурга и непроглядная тьма совершенно закрывают все кругом.

Друзьям не терпелось скорее в путь.

Даже рассудительный Байдуков повторял частенько:

— Скорей бы лететь!..

— Ишь ты, Егорушка... — говорил Валерий. — Надо с холодным умом и с горячим сердцем.

В свободные от ночных полетов часы Чкалов отправлялся вместе с Байдуковым в Москву.

После напряженного дня и поездки на автомобиле развивался волчий аппетит. В Москве заезжали в восточный ресторан. Валерий заказывал любимое харчо — острое кавказское блюдо с пряностями — и две бутылки нарзана.

Друзья не брали в рот ни капли даже легкого вина, соблюдая перед полетом строжайший режим.

В первый раз официант, быстро подав аппетитно пахнувшее харчо, поставил на стол графинчик водки с отпотевшими от холода стенками. Чкалов удивленно посмотрел.

— Кто просил водки?

— А как же харчо без водочки? — ответил официант. — Уж не захворали ли вы, Валерий Павлович?..

Валерий рассердился.

— Больше не буду к вам ходить.

Он молча принялся за еду. Поужинав, повеселел и, расплачиваясь с официантом, сказал ему на прощанье:

— Не сердись. Через месяц полет закончим, тогда обязательно приедем к тебе и вот уж тогда закажем с водочкой.

Интенсивная работа чередовалась с отдыхом. Катались на лодке, играли на биллиарде, купались — все это стало привычкой. Врач неотступно следил за режимом летчиков.

Байдукову врач предложил замещать его во время полета; снабдил Георгия Филипповича медикаментами и перевязочными материалами и учил оказывать помощь при переломах, обмороках.

— Эх ты, Байдук, «фельдшер», — подшучивал Чкалов. — Свободный полет, стихию хочешь променять на хирургию...

Однажды врач прописал Белякову стакан кахетинского вина. Чкалов узнал об этом:

— Милый доктор, у меня тоже расстройство желудка. Жду от вас и я стаканчик кахетинского.

— После финиша, Валерий Павлович. Потерпите немного. Я запаковал в аварийный запас даже бутылку коньяку.

— Да вы нарочно, дорогой доктор, упрятали коньяк подальше, на дно резинового мешка, чтобы не достать его, — шутил Чкалов.

Но спустя немного времени его лицо снова принимало озабоченное выражение, и он молча подолгу глядел то на компас, то на кислородные приборы или на карты, изучая маршрут и мысленно пролетая по нему.

Как близко ему теперь было безмолвие Арктики. Ему все чаще начинало казаться, что он уже бывал когда-то в этой ледовой пустыне, среди черных разводий и хаотически нагроможденных торосов, размолотых грозными силами природы. Скалистые пики Якутии, редкие яранги эскимосов, стойбища, оленьи и собачьи упряжки, снежная могила Седова, моряки «Св. Анны», безвестно погибшие где-то северней острова Рудольфа, — все живо вставало в его воображении. Он склонялся над книгой. Со страниц безмолвно смотрели на него лица полярных путешественников — Фритьофа Нансена, Челюскина, Саломона Андре, Роберта Пири, Малыгина, Харитона Лаптева, Роальда Амундсена. Увлекаясь с детства историей, Чкалов читал о новгородских боярах, посадниках, и

купцах, которые в поисках товаров и наживы посылали в Поморье и Студеное море своих холопов. Холопы добирались до моря по рекам и волоком и разъезжали на легких лодках — «ушкуях» — вдоль морского берега, где основывали промысловые селения, нередко занимаясь и грабежом местных жителей.

На полке над столом лежали карты, справочники, инструкции, ветрочет, хронометр, счетные линейки, транспортиры. Оторвется Валерий Павлович от книги, подойдет к окну. Белесоватое от фонарей небо раскинулось над затихшей землей. Поблизости, на тихом дворике, упражняются в астрономической ориентировке Беляков и Байдуков. В ночном воздухе раздается голос штурмана:

— Отыщи, Георгий Филиппович, Полярную звезду и Арктур.

— Это Альфа из созвездия Волопаса?

— Угадал, Егор Филиппович.

Из окна было видно, как Байдуков с помощью секстана измерял высоту звезды, которая бледной, еле заметной точкой мерцала на желто-пепельном небосклоне.

Беляков давал новое задание:

— А теперь возьми высоту Веги из созвездия Лиры...

— Пожалуйста... это нас нисколько не затруднит, — отвечал Байдуков.

Длинные тени двух друзей долго скользили по травянистой земле, влажной от росы. С реки тянуло прохладой.

— Орлы вы мои... — шептал Чкалов и думал: «С такими ничто не страшно».

Он спускался по лестнице во двор и тихо звал:

— Саша, Егор... Спать пора...

И ложился сам, натягивал одеяло, закрывал глаза, притворяясь спящим.

Но мысль его работала.

Что предстояло ему делать в ближайшие дни? Шлифовать приемы воздушной навигации, еще раз проверить маршрутные карты, поговорить с портными, готовящими для экипажа полярную одежду, поспорить с упрямым врачом, который настаивал на том, чтобы в полет были взяты чайные ложечки. Слов нет, они были изящны и могли бы порадовать самую взыскательную хозяйку, но они ведь все же весили хотя бы несколько грамм. Нет, он решительно откажет-

ся брать в полет эту лишнюю утварь — пусть доктор так и знает!

Сдвигались его сильные брови. Но начинал он думать о другом, и с каждой секундой все более разглаживался его лоб, и на широкой переносице исчезала морщина. Да. Большая задача стояла перед ним и его товарищами. Но он был спокоен. Правительство, отправляя экипаж в дальний путь, приняло все меры предосторожности. Северная флотилия и Тихоокеанский флот обязывались держать наготове суда и гидропланы. Предписывалось также держать под парами от Москвы-реки до Колымы речной флот, а на зимовках организовать специальные сухопутные экспедиции.

Мотор не вызывал никаких сомнений. Он мог работать сотни часов и в тропическую жару, и на трескучем морозе.

Но была еще одна причина — самая главная, — она особенно поднимала дух. Чкалов знал, что в часы перелета о них будет думать весь народ, заботиться — Родина, Партия, Сталин.

Он припоминал мельчайшие подробности встречи с великим вождем. Его поражало то, что Сталин глубоко знает авиационные вопросы, хорошо знаком со сложнейшими отраслями авиационной промышленности и деталями самолета.

Оглядывая мысленно свой жизненный путь, Валерий Павлович был исполнен благодарности Красной Армии, которая воспитала его. Она научила его дисциплине работы над собой, умению совершенствовать свои способности, обогащать их новыми знаниями, быть выдержанным, внутренне напряженным, хладнокровным и в то же время оставаться прежним, горячим, смелым — уж такова его натура!

Утром Байдуков с Беляковым на лесной опушке, у походной радиостанции упражнялись в налаживании двусторонней связи самолет — земля, изучая код и добиваясь, чтобы радиограммы были краткими и содержательными. Иногда они намеренно портили станцию и тотчас же исправляли ее.

Глядя издали на них, Валерий думал:

— Конечно, каждый из нас порознь тоже чего-нибудь да стоит, но вместе мы можем сделать не втрое больше, а вдесятеро.

На самолете техники устраняли последние неполадки. Они привыкли видеть Чкалова молчаливым, порой даже грубовато-придирчивым. В кепке козырьком к затылку, в шелковой

косоворотке он ходил вокруг машины, что-то напевал или бурчал себе под нос, потом садился за штурвал, еще и еще пробовал рули или, заведя мотор, ловил ухом ритм оборотов винта.

Давно знакомы были ему скрип оживающего металла, легчайшее придыханье мотора. Он тысячу раз проверял рули и тяги, каждый винтик и болт.

Наступал вечер, и Валерий продолжал изучать систему бензинопитания или водяного охлаждения мотора.

— Ну-ка, Валерий Павлович, — старался «подковырнуть» трудным вопросом Беляков, — представь: мы летим над Землей Франца-Иосифа, и вдруг ты замечаешь, что уровень бензина в расходном баке понижается. Что ты будешь делать?

Чкалов отвечал.

— А теперь ты скажи, — обращался он, в свою очередь, к Белякову: — Я подкачиваю воду в расширительный бачок, а насос не берет. Запасный бачок под тобой, ты на нем сидишь. Что ты будешь делать, дорогуша?

И Беляков также давал точный ответ.

Байдуков в это время сидел на койке, поджав по-турецки ноги, и выстукивал телеграфным ключом по азбуке Морзе: точка — тире, тире — две точки, три тире — две точки... Он обучался приему радиограммы на слух.

Чкалов был занят больше всех. И все же, даже здесь, в Щелкове, он ухитрялся читать для собственного удовольствия. Он уходил в лес и располагался на лужайке. Когда рядом с ним оказывался Байдуков, они любили поговорить о своих родных реках. Георгий вспоминал сибирское многоводье, высокие берега, девственные просторы. Чкалов слушал, а потом говорил:

— А все-таки Волга лучше. Обжитая река.

Изредка удавалось выбраться на охоту. Особенно внимательно относились теперь друзья к ружьям. Предстояло выбрать в дорогу самые лучшие и надежные.

Валерий стрелял, как снайпер. Попадал в серебряный гривенник, выбивая из него середину. Ружья он изучал в тире, стрелял сосредоточенно, что-то прикидывая и соображая вслух. Он отделил три новеньких трехстволки.

Ласково погладил ладонью вороненую сталь:

— Эти три возьмем с собой.

* * *

День старта приближался.

Экипаж отправился в очередной тренировочный полет по маршруту.

Моноплан пролетал над слободой Василево. Из окна кабины Чкалов видел песчаную косу, баржи и плоты.

Необозримые луга открывались впереди. Он повернул самолет и полетел к крутой горе, покрытой густой зеленью с мелькающими в ней хлебными амбарами и белыми трубами домиков.

Знакомые места!

Показалось поле, заросшее бурьяном. Валерий снизился и издалека угадал могилу отца.

Сделал крутой разворот, под крыльями блеснула проселочная дорога, самолет набирал высоту. Валерий увидел крышу родного домика, и ему захотелось еще раз снизиться. Кто-то даже вышел в сад — может быть, старушка-мать (он привык звать Наталью Георгиевну матерью) или ее подруга, тетя Саша, — разобрать он не мог: летел высоко.

«До скорой встречи», — подумал он и повернул к Заволжью.

Широкой лентой, вся в серебре, вилась позади река, зеленые острова правильными треугольниками возвышались над водой. И, чем дальше отдалялся он от Волги, тем больше охватывали его воспоминания о родных краях.

Ночью ему не спалось. Он просидел до зари в лодке, закинув удочку. Но рыбешка попадалась мелкая, не стоящая внимания, и он в конце концов зачерпнул широкой ладонью все, что было в ведре, и выкинул обратно в воду.

— Это, брат, тебе не Волга, красавица ты моя! — сказал он в сердцах и побрел к дому.

Но стоило ему увидеть разложенную в комнате карту или услышать за стеной дробный телеграфный стук, как он становился веселым и даже необычно словоохотливым.

Между тем, комната, смежная с той, в которой жили летчики, все больше и больше становилась похожей на магазин «случайных вещей». Сюда привозили снаряжение и продовольствие. Широкополые, ниже колен, кухлянки из пыжика, сапоги из рыжего собачьего меха, одеколон, рюкзаки с шелковым бельем, куриное филе, яблоки, лимонные вафли, зажигалки, тающие во рту галеты из пшеничной муки, маленький

топор, табак, сгущенное какао — все это лежало вместе с лыжами-вездеходами, копчеными колбасами, ружьями, порошками от головной боли, примусом, консервами из бычьего языка, веревками, финскими ножами, алюминиевыми кастрюлями, куртками, покрытыми вельветоном, и с великим множеством других предметов.

Уже казалось, что больше комната не способна вместить ничего, а люди продолжали подвозить новое снаряжение. И ассортимент пополнялся аварийной радиостанцией, походной мачтой с антенной, прорезиненной лодкой, шатром, веслами, охотничьими сапогами, спальными мешками, спасательными поясами и ракетами.

— Хватит, ребята! — говорил охрипшим басом Чкалов, осматривая вновь привезенные тюки.

Он не доверял этикеткам и сам взвешивал на весах каждую вещь, приговаривая:

— Ух, какая тяжелая!

Байдуков, которого также волновал каждый лишний килограмм, косо поглядывал на эти груды и норовил отложить кое-что в угол.

— Это что такое? — кричал Чкалов, извлекая из груды тюков кожаные сапоги, которым мог бы позавидовать любой охотник. — Они два пуда весят.

— Возьмите, Валерий Павлович, — упрашивал врач. — Не пожалеете.

— Да вы с ума сошли! Поберегите их до нашего возвращения. Вот закончим перелет, сяду в машину да улечу на Волгу. Купаться, охотиться буду. Тогда мне ваши сапожки пригодятся.

— Вы сегодня за обедом плохо пережевывали пищу, — говорил в пику ему доктор.

— Ладно... — добродушно сердился Чкалов, — лучше скажите: зачем вы подсовываете нам чайные ложечки? Вы бы еще самовар предложили взять в полет. Ни за что не возьму ложки, мое последнее слово.

Постепенно Чкалов и Байдуков разделили все вещи — не на хорошие и плохие, а на легкие и тяжелые.

Развернув новый мешок, они извлекли легкую надувную лодку. Прорезиненная лодка понравилась Чкалову, вечером он испытал ее на реке Клязьме.

— А во сколько минут ее можно надуть? — спросил он.

— За четырнадцать, — ответил Байдуков.

— За сколько? — прищурив глаз, переспросил Валерий.

— За четырнадцать минут, — повторил Байдуков.

Чкалов расхохотался:

— Вот так здорово! Ну, значит, Егор, мы ее будем надувать под водой.

Все же он согласился погрузить лодку в самолет. Повезло также кухлянкам. Длительный спор вызвала шелковая палатка, хорошо выделявшаяся на льду своим красным цветом.

— Полагаю, нам не придется жить Робинзонами на каком-нибудь необитаемом острове, но, пожалуй, палатку и спальные мешки возьмем, — говорил Чкалов, любуясь изящной отделкой ткани. — Кстати, сколько весит стержень шатра?

— Два кило, — сказал врач.

— Ого! Ну, так оставьте его себе на память, а мы, если потребуется, подопрем шатер веслом. Весла ведь все равно надо брать.

— Так я и знал! — взмахивая руками, говорил врач, и в его голосе появлялись горькие нотки. — Трудный вы пациент, Валерий Павлович. То весь день в ангаре проводите, вовремя не позавтракаете; то ловите рыбу бреднем всю ночь; то, вместо того, чтобы поужинать, катаетесь на велосипеде, да еще на моем собственном!

— Зато после обеда, во время отдыха, вы, доктор, просто безжалостны! Как только переступишь порог комнаты — откуда ни возьмись — вахтер. Никого не пропускает.

— С вами нельзя иначе, — хмурясь, отвечал врач. — Подумайте, сколько вы уже доставили мне огорчения. Когда ешь, надо тщательно пережевывать пищу, а вы с полным ртом разговариваете. То приятели-пилоты, то газетные репортеры... Хороший обед! Нечего сказать! Вам отдохнуть надо, а вы — глазом не успеешь моргнуть — уже на учебном самолете, кружите над аэродромом.

— Это и есть настоящий отдых, — оправдывался Чкалов.

Дошла очередь до лыж. Всевозможных конструкций — длинные, беговые, широкие, следоступы, вроде лаптей, — рассматривал и примерял Валерий Павлович.

Выбор его остановился на широких канадских лыжах, Чкалов надел их и чуть не полдня ходил в них по комнате. Испытанием он остался доволен. Лыжи оказались легкими. Их удобно было запрятать в крыло самолета.

Валерий Павлович продолжал угрюмо поглядывать на новые мешки с какими-то консервными банками, всевозможными порошками — молочными, мясными, яичными, недовольно бурчал: «К чему все это?» — в душе же гордился тем, что Родина, посылая его экипаж в перелет, снабжает их блестящим снаряжением, а самолет оснастила новейшими, совершенными приборами.

Давно ли, вылетая, он говорил: «Эх, пойду по железке!» Только ей, железной дороге, доверял он, чтобы не сбиться с пути. А сейчас синоптики осаждали его прогнозами погоды, астрономы показывали заранее приготовленные на будущее вычисления высот и азимутов солнца и луны.

Было время: молодая советская республика отмечала первую годовщину своего существования. На Красной площади Москвы был дан парад войскам революции. Сурово стояли бойцы, сжимая в руках винтовки. В пустынном осеннем небе кружил одинокий самолет «вуазен». Им управлял старейший русский летчик Россинский. Позади него сидел пассажир и разбрасывал над площадью листовки.

Владимир Ильич Ленин, чуть закинув голову, с большим вниманием наблюдал полет единственного аэроплана, участвовавшего тогда в параде. Кто знает, что думал тогда Ильич, следя за этой одиноко парящей машиной. Может быть, перед его внутренним взором возникали грандиозные авиационные парады наших дней.

Через семнадцать лет над той же Красной площадью в первомайском параде, сотрясая небо ревом моторов, плыла армада тяжелых бомбардировщиков, за ними мчались зоркие разведчики. Отливая на солнце холодным блеском стали, пронесся низко над землей еще один самолет, великолепной формы. Он взмыл ракетой и скрылся в высокой синеве. И вслед за ним стремительно, как снаряд, промчалась пятерка скоростных истребителей. Головную машину вел Чкалов.

Какая это была по счету машина, на которой Валерий летел? Сколько испытал он самолетов? Он не помнил, он не вел им счета...

* * *

Ранним июльским утром Чкалов повел NO-25 в маршрутный рейс.

Его друзья были на своих местах. Беляков с радистом

настраивали радиостанцию. Байдуков сквозь маленькое оконце поглядывал на желтый дым, валивший густыми клубами из труб шелковских заводов, следил за тем, как пашни, переливаясь на солнце всевозможными оттенками от бурого до ярко-зеленого, с каждой минутой уменьшались в размерах. Небольшой электромотор наматывал трос и подбирал колеса внутрь самолета.

Внезапный треск заставил всех вздрогнуть. Зеленые лампочки не зажигались. Подъем шасси приостановился. Обе ноги самолета застряли в подогнутом положении.

— Повидимому, оборвались тросы, — сказал Георгий Белякову.

— Надо сообщить Валерию.

Георгий и инженер пробрались в пилотскую кабину, где за рулем, ничего не подозревая, сидел Чкалов. Рассказали о происшедшем.

— Вот так штука, — вздохнул Чкалов. — Долетались.

— Может быть, сесть на воду? — предложил Байдуков.

— Посмотреть кстати, как работает плавательное приспособление, ты это хочешь сказать? — улыбнулся Чкалов. Но спустя мгновение лицо его сделалось опять строгим. Он напряженно о чем-то думал.

— Спокойствие, ребята, — наконец сказал он. — Вот что, Егор. Ты нарисуй схему лебедки, тогда будет легче разобраться в ее повреждении. Потом сменишь меня. А ты, Саша, передай по радио на землю все, что полагается. Да скажи летчикам, чтобы они не кружились около нас. Нам некогда будет оглядываться по сторонам. Давайте, ребята! До ночи еще далече, а горючего у нас хватит на двое суток!

Георгий нарисовал схему и, усевшись на заднее пилотское кресло, повел самолет. Инженер поднял переднее кресло, на котором несколько минут назад сидел Чкалов, и долго смотрел вниз.

Да. Лебедка была повреждена. И вдруг его осенила мысль, которой он не замедлил поделиться с товарищами. Что, если захватить покрепче чем-нибудь выпускные тросы и потянуть?

Чкалов обрадовался, как ребенок.

— Добре! Неси скорее парашют! — крикнул он. — Мы его сейчас приспособим, разорвем, — благо, что он единственный на всех четверых.

И, прикрепив разорванные лямки к тросу, он начал что есть силы тянуть, припевая:

Эх, да вот нейдет-нейдет!
Нейдет, да пойдет-пойдет,
Да у-ух!

С его высокого, крутого лба лил пот. На обветренных щеках выступил румянец. Но сколько Чкалов ни напрягался, ему не удавалось вытянуть тросы.

— Бесполезно! — Он махнул рукой, вытирая рукавом пот. — Эх, Егорушка, милый... Долетались... Что мы теперь скажем Иосифу Виссарионовичу?

— Садись теперь ты за управление, — сказал Байдуков.

— Будем летать, Егорушка, двое суток, а что-нибудь все-таки придумаем.

Опять он говорил спокойно, даже с улыбкой, несмотря на всю свою тревогу. От предстоящей посадки зависело: состоится ли дальний перелет, которому отдано так много сил и сокровенных дум. С другой стороны, лётный опыт его был огромен, и это рождало надежду и ту бодрость, которые облегчают тяжелое душевное состояние, когда человек попадает в беду.

Десятки новых мыслей возникали у летчиков, вызывая мимолетную радость, но первая же попытка применить их, заставляла снова опускать руки.

Люди, наблюдавшие с земли за полетом, уже давно догадались: случилось что-то неладное. Радио подтвердило это. И теперь, выложив на поле знак, запрещающий посадку, инженеры предлагали послать на помощь два самолета. Время от времени запрашивали Чкалова: «Что вы намерены делать?» И получали неизменный ответ: «Дайте подумать».

— До каких же пор он будет думать? — взволнованно говорили друг другу механики, мотористы и стартеры. — Уже скоро вечер.

Действительно, солнце склонялось к горизонту, над вершинами лесов крупными клочьями скоплялся туман. Темнело. Большое лётное поле, сквозь летние сумерки, с воздуха казалось морем, голубоватым и зеркально-спокойным, а длинная стартовая дорожка походила на гигантский след от парохода.

В кабине NO-25 шла напряженная работа. Испробовав все возможное, летчики решились на последнюю меру: пробить ломиком в крыле дыру, пробраться сквозь паутину нервюр, крючков, острых подкосов — к стойке шасси, которая доставляла сейчас столько тягостных переживаний, и еще раз попытаться тянуть рывками трос.

— Ну, бурлачки, носы не вешать! — кричал Чкалов. — Если бы я мог бросить руль, вспомнил бы вместе с вами «Дубинушку», матушку-Волгу. Раз, два, взяли! Крепче! Егор, Саша, понатужься! Пошел, братцы, пошел, пой веселей, пошел ходом! —

Вот пошел-таки, пошел,
Он пошел, да и пошел!..
Он и ходом-ходом-ходом,
Ходом по ходу пошел!

Два друга за широкой спиной своего командира продолжали тянуть лямки парашюта, превратившегося в тряпку.

С каждым разом они пели все громче и громче: «Раз, два, три, бери!»

И чем крик был сильнее, тем менее тяжелой и безнадежной казалась работа.

Наконец, внезапно, когда друзья уже выбивались из сил, зажглась зеленая лампочка. Бас Чкалова, казалось, перекрыл гул мотора:

— Егорушка! Ребята! Всё в порядке! Левое колесо на месте, вылезло, окаянное! Принимайтесь за правое.

— Дай передохнуть, — сказал Байдуков, тяжело дыша. У него ныли спина и бок.

На земле заметили, что самолет кружил с одним колесом, это успокаивало. Но вскоре беспокойство вновь возросло: вторая нога шасси не показывалась.

Срочно послали за шеф-пилотом Цаги Михаилом Громовым. Его не оказалось дома.

— Он в театре, — доложил посланный.

— Поезжайте немедленно в театр, — сказал работник штаба.

Через несколько минут Громов приехал на аэродром.

— Попытаюсь на тросах опустить инструменты, — сказал он с присущим ему спокойствием и уже хотел садиться в самолет, как с борта NO-25 последовал ответ:

— Не надо, справимся сами.

Однако, сколько экипаж ни тянул, — все было бесполезно. Убедившись в невозможности выпустить второе колесо, Байдуков обратился к Чкалову:

— Пойдем на посадку, Валерий, ты ведь мастер сажать на одно колесо. Покажи и на этот раз свой талант, и самолет будет спасен.

— Эх вы, бурлачки! — буркнул Чкалов, сдвинув сурово брови, но в глазах его горел веселый огонек, и было видно по всему, что он обрадовался предложению друга.

— Айда на посадку! — сказал он. — А то ночь не за горами, садиться будет хуже.

И лицо его вновь стало суровым и собранным.

Чкалов молча вел корабль на посадку. По мере снижения самолета беспокойство на земле возрастало.

— Не сломается машина? — перешептывались люди. — Только бы цел остался экипаж...

— Чкалов неоднократно садился на одно колесо, — успокаивал Громов, не сводя глаз с неба.

— Вот увидите, все кончится хорошо.

— Смотрите, смотрите, как он искусно подводит эту машину.

На земле снова наступила тишина. Не дыша, все смотрели в потемневшую даль, на самолет, который уже бежал на одном колесе, ровно, слегка кренясь набок.

— Бог! Великий мастер! — крикнул кто-то. И этот крик, вырвавшийся из глубины сердца, послужил сигналом к общему ликованию. Все наперегонки бросились к самолету. Одни обнимали усталых летчиков, поздравляли, расспрашивали, другие ограничивались только рукопожатием, помогали поднять краном машину, чтобы осмотреть злосчастное место, откуда не выходило колесо.

Под шестерней подъемной лебедки нашли сверло.

— Ясно, тут и волжские бурлаки не вытянули бы! — воскликнул Чкалов, вертя в руках сверло, которое испортило ему и его друзьям столько крови.

Случай со сверлом заставил экипаж еще внимательней относиться ко всем мелочам в подготовке самолета.

Спустя пять дней экипаж взлетел снова. Это был последний тренировочный полет...

Подготовка требовала громадного напряжения. Сотни разнообразнейших забот наполняли головы летчиков.

Валерий засыпал плохо, долго ворочался на кровати, наконец, не выдерживал и окликал друга:

— Ты спишь, Егор?

— Нет.

— Давай закурим.

Курили в полном молчании. Рядом находился душ. Чкалов любил холодную воду. В ночной тишине они шли в душевую.

Байдуков обращался к Валерию:

— А у нас в Сибири обычай был: один раз в году обливать водой всякого, кто бы ни шел по улице. Так и гонялись друг за другом, кто с ведром, кто с ковшом...

* * *

Прошло еще немного времени. Экипаж был снова вызван Правительством в Кремль.

В небольшом зале летчики увидели товарищей Сталина, Молотова, Орджоникидзе и других членов Правительства. Иосиф Виссарионович подошел к летчикам, приветливо поздоровался.

— Все готово, товарищ Сталин, — сказал тихо Чкалов.

Товарищ Сталин прежде всего указал летчикам на вред беспечности и такой излишней доверчивости, какую они обнаружили в случае со сверлом.

— Проверять нужно всегда, а в таком деле — особенно тщательно.

Затем он выразил желание познакомиться с тем, как идет подготовка к рейсу.

— Разрешите повесить на стену карту перелета? — попросил Чкалов.

Валерий Павлович прикрепил карту, на которой была нанесена трасса перелета, и приготовился отчитываться перед Правительственной комиссией.

Но не прошло и минуты, как он понял, что доклад его выливается в задушевный разговор.

Товарищи Сталин, Молотов и Орджоникидзе стояли вместе с летчиками около карты и слушали Чкалова. Он подробно объяснял маршрут.

— Почему вы избрали такой северный вариант? — задал вопрос товарищ Сталин.

— Советские летчики должны проникать всё дальше на север, — ответил Чкалов. — Как видите, можно разными путями достигнуть из Москвы Петропавловска-на-Камчатке. Первый, наиболее простой, путь лежит вдоль сибирской железной дороги и представляется нам менее опасным, хотя имеет ряд неудобств. Второй вариант пути, по дуге большого круга, — самый короткий: всего 6 775 километров. Он тоже неудобен, проходит по мало исследованной местности. Болота, тундры, мало земных радиостанций. Вынужденная посадка тут нисколько не легче вынужденной посадки где-нибудь в районе Полярного моря. Маршрут же с выходом за Полярный круг удобен тем, что пролегает в районе многочисленных радиостанций Северного морского пути. Кроме того, выход за Полярный круг избавит нас во время перелета от двух ночей. Солнышко будет нам светить. По нему будем вести общую ориентировку...

Товарищ Сталин очень быстро разобрался во всех обстоятельствах и сказал:

— Летите из Москвы до Земли Франца-Иосифа, оттуда свернете на Северную Землю и пересечете Якутию. От Петропавловска-на-Камчатке надо вернуться на материк через Охотское море к устью реки Амура, а дальше можете продолжать путь до тех пор, пока будут благоприятные условия погоды и хватит горючего.

Наступала минута прощания. Когда Чкалов со своими друзьями собирался уходить, товарищ Сталин уже совсем по-отечески обратился к ним:

— Ну, говорите по совести: как у вас там, — и он сделал рукой легкое кругообразное движение около сердца, — всё в порядке? Нет ли там у вас червяка сомнения?

— Нет, товарищ Сталин, — хором ответили летчики. — Мы готовы к старту.

Дружески пожав им руки, Иосиф Виссарионович сказал:

— Ну, хорошо, пусть будет по-вашему.

Когда летчики вышли из Кремля, им долго не хотелось нарушать молчание. Они были переполнены этой встречей.

— Все знает, обо всем заботится, — наконец проговорил Чкалов... — Ну, теперь только бы похолодело...

Старт, действительно, зависел уже только от погоды. Конструкция мотора допускала взлет тяжело перегруженной машины при температуре воздуха не выше 15 градусов.

А дни, как на зло, стояли душные и жаркие.

— Когда же вы обещаете похолодание? — пытливо спрашивал Чкалов метеорологов, но они были столь же нетверды в своих ответах, сколь неустойчива и сама погода.

— «Темное» дело, — махая рукой, говорил Валерий. — Эх вы, мудрецы. Всё колдуете...

— В районе Печоры скоро ожидается область пониженного давления, — докладывал синоптик. — В районе Таймырского полуострова антициклон, Валерий Павлович.

— Дай мне прохладную погоду, — наступал на него Чкалов. — О циклонах я и без тебя знаю.

И наконец однажды Байдуков сказал Валерию, показывая сводку:

— Погода меняется.

— Вот обрадовал, орел!

И в то же утро улетел на учебном самолете в Москву. Несколько минут побыл он дома, поиграл с Лерочкой и Игорем.

— Всё в порядке, — весело сказал жене. — Возможно, завтра улетим. Ты не провожай нас, Лелик. Лучше так. А встречать приходи непременно. Ну, до свиданья. Может быть, сегодня и не увидимся. Ты не волнуйся. Игорю скажи, что в следующий раз обыграю его в шашки. Ну, вот и всё. Да, вот еще... топорик подари Игорю. В полет не беру. А ему всё же память об отце.

Поцеловав жену, направился к двери, о чем-то подумал, бросил с порога:

— Вернусь, поедем в Василево отдыхать. Стерлядки наловим, уху будем варить. Готовь, Лелик, тарелки и ложки, да размером побольше. А за нами дело не станет.

Он быстро, не оборачиваясь, спускался с площадки четвертого этажа.

Вернулся в Щелково после полудня. Как мальчик, взбежал по лестнице, ворвался в комнату к друзьям и крикнул издалека:

— Саша, Егор, все в порядке. Серго благословил!

И тотчас же занялся делом: проверил рюкзак — его беспокоило, главным образом, положены ли туда спички, табак и трубка; посмотрел еще раз карты погоды. Затем вытряхнул из пепельницы кучу окурков; побрился. Его примеру последовал Беляков.

— А ты станешь бриться? — спросили они Байдукова.

— Отращу бороду, — пошутил тот, — буду отпугивать на льду любопытных медведей.

Съели легкий обед.

— Не сытно. Ох, уж эти врачи! — сказал Чкалов. Впрочем, на врача он больше не сердился. Он считал, что самое главное сделано: разрешение на вылет получено, — и это создавало ему хорошее, приподнятое настроение. С покорностью ребенка он даже разрешил доктору, чтобы тот очистил ему желудок: согласился, что от этого во многом зависит самочувствие в полете.

— Ну, самое серьезное дело сделано, — сказал он, смеясь, — а теперь, ребята, спать.

Он опустил шторы и лег в кровать, стараясь сосредоточиться на одной мысли: поскорей заснуть. Но другие мысли отвлекали его от сна. Не признавать страха в борьбе, стремительно двигаться вперед и только к победе — вот, что значит Сталинский маршрут. Не для личной славы — во славу и могущество Родины отправится он завтра в далекий, опасный путь.

Перед ним вырисовывались еще не виденные им пейзажи — высокие прозрачно-голубые купола глетчеров; гигантские их обломки — айсберги, легко опрокидывающиеся и производящие водовороты и волнения; миражи, возникающие в ледяной пустыне с такой же неверной легкостью, как и в знойной, песчаной; солнце в радужных кругах, не опускающееся за горизонт...

— Саша, Егор, — сказал он, очнувшись от забытья, — чешем, значит, прямо на Землю Франца-Иосифа.

Ответа не последовало. «Спят», — подумал Валерий и затянулся папиросой. Красноватый ее огонек тускло осветил краешек подушки.

Валерия и самого начинала одолевать дремота.

Спал он недолго — не более часа. Вскочил и, стараясь осторожно ступать по половицам, вышел в коридор к телефону, вызвал аэродром.

— Как дела? — спросил он шопотом.

— Спите.

Он вздохнул глубоко, положил трубку на рычаг и опять зарылся головой в подушку.

Между тем, на аэродроме шла предстартовая работа. При

смешанном свете прожекторов и фар механики с тряпочками в руках осматривали моторы. В бездонное чрево NO-25 уходили последние декалитры горючей смеси, состоящей из бензина-экстра и пиробензола. Врач укладывал в крылья аварийный запас продовольствия и прорезиненный мешок с питьевой водой.

Все снаряжение было уже погружено, каждый предмет тщательно проверен, и его место занесено, под соответствующей цифрой, на специальный чертеж.

Длинная цепочка автомобилей, освещая фарами путь, двигалась бесшумно навстречу разноцветным огням — маякам аэродрома. В ночной мгле вдоль бетонной, прямой, как стрела, дороги, выложенной шестигранными плитами и с черной полосой посередине, стояли, точно статуи, стартеры с флажками в руках.

Было еще темно, когда Байдуков и Беляков проснулись от громкого оклика Валерия:

— Саша, Егор, вставайте!

Комната наполнилась веселыми голосами. Летчики стали одеваться. Чкалов низким басом пел: «Роспрягайте, хлопцы, кони», натягивая на себя шелковое белье, свитер и меховые брюки.

Через несколько минут он стоял в толстой кожаной куртке, в унтах с длинным меховым клином, лихо засунутым под ремень, стягивающий туловище, и с финским ножом на боку.

— Ну, Байдук, готов? — спросил он друга, который, сидя за столом, дописывал письмо в «Правду».

— Прочти, Егор, — попросил Чкалов и, присев на кровать, приготовился слушать.

— «Пройдет несколько минут, — читал Байдуков, — и наш самолет подымется в воздух и полетит по курсу: Москва — Петропавловск-на-Камчатке. В эти последние прощальные минуты все наши мысли обращены к родному, великому Сталину, лучшему другу советских летчиков, чью ласку и заботу мы чувствовали на каждом шагу... Волю нашей страны мы увозим в своих сердцах, несгибаемую волю большевиков...»

— Хорошо, Егорушка. Допиши: где бы мы ни были — над материком, Арктикой, морями, — всегда и всюду мы будем чувствовать ласковую руку Родины, сынами которой мы являемся... Ну, а теперь пойдемте, ребята.

Он посмотрел в последний раз на стол с рулонами бумаги, на недопитый стакан вчерашнего чая и толкнул дверь.

Светало. Низко стелилась пелена предутреннего тумана. В розоватых сумерках блестел черный лак «капота» мощного мотора. У лилово-серого фюзеляжа самолета толпились провожающие. Чкалов молча поздоровался с ними и, отойдя в сторону, стал наблюдать, как маленький тягач тащил по бетонной дороге громадный самолет.

— Смотри. Слон и моська! — шепнул он Байдукову.

Вдруг он услышал знакомый голос. Обернулся: взволнованный врач стоял рядом.

— Почему вы не спите?

Чкалов буркнул:

— Ох, какой же вы умный! Да какой же к чорту я командир перелета и летчик, ежели буду спать, когда моя машина снаряжается.

— Но вы же ничем не поможете ускорить старт, — возражал врач.

— Все равно я должен присутствовать.

— Идите лучше позавтракайте.

Он покорился.

По дороге в столовую его обступили фоторепортеры. Сколько раз удавалось ему скрываться от назойливых глаз фотоаппаратов. Но сейчас это было почти невозможно. Репортеры забегали вперед, нацеливались сбоку.

— Не к чему портить пленку, — недовольно говорил Чкалов, отмахиваясь от них. — Вот прилечу, тогда снимайте. А сейчас зачем? Довольно! Хватит! Категорически отказываюсь! — уже кричал он. И вдруг, резко повернувшись, весело сказал им:

— Становитесь все в ряд, ребята. Давайте-ка лучше я вас сфотографирую. Протяните кто-нибудь аппарат. Снимаю. Так, так! Веселей! Еще раз!..

Он рассмеялся и зашагал в столовую. Там, к счастью, было безлюдно. Беляков и Байдуков допивали чай. Валерий тоже выпил чаю. От второго стакана отказался:

— Боюсь, как бы туман не задержал вылета.

Ему не сиделось на одном месте.

— Ну, я пойду, что ли, — медленно сказал он, вставая из-за стола.

Туман, к его радости, рассеивался. Когда летчики появи-

лись на аэродроме снова, самолет стоял в конце дорожки, на вершине бетонной горки. В лучах восходящего солнца горели его рубиновые крылья, серебром сверкали узкие металлические лопасти винта.

В переднюю кабину через люк залез механик. Он подал четко команду «к запуску», винт сделал два-три судорожных движения.

Чкалов стоял невдалеке и внимательно прислушивался к рокоту мотора, небрежно попыхивая папироской и внешне не подавая вида, что самолет его сколько-нибудь интересует. Наконец бортмеханик вылез из кабины.

Последние прощальные минуты наступили.

— Пора, — сказал Чкалов двум своим спутникам.

Они втроем, сняв кепки (такие легкие в сравнении с тяжелым меховым обмундированием), подлезли под крылья машины и начали, по-братски целуясь, прощаться с рабочими.

Чкалов первым поднялся в кабину.

Сегодня же он увидит суровую зиму, завтра пролетит над местами, над которыми будет светить полуденное солнце, в то время как над Москвой зажгутся звезды. Одно государство, но какое различие климата, времени, природы, облика городов, сел! Величественны масштабы Страны Советов...

Чкалов повернул кепку козырьком назад, еще раз оглядел широкое поле, закрыл над головой люк и, обернувшись, жестом спросил Байдукова и Белякова:

— Все готово?

— Все.

Вдруг в небе, описав дугу, рассыпалась зеленая ракета: стартер разрешал вылет.

От самолета взвилась ответная белая ракета: «Приготовились». За ней — другая: «Стартуем». Валерий дал полный газ. Ревущий на полных оборотах мотор потянул своим пропеллером самолет вниз, с горки. Загремели листы обшивки и стенки баков. Панели бетонной дорожки мелькали ровно с каждой стороны. Самолет бежал точно посередине. И когда между дорожкой и самолетом показались первые сантиметры свободного пространства, всех провожающих охватило такое ликование, такой силы раздался взрыв рукоплесканий, что казалось — не слышно было гула пропеллера.

Твердая рука Чкалова в какую-то неуловимую долю секунды оторвала одиннадцатитонную громаду от земли.

У карты

Перед отлетом

Не более как через минуту на светлом безоблачном небе смутно виднелась только темная горизонтальная полоска, да и она вскоре исчезла. Кругом сияло голубое пространство.

— Улетели...

* * *

Когда самолет, подпрыгнув, остался висеть в воздухе, Байдуков стал быстро убирать шасси. Под крыльями мелькнули трубы щелковских заводов и перелесок; широкие поля зеленели вокруг. Моноплан, красиво и свободно развернувшись, лег на курс.

В порыве благодарности за безупречный взлет Байдуков пожал плечи Чкалова, который сидел впереди за штурвалом. В ответ Валерий прищурил глаз и задорно тряхнул головой.

— Ну, вот, Егорка, и полетели! — прошептал он, улыбаясь.

Георгий занял штурманское место. Согласно расписанию вахты Беляков должен был отдыхать. Он лежал на масляном баке и старался уснуть. Но ему не спалось. Холодные струйки воздуха, идущие откуда-то сбоку (наверное, у Валерия было открыто боковое оконце), обдавали его.

Уже через несколько минут после старта Георгий связался по радио с землей и принял первую сводку погоды: «Давление воздуха на уровне моря 760 мм, +13°. Через три часа t+10°. На пути самолета гребень повышенного давления медленно смещается к востоку. Фронтов нет».

Байдуков ответил:

«Принял. Вас слышу хорошо. Всё в порядке. Привет».

Он взял остро отточенный карандаш, прикинул в уме цифры и сделал очередную запись в бортовом журнале, — толстой книге из ватманских листов в красивом красном переплете. Потом перевел взгляд на Валерия. Тот попрежнему сидел за штурвалом спокойно, выпрямившись и посасывая пустую трубку.

«Хочет курить», — подумал Байдуков и сам ощутил непреодолимое желание затянуться папироской. Но вскоре другие мысли овладели им. Итак, прямо на север, к острову Виктории! Отчего же он так спокойно чувствует себя в тесной кабине под целлулоидным колпаком — среди радиоаппаратуры, пронумерованных карт, треугольников и циркулей, лежащих на деревянном столике? Одно мгновенье ему показалось

даже, что он не в кабине самолета, а в крохотной своей прежней студенческой комнатке и должен сейчас засесть с линейкой и циркулем в руках за подготовку к дипломному проекту.

Легкий туман, тянувшийся длинным шлейфом, привлек его внимание. Байдуков выглянул в оконце и стал смотреть вниз. Березовые и сосновые леса бежали навстречу самолету.

Валерий также изредка посматривал на землю....

Волга сверкнула широкой лентой. С большой высоты караван судов казался неподвижным.

За косой выступал островок. Его хорошо было видно из окна.

На этом островке Валерий в детстве рыбачил бреднем, варил в котле уху и до рассвета рассказывал ребятам сказки и страшные истории пещеры Лейхтвейс.

Под крыльями проплыл город Череповец. Здесь Чкалов когда-то учился в ремесленном училище. Валерий улыбнулся и, высунув из окошечка руку, помахал ею.

Его радовала ясная погода; самолет был перегружен бензином, в первые часы полета трудно было бы вести машину выше облаков.

Утренние лучи солнца били в лицо. Чкалов передвинул кепку козырьком вперед и, обернувшись, весело крикнул Белякову:

— Саша, что не спишь? Береги силы.

Беляков закрыл глаза. Долго ворочался он, лежа согнувшись на баке, и, наконец, слегка задремал...

... Озера, забившиеся в дремучие леса, сменялись редкими селениями.

Валерий по старой привычке дотронулся рукой до кармана, но вспомнил, что все-таки забыл захватить табак, вздохнул глубоко, как ребенок, и опять положил руку на штурвал.

Ему стало немножко скучно.

— Пишешь? — крикнул он в сторону Байдукова, который, склонившись над разграфленной страницей бортового журнала, продолжал время от времени заносить цифры высоты, скорости, оборотов мотора и личные впечатления.

«Все кругом бело, как зимой», — записал Георгий и подумал: «Белозерск».

Леса редели. Изредка в разрывах туч виднелись болота, тундра. Летчики были приятно удивлены, когда убедились, что самолет вышел в устье реки Онеги к Белому морю. Вни-

зу расстилался небольшой городок с лесопильными заводами и складами бревен.

«Город и лесозаводы видны», — записал Байдуков и отправил очередную радиограмму: «Всё в порядке, находимся Онега. Два часа шли над облаками на высоте 2 000 метров. Теперь погода ясная. Самочувствие хорошее. Привет».

Пока он отправлял радиограмму, Валерий подтолкнул Белякова в плечо:

— Вставай, сменяй Егора.

Беляков приподнялся с бака.

— Уже пора? — удивился он.

— Двенадцатый час по-московски...

— Сопровождавший самолет где?

— Хватился! Небось, в Москве! — рассмеялся Чкалов, его смех потонул в ровном гуле мотора. — Ребята махали нам руками. Мы с Байдуковым тоже подняли руки. Ты малость подремал, Саша. Теперь, Егор, твой черед. Егорушка, слышишь? Спать!

Беляков сел на штурманское место и занялся вычислениями. Вскоре он обнаружил, что самолет уклонился от заданного пути на 15 километров вправо.

«Надо изменить курс», — подумал штурман, но в это время в карбюраторе раздался сильный хлопок.

— Давай уменьшим обеднение и подогрев, — услышал Беляков голос Валерия.

Вскоре обеднение и подогрев были доведены до нормы, штурман спокойно записывал в журнал:

«Байдуков лег спать. Курс изменил. Скорость 57 километров за 21 минуту. Светит солнце. Видимость отличная».

Ветер, между тем, усиливался. Самолет пересекал Кольский полуостров. Унылый холмистый пейзаж расстилался вокруг. Где-то за этими горами рос новый город Хибиногорск.

Тут Беляков вспомнил, что самолет, промчавшись над тундрой, выйдет скоро к Баренцову морю. Надо поторопиться над сушей определить скорость и направление ветра, над морем это сделать труднее. И он занялся вычислениями.

Тем временем Чкалов, продолжая пилотировать корабль, увидел, как навстречу плыли темные и тяжелые, точно горы, разорванные тучи. Море быстро закрылось туманом.

Чкалов, оглядываясь назад, делал руками знаки, извещавшие об ухудшении погоды. Самолет, набрав высоту, по-

мчался поверх облаков, ярко освещенных солнцем. Жмурясь от света, Валерий надел очки. Уже девять часов сидел он за штурвалом.

— Егор, требую смены! Ноги онемели! — крикнул он Байдукову, который, вместо того чтобы отдыхать, проверял механизм, подающий масло.

Беляков приготовился занять заднее пилотское сиденье и хотел было уже взять управление, но Валерий его остановил:

— Занимайся, Саша, своим делом. Без тебя обойдемся.

С этими словами Чкалов отодвинулся, не слезая с кресла, в сторону, обе ноги поставил на одну педаль.

— Ты рыбкой, Егор, рыбкой! — прокричал он.

В открытые окна врывался шум мотора. Байдуков не расслышал слов, но догадался, о чем его просил командир. Усевшись на край кресла, он поставил ноги на педали и взялся за руль. Чкалов боком, съежившись, выкарабкался из кабины.

Ноги его, действительно, онемели. Он с наслаждением растянулся на баке, подстелив мешок, и закрыл глаза. Но также, как и Белякову, уснуть ему не удавалось.

— Что, не спится?.. — немного погодя шутливо сказал штурман. — Меня уговаривал, а сам...

— Ладно. Обо мне не беспокойся, — пробурчал Валерий и перевернулся на другой бок, укрывшись спальным мешком.

Но сон все же не приходил. Чкалов ворочался, иногда приподнимал голову, вслушивался в работу мотора, молча глядел то на товарищей, то на приборы.

Наконец, он встал, раздосадованный бессонницей, и, ежась от холода, попросил:

— Саша, включи отопление.

Запах горелого наполнил кабину.

— Выключи, не надо.

Он замолчал на несколько минут и снова заговорил, уже ласково:

— А ведь знаешь, Саша, до нас ни один самолет еще не пересекал Баренцова моря от Мурманского побережья до Земли Франца-Иосифа.

Беляков не ответил. Он был занят исправлением радиоприемника, в котором слышался сплошной шум. Однако старания штурмана настроить приемник оказались тщетны.

В 12 часов 45 минут Беляков вынужден был дать радиограмму. Он сообщал, что приемник испорчен, — в остальном всё в порядке. Кроме того, он указывал, что самолет находится на широте 69° 50′ и долготе 38°.

Высокие желтоватые облака застилали море и сами казались застывшими пенистыми волнами. Облака начинали надоедать летчикам. От однообразного их вида становилось скучно. Сидящего за рулем Байдукова потянуло ко сну.

Беляков еще раз попытался наладить приемник, но убедившись в невозможности его исправить, передал радиограмму: «Не работает приемник. Мое место широта 77° 30′, долгота 37°».

Вдруг облака разорвались, и в просвете показалось темное синее пространство с большими льдинами. Беляков поторопился по ним определить путевую скорость и проверить снос.

Чтобы проконтролировать свои вычисления, ему было достаточно в положенное время (на 42 минуте каждого часа) измерить секстаном высоту солнца, затем отыскать высоту и азимут солнца в таблицах, которыми его снабдил московский Астрономический институт, и нанести на карту так называемую сомнерову линию.

Воды Баренцова моря синели недолго. Облака вновь сомкнулись, окутав самолет точно пуховым одеялом.

— Распакуй-ка, Саша, мешок с продовольствием, — попросил Чкалов.

Беляков вынул из мешка кусок курицы.

— Дай лучше бутерброд с икрой и лимон.

Чкалов проглотил маленький кусочек и поморщился: пища имела неприятный вкус.

— А ты, Егор, закусишь? — крикнул он.

— Не хочется. — Он завязал мешок и положил его на прежнее место.

Наступила очередь Чкалова управлять машиной. NO-25 приближался к острову Виктории. Отсюда было прямое направление на Северный полюс. Предстояло менять курс.

Вдруг Валерий, не отрывая руки от штурвала, повернулся к Байдукову и, улыбаясь, кивнул головой в сторону полюса.

— Чешем, ребята, на прямую через полюс в Америку! — пошутил он, подмигнув глазом. — Пять часов лёту, и мы там.

Байдуков и Беляков громко рассмеялись.

Валерий притих и начал сосать прокуренную трубку. Как ни велик был соблазн подойти к полюсу, он все же повернул самолет на восток, где в бухте Тихой работала полярная станция.

Море попрежнему закрывали мощные облака, самолет опять поднялся над ними.

Чкалов снял было очки, но кругом разливался такой яркий свет, такой снежной белизной сверкали гряды облаков, что он поспешил надеть их снова.

Однообразие картины начинало его утомлять все больше.

— Егор, — громко произнес он, чтобы рассеять чувство одиночества, — неужели не взял табак? Наверное, где-нибудь спрятал? И я-то хорош! Сам же рюкзак смотрел...

— Честное слово, Валерий, ни крошки.

— Ну, да ведь ты у нас доктор! — вздохнул Чкалов и принялся еще энергичней сосать пустую трубку.

Радиоприемник не работал уже более пяти часов. Беляков попрежнему пользовался астрономической ориентировкой. Куда ни кинь взгляд, всюду простирались облака.

— Эх, и погода! — говорил Георгий Белякову. — Вероятно, так и не придется увидеть архипелаг.

— Уже семнадцать часов мы летим, — ответил штурман. — Из них только два...

Но не успел штурман закончить фразу, как Чкалов крикнул:

— Смотрите, ребята, земля! Земля Франца-Иосифа!

Под самолетом открывалась сказочная панорама. Сквозь редеющие облака проступали острова и черные скалы; вершины их были покрыты снегом и льдом. Часы показывали гринвическую полночь, но над Землей Франца-Иосифа солнце стояло высоко над горизонтом. Льды хаотически громоздились. Сюда еще не дошла весна.

Проливы были забиты льдом, и лишь густые, черные тени давали возможность увидеть очертания берегов.

Георгий через открытое окно сфотографировал панораму архипелага. Беляков передал радиограмму: «Привет славным зимовщикам бухты Тихой... Всё в порядке. Проходим Землю Франца-Иосифа. Видим острова...»

Острова всё продолжали выплывать, таинственно и величаво, из ледяных полей ослепляющей белизны.

Приветствие разнеслось по всей Арктике. Его услышали

не только в Мурманске, Кировске, Архангельске, на мысах Желания, и Челюскина, но и на островах Уединения, Диксон, в бухте Тихой, в Нордвике, и даже в Якутске. Радиоприемник наконец исправили, и Беляков, довольный, улыбающийся, всматривался сквозь темные очки в карту Арктического бассейна, стараясь сличить ее с той местностью, над которой мчался самолет.

Острова уходили один за другим. Байдуков услышал голос Валерия:

— Садись-ка за штурвал, Егор. У меня опять что-то ломит ноги.

Георгий, сгорбившись, пробрался в тесноте на переднее сиденье. Пока летчики менялись местами, самолет проделывал замысловатые, но безобидные пируэты. Впрочем, на этот раз сменились быстро. Перекинув ноги на педали, Байдуков сказал:

— А знаешь, Валерий, лазить таким образом веселей, уж больно утомляет однообразный полет.

Чкалов что-то буркнул про себя и уполз в сторону.

В последний раз оглянулся Георгий на острова. Теперь его больше занимало бескрайнее пространство чистой воды. Оно простиралось насколько хватал глаз. Сначала плыли по этой поверхности небольшие льдины, потом — целые ледяные поля с длинными черными трещинами, которые показались Егору похожими на размытые весенние дороги. Белесоватая пелена тумана постепенно закрывала эти поля, медленно утолщаясь; солнце потускнело и спряталось, — только где-то далеко-далеко виднелся клочок голубого неба, но и его вскоре затянуло угрюмыми тучами.

Не прошло и часа, как облака стали возникать перед самолетом на такой большой высоте, что пробиться сквозь них вверх летчикам показалось невозможным. Оставалось одно: лететь внутри облаков.

— Циклон. Уж ты веди, Егор, вслепую, — сказал Чкалов, ежась от холода и влезая в спальный мешок. — А я подремлю.

— Все равно не будешь спать, — остановил его Байдуков.

— Что верно, то верно.

И Валерий занялся подкачиванием масла.

Байдуков, не желая залезать в бурлящее месиво облаков, попытался обойти циклон справа, но вскоре убедился, что в

этом случае самолет вынужден будет итти не только к Карскому морю, но даже к Новой Земле, то есть как бы начнет возвращаться к Москве. Поэтому, посоветовавшись с Чкаловым и Беляковым, Георгий Филиппович решил обходить циклон слева: с севера и северо-востока.

Наступили напряженные минуты поисков правильного курса. Беляков девятнадцать раз менял курс. Его штурманская работа усложнялась еще и тем, что в районе, над которым летел моноплан, магнитное склонение доходило до +40° и +50°. Держать курс по магнитному компасу стало невозможным. Из-за облаков, закрывавших водное пространство и ледяные поля, невозможно было определить величину и направление сноса.

— Холодно! — прошептал Байдуков и передал вторичную вахту. Чкалов снова сел за штурвал, но через час он опять потребовал смены. В горле у него пересохло. Он выпил три рюмочки воды, откусил кусочек шоколаду и отложил плитку в сторону. Отсутствие аппетита говорило о начале кислородного голода. Валерий лег на масляный бак и накрылся спальным мешком. Задремал на несколько минут и снова очнулся. Байдуков вел самолет «вслепую», по приборам. Машину болтало. Медленно она набирала высоту в опаловом тумане.

— Позеленел что-то наш Саша... — ласково заметил Валерий, не обращая внимания на то, что у него самого ныли ноги, точно у ревматика.

Беляков не слышал слов командира. Он был поглощен работой. На страницах его бортового журнала уже не оставалось свободного места, а он продолжал с прежним усердием вписывать цифры курсов, высоты, скорости.

«Идем в обход циклона со встречными ветрами», — писал он.

Тусклый желтоватый шар просвечивал время от времени сквозь облачный слой, — тогда штурман, склонившись над картами и компасами, старался проверить курс по азимуту солнца. Незадолго до наступления полуночи он записал:

«Напрасно Байдуков стремится сюда, тут не пробьешься».

Незаметно наступили вторые сутки полета — 21 июля.

Чкалов ворочался на баке. Где-то в Москве сейчас глухая ночь. Его дети спят, вероятно спит и Ольга, а может быть, не спит, а с тревогой смотрит на большую карту, что висит

в кабинете, или принимает телефонные звонки из штаба перелета. А он... как далеко он от них!.. Дети несомненно спят. Валерий, поднявшись с бака, высунул в окошечко руку. Он почувствовал покалывающие удары ледяной крупы.

Байдукову, между тем, надоели обходы и слепой полет. Он решил пробить облачный слой вверх.

Однако, как ни старался он подняться выше, сырость все равно чувствовалась на руках, если снять перчатку, и стекла кабины оставались запотевшими. Одно мгновенье Георгию показалось: еще немного терпения, — и он выведет самолет выше облаков, к долгожданному солнцу. Но посмотрев на вариометр, он убедился, что каждая сотня метров высоты стоит многих минут полета.

— Иду на снижение! — крикнул он Чкалову. Взглянул на крылья и не поверил своим глазам: крылья покрывались блестящей коркой льда. Корка росла с каждой минутой. Красивая на вид, она таила в себе страшную опасность. Самолет покрывался прозрачным льдом.

— Валерий! — крикнул Байдуков изо всей силы. — Обледеневаем!

Чкалов быстро пробрался к переднему пилотскому креслу и так же крикнул, что есть мочи:

— Снижайся скорей, Егор! Слышишь, иди на снижение!

Пробив несколько слоев облаков, самолет, наконец, вышел из них сначала на высоте 1 200, а затем 900 метров. Внизу лил дождь, машину болтало, под крыльями плыли разорванные в клочья сизые тучи.

Вдруг справа по курсу среди безбрежного арктического океана летчики увидели скользкий белый горб, круто обрывающийся коричневой кромкой земли.

«Северная Земля», — мелькнуло в голове Белякова.

Он не ошибся. Сличая с описанием Северной Земли скалистые берега, покрытые мощным ледником, он все больше и больше убеждался в правильности своего предположения. В три часа утра, воспользовавшись солнцем, он взял его высоту, определил сомнерову линию и окончательно убедился, что самолет находится именно у Северной Земли в районе мыса Ворошилова.

Штурман поспешил об этом сообщить в очередной радиограмме.

— Ох... — вздыхал Чкалов, сменяя Байдукова. — Кажет-

ся, циклон миновали. Главное, Егор, лобовой ветер; километров семьдесят в час дул, окаянный. Ложись спать, Байдук. Ты что-то тоже позеленел...

Он с такой трогательной нежностью говорил это, что вызвал на лице друга благодарную улыбку.

Георгий, слегка пошатываясь, направился к масляному баку, — постоянному месту отдыха, — облокотился о стенку кабины и, подложив под щеку ладонь, тотчас же уснул.

Самолет передвигался вдоль восточных берегов Северной Земли на юг, к материку. Лицо Валерия осунулось, морщины тяжелыми складками легли на лоб. Он продолжал пилотировать корабль, питая уверенность, что вскоре выведет его на побережье Таймырского полуострова, западнее мыса Челюскина.

Изредка он оборачивался назад и видел то кусок прямоугольной рамы, в которой заключена приемно-передающая станция, то усталое, сосредоточенное лицо Белякова, склонившегося над картами.

«Точно после рукопашного боя», — думал Валерий, глядя на инструменты, карты и клочки бумаги, лежавшие в беспорядке на штурманском столике.

Беляков, не торопясь, брал солнечные высоты. С трудом он соображал, — почти засыпал, сидя.

Стараясь отогнать сон, Беляков взглянул на хронометр: было 5 часов 45 минут. Его бессменная вахта длилась почти 21 час.

Он подошел к Георгию и остановился перед ним в раздумьи.

— Эх, Байдуков, жаль тебя будить... уж очень крепко ты спишь. А придется... — проговорил штурман и тихо толкнул друга в плечо.

* * *

Крепкий часовой сон освежил Белякова. Сквозь оконце видны были сплошные ледяные поля. Самолет пересекал Хатангскую губу, продвигаясь к материку. В 7 часов 10 минут штурман передал радиограмму: «Всё в порядке. Находимся на побережьи к востоку от Нордвика». Но передав сообщение, он снова почувствовал такую усталость, что следующую радиограмму отправил только через четыре часа.

— А ведь, пожалуй, Егор, когда будем лететь над Яку-

тией, солнышко не будет заходить, — услышал он голос Валерия, который, уступив пилотское место Байдукову, принялся подкачивать масло из главного бака в расходный. Масло с каждым часом густело, и Чкалов медленно работал ручкой насоса. От физического напряжения у него запеклись губы и покраснели глаза.

— С опозданием идем. Три лишних часа отнял циклон.

— Самое трудное позади, — ответил Беляков, — теперь можно по-настоящему заняться ремонтом радиоприемника.

— Посмотри, красота-то какая под нами. Очевидно, Лена. Кривая. Вся в серебре! Экая досада! Дымка мешает.

Валерий проверил графики, сел за штурвал. Солнце стояло низко над горизонтом, освещая косыми лучами горные хребты; от них ложились глубокие темносиние тени. Во многих местах земля попрежнему была подернута дымкой, сквозь которую трудно было рассмотреть, что находится под самолетом.

Пока Чкалов любовался пейзажем, Байдуков, несший штурманскую вахту, передавал радиограмму:

«Пересекли Лену в 12 часов 42 минуты. Идем на Петропавловск. Высота 4 400 метров. Сегодняшний день отнял большую часть энергии экипажа в борьбе с Арктикой. Сильные лобовые ветры, облачность 3-4-ярусная с обледенением заставили нас сегодня потратить много времени и горючего для выхода с Виктории на Землю Франца-Иосифа и мыс Челюскин. Все это прошло, идем с закатывающимся солнцем на Петропавловск. Все устали, потому поочередно отдыхаем. Мы убедились сегодня в коварности Арктики, какие трудности она несет и какие вместе с тем сказочные прелести таит она в себе. Неуклонно выполняем Сталинское задание. Трудности нас не пугают. Всем привет. Байдуков».

Из сумрачной мглы выступали вершины ледников и скалистые черные пики, лишенные снега.

«Вот она, Якутия!»—записал Георгий в бортовой журнал. Он сфотографировал горный хребет, и опять карандаш быстро забегал по страницам журнала:

«Солнце цепляет горизонт. С высоты 5 000 метров непонятная конфигурация гор. Очень мощные горы и красивые. Кончается бензин в средних баках».

За Куларом появились хребты Бао-Хоя и Черского. Вечерняя мгла сгущалась, самолет мчался над облачным слоем,

Беляков пользовался астрономической ориентировкой. Он уже давно исправил радиоприемник, хорошо слышал Хабаровск.

У Байдукова болела голова. Уткнув лицо в маску, он изредка посасывал кислород.

— А ты не хочешь омолодиться? — предложил Георгий Валерию.

— Дай глотнуть, — ответил Чкалов.

Струя кислорода освежила его организм, дыхание стало ровным, пульс забился нормально. Впрочем, вскоре он протянул маску обратно Байдукову и сказал:

— Хватит, Егор. Кислорода у нас немного, а путь еще далек, может придется лететь и повыше.

В это время облака расступились, и летчики увидели морской берег. Беляков сличил карту с местностью и установил, что самолет вышел совершенно точно к Охотскому морю, над заливом Бабушкина.

— Молодчина, Саша! — крикнул Чкалов. — Я всегда говорил, что у тебя штурманская душа!

... Истекали вторые сутки. Самолет летел над морем, покрытым необозримой пеленой облаков.

Едва ли можно найти на всем земном шаре другое место, где бы столько встретил пилот трудностей и опасностей! Облака здесь обычно лежат в несколько слоев, плотно закрывая солнце. В огромной и мрачной котловине зарождаются страшные по своей силе циклоны. Они бродят над этим вечно бурлящим морем, вызывая грозы и бури с градом.

На этот раз летчики пересекли Охотское море спокойно, но к пище попрежнему не притрагивались. Даже глоток чая вызывал у Белякова рвоту. Чкалов и Байдуков тоже устали, — и не только физически, — вяло работала и мысль. В эти тяжелые для них минуты на борт самолета пришла радиограмма от товарищей Сталина, Молотова, Орджоникидзе и Димитрова: «Вся страна следит за вашим полетом. Ваша победа будет победой Советской страны...»

Чкалов правой рукой обхватил за шею Байдукова и крепко его поцеловал.

Внизу плыли густые облака.

Валерий уступил пилотское место Георгию и подполз к Белякову. Указывая рукой на снежную вершину, выступавшую из облаков, он произнес:

— Ну вот и Петропавловск. Видишь гору? Пора поворачивать к Николаевску. Давай, Саша, новый курс.

Беляков молчал.

— Ну, что же ты? О чем думаешь? — торопил Чкалов.

— У меня расчеты другие, — наконец ответил штурман.— До Петропавловска еще часа полтора лету. Это еще гора Хаошень, а не сопка Коряцкая.

— Возможно, — согласился Валерий, глядя на друга утомленными глазами. — Ты ведь у нас мозговитый.

Беляков без труда убедил Чкалова, что следует повременить с изменением курса. Он оказался прав. Ровно в три часа серая пелена раздвинулась, и с высоты четырех тысяч метров летчики увидели сопку Коряцкую в шапке облаков. Вскоре показались бухта и маленький городок.

— Петропавловск-на-Камчатке! Несомненно! — крикнул весело Беляков.

— Ребята, ура! — подхватил Чкалов. Глаза его заблестели, усталость мигом слетела, и лицо приняло прежнее мальчишески задорное выражение.

— Саша, сколько часов мы в воздухе? Сорок восемь, говоришь? Выходит, перелет завершен? Ну, нет. Будем лететь дальше! Егор, Саша, ребята вы мои хорошие, скорей вымпел готовьте! Аппарат-то у кого? Нужно Петропавловск сфотографировать, ведь город под нами, наш город. Ох, уж эти облака... надоели, окаянные!

Беляков выполнил желание командира. Он вырвал из журнала лист ватманской бумаги и быстро написал:

«Самолет 22 июля в 3 часа по Гринвичскому времени сбросил вымпел над Петропавловском на высоте 4 300 метров. Привет жителям Петропавловска от экипажа самолета Чкалова В. П., Байдукова Г. Ф., Белякова А. В. Надеемся, что под руководством товарища Сталина наши окраины вскоре будут такими же цветущими, как наша столица. Беляков».

Штурман вложил записку в жестяной цилиндрик, плотно закрыл его крышкой, привязал яркую широкую ленту и укрепил поплавок. Потом он открыл люк в днище самолета, сбросил вымпел и занялся вычислением курса на Николаевск.

Вторично приходилось пересекать Охотское море. 1 100 километров предстояло преодолеть сухопутному самолету над

водами этого коварнейшего из морей. Метеорологические сводки предсказывали очень тяжелые условия полета: на море — штормовой ветер, густой туман с дождем; в Николаевске — нолевая видимость, частый дождь с туманом. С юга, со стороны Манчжурии, двигался циклон. А тут нарушалась радиосвязь: то молчал Петропавловск, то исчезали позывные Якутска.

Чкалов вновь взял штурвал в руки, напрягая нервы и мысль, чтобы трезво оценить обстановку.

Как же быть? Итти на Читу? Ночь провести в самолете, над гористой малонаселенной местностью. Погода плохая... Граница близка... Хватит ли горючего? Да и как соблюсти точную ориентировку в темноте? Отыщешь ли аэродром? А до утра, пожалуй, не продержаться...

— Саша! — крикнул охрипшим голосом Чкалов. — Решил садиться в Хабаровске. Составляй радиограмму. Ты бы поспал, Егор!

— Куда ж теперь спать! Видишь, что́ впереди?

— Ох, Егорушка, не пробить это месиво.

— Уж лучше спускаться к воде. Ночью пойдем над Амуром.

— Долиной? Добре! А то покажутся горы... как бы крылом не задеть.

И Валерий повел машину на снижение.

Полет осложнялся с каждой минутой. Моноплан трепало, хвостовое оперенье вздрагивало, будто по нему катали тяжелые ядра. Дождь лил такой частый, что было почти невозможно определить расстояние до поверхности воды. Вцепившись в штурвал, Чкалов сквозь открытую боковую створку напряженно всматривался в белесую мглу, нависшую над угрюмой котловиной.

Мимо проносились низкие клубы тумана, в кабину врывался порывами ветер, и холодный пар мельчайшими капельками оседал на лице и руках Валерия.

Мелькнуло побережье Сахалина. Беляков вывел самолет точно на маршрутный пункт. Но остров быстро кончился, и снова буруны Татарского пролива закипели под крыльями моноплана.

Пытаясь обойти косые полосы дождя, Валерий менял курс, разворачиваясь над самой водой. Однако здесь где-то очень близко был мыс Меншикова. Самолет каждую минуту

рисковал врезаться в скалу. Иногда Валерий не видел ничего в двух метрах перед собой. Туман закрывал все.

— Надо итти снова на высоту! — крикнул он товарищам и, отойдя от берега обратно в Татарский пролив, стал пробивать облачность. Он надеялся, что в облаках дождь прекратится. Но этого не случилось; на высоте 2 500 метров началось самое страшное: красные крылья стали белеть, стекла затягивались корочкой льда. Самолет затрясся.

— Ну и пляска! Эдак на куски разлетимся! — крикнул Валерий.

Друзья не слышали его. Беляков покрасневшими от усталости глазами смотрел на термометр. Георгий, сидя у передатчика, посылал радиограмму:

«Туман до земли. Беда. Дайте немедленно Хабаровскую широковещательную. Срочно запускайте десятикиловаттную. Обледеневаем в тумане. Давайте наш позывной непрерывно словами».

Обледенение продолжалось с такой быстротой, что Чкалов, опасаясь за прочность машины, поспешил сбавить газ и повел самолет на снижение. Удары и тряска стихли, в дождливых сумерках самолет пошел ровней.

— Пробивайся к берегу! — закричал Байдуков.

— Ничего другого не остается, — ответил Валерий. Его напряжение достигло предела. — Ты связался с Николаевском?

— Безрезультатно. Молчит.

— Что?

— Молчит, говорю.

— Буду держать курс на...

Он не успел закончить фразы. Байдуков, сидевший с наушниками, взволнованно поднял руку.

Георгий поймал шедшие из эфира непрерывно слова:

«Приказываю прекратить полет... сесть при первой возможности... Орджоникидзе».

Не опуская руки, Байдуков доложил Чкалову о полученном из Москвы приказе.

«Это значит — перелет наш заканчивается? — проносилось в голове Валерия. — Сесть? Но куда? К берегу безопасно можно пробраться только над поверхностью моря. На материке же самолет обязательно воткнется в какую-нибудь сопку».

Выход был один: немного пролететь обратно к водам Татарского пролива.

Так и сделали. Внизу лежали песчаные скучные островки, или отлогая коса с заливчиками, а может быть, и отмель — трудно было разобрать. На одном из островков как будто даже серели постройки.

Беляков вглядывался в карту, отыскивая островки. На карте, в заливе Счастья, он обнаружил какой-то остров Ур.

Посоветовавшись с друзьями, Чкалов решил итти на посадку. Машина носилась над островом. Делая круги, летчики видели крыши деревянных домов. Валерий искал площадки. Ему хорошо было видно, как там, внизу, люди, испуганные рокотом мотора, выбегали из дверей; коровы, задрав хвосты, в ужасе шарахаясь, прыгали через овраг; нартовые собаки бросились в воду. Какая-то женщина взбежала на вышку, махая руками.

Байдуков посмотрел на Чкалова и рывком выбросил за борт самолета вымпел о посадке. Красная лента, извиваясь змеей, упала на землю.

Один из гиляков, с длинной косой, одетый в короткий кафтан, быстро схватил круглую коробочку, не догадываясь открыть ее, он любовался красивой лентой, показывая ее другим.

— Вот чертяги! — выругался Чкалов. — Не сообразят прочитать, что мы написали!

Он сделал еще круг и, наконец, выбрав удачный момент, когда малюсенький клочок почвы оказался свободным от людей, повел самолет на посадку, пытаясь разглядеть бегущую навстречу гальку и песок. В последний миг, заметив зияющую чернотой выемку оврага, он мгновенно дал газ, самолет сделал прыжок, колеса плавно коснулись грунта и вскоре замерли, врезавшись в вязкую гальку.

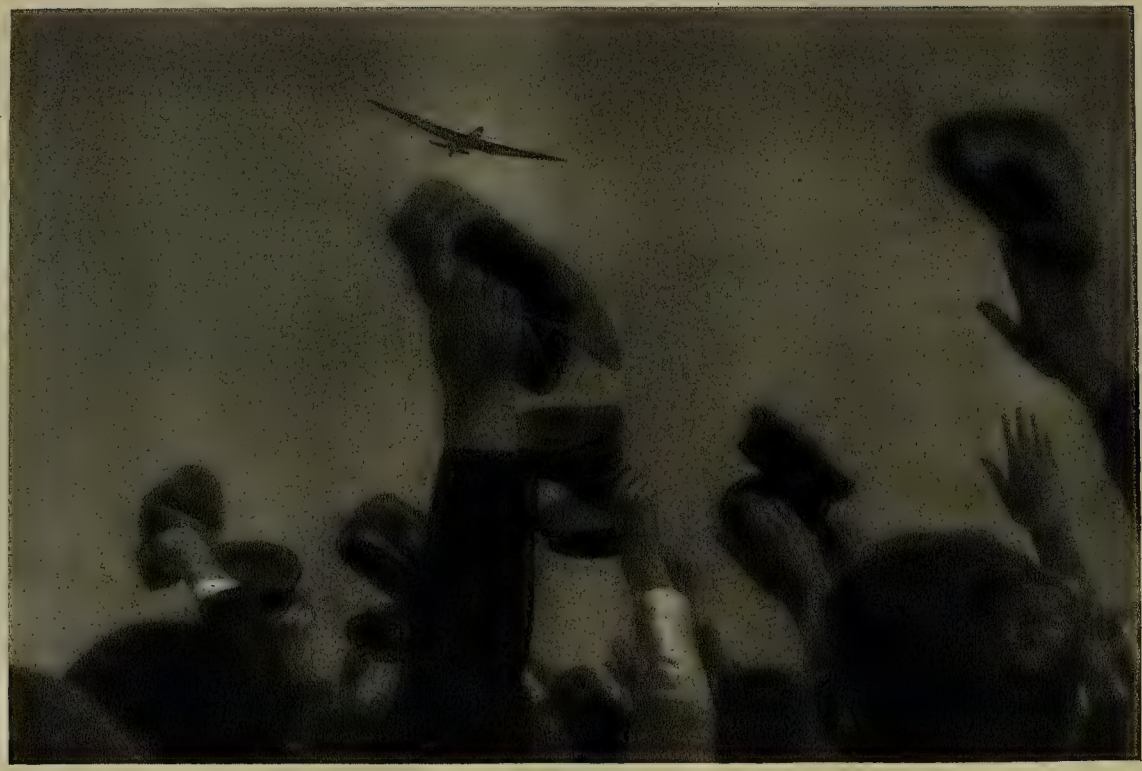
Через задний люк по очереди вылезли летчики. Чкалов первым бросился к колесам.

— Всё в порядке. Чуть только флянец лопнул.

Сказав это, он почувствовал вдруг такую неимоверную усталость, что прислонился к крылу самолета и закрыл глаза. Байдуков с Беляковым в такой же позе стояли рядом. Упадок сил застиг всех троих мгновенно.

Вдали, в ночной сырой мгле, мигали огоньки рыбацкого поселка. Великий покой окружал трех людей, до этого 56 ча-

1925/



Улетели

Остров Удд (остров Чкалов)

сов слышавших непрерывный рокот мотора. Валерий двинул ногой, галька шурша покатилась вниз. И этот дробный звук камешков показался ему чудесным.

И опять только дождь нарушал тишину.

Впервые после пятидесяти шести часов полета, прикрывая ладонями огонек папиросы, Валерий закурил.

Совсем просто сказал друзьям:

— Ребята, вы не волнуйтесь. Сделали мы дело, теперь будем отдыхать. Достанем коньячку из крыла, обсушимся, и все будет в порядке.

Через сетку дождя к самолету бежали мужчины. Почти все они носили косы. Это было удивительно.

Из надвигающейся темноты раздались гортанные голоса; летчики поняли, что их спрашивают: откуда они?

— Москва... Мы прилетели из Москвы.

— А как называется ваш остров? — спросил Беляков.

Разобрав вопрос, они ответили:

— Удд.

— А у меня на карте — Ур.

Жители островка смотрели настороженно.

Чкалов расправил плечи, подтянул промокшие унты. Сделал несколько шагов вперед. На время он забыл свою усталость. Ласково обнял одного старого безрукого охотника.

— Москва... Знаешь, столица Советского Союза. Мы оттуда.

И так велика была сила обаяния этого изнутри осветившегося сурового, небритого лица, что у всех растаяло недоверие и на губах заиграла улыбка.

Георгий, возившийся у антенны, которую он тут же устанавливал, чтобы послать в эфир известие о посадке, искоса поглядывал на лицо друга. На фоне туч и дождя оно казалось вырезанным из камня.

Беляков ключом отстукивал радиограмму по азбуке Морзе.

Все вместе зашагали на огоньки. С одежды лилась вода. Плохо слушались ноги. Короткий путь до аккуратного домика начальника лова Тен-Мен-Лена показался бесконечным. Постучали в дверь. В уютной комнате горела под потолком висячая лампа; желтый круг лежал от нее на столе. Портреты Сталина и Ворошилова делали комнату родной и близкой.

Летчиков встретила краснощекая, сильная женщина. Звали ее Фетинья Андреевна, это была жена Тен-Мен-Лена.

Скоро на сковородке уже шипел ужин. Из разрезанного резинового мешка пилоты вынули консервы, коньяк. Только сейчас они поняли, как голодны. А рюмка коньяку распространила по всему телу теплоту. Комната показалась еще приветливей, ласковая хозяйка — еще милее.

Фетинья Андреевна, накладывая гостям полные тарелки, вспоминала о переполохе на острове.

— Я на вышку залезла, небо гудит, вижу — большущие крылья, а на них не по-нашему написано.

Чкалов, улыбаясь, разъяснил, что буквы URSS обозначают: Союз Советских Социалистических Республик.

— А я подумала, уж не иностранный ли самолет? Граница близко. Нет ли, думаю, подвоха какого. Уж сознаюсь перед вами, сразу же к рыбакам побежала, трое сели в лодку и через залив Счастья, наперерез, к пограничникам поплыли.

—Хорошо ваш залив называется, — перебил Беляков, — залив Счастья.

Спать устроились на полу, в полярных мешках. Фетинья Андреевна ходила на цыпочках, боясь разбудить гостей. А когда возвратился хозяин Тен-Мен-Лен (он искал свою заблудившуюся корову), Фетинья Андреевна приложила ко рту палец и, жестом отозвав его в уголок, рассказала, кто у них в доме.

Бесстрашный на рыбной ловле в бурном Татарском проливе Тен-Мен-Лен был в жизни, в семье очень чутким и деликатным. Ложась спать, он старался не дышать, чтобы не разбудить летчиков. Но они спали так крепко, что даже выстрел из пушки, пожалуй бы, их сразу не разбудил.

* * *

Низкие невеселые облака плыли над бревенчатым домиком Тен-Мен-Лена.

Валерий, проснувшись, резко повернулся в спальном мешке. Он первым уловил за тонкой стеной знакомый гул. Сначала даже не верилось, подумал: может быть, спросонья? — но нет, в окошечко смотрел туманный скучный день, и шум не прекращался.

Чкалов принялся тормошить друзей.

Байдуков, открыв глаза, долго не понимал, что ему делать — садиться ли за штурвал или занять место штурмана.

— Вставай же, десять часов отхватили, Байдучок!

Одним движением накинув куртки, все трое выбежали из двери. В облачном массиве никакого самолета не было видно.

— Экая досада, ребята, — вырвалось у Чкалова, но Георгий его перебил, показывая рукой на небо:

— Смотри!

Вести с материка принесла маленькая амфибия, похожая на резвую игрушку. Машина ловко опустилась в лагуне и, разбрасывая пену, выползла на сушу.

Летчики горячо поздоровались. Прилетевшие гости сообщили, что лишь отрывки чкаловской радиограммы приняла поздно ночью одна из ближайших радиостанций. Трудно было понять, где именно приземлился экипаж NO-25. Только благодаря зоркости пограничных постов, которые заметили летевший в дожде и тумане моноплан, удалось установить место посадки.

Валерий с посвежевшим, отдохнувшим лицом показывал гостям свой самолет. Тут же, под длинными, узкими крыльями NO-25, обсудив положение, решили: Белякову лететь на амфибии в Николаевск и доложить Москве об окончании перелета, а Чкалову и Байдукову остаться на островке и попытаться установить связь с пограничным сторожевым судном, которое уже вышло из Охотского моря.

Днем островок показался Валерию иным. На нем росло много цветов. Тонко пахли фиолетовые ирисы и поразительно маленькие розы. Редкие карликовые сосенки скорее похожи были на кустики. На противоположной стороне залива высились сопки. Они поросли дремучим дальневосточным лесом. Ближе к берегу виднелись плоскодонки и одноэтажные постройки рыбного завода. Около них рабочие готовились к путине. С яростью бушевали у берега волны, выбрасывая свежую гальку.

К вечеру островок ожил. Приезжали приветствовать летчиков из района, из области. На якоре покачивался сторожевой корабль пограничников. Моряки, жизнерадостные, шумные, привезли для чкаловской тройки охотничьи ружья. Фетинья Андреевна еле успевала принимать новых гостей.

Фетинья Андреевна попала на остров из города Омска. Привезла она с собой не только сибирскую домовитость и уют, выбелив до ослепительной чистоты стены и потолок своей горенки, но и тягу к знанию и культуре, а, главное, большую дружбу к смелым охотникам-гилякам. Для них и для их ребятишек лежал у нее на столе русский букварь. Валерий скоро понял, какую роль она играла на маленьком советском островке. К таким людям его всегда тянуло, и он никогда в них не ошибался.

Шли часы на острове. Беляков сидел над штурманскими записями. Георгий охотился с новыми ружьями. Чкалов искал площадку для взлета. Он нашел ее в полутора километрах от самолета, за поселком. Теперь он был озабочен устройством деревянного настила.

Прозвенел медный колокол — сигнал к обеду. Он вывел Чкалова из раздумья. Упряжные собаки, лежащие возле кухни, подняли бешеный лай. Валерий повернул голову.

«Условный рефлекс, — подумал он, — чувствуют, что сейчас кормежка им будет».

Маленькая гилячка, лет пяти, с черными блестящими колечками волос, как куколка, стояла на берегу. В руках она держала пучок диких роз и нерешительно смотрела на большого человека. Он шагнул к ней, ласково провел ладонью по ее густым волосам.

Чкалов редко бывал полностью удовлетворен тем, что делал; всегда хотелось продолжать работу, сделать еще лучше, совершеннее. В нем жила постоянная неудовлетворенность достигнутым, какое-то прекрасное беспокойство, присущее людям могучей души. Но здесь, у бесконечной волны, тащущей гальку, он глядел на крохотную гилячку и чувствовал себя необыкновенно счастливым оттого, что она с детской щедростью протягивала ему букет.

— Называется залив Счастья, — негромко проговорил он.

Байдуков возвращался с охоты. Он держал привязанную на веревочке тройку тощих уток и собирался пройти, по возможности, так, чтобы не привлекать к себе внимания, но Валерий обернулся и заговорил первым:

— Ай-да Байдук! Дичина великолепная! Сейчас из нее наша хозяюшка устроит пир на весь мир! Ну, и Егор!..

И они вместе с окончательно пристыженным Егором зашагали на голубоватый дымок к домику Тен-Мен-Лена. Егор

стал рассказывать, как ему сегодня посчастливилось из маузера подстрелить кулика. А Валерий перебивал его своим рассказом:

— Был у нас на Волге ветхий старичок такой, Гордеич, совсем глухой, меховая шапка рваная, один наушник всегда торчком. Охотник был страстный, ружьецо у него, как сейчас помню, лихое. Вот вышли мы с Гордеичем как-то по пороше на зайца. Я вскоре обогнал старика. Вижу: беляк! Ударил на вскидку. Удачно! Взял я битого зайца, положил на снег, на бугорок, будто на лежке, в ухо ему записочку воткнул, тут же ее написал. Потом бегу к Гордеичу, кричу: «Гордеич, гляди! Заяц! Стреляй!» Старик загорелся, вскинул ружье, — и бац! Заяц упал. Подходим. Мой старик с гордостью поднимает зайца. Довольный — страсть! А я ему говорю: «Смотри, Гордеич, у него в ухе какая-то записка». Он вынул из заячьего уха бумажку, надел очки и прочитал: «Милый Гордеич, ты меня не убивай, я уже убитый». Вот он сначала рассердился! А потом вместе хохотали.

Байдуков громко смеялся.

— Чудак ты, Валерий!

И Чкалов был доволен, что развеселил друга, огорченного результатами охоты.

В домике их ждали рыбаки колхоза «Поми», что значит дельфин. Сам хозяин, специалист по лову (таких людей на Дальнем Востоке называют сендо), сидел у дымящейся миски со щами. Беляков в соседней комнате разбирал корреспонденцию.

— Фетиньюшка, готовь большие сковородки. Егор куликов принес! — кричал Чкалов на пороге в горенку. — А погода опять задерживает вылет. Сендо, когда обещаешь прояснение? Байдук, угощай рыбачков коньяком.

Он звонко чокнулся с жителями острова.

— Саша, Саша! Хватит тебе с письмами возиться. Народ ждет тебя.

В горенку вошла группа корреспондентов. Они только что приехали с материка. Чкалов весело встретил новых гостей.

— Только уговор, ребята: нашу хозяюшку не мучайте расспросами. Она уж и так стала вашей жертвой. Верно, хозяюшка? Знакомьтесь: Егор — бог слепого полета. А вот Саша — золото, не человек. Имейте в виду, кроватью они за-

владели надолго; если останетесь ночевать, ребята, устраивайтесь на полу. Закуривай, товарищи, Егорушка, поднеси вот этому, длинному, чару. Вижу по глазам, пить здоров. Меня не проведешь. Правильно, Егор, действуй!

Валерий долго отказывался дать интервью корреспондентам, но в конце концов сдался на уговоры друзей.

— Что мы, собственно, ребята, сделали? Полагаю, каждый бы так выполнил задание товарища Сталина, как мы...

Все же о перелете он рассказал, — правда, скупо, — немного разговорился лишь в конце беседы.

— Татарский пролив пересекли вслепую, знали, что где-то тут поблизости находится устье Амура. Но где? Здесь же находятся и возвышенности. Надо, думаем, пройти между ними. Как? Мы потыкались, потыкались, два раза чуть не задели горы крылом и решили: надо искать посадку в другом месте. Набрали высоту, верно, Егор? — вот тут-то и началось самое страшное: обледенение. Тогда мы вернулись к морю, вынырнули в пятнадцати метрах от воды, повернули к берегу и, как сами знаете, сделали посадку недалеко от домика, где сейчас сидим. Ну вот и всё, ребята.

В заливе Счастья часто спускались гидросамолеты, привозившие пачки телеграмм с Большой Земли.

Много народа побывало в те дни на острове. Было много и подарков.

Превосходную трубку подарил Валерию один из моряков. Очень довольный, Чкалов целый день показывал ее друзьям:

— Вот это трубочка, я понимаю...

Разбирая пачку корреспонденции, Валерий протянул Байдукову конверт:

— Вот тебе, Байдук.

Тот, пробежав письмо, дал Валерию посмотреть, что писали из родных мест.

Валерий громко прочитал:

«Узнал, Егорка, о твоем геройстве. Ваш перелет принес мне великую радость на 89 году моей жизни. Желаю тебе летать еще дальше и выше... Целую крепко. Твой дед Максименко».

У Чкалова блестели глаза. Он похлопал друга по плечу.

— Молодец твой дед.

На следующее утро летчики проснулись раньше обычного.

За чаем они обсуждали вопрос, как лучше перетаскивать самолет. В это время они увидели в окно группу людей, шагавших от деревушки к домику.

Через несколько минут Чкалов с волнением развертывал только что полученную телеграмму.

Она была от Иосифа Виссарионовича. Сильные пальцы Чкалова слегка вздрагивали, когда он читал ее. Георгия, Сашу и его награждали званием Героя Советского Союза. В первые мгновенья все это показалось сном. Их знала вся страна. Их поздравлял Сталин.

Трое летчиков стояли, тесно прижавшись друг к другу, склонившись над телеграммой. По щекам Георгия катились слезы. Валерий от волнения часто дышал.

Вдруг он заторопился, забегал по комнате.

— Ребята, где мой лётный шлем с очками? — крикнул он. — Слетаю в Николаевск и передам ответ товарищу Сталину.

Чкалов угадал общее желание.

Из Николаевска он вернулся скоро; привез пачку газет, журналы, фрукты.

Вслед за ним на остров прилетели новые корреспонденты. Валерий в этот вечер был разговорчив, описал перелет, подробно рассказал о Байдукове и Белякове, о том, как героически бодрствовали они на своих вахтах, в тумане и в обледенении...

Журналисты слушали и записывали в блокнот. Один из них не вытерпел и спросил:

— Валерий Павлович, скажите, а Чкалов участвовал в перелете?

Валерий нахмурился:

— Да ладно тебе!

Каждое утро, умываясь во дворе, пофыркивая и крепко растирая себя полотенцем, он поглядывал на небо. Однако погода явно не благоприятствовала.

— Эх, Фетиньюшка, сейчас бы нашу василевскую баню, с паром, веником, капустой да редькой!.. А какой квас мать варит!..

Вылететь в Москву Валерий стремился как можно скорее: хотелось поделиться с женой, с друзьями всем, что было пережито, повидать детей, а, самое главное, подробно доложить товарищу Сталину о перелете и постараться передать

всю полноту их общей благодарности ему, великому их другу и вдохновителю; при этом он чувствовал, что слова иногда бывают недостаточны: нужны новые дела, — и он знал, что совершит их.

С такими мыслями он в свободное время уходил на охоту — опоясанный патронташем, в высоких кожаных сапогах. Как во всем, он и на охоте был азартен и любил первенствовать. Зорко всматривался он в напуганного, низко летящего кулика, вскидывал ружье, целился, и тогда светлый его глаз с настороженным темным зрачком чем-то напоминал глаз могучей птицы.

На охоте он мог молчать подряд три, пять часов, весь поглощенный ею, к этому уже привыкли его друзья.

Иногда он неожиданно спрашивал Белякова:

— А полетим еще?

Тот кивал головой в знак согласия и спрашивал в свою очередь:

— А куда?

Валерий отвечал с серьезным видом:

— Белых медведей пугать...

* * *

Дожди не переставали. Заливало специальные карманы и сумки, пристроенные на самолете; хранившиеся там карты, записи и путевые журналы могли испортиться. Беляков перенес их в домик.

Пробная рулежка показала, что грунт острова «не надежен», он не выдерживал тяжести чкаловского корабля. Попробовали, копнули, думали, что земля, а ее оказалось на один вершок, — дальше шла бесконечная галька.

Чкалов решил перекатить увязший в зыбучем грунте самолет на такое место, с которого был бы возможен взлет. Помогать пришли старики, девушки, охотники, рыболовы, женщины с грудными ребятами. Пришел даже однорукий гиляк-охотник, старый Пхаин. С песней, с «Дубинушкой», тянули машину.

Вечером отдыхали, слушали рассказы Валерия, Егора, Саши: только здесь, на острове Удд, друзья узнали от скромного Белякова, что ему выпала великая честь сражаться в рядах Чапаевской дивизии...

Днем работали, не покладая рук.

Вскоре остров стал неузнаваем. Строили широкую деревянную дорожку для взлета. На сотни метров протянулась гирлянда электрических ламп. Доставленные на судах тракторы с прицепами, погружаясь колесами в гравий, ползли по острову. Люди укладывали доски на деревянный настил. Голубые дымки вились от походной кухни. Стук топоров, молотков, конский топот распугали кроншнепов, которые обычно садились на холмы поклевать ягод. Полевые радиостанции поддерживали постоянную связь с Николаевском-на-Амуре. Бойцы, колхозники, краснофлотцы перетаскивали на плечах брусья и доски с барж.

У острова скопились быстроходные катеры, пароходы. Люди дружно пели «Дубинушку». Валерий подтягивал басом.

* * *

Возвращались через Сибирь. На каждой остановке в пути народ восторженно встречал героический экипаж. Всюду устраивались митинги. Задолго к месту встречи несли огромные букеты цветов, знамена и стяги с приветствиями.

Весь обратный перелет был триумфальным.

Москва открывалась необъятной громадой домов, заводов, каменных кварталов, перехваченных зелеными бульварами, и лентой реки, закованной в гранит, арками мостов, стенами Кремля, его башнями и дворцами.

Внизу был светлый солнечный город.

Краснокрылая птица несла на себе запахи якутских ветров, болот Белозерья, влажные пары облаков, а память пилотов хранила теплое воспоминание о затерянном островке, поросшем на холмах низкорослой морошкой, о высоких сопках, нахмурившихся хвойными лесами и как бы охранявших устье величественного Амура, о дружной семье гиляков, с которыми пришлось провести две недели.

Чкалов всматривался в знакомую до мельчайших подробностей, убегающую ровной полосой двухкилометровую дорожку и вспоминал, как несколько дней назад, улетая с острова, он отрывался с огромного настила, похожего больше на стол и разделенного посередине черной линией — грязью, которой натаскали с заливчика.

На Щелковский аэродром приземлились ровно в сем-

надцать часов. Чкалову показалось, будто только вчера он покинул его. Из окна пилотской кабины Валерий видел множество лиц, алые знамена, вереницы лакированных автомобилей, трубы оркестров, отливавшие золотом, — все это сливалось, двигалось, сверкало и было залито солнцем.

У самолета остановилось несколько машин. Из передней вышел товарищ Сталин, за ним — товарищи Ворошилов и Орджоникидзе. Иосиф Виссарионович спокойной походкой направлялся к самолету.

Горячая волна счастья охватила Чкалова, стоявшего в эту минуту на крыле. Увидя Иосифа Виссарионовича, он поискал глазами стремянку, махнул рукой, сел на крыло и, скатившись по полированной обшивке на землю, побежал навстречу. Сердце его сильно билось. Стараясь побороть волнение, он вытянулся и рапортовал:

— Товарищ Сталин, ваше задание выполнено, маршрут окончен.

Иосиф Виссарионович крепко обнял Чкалова и расцеловал. Потом он передал Чкалова Клименту Ефремовичу, а сам шагнул к Белякову и Байдукову и расцеловался с ними.

Валерию очень хотелось как можно подробнее рассказать о перелете, но Иосиф Виссарионович, расспросив о главном, вскоре, смеясь, поднял руку:

— Вам надо отдохнуть. Ведь вы устали.

Валерий шел покачиваясь, в ушах еще звенели позывные сигналы РТ и УО, от волнения он еле владел собой. Он видел, как к Иосифу Виссарионовичу нестройной гурьбой подбежали дети и протягивали ему букеты роз.

— Это героям. Дайте все цветы Чкалову, Байдукову и Белякову, — сказал Иосиф Виссарионович, обнимая ребятишек...

...На машинах, празднично украшенных цветами и пышными венками, двигались как триумфаторы летчики по знакомым улицам. С верхних этажей, с балконов, с крыш — отовсюду сыпался на них снег листовок.

Валерий сидел рядом с Игорем и Ольгой. Он не мог выговорить почти ни слова. Он только все время с огромной радостью ощущал: как много он еще сумеет дать своей стране, своему народу...

* * *

То, что переживала Москва, переживали и Киев, и Ленинград, Баку и Архангельск, Хабаровск и Луга — все города и села Советского Союза. Вся страна как бы присутствовала в те дни в Москве.

Нелегко было бы Чкалову решить, что больше взволновало его — окончание ли перелета, труднейшая ли посадка на острове Удд или те волны, потоки народной любви, которые буквально ошеломили трех героев.

В своей квартире Валерий увидел груды газет. Бегло просматривая статьи, опубликованные в мировой печати (нехватало времени, — квартира уже была полна друзей, знакомых, незнакомых), Валерий разводил руками, еще не понимая до конца всего значения совершенного тройкой советских летчиков.

Совсем поздно, когда уже светало, Чкалов, улыбаясь, сказал жене:

— Я должен, Лелик, в одном признаться тебе: перелет-то мы сделали, а лететь-то я не имел права: ведь у меня пилотское свидетельство 5-го класса...

На следующий день Чкалов отчитывался перед коллективом завода, на котором работал летчиком-испытателем.

Это был даже не отчет, а подробный рассказ о полете. Но прежде чем начать рассказывать, Валерий обратился к рабочим с такими словами:

— Я пришел на завод не совсем чистым. Кое-что было у меня в прошлом, был грех молодости: расхлябанность, недисциплинированность. Работая вместе с вами, я научился дисциплине. Наступила зрелая пора. За мое перевоспитание — большое вам спасибо, товарищи!

Чкалов был убежден, что среди его слушателей можно выделить не один такой экипаж, какой был на N0-25. Эту мысль он высказал на следующий день на грандиозном митинге в Центральном парке культуры и отдыха. В тот вечер накрапывал дождь, тучи сгущались, но двадцать тысяч рабочих столицы, собравшихся в Зеленом театре, не расходились. С напряженным вниманием они слушали Байдукова и Белякова. Валерий выступил последним.

— Мы были маленьким коллективом из трех человек, — говорил он, окидывая взглядом колышущееся море голов. — Если бы не было вас, не было бы и нас. Мы такие же ра-

ботники, как и вы. Ничего особенного в нас нет. Что же, товарищи, вдохновило нас на преодоление тех тяжелых трудностей, которые встречались в пути?.. Много хороших слов есть в богатом русском языке, но одно слово горит в моем сердце: Сталин. Не в полярный день, а в полярную ночь экипаж готов повторить еще раз Сталинский маршрут. Если нам в продолжение 56 часов, не переставая, светило солнце, то и в полярную ночь нам будет светло, потому что нас ведет товарищ Сталин. А где есть Сталин, там нет тьмы — там яркое солнце!

Прошел еще день. Чкаловскую тройку пригласили в Большой Кремлевский дворец. В Георгиевском зале Чкалов сидел за столом рядом с руководителями Партии и Правительства. Он слушал речи товарищей Орджоникидзе и Ворошилова, изредка бросал взгляд на Ольгу. Счастью его не было предела. Наконец, дошла и до него очередь произнести речь. Он встал, с лицом возбужденным и немного бледным, откинул рукой непослушную прядь волос, спадающую на лоб, и тихо начал:

— Вот говорят, будто мы превосходный перелет сделали. Да этот перелет совершили не мы... Рабочие сделали его, служащие, инженеры, которые построили нам машину. Вся страна летела вместе с нами, а нашим штурманом был великий Сталин. Поэтому перелет этот так и близок всем людям Советского Союза.

Он на минуту замолк и продолжал окрепнувшим голосом:

— Мы летели на замечательном самолете... Спасибо тебе, дорогой ты мой, — и Чкалов протянул через стол руку конструктору мотора, — за то, что ты сработал сердце нашего самолета — мотор. А за великую награду, за такую встречу, — продолжал Чкалов, обращаясь к Иосифу Виссарионовичу, — разрешите нам, товарищ Сталин, повторить маршрут!..

* * *

В тихом Малом Власьевском переулке Валерий остановился у знакомой двери и нажал кнопку звонка. Одноэтажный высокий особняк этот хорошо знали многие летчики. На голубой эмалированной дощечке было выгравировано: «Борис Илиодорович Россинский, заслуженный пилот СССР».

Дверь открыл сам «дедушка», большой, оживленный, с

громким голосом. Совсем молодыми движениями он обхватил Валерия и по-юношески горячо поцеловал его тут же на ступеньках. Он хотел было провести Валерия в кабинет через широкую комнату с массивным биллиардом посередине — хозяин был заядлым биллиардистом, — но Валерию приятнее было посидеть в крайней, угловой, комнате с узкими окнами, где на цветных стеклах были изображены готические рыцари в плащах, в доспехах, с мечами. В этой комнате помещался личный музей Россинского.

Десятки фотографий на ее стенах повествовали о славном пути, пройденном русской авиацией.

Большая фотография в раме изображала французского авиатора Луи Блерио, в изящном крахмальном воротничке. На фотографии была надпись самого Блерио.

На одной из фотографий изображался летчик, сидевший верхом на аэроплане, свесив ноги, совершенно открытый; авиатор не был даже привязан, и казалось — слабого толчка достаточно, чтобы его стряхнуло с аэроплана, построенного из полотна и палок, скрепленных проволокой.

— И все это держалось, по меткому выражению одного француза, только силой рассуждения, — шутливо пояснял Россинский.

Портрет хозяина, тогда еще молодого пилота, с бородкой узеньким клинышком, в желтых крагах, висел тут же. Рядом виднелись фотографии «фарманов» и «вуазенов», напоминавших поваленные этажерки, и картина, изображавшая Ходынское поле с крохотным сарайчиком, в котором вместе со своим хрупким аэропланом жил Россинский.

С противоположной стены глядели портреты старейших летчиков, среди них лицо легендарного капитана Нестерова, подтянутого, в офицерской шинели, с холодным взглядом.

Чкалов любил зайти вечером к Россинскому и рассказать «деду» о событиях своего летного дня, дня испытателя только что рожденных машин. Он обычно садился в удобное кресло и делился с «дедом» своей давней мечтой о сверхскоростях, о никем в мире не осуществленных рекордах. Иногда он перебивал свой рассказ:

— А я сегодня летал и все пел. Хорошо, дед! А на улице мороз, снег...

Смеялся совсем не старый «дед», вскакивал, обнимал гостя.

— Молодец ты, Валерий. Люблю я тебя.

Иногда Чкалов просил:

— Ну, давай, рассказывай, живая история: на чем в старину кости ломали?..

— Да что ж рассказывать. Ты вот, Валерий Павлович, о сверхскоростях мечтаешь, а я, когда летал, то развивал скорость не свыше 60 километров в час, и то казалось сверхскоростным достижением, и мне приходилось всем своим корпусом преодолевать сопротивление воздуха, того и гляди отбросит к мотору. А потом зимой мне доводилось испытывать и довольно сильное охлаждение, я мог в айсберг превратиться так же, как ты, Валерий, когда к полюсу полетишь.

— Ну, Боб, я, положим, не мерзну, у меня в кабине тепло, все закрыто.

— Знаю, знаю, пошутил, но ведь ты, Валерий, на советских самолетах летаешь, а я, — Россинский лукаво прищурился, — а я... на аэропланах поднимался.

Чкалов переведет взор на портрет элегантного Блерио, и Борис Илиодорович эпически переходит к описанию аэропланов его системы.

— А на «блерио» я сидел посередине, уже только наполовину высунувшись. Мотор помещался передо мною.

Валерий Павлович вначале удивлялся отсутствию капота у «блерио».

— Мотор-то слабенький, всего 25 сил, с воздушным охлаждением. Если его закрыть капотом, он моментально бы перегрелся и остановился. В открытом же виде его хорошо продувало... ветерком, и он не утомлялся. — Россинский неподражаемыми интонациями оттенял свои словечки. — Это что, — продолжал он, — еще большую неприятность приходилось испытывать нам, авиаторам. Мотор смазывался касторкой, она смешивалась с гарью, и ее выбрасывало вместе с отработанными газами из мотора. Черная такая, едкая, горячая масса залепляла глаза.

— А очки?

— Очки тоже заплевывало этой дрянью. Начинаешь их протирать, совсем замажешь.

— Выходит дело, «слепой полет»! — пошутил Чкалов.

— Тогда, Валерий, и зрячими-то не умели летать. А знаешь, как нас к такому слепому полету приучали? Как пожарных к дыму. Посадят в стоящий на земле аэроплан, за-

пустят мотор и велят глаза открыть и смотреть. Минуту посидишь, совсем глаза разъест. Вылезешь — другого сажают на твое место, для тренировки, а инструктор сбоку стоит с секундомером в руках, записывает, кто сколько выдержал. Бывало, вечером после такой тренировки сидишь со свинцовой примочкой на глазах, три дня из дома не выходишь. Но ничего, привыкали... А я рассказывал тебе, как мы с Николаем Егоровичем Жуковским в 1908 году первый раз в синематографе полет аэроплана увидели? Кино тогда синематографом называли. Кто-то и сказал мне, что будут показывать на экране полет знаменитых братьев Райт. Как сейчас помню, синематограф на Петровке помещался против пассажа. Пришли с Жуковским на Петровку, на окнах большие афиши, и на них громадными буквами напечатано: «Похождения Глупышкина». Это был герой тогдашней кинематографии, любимец публики. Я был немало смущен, увидев эти афиши. Я, студент, привел уважаемого профессора на подобную картину. Говорю: «Простите, Николай Егорович, сейчас все выясню». Пошел я к кассе, Жуковский у окон прогуливается. У кассы сам хозяин синематографа, пожилой купец. «У вас,— говорю, — полет на аэроплане показывают?» — «Показывают», — отвечает. — «А почему же, — говорю, — на афишах об этом не объявлено, а красуется Глупышкин?» Купец мне ответил, и я навсегда запомнил его ответ: «Что нам ваши полеты! Разве на них зарабатываешь? Аэропланами интересуются только чудаки, а Глупышкин полные сборы мне делает».

Я купил два билета и вышел к Николаю Егоровичу. Полет братьев Райт показывали в конце сеанса, в кинохронике «Патэ-журнал», всего 3-4 минуты. Ничего мы толком не разобрали. Что-то промелькнуло на экране. Один из братьев, Вильбур, сел на аппарат, разогнался по деревянной рельсе, взлетел и вскоре опустился. Вдруг — свет в зале. Сеанс окончен. «Не посмотреть ли нам еще раз полет?» — робко спрашиваю Жуковского. Он согласился. Я снова купил два билета, битый час смотрели опять Глупышкина... и в третий раз покупали билеты, чтобы составить все-таки представление о полете этих самых братьев Райт.

— Что же, Боб, охота пуще неволи...

— Да, Валерий... А когда пришел домой из кино, всю ночь не спал, всё мечтал, как бы самому аэроплан построить

и... полететь. В те годы я не имел возможности мотор получить, авиации в России еще не было, начал строить планер из бамбуковых палочек. Вот он на снимке.

На старой пожелтевшей фотографии Россинский был изображен на своем планере.

— Планер мой вышел двухъярусный, я должен был висеть на подмышках, видишь: бамбуковые палки полотенцем обложены, чтобы не резало. А площадку для взлета я выбрал в Тарасовке, дачной подмосковной местности... Один берег реки гористый, другой — равнинный. Однажды раскатился на санках с политой горки — чувствую, что лечу! Ветерок был. Представь, удалось перемахнуть Клязьму.

— Выходит, Клязьма русским Ламаншем была, а ты, Боб, — русским Блерио, — резюмировал Чкалов.

— Ну, как же. У нас и обслуживание было соответственное. Вам-то теперь погоду предсказывают синоптики, что они еще там напутают, а мы, когда совершали публичные полеты в городах, имели свою походную метеорологическую станцию. Перед полетом авиатор вынимал носовой платок и, держа его кончиками пальцев, проверял, есть ли ветер. Публика возмущалась, кричала: что он там с платком колдует? А все дело в том, что, если платок не колышется, — значит, тихо, лететь можно...

Полеты совершались на ипподромах, огороженных высоким досчатым забором. Авиаторы не имели своих машин и заключали с предпринимателями договор, который обязывал пилотов не подниматься выше забора, чтобы бесплатная публика не могла любоваться полетами...

...В этом музее появлялись и живые экспонаты. Так и в этот раз: раздался звонок. Слышно было, как кто-то поднимался по лестнице. В дверях появился солидного роста мужчина.

— А, старый приятель! — приветствовал его Борис Иллодорович. — Входи, входи. Это мой «лапотник», — обратился он к Чкалову, знакомя с новым гостем. — Не понимаешь? Сейчас расскажу. Было это в десятом году. Я на Ходынке совершал свой очередной полет. Погодка — чудо; ни ветерка, воздух — благодать. Дышишь и не надышишься. Я сделал один круг, другой, третий. С аэроплана хорошо было видно моих постоянных поклонников: ребятишек с окрестных улиц. Они задрали головы и не отрывали глаз от моей маши-

NO-25 на о. Удд (о. Чкалов)

У Фетиньи Андреевны Смирновой

1—417.—204

ны. Вдруг один из них снял с ноги лапоть и запустил прямо в меня. Летел я низко. Слышу треск: пропеллер поломался. Сделал вынужденную посадку. Хотел поймать виновника аварии. А сейчас вот он перед тобой: авиационный инженер...

Вечер провели все вместе: «дед», Валерий и «лапотник»— с семьей Бориса Илиодоровича, в уютной столовой, за бесконечными рассказами, воспоминаниями, тостами.

* * *

...Дни, проведенные по окончании перелета в Москве, ознаменовались важнейшим событием в жизни всех троих летчиков.

Чкаловскую тройку пригласили в редакцию «Правды». С работниками «Правды» у летчиков установились уже давно исключительные отношения, и на вечере встречи с работниками Центрального органа Партии экипажем NO-25 были переданы заявления с просьбой о принятии в ряды ВКП(б). До этого Чкалов и Беляков были беспартийными, Байдуков кандидатом партии.

Валерий писал:

«В ЦК ВКП(б).

Прошу о принятии меня в члены великой партии Ленина— Сталина.

Буду все силы отдавать за дело партии, за проведение в жизнь директив вождя и учителя — великого Сталина».

К этому шагу он был подготовлен всем развитием своей жизни.

* * *

Винт быстроходного катера резал волжскую волну, сзади оставалась желтая борозда пены.

Чкалов стоял на носу катера, широко расставив ноги. С берегов, на которых сплошь стоял густой стеной народ, неслось «ура». Пароходы салютовали гудками.

Рыбаки-колхозники бросались вплавь задолго еще до приближения катера и сейчас держались на самой стремнине. Когда катер проносился мимо них, они махали руками и кричали:

— Ура земляку!

1—417—204

— Здравствуй, Чкалов!

— Павлычу привет!

Валерий Павлович увидел знакомую, заплатанную старенькую землечерпалку, на которой он когда-то работал кочегаром. Она оставалась все такой же.

На моторке сидели Ольга Эразмовна, Игорь, сестры — Софья и Анна и брат Алексей... А он возвращался в Василево, совершив перелет на маленький, до того никому не известный островок в Татарском проливе. Название островка и его имя облетели мир.

На родную землю вступили ровно в три часа. Валерий первым выпрыгнул с катера на мостик. Берег утонул в приветствиях и восторженных криках.

Валерий шел по взвозу, со всеми здороваясь. На него надвигались радостные лица, тянулись руки. Дети забрасывали его полевыми цветами. Он видел задранные бороды стариков, улыбки, сотни устремленных на него глаз. Он пожимал руки старым и малым, справа и слева, и народ все валил за ним. Гремел оркестр. Колыхались полотнища знамен.

Чкалов услышал позади себя знакомый голос:

— Ну, Наталья Георгиевна, поздравляю. Сын-то какой у тебя, матушка!

Он обернулся и увидел тетку Сашу, подругу родной его матери, Арины Ивановны.

— Здорово, тетя Саша! — крикнул он, — иди с нами!

С бугра кричала ему молодая женщина:

— Валерий Павлович, здравствуйте!

— Лёлька, — обрадовался он. — Поди сюда, милая, я тебя расцелую.

Женщина протиснулась сквозь толпу.

— Помнишь, Лёлька, как провожала меня из Василева? Ночью. Ветер тогда теплый-теплый был...

— На горе — ни души. Вы меня еще яблоками угощали.

— Иди с нами, Лёлька!

Взволнованный выступал Валерий на митинге. Благодарил земляков. Рассказал о перелете, меньше о себе и больше о Георгии Байдукове и Александре Белякове.

Потом толпа родных и друзей потащила его к отцовскому дому. Он взбежал на обрыв. Внизу открывались места

рыбной ловли, заливные луга и купальни. Кругом жили волгари — котельщики, лоцманы, кочегары, капитаны буксирных пароходов.

Прислушиваясь к знакомому шуршанию песка под ногами, Чкалов явственно ощущал себя членом их обширной и хорошей семьи. Его вдруг потянуло неудержимо, не откладывая, сегодня же на рыбную ловлю.

— Игорь! — крикнул он сыну. И, подведя мальчика к самому краю обрыва, сказал: — Высоко-то как! С этого откоса мальчонкой я на лыжах бегал... Поедем сегодня рыбу ловить?..

На веранде кипел самовар. Все расселись вокруг стола. Постаревший, но все еще крепкий дед Ипат осторожно передал Валерию Павловичу стакан с чаем, подвинул ему блюдо с домашними пирогами и закуской. Видно было, какое большое уважение чувствовал к гостю старый лодочник.

Первой заговорила Соня, обращаясь к Ольге Эразмовне и брату:

— Как я его полет переживала!.. Включила тогда радио и вдруг слышу: Валерий говорит из Хабаровска. Я как раз пироги пекла. Я и к печке подбегу и от радио никак не могу оторваться. Руки в муке. Тесто бежит. Сама хохочу, а на глазах слезы. Как закричу на всю кухню: «Валька, Валька, что ты наделал! Вот молодец!» От радости у меня чуть сердце не остановилось...

— А я в тот день на базар шла, мимо газетного киоска,— перебила Анна. — Смотрю, в газете портрет Валерия. Написано, что орденом Ленина награжден. Я обрадовалась, домой побежала. Мы тебе, Валя, сейчас же телеграмму послали, поздравительную...

Валерий Павлович перебил ее, улыбаясь:

— Помнишь, сестра, я тебе говорил: до тех пор в Василево не приеду, пока человеком не стану.

— А помнишь, как ты на гауптвахте сидел?.. Я тебе пшенную кашу принесла. Вхожу, а ты на нарах сидишь и поешь: «Что она мне, ни жена, ни любовница, и ни родная мне дочь, так почему ж ее доля проклятая спать не дает мне всю ночь».

— Каша вкусная была. А на «губу»-то я из-за тебя, Соня, попал. На свадьбе твоей пировали. Вернулся в авиапарк на рассвете. За это «губу» и заработал.

Расспрашивали его без конца о перелете. Чкалов скупо отвечал на вопросы.

— Ногу ломило сильно, — сказал он между прочим.

Анна Павловна пояснила:

— Ему семь лет было, когда он ногу повредил. Боролся с ребятами. И вот ведь какой! Шесть недель пролежал, только встал, поправился, встретил на улице Павлушку Бурлакова и кричит: «Ну, давай теперь доберемся!»

— Аверий Палыч, страсть-то какая лететь над океаном. Поди, боязно было? — спросил дед Ипат.

Чкалов закурил, угостил деда Ипата папиросой.

— Есть такой, дедушка, остров в океане — Северная Земля. Около нее мы попали в жестокий циклон, в бурю, через этот самый циклон перепрыгнуть — не смогли. Толщина облаков была верст шесть, это — вверх-то, а машина наша перегружена: и бензином, и маслом, не могла подняться выше. Я выглянул в окошко: ну и жуть! Куда попали? Кругом чернота. А машину болтает. Мотор пошаливает: такая стрельба из мотора поднялась... Не вырваться, думаю, из облаков. Ни черта не видно. Оставалось одно: обойти с севера. Но не вышло наше дело: циклон стоял полукругом. Опять врезались в облака. Я боюсь: вот начнем обледеневать... Так и случилось. Лед сел на фонарь, потом, гляжу, уже и на кромке крыла, гляжу — на стабилизаторе. Обледенение, если ровно ложится, как краска, не так уж страшно: ну, отяжелел бы наш самолет, скажем, на тонну. Но беда в том, что оно, проклятое, неровно ложится. А ведь это же что: самолет разламывает на куски... Пять часов пятьдесят три минуты мы шли слепым полетом... А на острове Удд, когда приземлились, один километр целый час шли по гальке: вот только тогда мы почувствовали, как устали...

Караван землечерпалок дал первый гудок, затем второй, протяжный, — и воздух задрожал от частых гудков. Это капитаны и матросы, уходя на нижний плес, прощались со своими земляками.

Валерий пошел к калитке. Крутой берег был усеян народом. Босые ребятишки — веснушчатые, белесые, — жены, матери багермейстеров, машинистов махали пестрыми платками, косынками и ветками. Гигантская змея — рефулер — в серебряной чешуе волн тянулась, извиваясь, за буксиром. Все скрылось вскоре за островом, берег опустел.

Долго не могли наговориться в тот вечер. Валерий Павлович вспомнил об одном давнишнем эпизоде. Летал он над полем, вдруг видит — старушка идет.

— Я — на нее, она — креститься — и бежать. Откуда прыть взялась! Я — с другой стороны на нее, она — от меня. Я еще ниже спускаюсь. Старуха, говорят, легла на землю да как закричит: «Господи, господи!»

Чкалов помолчал и, нахмурившись, добавил:

— Давно было. Самолеты тогда в диковинку. Азарт был.

Пришел крестный Чкалова, Николай Иванович Шапошников; вслед за ним — учительница Славина. Валерий Павлович радушно встретил старых друзей, усадил рядом с собой.

— Сын — в точности вы, — сказала учительница. — Сильный, большеголовый... Помните, как в школе игрушки клеили? Для елки.

— Вы строгой были. Мы побаивались вас.

— А ведь у меня, Валерий Павлович, ваша фотография хранится. Вот она.

И учительница вынула из сумочки небольшой снимок. На нем был изображен Валерий совсем молодым. Под карточкой было написано отливающими радугой чернилами: «Моей первой учительнице, которая показала мне букву «А» и велела ее запомнить».

Чкалов долго смотрел на фото.

— Такой непоседа был, — перебила Наталья Георгиевна. — За зиму, бывало, три пары валенок сносит.

— А как с горы-то вы меня катали на санках! — вспомнила учительница. — Дух захватывало. Искры так и вылетали из-под полозьев.

— Зимой прокатимся с вами, Людмила Ивановна, — сказал Чкалов. — Хорошо было...

Он задумался. Молчанье нарушил Шапошников. Черный, как жук, приземистый, без единого седого волоса, несмотря на свои семьдесят лет, — он поправил на переносице старинные очки в железной оправе, вынул из кармана большой кумачевый платок, откашлялся и заговорил:

— Немного не дожил Павел Григорьевич. Вот уже порадовался бы сыну.

— Силой-то Валерий в отца вышел, — вставила опять Наталья Георгиевна. — Какой силач Павел Григорьевич был! Где за конец семь человек берутся, а он один.

— Сила у него от отца, — добавила Анна, — а храбрость-то макаровская, по матери.

— Жалко, что так рано отец умер, — проговорил Чкалов.

— Милая личность была, — обратился к нему Шапошников. — От нагретой заклепки все мог делать. И клепать, и чеканить, и выгибать. Самое главное — выгибка. Очень трудная штука — рубашку для турбины сделать. А ему, бывало, нипочем. Надо мягко, чтобы ни трещины, ни зазора...

В разговор вмешался дед Ипат:

— А уже радушный... Соберет нас всех и — яблоками угощать. Котельщики и сейчас поминают: Чкалова, говорят, нет, и яблоков нет.

Дед Ипат потянулся к хозяйке за десятой по счету чашкой чаю.

К веранде подходили новые гости: затонские рабочие.

Наталья Георгиевна хлопотала по хозяйству. Она еле успевала мыть посуду и добродушно ворчала:

— Господи, твоя воля! Столпотворение-то какое. Народ валит и валит, из кухни все столики перетаскали, от соседей скамьи. В саду ломберный стол накрыла, а очередь не убывает. Чай и вино пьют, пироги кушают да хвалят. Во что только лезет.

— Радуйся, матушка, — утешала счастливую старуху тетка Саша, — наш Волюшка приехал.

— Уж не знаю, кому еще такой почет.

— Когда с лодки-то сошел, народ весь за ним. Случись пожар в селе, некому бы и тушить.

Хлопнула калитка. Чкалов окликнул вошедшего — это был старый школьный товарищ, Мятелков.

— Входи, входи, Костя.

— Валерий Павлович, и без меня много.

— Как тебе не стыдно!

Валерий расцеловал приятеля, угостил бокалом вина.

— Устал я, Костя, — сказал он, отводя друга в сторону. — Хорошо бы сегодня на рыбалку. Как, Лева? Устроим это дело?

Тут же кто-то из друзей отправился к рыбакам попросить их приготовить невод.

Старый рыбак Щипакин организовал все наславу. Поехали ближе к городу, на Нижний остров, богатое место.

Валерий тащил невод по темной воде. Живая добыча — желтобрюхие остроносые стерляди — билась в мокрой сетке.

На острове варили в чугунном рыбацком котле уху. Все уселись вокруг котла. Чкалов похваливал любимое блюдо.

У костра потекла беседа. Потрескивали сучья и хворост. От людей ложились длинные тени. Все остальное тонуло в темноте. Из глубины острова доносились ароматы скошенных трав.

Валерий Павлович рассказывал, какие моря он видел во время полета, какая в них водится рыба, вспоминал об охоте на острове Удд. Напомнил семидесятилетнему Щипакину, как, еще мальчуганом, помогал ему тянуть сети. Старик, довольный, улыбался в усы, угощая дорогого гостя.

Где-то сбоку прогудел пароход, и эхо многократно повторило его густой голос.

Валерий никак не собирался кончать свое изучение Арктики только что сделанным перелетом. Заветный вариант нового, более сложного перелета: Москва — Северный полюс не переставал волновать его. И здесь, на родных берегах, на любимом острове, особенно хорошо было думать о нем — ночью, в кругу рыбаков.

Гасли звезды. Рассвет окрашивал край неба. Подул ветерок. Запахло утренней водой. Валерий Павлович заводил мотор своей лодки. Прощаясь, он пригласил рыбаков на следующий день к себе.

* * *

Пришедших рыбаков Валерий Павлович провел в столовую, в которой покойный Павел Григорьевич любил сидеть за самоваром.

Старейший из гостей, дед Щипакин, одетый во всё новое, держался торжественно. Пока пили чай, из сада принесли три больших корзины, доверху наполненные яблоками, и Валерий Павлович преподнес их гостям.

Валерий торопился. Его неожиданно известили, что в этот день ему надо выступать в Катунках.

— Вот что, ребята, мне сейчас по срочному делу ехать надо, вы уж такого хозяина не ругайте. А вам без меня кинокартину покажут. Пойдемте-ка.

В одной из комнат были уже плотно закрыты ставни. На стене устроили небольшой экран.

Не отрываясь смотрели все киноленту «По Сталинскому маршруту», каждый по-своему выражал свои чувства. Многие василевцы помнили Чкалова в раннем его детстве и сейчас переживали подвиги земляка, заслуженную им славу и честь, как свое родное, кровное.

Валерий вернулся поздним вечером.

За чаем дед Ипат попросил рассказать, как были в гостях у Сталина в Сочи.

Валерий задумался.

— Как это было... Приехали мы на курорт. Ну, что полагается делать на курорте? Лечиться. Вот, я и лечился... только своим способом. В часы, которые отводились под медицинские процедуры, я предпочитал прогуляться, сыграть в теннис и, конечно, на биллиарде. Как-то с Егором купались в бурю...

— Вышли из воды с шишками и ссадинами, — добавила жена.

— Ладно, дело прошлое, — буркнул Чкалов.

— Прости, что перебиваю, — сказала Анна: — Не помню, кто-то говорил мне, будто директор вашего санатория недоволен был, не знал, что делать с таким непослушным пациентом, как ты.

— Это он с досады, сестра. Я его на биллиарде обыгрывал. Действительно, проводил я на берегу много времени... Ну, вот, так мы и отдыхали. Как сейчас помню, завтракаем, вдруг звонок. Вызывают к телефону меня. Товарищ Сталин приглашал нас с женами на дачу. Мы попросту несколько секунд сидели и слова не могли сказать. А потом заговорили все сразу. Егор сперва не верил... Ну, а тут он же первый — к парикмахеру. Лелик и Тоня, сашина жена, — платья гладить. Я — бегом на берег купаться. Словом, собрались бы раньше, чем требовалось. Но в самый последний момент воротничок у меня «заел»: крахмальный, никак не могу его приладить. Ребята ругаются... Шут с ним, думаю, с воротничком. Давай, Егор, косоворотку! Погрузились в машину, поехали. И вот, знаете, чем ближе мы подъезжаем, тем сильней волнуешься. Ведь тут дело еще и в том, что я надеялся урвать минутку и поговорить с товарищем Сталиным о перелете в Америку. Ехали вместе с Михаилом Ивановичем Калининым. Помню, вышли из машины, идем небольшой аллеей. Иосиф Виссарионович вышел к дверям нас встретить.

Рядом с ним стоял товарищ Жданов. Мы подошли всей гурьбой, поздоровались. Поздоровались и не знаем, что делать. Товарищ Сталин видит, что мы растерялись, помог нам: повел осматривать фруктовый сад. Водит нас, рассказывает, что за растения. У лимонного куста подпорку поправил. И тут вдруг видит: Саша воззрился на лимон. Иосиф Виссарионович и говорит:

— Если вам нравится, сорвите... Кто хочет?

Саша немедленно воспользовался разрешением, и самый большой лимон очутился у него в кармане. Хотелось сохранить что-нибудь на память о том, как мы были в гостях у Иосифа Виссарионовича.

Около самой дачи росла какая-то сосна. Таких я и не видывал. Хвоя длинная, пахучая.

— Здесь раньше рос дуб, — сказал Иосиф Виссарионович, — но он был чем-то болен, и мы решили его заменить сосной. Узнавши об этом, агрономы и садоводы стали говорить, что сосна здесь расти не будет; но мы все-таки решили попробовать, и, как видите, сосна растет и даже очень хорошо.

Я тогда говорю:

— Видно, товарищ Сталин, всякое дело можно выполнить, если к нему руку приложить.

— Да, верно, — отвечает, — только не нужно унывать при неудачах. Если не выходит, надо второй раз попытаться. Если прямо нельзя взять, надо со стороны обойти. Этому нас, большевиков, еще Ленин учил.

Заговорили об авиации... Иосиф Виссарионович опять указал нам на то, что летчики иногда рискуют и не пользуются парашютом даже в тех случаях, когда положение становится явно угрожающим.

— Вот, недавно был случай, — сказал он, — один из наших самолетов потерпел аварию в воздухе, на нем было четыре человека; трое выпрыгнули, а один остался на самолете и погиб. Когда мы вызвали тех, которые благополучно спустились на парашютах, и стали расспрашивать, как это все произошло, то один из летчиков, докладывая, стал извиняться, что он принужден был выпрыгнуть с парашютом. Он считал себя в этом виноватым... Какая у вас, летчиков, ломаная психология, — продолжал товарищ Сталин, — мы его хотели наградить за то, что он выпрыгнул с парашютом, а

он стал доказывать нам, что он виноват. Жизнь одного летчика нам дороже многих машин.

Потом еще играли на веранде в кегли. Иосиф Виссарионович здорово играет. Саша нас перед ним осрамил поначалу, пока не приспособился.

Когда пошли обедать, Иосиф Виссарионович предупредил, что сегодня за столом не будет хозяйки: его маленькая хозяйка — дочка Светлана — несколько дней назад уехала в Москву, в школах уже начались занятия.

— Она у меня, — говорит, — дисциплинированная. Раз начались занятия — значит, нужно учиться!

За столом мы себя так просто и легко чувствовали, ну, вроде бы, как сейчас. Товарищ Сталин каждого угощал, к каждому был внимателен.

Ну, ясное дело, мы терпели, терпели, а потом и — бряк насчет полета на полюс!.. Иосиф Виссарионович до конца все выслушал и говорит: недостаточно мы, дескать, еще изучили материал, мало пока в нашем распоряжении ясных метеорологических и других научных данных. Он нас настойчиво предупреждал: в таком деле излишняя поспешность может только все испортить. Одной уверенности в себе и надежды на машину недостаточно. Тут нельзя рисковать, «авось» тут не годится, надо действовать наверняка.

Больше мы пока о перелете и не говорили. Да, по правде сказать, было не до того. Большое счастье выпало нам в этот день: выслушать рассказ нашего Сталина о годах, которые он провел в подполье в царской России. Как его сослали в Сибирь, в район Иркутска. Как он бежал оттуда. Как ямщик вез его за «пол-аршина» водки. Эти самые «пол-аршина водки», которые потребовал ямщик-то, это, значит, на пол-аршина надо в ряд выставить винные стопки с водкой. И так этот ямщик глушил на каждой станции. Как тут они доехали — не знаю. Только после каждой станции ямщик веселел и веселел, а подконец прямо-таки подружился с товарищем Сталиным и все удивлялся:

— Хороший ты мужик, откуда ты такой, парень?

И даже сам купил Иосифу Виссарионовичу билет на железную дорогу.

Товарищ Сталин — такой гостеприимный хозяин. Сад нам показывал — еще я не сказал, как он нам про разные деревья и растения рассказывал, память у него редкост-

ная! В кегли играл, занимал нас рассказами. Потом стал патефон заводить.

Ставил народные песни, много русских народных песен: «Стонет сизый голубочек», «Уж ты, сад, ты, мой сад», наши волжские, бурлацкие. Тут уж забрало за душу. Товарищ Жданов угадал настроение и стал запевать нашу хоровую. Мы так грянули... Иосиф Виссарионович сам подтягивал... Потом товарищ Жданов позвал всех играть на биллиарде. Кончили игру уже в половине второго ночи. Когда стали прощаться, Саша подошел к хозяину и попросил его написать в блокнот хотя бы два слова. Иосиф Виссарионович сказал, что сейчас уже поздно, но он удовлетворит его просьбу завтра.

Уехали.

Саша, конечно, и не думал, что товарищ Сталин запомнит свое обещание: и без его просьбы у Иосифа Виссарионовича много дел, и вот, представьте, на следующий день Саша получает с посланным от товарища Сталина фотографию Светланы с надписью — вверху в левом углу: «Светлана», а внизу — «т. Белякову на память. И. Сталин».

Напряженно, не отрывая глаз, смотрел на отца Игорь, сидевший рядом с Ольгой Эразмовной.

— Ты еще не спишь, Игорюха! — воскликнул Чкалов. — Милые мои, времени-то сколько!

Никто не ответил. Из теплого сентябрьского мрака доносился запах вереска. Сквозь ночную листву просвечивали далекие красные огоньки бакенов на Волге; казалось, будто они висели на ветвях деревьев.

* * *

Дни шли незаметно. На рассвете Валерий тянул закинутые еще накануне сети, кричал весело, стоя по грудь в холодной воде:

— Соня, Алексей, Анюта! Чего глядите? Помогайте, а то таким манером у нас вся рыба убежит!..

Однажды он проснулся раньше обычного, — в небе еще не погас бледный полумесяц, — и вышел за калитку. Там его поджидали сельские ребята. Увидя Чкалова, они с пронзительным криком бросились навстречу, обступили, повисли на его руках. Он долго отбивался.

— Опять вы здесь, полуночники?

— Мы вас с вечера стережем! — хором ответили дети.

Он сделал шаг вперед: девочка тащила его за рукав.

— Дядя Валя, пойдем на каруселях кататься. Вы вчера с Шуркой кружились.

— Нет, со мной... со мной пойдем... — жалобно тянул вихрастый рябой паренек.

Чкалов погрозил пальцем.

— Я тебя, тихоня, четвертый день вижу, с утра до ночи за мной бегаешь, а в школу, небось, тебя леденцом не заманишь. Погодите, ребята, начну я от вас задними дворами удирать. Через забор и крыши...

— А мы вас и на крыше поймаем!

— Экие баловники! — сурово произнес он, делая серьезное лицо.

— А почему вы не по-военному одеты? Где ваши ордена? — спросил тот же вихрастый паренек.

— Дома оставил. Сыну.

— У вас такого права нет—ордена оставлять. Я знаю,— уже осмелев, продолжал паренек.

— Ишь ты! Ему даже права мои известны. Ты лучше скажи, на какой яблоне в мамином саду яблоки спелей?

— У чьей мамы, у вашей? — вмешался в разговор другой паренек, стоявший все время поодаль. — Если у вашей мамы, товарищ Чкалов, так в левом углу, вторая от забора!

Чкалов на мгновенье опешил. Потом захохотал. Он смеялся долго, отмахиваясь рукой от одолевшего его кашля и хватаясь за живот. Затем посадил на плечи парня, заграбастал еще двух подмышки, толкнул ногой калитку и пустился бежать к яблоне, крича:

— Живо, орлы! По тропинке! Ко второй с края, в левом углу. Кто быстрей?

Тряхнул старую яблоню и стал накладывать тяжелые яблоки в карманы ребятишкам, приговаривая:

— Молодец ваш дружок. Прав, пострел, прав! Я с этого дерева яблоки тоже обдирал когда-то...

Солнце поднималось медленно из-за зубчатой кромки заволжских лесов, окрашивая холодным розоватым светом ближний бугор, белую колокольню и верхушки лип. Над водой еще лежали синие тени. Но направо, вниз по течению реки, кудрявые заросли тальника на трех братьях-островах

Гусенце, Телятинце и Череповце уже блестели в солнечных лучах.

Эта много раз виденная, знакомая с первых детских дней картина часто возникала в его памяти, как бы далеко его ни забрасывала судьба.

Он пошел к обрыву. Оттуда открывались светлые дали. Медленно проплывал караван судов, ломая прозрачные отражения. Черный дым от мощного буксира повис над Волгой.

В памяти вставало далекое детство, когда он вместе с другими ребятами издали умел безошибочно узнавать название любого парохода по свисткам, по шуму колес, еще задолго до того, как пароход появится из-за острова. Пароходные плицы стучали по-разному — у одних реже, у других чаще. Заслышав их гулкий шум, василевские ребятишки бросались, как горох, в реку, чтобы не упустить удовольствия покачаться на широкой и мощной волне.

В те годы ходили пароходы нескольких обществ: «кашинские» — «Михаил», «Анна», «Матвей», «Верочка», «Аввакум». Это были грязные посудины, на которых перевозили, главным образом, скот. С плотов подростки слышали, как на корме ржали лошади, хрюкали поросята, мычали коровы. Еще грязнее «кашинских» пароходов были «русинские» с двумя большими старинными колесами позади. Сверкая широкими стеклами салонов и ослепительной белизной палуб с удобными плетеными креслами, проходили мимо василевского бугра быстроходные красавицы — «Боярышня», «Дворянка», «Крестьянка», принадлежавшие крупнейшему акционерному «Обществу по Волге». С них доносились по ночам звуки рояля. Купить на них билет жителям Василева было не под силу. «Самолетские» пароходы, отличавшиеся от других своей розовой окраской, обладали легким, быстрым ходом и давали небольшую волну, на которой неудобно было качаться. За это он тогда питал к ним глухую враждебность...

...Днем Валерий Павлович катал василевцев на самолете. На аэродроме собралось очень много народа. После короткого митинга Чкалов зашагал прямо к машине. Первой захватил сестру. Она никогда еще не была в воздухе. Самолет мягко оторвался от земли. Анна сидела и улыбалась. Летели над родными домами. Валерий сделал большой плавный круг над Волгой и стремительно пошел вверх. У Анны закружилась голова, ее начало тошнить. Валерий сразу это за-

метил. Внимательно посмотрел на нее сквозь очки. Машина под его управлением начала терять высоту. После двух кругов пошли на посадку.

Катал Валерий Павлович стахановцев Василевского затона. С ними летел над Городцом. Временами спускался низко. Они видели широкую и сверкающую реку. Вспугнутые самолетом, поднимались с воды утки.

Потом посадил в самолет мать. Ее поднимал особенно осторожно.

Он жалел, что ему не удается подольше пожить в Василеве. Но его ждала Москва. Уехал он в столицу вместе с Ольгой Эразмовной и сыном.

После отъезда Валерия Павловича друзья попрежнему каждый вечер собирались за большим самоваром на веранде в чкаловском доме.

Старик Щипакин рассказывал, как в Катунках Валерий, сортируя стерлядь и распределяя свежий улов между рыбаками, похвалил рыбу:

— Хороша! Кто не едал стерляди, тот ничего не понимает в рыбе. Утверждаю, что лучше волжской стерляди нет другой.

— Потом, — говорил Щипакин, — Валерий Павлович обратился к нам с просьбой.

Старик важно посмотрел на своих собеседников и продолжал:

— Валерий Павлович сказал нам: «Поймаете стерлядь-аршинник — телеграфируйте мне. Прилечу на самолете и живую доставлю ее в подарок товарищу Сталину».

Рассказывал Фролищев:

— А я вот помню, как мы с Валерием Павловичем приехали на машине в детский дом. Детвора его так и облепила. Любят его дети очень. Поговорили с ребятишками, всё осмотрели, сели в машину. Валерий Павлович махнул им на прощанье шляпой, потом, когда мы поехали, обращается ко мне: «Смотри, какие замечательные дети растут... Ничего не боятся, смелые, не робкие, не то, что дети до революции, и никакого детского подхалимства в них не увидишь». Любит он детей, разговаривать с ними умеет. Я вот слышал, как он позавчера затонским ребятам рассказывал про наших летчиков-героев. Заслушаться можно. Зато они, ребятишки-то, так его и зовут: «Наш Чкалов». А когда из родильного дома доч-

ку Лерочку вез на своем автомобиле, сам управлял машиной, руки у него так и дрожали, руль совсем не слушался... Я помню, на вечере в рабочем клубе один подросток спросил Валерия: какая у него мечта? «Моя мечта? Иметь кучу детей. Желательно шестеро. Не меньше».

Наталья Георгиевна переживала свой полет.

— Села с ним, — говорила она Щипакину, — не слышала, как и от земли оторвались, как и опустились. Земля. Вылезайте, пожалуйста, — прилетели. Как хорошо летать-то! А Воле-то больно хорошо!.. Там громко говорить нужно, а я что пойму, что нет. Вот говорит мне: Волга, Волга. А она как речка маленькая кажется... Больно хорошо с ним летать! Я еще с двумя подымалась. Какие-то порывы у тех, так душа в пятки и уходит, а у Воли этих порывов нет...

* * *

13 сентября 1936 года на Щелковском аэродроме перед Вячеславом Михайловичем Молотовым стоял Леваневский и отдавал рапорт:

— Товарищ председатель Совета Народных Комиссаров! Разрешите доложить: перелет Лос-Анжелос — Москва благополучно завершен.

Пилота поздравляли, жали руки. Лазарь Моисеевич Каганович передал Леваневскому приветственное письмо от товарища Сталина.

Чкалов в эти дни напряженно следил за событиями в авиационном мире, которые с необычайной быстротой следовали одно за другим. Только что Москва торжественно встретила Леваневского и Левченко, — Архангельск спустя неделю встречал Василия Сергеевича Молокова, завершившего огромный трансарктический рейс. Валерий с большим уважением относился к Молокову, называл его скромным, неутомимым тружеником Севера, и в его только что законченном перелете видел решение сложной задачи в борьбе за освоение арктических просторов, за могучий дальнейший рост советской авиации.

— Да, ребята, трудный этот год для северных летчиков, Арктика не баловала погодой, — говорил Валерий навещавшим его товарищам, — и подумайте, Василий Сергеевич все же 25 тысяч километров отмахал! Влюблен он в Север.

А чего уж там особенно-то хорошего. Я думаю, ему нравится, что там летчику все время надо быть на-чеку. Каждую минуту жди беды! Вот за это я и люблю Василия Сергеевича. Только больно молчалив: «Мне, говорит, легче в пургу слетать, чем речь держать».

Чкалов любил рассказывать, как Молоков в дни спасения челюскинцев перевез со льдины на материк 39 человек. Размещая их в узком парашютном ящике, подвешенном под крыльями самолета, Василий Сергеевич мастерски взлетал с небольшой льдины и с такой же виртуозностью вновь опускался на нее, чтобы забрать новых пассажиров. А одного, худого, низкорослого, пристроил в кабине у себя в ногах, держа его голову на коленях...

— Ну, и дела! Что ни день, то новость! — не переставал восхищаться Чкалов. — Василий Сергеевич к Баренцову морю летит, а Михаил Михалыч Громов-то — из Москвы в Ленинград и обратно в скоростной рейс — 3 часа 38 минут. Его штурман мне рассказывал, что еле успевал вести записи в бортжурнале. Да, милые вы мои, новые времена наступают в авиации.

В самом деле, 1936 год был годом триумфов советских летчиков и советского самолетостроения. Коккинаки и Юмашев поднимались с грузом все выше и выше, завоевывая рекорды высотных полетов. У них нашлись последователи. Чкалов потирал от удовольствия руки.

— Вот так Кокки! Ну, понятно, — шутил он. — Ему — привычное дело грузы таскать, грузчиком-то спину наломал— восемнадцатипудовые тюки ворочать. Кокки еще покажет!

* * *

После возвращения в Москву Чкалов в течение долгого времени не знал покоя. Телефонные звонки донимали его беспрерывно. Он не успевал отвечать на телеграммы и письма, выступал на многолюдных митингах, рассказывал о полете друзьям и знакомым.

Осенью он слетал в Париж, на Всемирную авиационную выставку. Привез много рассказов. Любил рассказывать о своем конфузе в одном из ресторанов, когда он, сильно проголодавшийся, не зная языка, тыкал пальцем в разрисованное меню, официант с поклоном удалялся, и вскоре оркестр

Экипаж NO-25 в Париже

Наталья Георгиевна и Валерий Павлович в самолете

исполнял какой-нибудь фокстрот или танго, а съедобного ничего не несли: оказывается, он попадал не в самое меню, а в указатель сегодняшнего репертуара джаза.

Но порой с него слетала веселость. Он становился задумчив и серьезен. Не оставляла его постоянная забота, всегдашняя настойчивая мысль. В любую минуту способен он был, оборвав разговор, остановиться, подойти к карте, задуматься и спросить:

— Как думаешь, Егор?

— Думать — одно. Как осуществить?

— Сталин сказал, погоду нужно знать. А кто узнает? Как поверней погоду-то узнать? Может, слетать на разведку к Земле Франца-Иосифа?

— Не сидится тебе, Валерий.

— А что, Егор? Я полагаю так: сначала через полюс, а потом вокруг шарика. А уж после шарика, — поготовимся, приготовимся — да в Австралию махнем.

— Ну и мечтатель же ты.

— Брось, какая тут фантазия. Эх, Егор... ты посмотри!

И рука Валерия тянулась к глобусу.

Новый дальний перелет не давал ему ни спокойно жить, ни спокойно работать.

В конце зимы Егор с Валерием побывали у Климента Ефремовича и заручились его согласием на перелет и поддержкой. Климент Ефремович обещал обо всем переговорить с товарищем Сталиным и членами Правительства.

Настроение у Чкалова заметно поднялось. Друзья начали готовить самолет втайне — «контрабандой», как сами говорили в шутку.

Усиленно готовилась и папанинская четверка, — об этом хорошо знал Валерий Павлович. Тяжелые воздушные корабли должны были вылететь на остров Рудольфа архипелага Франца-Иосифа. Оттуда до полюса оставалось 900 километров пути. Чкалов хотел всячески изучить опыт полярников; его все интересовало: теплая одежда, процесс варки пищи в Арктике, транспортные средства. Он внимательно рассматривал фотографии пушистых лаек, запряженных в нарты.

В подмосковьи шла весна. В редкие свободные дни Валерий с Байдуковым отправлялись на охоту.

«Контрабандные» работы быстро продвигались вперед и,

как казалось Чкалову, «в строгом секрете». Валерий и Егор часто поднимались на своей машине в воздух, испытывая то новую систему обогрева, то мотор, то какой-либо новый прибор. Если на аэродроме спрашивали, для чего готовят машину, Чкалов неизменно отвечал одно и то же:

— Для чего? Просто так... очередной ремонт, — при этом он избегал смотреть в глаза собеседнику.

Однажды Чкалов пригласил Сашу и Егора к себе и торжественно объявил:

— Ребята, начинаем готовиться вплотную. Разрешение на вылет получено.

И он назвал даже срок вылета.

— Да ты, Валерий, проверь. Так это? — начал уговаривать его Байдуков.

Но Валерий вместо проверки уехал на аэродром и там тоже рассказал, что перелет разрешен. Впрочем, через сутки выяснилось, что полученные Чкаловым сведения оказались ошибочными.

Взбудораженный, несколько даже разочарованный, Егор настойчиво выпытывал при встречах:

— Как же это так, Валерий, с нашим делом получилось? Выходит: торговали — веселились; подсчитали — прослезились.

— Потерпи, Егор, полетим, непременно полетим. Не сомневаюсь, — успокаивал Чкалов. — Только боюсь я, как бы не нагорело за нашу «контрабанду».

Друзья Чкалова, помимо подготовки к перелету, были заняты своей постоянной работой. Беляков готовился к традиционному воздушному параду Первого мая. Георгий Филиппович задался целью установить новый советский и международный рекорд скоростного беспосадочного полета с грузом в пять тонн. Беляков принял участие в тренировке. Но в самый полет Москва — Мелитополь и обратно ему пойти не удалось. Самолет, пилотируемый Байдуковым и Кастанаевым, покрыл расстояние в 2002,6 километра за 7 часов 8 минут 11,7 секунды.

Валерий радовался успеху друга.

— Говоришь, средняя — 280 километров 246 метров в час? Молодец, Егор! — похвалил Чкалов Байдукова. И задумался. Он хорошо знал, что, несмотря на достигнутые — большие, казалось бы, — скорости, конструкторы самолетов

и летчики всего мира работают над повышением и этих скоростей.

— Да, Байдуков, авиация — это непрерывные гонки технической фантазии. Сегодня — мировой рекорд; завтра — уже не достижение.

И Валерий попадал на любимую тему о сверхскоростных полетах.

— Мы, испытатели, счастливцы с тобой, Егор. А разве неверно? Садишься первым в кабину и получаешь все удовольствия. И всё же у земли мы зажаты в тиски. Вот в стратосфере бы, Егор... на стратоплане... Тысячу километров в час, а то и побольше!

Наступал май. Эскадра тяжелых кораблей доставила экспедицию папанинцев на остров Рудольфа. Чкалову невольно вспомнилось, как Иосиф Виссарионович прошлым летом говорил, что лететь в Америку через полюс еще рано. Нужно прежде изучить Полярный бассейн и только тогда предпринимать такой грандиозный полет. Теперь, когда вылетела к полюсу папанинская экспедиция, Валерий больше уже не видел возражений против полета. Целыми днями он не выходил из дому, ожидая звонка из Кремля.

Телефон звонил беспрестанно, до сотни звонков в день принимал Чкалов; однако долгожданного звонка из Кремля не было.

Валерий решил уехать за город — поохотиться: еще не прошел тетеревиный ток. Вечером, вернувшись, Валерий узнал новость: в его отсутствие звонили из Кремля... Пораженный и огорченный, он долго не мог заснуть.

Байдуков, услышав о звонке, сердито накинулся на друга:

— Здорово, охотник. Говоришь, «с пером» приехал? Показывай, чего убил-то?

— Какое там, — виновато оправдывался Чкалов, — как ни выстрелю — дробь кольцом около птицы. Ни одна дробинка не угодила.

— И дернула ж тебя нелегкая уехать, Валерий!

— Ну, уж теперь-то я носа не высуну из дома.

Через четыре дня он не вытерпел и решил сам позвонить товарищу Молотову.

— Приветствую. Что скажете хорошего? — услышал он в телефонной трубке знакомый голос.

— Хочу, товарищ Молотов, напомнить о нашем ходатайстве: мы просим разрешить нам лететь через Северный полюс, — сказал он раздельно, нервно заминая левой рукой окурок в пепельнице. Но окурок, как на грех, продолжал дымиться.

— Что, загорелись?

— Мы давно уже загорелись.

— А как у вас с материальной частью?

— Машина готова. Все готово.

— Как все готово? Ведь разрешения нет!

— А мы... на всякий случай... — неуверенно доложил Чкалов, вытирая рукавом выступившие от волнения капельки пота на лбу. Он слышал, как стучало сердце. «А вдруг мы поспешили с подготовкой?» — тревожно подумал он и повторил более уверенно:

— На всякий случай.

Вячеслав Михайлович рассмеялся.

— Хорошо, товарищ Чкалов. На-днях обсудим ваш вопрос.

Валерий осторожно положил трубку. Потом нетерпеливо расстегнул ворот рубашки, широко вздохнул, выбежал из кабинета в комнату Ольги. Она, лежа на диване, читала книгу. Он подхватил жену за талию и высоко поднял:

— Лёлик, летим к белым медведям!

Она, испуганная неожиданностью, смотрела на него расширенными глазами. Лишь когда Валерий рассказал подробно о последних днях, о том, что делал с друзьями всю зиму втайне от нее, чтобы не пугать ее, — она немного успокоилась и, улыбаясь, спросила:

— Что же, и у них жены ничего не знали? Ну, и скрытный вы народ...

* * *

Все мысли были прозрачны и ясны. Предстоящий доклад перед руководителями Партии и Правительства (Валерий знал, что должен уложить свое выступление в несколько минут) он ощущал как некое стройное целое — продуманное, прочувствованное: каждая цифра рождалась в волнениях, горячих спорах, подробнейших обсуждениях.

25 мая Чкалов с Байдуковым поехали в Кремль. Беляков в этот день был в полете.

За длинным столом сидели товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены Правительства. В глубине комнаты стояла модель NO-25, очевидно, преподнесенная Сталину после прошлогоднего чкаловского перелета.

— Что, опять земли нехватает? Опять собираетесь лететь? — спросил Иосиф Виссарионович, здороваясь с Чкаловым и Байдуковым.

— Да, товарищ Сталин, — ответил Валерий, — пришли просить разрешения на перелет через Северный полюс.

— Куда же вы собираетесь лететь? Кто будет из вас докладывать?

— Экипаж — наша прошлогодняя тройка — готов к полету. Самолет также приготовлен...

И Валерий начал излагать свой заветный план. Он так увлекся, что едва не рассказал о том, как прошлым летом, пролетая над Землей Франца-Иосифа, летчики чуть было не решили изменить курс, чтобы лететь через полюс в Америку. Но Байдуков во-время одернул друга. Валерий замолчал. Сталин улыбнулся:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

Валерий перешел к характеристике самолета и, опять увлекшись, начал докладывать об окончании «контрабандных» подготовительных работ...

Байдуков, сильно побледнев, вторично дернул его за пиджак, у Чкалова перехватило горло, он замолчал, но вновь раздался голос Сталина:

— Продолжайте, товарищ Чкалов.

Валерий говорил подробно, отвечал на вопросы присутствующих. Уже более часа длилась беседа, хотя ему казалось, будто он только что вошел в этот зал.

— Так, значит, как у них обстоит дело с машиной? — спросил Сталин одного из руководителей авиационной промышленности.

— Они давно готовы, товарищ Сталин, вот вы слышали... — улыбнулся тот.

Иосиф Виссарионович рассмеялся.

— Да, слышал. Впрочем, я об этом знал раньше.

На душе Чкалова отлегло.

Товарищ Сталин делал пометки в бумагах, затем перебросился несколькими фразами с товарищем Молотовым, с наркомами и вновь начал прохаживаться по кабинету.

Заговорив о полярниках, он заметил, что теперь, наверное, чкаловскому экипажу будет легче лететь через полюс.

— Товарищ Сталин, — пожаловался Валерий, — для нас это хуже: ведь Папанин будет давать с полюса все плохую да плохую погоду... так никогда и не полетишь!..

— Вот тебе и на! Мы думали — будет лучше, а вот оказывается, что для летчиков лучше бы и не делать полета на полюс, — пошутил товарищ Сталин.

Вячеслав Михайлович улыбнулся, взглянул на Валерия. Тот хотел было привести еще несколько убедительных доводов в пользу маршрута, но в это время Иосиф Виссарионович спросил:

— Так вы, товарищ Чкалов, говорите, что выбор самолета правилен? Все-таки один мотор... Этого не надо забывать.

— Мотор отличный. Это ведь доказано, и нет оснований беспокоиться, — ответил Валерий. — А кроме того, — пошутил он, — один-то мотор — сто процентов риска, а четыре — четыреста.

Все засмеялись. Чкалов и Байдуков волновались необычайно. Сейчас будет сказано решающее слово. Иосиф Виссарионович задал еще несколько вопросов. Потом задумался. Помолчав, он тихо сказал:

— Я — за! Но предлагаю обязать экипаж в случае неблагоприятной обстановки прекратить полет в любом пункте Канады. А в случае угрозы экипажу — произвести немедленную посадку.

И повторил, глядя на Валерия:

— Прекратить полет при первой угрозе опасности.

Сердце Валерия сильно забилось. Он мысленно подыскивал слова благодарности, но нужные слова не находились; он подумал, что Байдуков скажет их, но Егор стоял с расплывшейся ребячьей улыбкой на губах и тоже молчал.

Чкалов порывисто пожал Сталину руку.

— Спасибо, товарищ Сталин, за доверие. Мы оправдаем его.

— Зачем же вы меня благодарите, — это я вам должен сказать спасибо, — ответил Сталин.

...Ольга Эразмовна, услышав еще издали, в открытое окно, веселые, возбужденные голоса, выбежала на лестничную площадку. Взглянув на Валерия, она сразу поняла, что

перелет разрешен. Она обрадовалась, и немного грустно ей стало — в одно и то же время. Из этого состояния раздвоенности ее вывел веселый голос Валерия:

— Лёлик, отпусти нам парочку бутылок винца. Выпьем с Сашей и Егором в последний раз, а уж завтра на зельтерскую.

И этот родной голос показался ей таким уверенным, словно не предстояло ничего особенного.

'... — Все будет хорошо, полет не может не состояться, ведь упорство Валерия громадно, — мысленно говорила она самой себе, уже спокойно, без волнения, даже с любопытством рассматривая листы атласа, карты в книгах и фотографии, наваленные беспорядочно между тарелками и рюмками прямо на скатерти.

Ольга была недовольна, что прослушала, о чем несколько минут назад рассказывал Валерий, и теперь старалась понять каждое его слово. Да. Он пролетит над островами Патрика и Землей Бенкса, — глухими и мертвыми местами, — с каким жаром он говорил сейчас об этом! Он направит свой самолет к озерной равнине, сохранившей до сих пор следы древнего ледникового периода. Будет «форсировать» хребты Скалистых гор... Как все это страшно! А здесь все останется на своем месте: и эта тумбочка с цветочной вазой, и рояль с полуоткрытой декой, и Лерочка будет бегать вокруг стола и спрашивать: «Мой папа скоро прилетит?..»

Ольга Эразмовна уже не слышала, как Беляков настаивал на том, чтобы в полете придерживаться более удобного счета времени по Гринвичу, не слышала, как за стеной капризничала Лерочка, не желая ложиться в кроватку, — даже раскатистый смех мужа не вывел ее из глубокого раздумья. Она была захвачена предстоящим событием врасплох.

Была уже ночь. В комнату с улицы все реже врывались автомобильные гудки. Валерий перешел на шопот. Он был уже далеко, где-то над Медвежьим озером, — вот что значит иметь воображение! Она не знала, где это Медвежье озеро, и ей пришла в голову мысль, что, где бы оно ни было, хорошо бы с Валерием над ним пролететь. Но она тотчас же отогнала эту нелепую мысль, хотя ей стало даже немного весело от того, что она могла так подумать.

— Я прилягу, Валерий, — сказала она, стараясь казаться бодрой.

Он удивился:

— Так рано?

«Он ничего не понимает», — подумала она. Он встал из-за стола и, ласково посмотрев ей в глаза, взял ее за обе руки.

— Посиди с нами. Ведь завтра...

— Уже завтра? — перебила она. — Я думала...

— Ну, да. Вот и Егор говорит...

— Завтра.

— Но ты же будешь навещать нас в Щелкове, как в прошлый год? Ведь верно, Егор? Вот Егор подтвердит, что пора, Лелик.

Она кивнула головой.

— У тебя новая прическа, — заметил он, не выпуская ее рук и продолжая смотреть ей в глаза.

Ольга Эразмовна промолчала.

— Сын спит? — неожиданно спросил он, — ну и отлично. В самом деле, время позднее. Пора, ребята, расходиться.

* * *

На следующее утро друзья уехали в Щелково. Ольга Эразмовна редко стала видеться с мужем. Приезжать в Москву ему было некогда, навещать же его она не решалась: не хотела отрывать от работы. Иногда они разговаривали по телефону, а однажды ему даже удалось провести день дома. Его привязанность к семье была трогательна, разлуку он переживал так остро, что за большими делами и хлопотами дня в Щелкове не упускал случая подробно расспросить каждого, кто его навещал, о том, что делается дома.

Шофера, приехавшего навестить его, он первым делом спросил, не скучает ли Лерочка и как прошли экзамены у Игоря.

Шофер застал Валерия Павловича на песчаном отлогом берегу, где тот грелся на солнышке после купанья.

— Скоро полетите, Валерий Павлович? — спросил он.

— Должно быть, так. Пойдем, Филипп Иванович, под елку. Посидим, погуторим.

Шофер протянул сверток с фруктами и бутылкой виноградного вина.

— Откажусь, Филипп Иванович, не серчай, — сказал

Валерий, рассматривая марку вина на бутылочной этикетке.— Слетаю в Америку, все свое ворочу.

Шофер приехал не один. Он расстался на пути с девушкой, с которой условился провести день вместе. И теперь волновался, как бы не опоздать. А Валерий Павлович, против обыкновения, был сегодня разговорчив и не хотел так быстро расставаться с ним.

— Чем же тебя угостить, Филипп Иванович? Ты пойди искупайся, а я тем временем на аэродром съезжу, пообедаю, врачи у меня строгие, беда! Кстати и тебе гостинец привезу.

И Валерий направился к автомобилю, стоявшему в стороне. Вернулся он часа через два, чем-то недовольный, с большим кульком в руках.

— Насилу отпросился у врача. Больно сердитый этот народ. Вот уж верно говорили в старину: будь здоров, избегай докторов. Ладно. Мне бы только вылететь. Распечатывай, Филипп Иванович. Небось, проголодался?

Шофер, закусывая, думал о девушке, которая уже третий час ждала его на лесной опушке. Валерий лежал с ним рядом на траве, подложив руку под голову. Потом он вытащил из кармана наклеенную на полотно узкую длинную карту, аккуратно развернул ее и, водя по ней пальцем, стал рассказывать:

— Вот, смотри, самая трудная часть пути: полюс — Канада. Места пустынные, ох, какие безлюдные, Филипп Иванович... А вот здесь, в долине реки Фрезер, мы должны пересечь железную дорогу, первую после того, как пройдем в районе Архангельска над советской магистралью. Дальше начнутся Соединенные Штаты...

Он замолчал и посмотрел в лицо шофера.

— Ты что такой задумчивый?

Тот не ответил.

— Кушай, Филипп Иванович, кушай, — угощал Чкалов, извлекая из свертка апельсины, бутылки с нарзаном и жареную курицу.

Минут через десять Валерий встал и, отряхивая с брюк мелкие иголочки ели, внимательно взглянул в глаза своего собеседника.

— Ну, пойдем, Филипп Иванович. Я вижу, тебе домой пора. Погоди, я тебя провожу немного.

Машину повел сам Валерий. Он развернул ее на широком

месте, набрал скорость. Валерий любил быструю езду. Минуя железнодорожный переезд, где-то среди березок оба они почти одновременно увидели девушку в сиреневом платьи. Она приветственно махала платком. Валерий, догадавшись, резко затормозил и громко рассмеялся.

— Ага, понятно, в чем дело.

Он вылез из автомобиля, крепко пожал на прощанье руку шофера.

— Ну, поезжайте на машине, гуляйте, ваше дело молодое...

III

Солнце давно утонуло в океане, и далекий берег представлялся как огромное скопление островов, похожих на финские шхеры. Сквозь влажную пелену еле проступали убегающие в даль угрюмые кряжи.

Байдуков увеличил в кабине освещение, проверил количество бензина в баках, затем выключил лампы. Фосфорическим блеском засветились бесчисленные стрелки и циферблаты приборов. Работало радио. В наушниках неслись американские фокстроты и танго. Валерий и Беляков спали.

Самолет шел в облаках, в ледяной крупе на высоте 4 500 метров.

Утомленный Байдуков закурил. Огонек папиросы совсем по-домашнему осветил на мгновенье стекло кабины.

Над бодрствующим пилотом, над Тихим океаном спустилась ночь. Вышла луна, потом она осела к горизонту, окрасилась в красный цвет. Стало темнее, но зато проступили яркие звезды. Байдуков сразу нашел прозрачную каплю Полярной звезды, потом — Арктур. Валерий изредка просыпался, поглядывая в окошко кабины.

Далеко позади оставались Ледовитый океан и Северный полюс — дрейфующее ледяное поле с Иваном Дмитриевичем и тремя его друзьями. С каким волнением приближались летчики к ним, но так и не увидели черной палатки в белизне арктической пустыни: хлопьями валил мокрый снег.

Эрнст Кренкель безотрывно дежурил на льдине, следя за чкаловским перелетом. Иногда слышимость исчезала — са-

молет, работая на коротких волнах, попадал в мертвые зоны.

— Вот-вот будет над нами. Уже на полпути от острова Рудольфа к нам, — взволнованно сообщил Эрнст Теодорович. Вскоре явственно послышался шум мотора. Возбужденный Папанин выскочил из самодельного ледяного камбуза. Хоть бы одну газету или письмо из дому сбросил им Чкалов! Они их так ждали. Но самолета не было видно, он шел поверх облаков. Гул мотора становился все тише, над полюсом снова наступил покой...

...Восток розовел медленно, из-за горизонта появлялся Юпитер.

Байдуков увидел облака, освещенные заревом восхода. Казалось, что вдали высится огромный зубчатый хребет.

Пурпуровая полоса светлела. Чкалов приподнялся с собачьей шкуры.

— Смотри, Егор, огни какого-то города... — Голос его хрипел.

Америка в те дни жила не совсем обычной жизнью. Маленькие люди, рядовые метеорологи и радисты в Пойнт Барро, Номе, Фербенксе, Энкорэдже, Джюно, Кечикене, Сиэттле и канадской «Роял» посылали в эфир сводки, принимали с самолета сообщения. Они работали совершенно бескорыстно, не рассчитывая ни на славу, ни на гонорары. Иногда из пятнадцати — двадцати пунктов только два-три принимали сносно радиограммы с самолета. Тогда радисты этих пунктов — немедленно — и притом бесплатно — передавали содержание радиограмм в другие пункты. Их интерес к перелету был искренен и огромен.

Журналисты самых разнообразных газет то и дело справлялись в советском консульстве о ходе перелета. «Сан-Франциско Кроникл», «Нью-Йорк Таймс», «Лос-Анжелос Таймс», «Колорадо Ньюс» — все газеты помещали широкие информации, снимки, карты трассы; все остальное отошло на второй план.

...День в Вашингтоне был душный и жаркий. Особняки, бульвары, роскошные парки, запахи раскаленного асфальта, газолина летели навстречу развивающему скорость линкольну. Советский полпред очень спешил. Только что пришла правительственная телеграмма: Чкалов полчаса тому назад оторвался от Щелковского поля.

На аэродроме полпред пересел на самолет и вылетел в Сан-Франциско. Погода была отвратительная, в Питтсбурге он застрял, с рассветом полетел дальше.

В Сан-Франциско всю ночь усталый полпред просидел в кресле, в большом зале консульства, отвечая на бесчисленные вопросы журналистов.

Для летчиков уже были приготовлены две комнаты наверху. Он предполагал, что они приземлятся в Оклэнде.

На рассвете 19 июля Чкалов перелетел Северный полюс. Потом вдруг всякая связь с самолетом пропала. Полпред волновался.

Волновался и генерал в отставке Вильям Гильмор—председатель Национальной аэронавигационной ассоциации. Ему поручено было зарегистрировать дальность чкаловского полета. Генерал очень любил рекламу и боялся, что газеты уделят ему недостаточно внимания.

Подвечер в консульство поступило сообщение из Канады: там видели самолет, но был ли это чкаловский — никто не мог уверенно сказать.

Прошло еще двенадцать часов мучительного ожидания.

Полпред, по американскому обычаю, объехал всех нужных людей, сделал визиты мэру, представителям города.

В кухне консульского особняка повар поминутно поднимал крышки с кастрюль и шипящих сковородок, он очень опасался, как бы что не пережарилось, не переварилось к прибытию трех пилотов. Их ожидали сегодня, еще до полудня.

Следующая весть пришла от береговой охраны. Заметили моноплан, летящий над океаном, но самолет повернул куда-то в сторону от материка.

Следовательно, во всяком случае, летчики благополучно пролетели Канаду, не застряв в малообитаемых местах. Полпреда немало беспокоила эта возможность. Точно какая-то тяжесть свалилась с его плеч теперь. Единственное, что смущало: почему повернул самолет?

Полпред дернул за шнурок тяжелую шелковую штору. Розовое, ослепительное калифорнийское утро смотрело в окна.

Постоянно поглядывая на часы, полпред шагал по ковру.

Мягко зазвонил один из телефонов. Сообщили, что чкаловский экипаж пролетел Портлэнд и идет сюда, к Сан-Франциско. Полпред весело обратился к присутствующим:

— Сейчас мы увидим Чкалова.

Но спустя несколько минут дежурный американский офицер передал по телефону, что самолет снова повернул назад.

— Что же это означает? — в недоумении произнес полпред и опустился в глубокое кожаное кресло.

* * *

Летчики, овладев техникой американских маяков, уверенно шли на Сиэттль. В наушниках Байдуков слышал ровный, мелодичный тон, повторяющий звук «А».

Валерий тоже надел шлем с наушниками. Кто-то быстро и монотонно бормотал по-английски.

— Вот и пойми!

Впрочем, вскоре он успокоился, так как услышал гуденье, прерываемое позывными.

— Ага, есть! Идем в зоне маяка. Точка, тире. Вещь в хозяйстве подходящая.

Беляков неожиданно поразил командира, написал официально на клочке: «Горючее на исходе».

Плечи Валерия в тяжелой, на меху, куртке чуть вздрогнули.

— Быть не может!

Он приник к стеклу прибора; затем сразу с силой повернулся всем корпусом к своим спутникам:

— Хватит до самого Сан-Франциско. И дальше. Не волнуйтесь, ребята. Видите, показывает пятьсот килограммов.

Но вскоре его охватило сомнение. Откуда взялись эти лишние килограммы? Может быть, инженеры в Москве влили больше и ничего не сказали в спешке? Или счетчик врет? Что думает по этому поводу Беляков?

— Вот тут и поломаешь голову. А ну-ка, Саша, дай карту!

Он долго рассматривал ее. Уже промелькнул Портлэнд с многоводной рекой Колумбией, проплыли какие-то покрытые темным лесом холмы, когда самолет вновь полез вверх, в облачную мглу.

Взгляд Чкалова опять остановился на расходном баке. Уровень бензина быстро понижался. Что за чорт? Неужели горючее, действительно, подходит к концу?

Валерий не хотел верить этому. Он покачал насосом. Тщетно.

— Вхолостую, — рассердился он. — Егор, поворачивай назад, к Портлэнду.

Байдуков обернулся, на лице его блестели свежие капельки дождя.

— Карту, самую подробную, — попросил он.

Чкалов передал карту и высунул голову из окна. Навстречу неслись клочья тумана. Они цеплялись за концы крыльев, отрывались и таяли в голубых просветах неба. Егор полого снижал машину.

— То-то, — процедил сквозь зубы Валерий, вглядываясь в сочные луга и знакомые очертания города. На его коленях лежал раскрытый справочник с фотографическими снимками американских аэродромов. — Вон мосты, фабрики. Река Вильяметта. Портлэнд. Несомненно.

Сразу же бросилось в глаза необычное скопление автомобилей, вереницами ползущих по мокрым дорогам. Но где же аэродром? Узкая зеленая полоска тянулась вдоль реки. Это и есть аэродром? Никаких посадочных знаков. А это, кажется, ангары? Вот она, Америка, какая!

Быстро определив размеры аэродрома и разобравшись в подходах к нему, Байдуков заложил вираж. Верхушки деревьев надвинулись зеленой массой на красное крыло моноплана. Промелькнуло болото.

— Газ, Егор! — крикнул Чкалов. — У самого края сажай.

Он опасался, что самолет угодит в забор или попадет на запаханный участок поля. Но машина уже плавно коснулась земли и быстро бежала по примятой утренним дождем траве, слегка потряхивая длинными крыльями. Остановились метрах в двухстах от границы аэродрома.

— Сели. Земля. — Эти два слова Чкалов произнес тихо, но едва сдерживая радость. — Вот она, Америка...

Никто не отозвался. Его друзья молчали. Егор, у которого глубоко ввалились сухо блестевшие, воспаленные глаза, открыл люк. Душный, влажный воздух ворвался в кабину. Егор глубоко вздохнул и положил усталую голову на штурвал; дотронулся рукой до сердца: оно сильно билось. Беляков неторопливо укладывал в портфель карты.

— Саша! Сели! — громко крикнул Валерий, бросившись к окошку.

Штурман попрежнему невозмутимо убирал с деревянного столика треугольники, циркуль и остро отточенные карандаши.

— Ребята, как хотите, а я полез.

И с этими словами Чкалов выбрался через горловину и, придержавшись руками за скользкий борт, прыгнул на землю. Он огляделся вокруг и закурил. Ни души. Еще раз огляделся. Нет, на аэродроме были люди. Они бежали издали группами и в одиночку. Первым подбежал светловолосый солдат, затянутый во френч с узенькими погонами. Солдат вытянулся во фронт и отдал честь.

— Здрастраши.

Чкалов не понял.

— Ждрастраши, — повторил юноша, тяжело дыша от бега.

Валерий улыбнулся:

— Понятно. Здравствуйте.

— Ждрастраши. Джордж Козмецкий.

— Стакан воды! — глухо попросил Чкалов.

— Ай донт андерстэнд...

— Пить, пить, — Чкалов пальцем указал на рот.

Козмецкий кивнул головой и с улыбкой протянул раскрытый портсигар.

— Не то. Ну, ладно. Потом договоримся... Тогда — колодку под колеса. — Он сделал рукой вращательное движение.

Кто-то — уже начала собираться толпа — понял просьбу и побежал за колодкой.

Толпа увеличивалась.

К аэродрому длинной цепочкой двигались сотни автомобилей. Чкалов увидел женщин в ярких туалетах и с раскрытыми зонтиками. Они с любопытством осматривали его. Вдруг толпа расступилась. Появился высокий сухощавый военный с седой головой. Кто-то крикнул по-английски: начальник гарнизона! От пестроты впечатлений в утомленных глазах Чкалова рябило. Спустя мгновенье он увидел элегантную блондинку. Издалека протиснувшись сквозь толпу, она смело подошла к Чкалову и спросила на ломаном русском языке:

— Вы женаты?

Он опешил, потом невольно рассмеялся, показывая на свой самолет.

Вся высота отсчитывалась от нач. давления 750 м/м
С 15 40 Чкалов шт. Байдуков
до 19 25
с 19 25 Байдуков 22 50-

Число 19 месяц Июня год ____ Вахта | Летчик Чкалов | Штурман Байдуков

Место или название	ВРЕМЯ: Гринвическ. среднее GMT	Путевое ф/р	КУРСЫ: КК	Девиац.	МК	Склонен.	ИК	Снос	Факт. ИПУ	V Возд скорость к/ч	W Путевая скорость к/ч	H Высота м	ИК по солнечн. компасу	tн	ВЕТЕР: Ист. напр. (куда)	Скорость к/ч	Обороты мотора	Положение высотного корректора	Показание бензосчетчика	ЗАМЕТКИ В ПУТИ
Пире Поинт	16 15	45/	125					0	180°	156/	183		180							
	16.37											2700		0°			1580		9125	д. метр 8.0 у клапана 4.5 t подогрева 18° Чкалов
р Андерсон	17.00												Облака до H = 3000.							Беляков отдыхает
			Антициклон. Облаков почти нет										На горизонте [illegible]							
	19.00		143-3 ИК		138°	42	180°			145/		3050		0°			1480		9383	д. метр 0.8, у клапана 5.5 t подогрева +20°
рек. Больш. Медвежья	19.25	3.10	130	0	130°	42	172				165		Поравнялись [illegible] реки							525 км за 3.10 м
Всё, начиная пом.			21 + 18.25 = 42 мин 25																	
р Мекензи	20.05	поворот	Обходим слева облака КК 195°									4400		−15°					9511	пересекли Мекензи
												5700								
	21.42	предельная [illegible] КК = 180–200 ск = 35° ИПУ 215											240°	1/0	67° (нет пузыря).					
речка	22.20	внизу горы без снежного и [illegible] со снегом											Над ними мощные		Cu №6		8-10б			слева циклонич. облачность до 7000 м
Еле перевалили облака на высоте 5300 м. Кислород на исходе															у меня осталось					20 атмосфер т.е. на 1 час
	22.35	река в которую на 230° ИК, долина										5150.	выбрасываем воду							
	22.50	— обнаружилось, что в водяном бачке											нет воды		Вода в шланге замерзла.					
	23.45	высота 6000 бреем по верх облаков, просвет											нет, еще надо идти почти							1 час чтобы выбраться на побережье.
	23.55	высота 6100 м но облака еще выше								130/			Началась слепой полет — Байдуков)							
																	1750			

Страница из бортового журнала самолета NO-25

— Все мы!

Байдуков с Беляковым продолжали, между тем, сидеть в кабине. Они собирались наблюдать, как будет Валерий с помощью жестов и мимики объясняться с американцами, и очень удивились, услышав через окошечко голос командира. Валерий постучал ладонью по обшивке фюзеляжа.

— Ребята, хватит сидеть, вылезайте. Начальник гарнизона генерал Маршалл приглашает вас к завтраку.

Байдуков и через некоторое время Беляков, все возившийся с уборкой, выбрались на землю.

Моноплан со всех сторон окружили фотографы и репортеры.

«Откуда их столько набралось?» — подумал Чкалов.

— Это вам, ребята, не остров Удд, — сказал он. И с удивлением заметил, что только теперь, внезапно, наступила сильная усталость. Он готов был растянуться тут же на свежей траве, усыпанной бусинками утренней влаги. Но фотографы, забегая спереди, сбоку, настоятельно просили его принять любую, какую ему заблагорассудится, позу у самолета. Он стал посреди двух своих друзей, накинув на плечи кожаную куртку; в глазах его стоял блеск, от небритых щек лицо казалось худым.

Он вдруг обернулся, услышав русскую речь. Мужчина средних лет в клетчатой кепке и неимоверно широких брюках переводил вопрос журналиста:

— На какой средней высоте вы летели?

Он охотно ответил:

— От четырех до пяти тысяч метров. Иногда свыше шести тысяч.

— Еще вопрос: представитель «Сан-Франциско Кроникл» интересуется: какова была погода во время перелета?

— Самая хорошая — над Баренцовым морем, неплохая — в районе Земли Франца-Иосифа, отчасти и над полюсом, далее — в районе Патрика.

— У-ух, жарковато! — перебил Байдуков, сбрасывая куртку.

Чкалов засмеялся:

— Да, Егор, положение наше забавное.

Представитель газеты насторожился.

— Что? Что он говорит?

Человек в клетчатом костюме перевел вопрос.

— Я говорю, — ответил Чкалов: — в куртках и нерпичьих сапогах жарковато, а вязаное шелковое белье наше не совсем подходящий костюм, чтобы щеголять в нем по Америке.

— Простите, еще вопрос: как вы питались в пути?.. «Сан-Франциско Кроникл» интересуется: каковы ваши планы?

Журналисты быстро записывали ответы Валерия в блокноты.

— Еще минуту: «Лос-Анжелос Таймс» спрашивает: сколько лет вы летаете?.. А как обстояло дело с радиосвязью?.. «Колорадо Ньюс» знает из ваших радиограмм, что самолет, пройдя полюс недоступности, обледенел. Как растаял лед?.. Еще вопрос...

Чкалов вытер со лба пот.

— Может быть, потом?.. Мы немного устали...

— В таком случае журналисты просят у вас автографы на память.

Со всех сторон к летчикам потянулись руки, в которых мелькали блокноты и автоматические перья самых различных систем и расцветок.

Расписавшись широким почерком в последнем блокноте, Валерий обхватил своих товарищей за плечи.

— Ну, пошли, ребята, генерал предлагает свою квартиру. Ей-богу, пора побриться и отдохнуть.

— А может быть, в таком виде нам лучше в гостиницу? — предложил Беляков.

Но в эту минуту снова появился генерал. Установив около самолета караул, генерал Маршалл усадил летчиков в автомобиль и быстро повез их в свой дом.

* * *

Долго звонили телефоны в приемной советского консульства в Сан-Франциско. Сообщения о местонахождении самолета были противоречивы.

Полпред заканчивал завтрак, когда ему доложили, что в приемной его ожидают русские переселенцы-молокане. Он спустился в зал и застал там человек десять сектантов.

Отцы и деды этих людей эмигрировали в Америку из царской России. Полпред давно уже привык к своеобразному виду молокан, ему часто приходилось встречать их. В Кали-

форнии были когда-то русские посты, до сих пор существуют в Америке города, носящие русские названия, например: Севастополь, Москва, Петербург, Одесса.

Молокане пришли с просьбой передать трем пилотам, чтобы те обязательно побывали у них в Чередане, в Русской Горке и Санта-Роза. Они угостят их пирогами и настоящей куриной лапшой.

Полпред обещал передать их просьбу. В это время опять зазвонил телефон. Полпред снял с рычага трубку.

— Что? В Ванкувере?

Он немедленно соединился с Ванкувером и через несколько минут услышал приятный низкий голос:

— Чкалов.

— Здравствуйте, товарищ Чкалов.

— Докладываю — задание Правительства выполнено. Нам было приказано перелететь полюс и сесть на американском континенте. Сталин сказал, достаточно, если сядем в Канаде. Мы прилетели в Соединенные Штаты.

— Поздравляю. Что думаете сейчас делать?

— Просим сообщить в Москву. А мы будем приводить себя в порядок.

Полпред попрощался, добавив, что немедленно вылетает в Ванкувер.

* * *

Генерал Маршалл представил жене своих гостей — чиф-пайлота Чкалова, копайлота Байдукова, нэвигейтора Белякова — и провел их во второй этаж, где им был предложен завтрак.

Прежде всего все трое стянули с себя теплую одежду. Только тогда уже уселись в отведенной им комнате за стол.

После завтрака приняли ванну, побрились. Вскоре раздался стук в дверь. Вошел переводчик.

— Кого-нибудь из экипажа просят к телефону. Из Москвы.

— Вот это здорово! — произнес Валерий восторженно. — Оказывается, Москва совсем близко. Ну, что же, отрядим для разговора тебя, Егорушка.

Байдуков волновался. Чкалов слышал через дверь, как он передавал от имени экипажа благодарность и привет товарищу Сталину, Правительству.

— Нас обнимают, шлют привет, — говорил Байдуков, возвратившись в комнату. — Шлют поцелуй московские телефонистки. Всему экипажу, а мне особенный как самому молодому.

— Все это хорошо, ребята, но мне, честное слово, не до шуток. Я все думаю, как мы будем щеголять в одном белье по Америке, — сказал Чкалов, ложась на свежую простыню военной походной кровати.

В дверь опять постучали. Появился генерал с тремя халатами в руках.

— Нехватает самого малого в нашем туалете — брюк, — весело констатировал Валерий, когда генерал покинул комнату.

Через некоторое время генерал вернулся с пятью-шестью штатскими костюмами на выбор.

— Копайлот Байдуков, извольте примерить! — сказал Валерий повелительным тоном.

Егор долго упрямился, наконец, влез в пиджак — и утонул в нем.

— Ложись-ка лучше спать, Егор! Тебе еще подрасти надо, — проговорил Чкалов, покатываясь со смеху. — Вот Саше впору будет!

Но даже Белякову, самому высокому из экипажа, пояс генеральских брюк свободно доходил до подбородка.

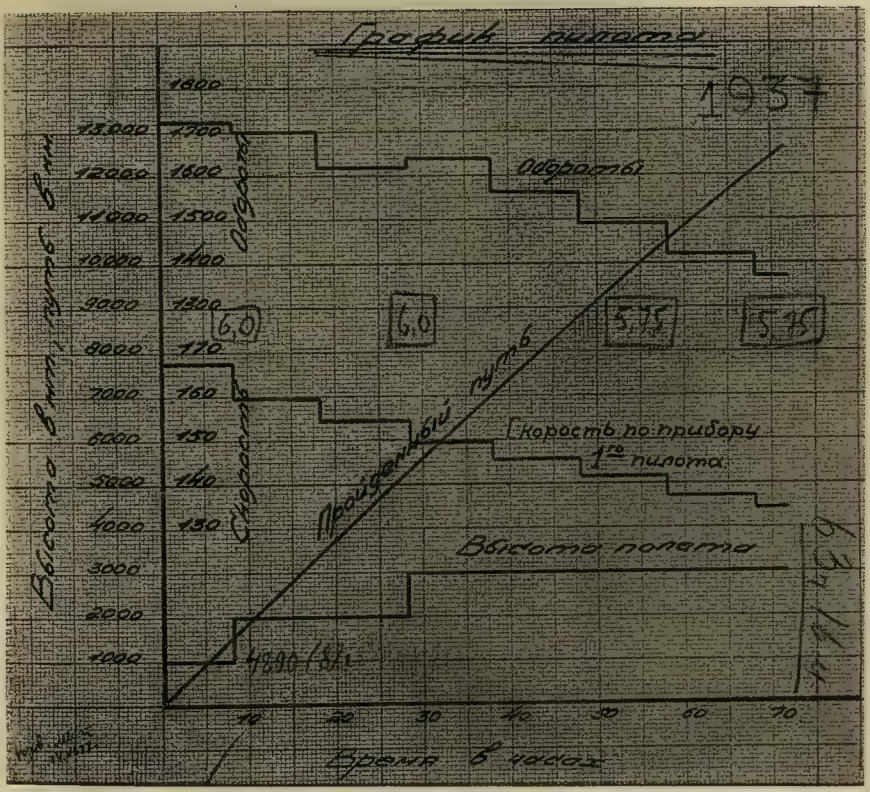
Еще раз послышался стук в дверь. Но друзья уже не отозвались, они засыпали.

Первые секунды они еще смутно слышали какой-то шорох, чьи-то шаги, потом все сразу исчезло.

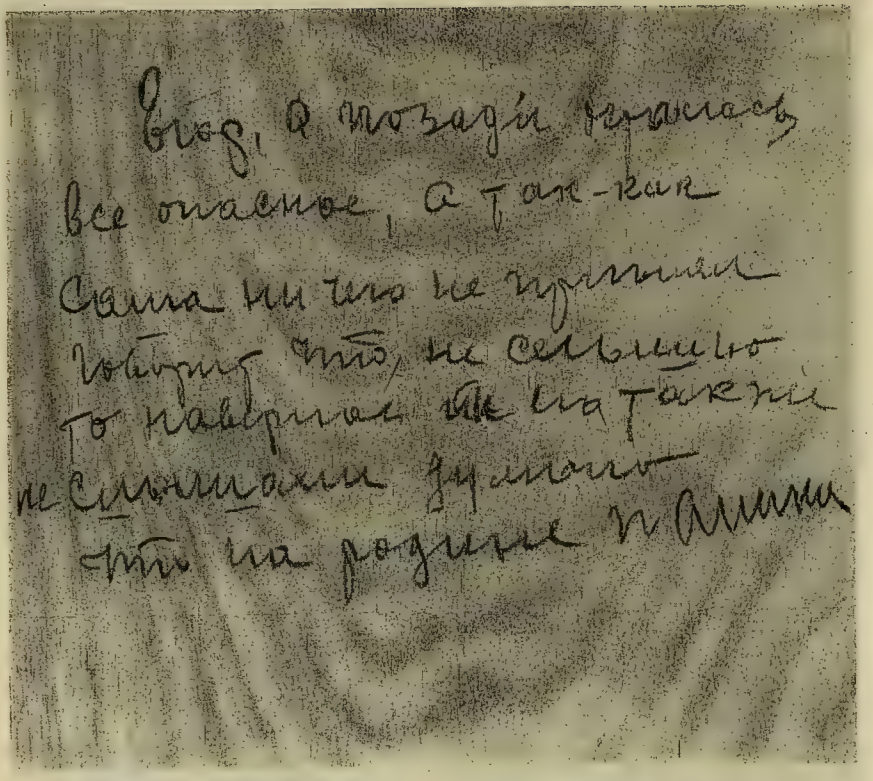
* * *

В доме генерала полпред застал большую суматоху. В вестибюле толпились жители Ванкувера, фотографы, военные. У генерала кружилась голова. Не успел он дать распоряжение относительно меню обеда, как к нему подошел адъютант и попросил выслушать доклад о подготовке к завтрашнему параду в честь троих летчиков. Генерал выслушал, спустился в первый этаж — и не узнал своего вестибюля.

Вдоль стен стояли наготове киноаппараты с юпитерами. Радисты прилаживали микрофоны. Весть о посадке облетела



Дощечка с графиком, которым пользовался чкаловский экипаж в полете через полюс



Надпись на обороте дощечки с графиком, сделанная Чкаловым при пролете над Землей Бенкса

мир с молниеносной быстротой. Расторопные мессэнджеры агентства «Уэстерн Юнион» то и дело приносили поздравительные телеграммы. Белокурая, кокетливая мисс Маршалл, дочь генерала, поправляла прическу перед зеркалом. Миссис Маршалл уже переоделась в светлое платье и за большим круглым столом угощала журналистов коктейлями и рассказывала, как познакомилась с летчиками.

— Они недавно уснули?

Миссис Маршалл кивнула головой.

— Что сказал чиф-пайлот Чкалов?

— Чиф-пайлот Чкалов сказал буквально: «Спасибо за встречу, я счастлив, но несколько недоволен, что не долетел до Сан-Франциско, — и очень устал». Он очень мил.

— Откуда вы родом, миссис?

Кэтрин Маршалл гордо подняла седеющую голову.

— Я прибыла в Ванкувер из Чикаго прошлой осенью. Родом я из Балтимора, лично знала Валлис Уорфилд.

Она имела в виду будущую герцогиню Виндзор.

Генерал Маршалл, очень высокий, худой, угловатый, встретил полпреда в своем кабинете.

— Весьма рад, — сказал он, приглашая садиться. — Я, господин посол, опустошил все свои гардеробы, ничто не подошло. Сейчас должны приехать из портлэндского магазина и привезти костюмы.

— Летчики спят?

— Да, но, может быть, пора будить? Признаюсь, я немного озабочен. Беспрерывные телефонные звонки. Журналисты, операторы, радисты. Никто не дает прохода. Америка хочет видеть русских летчиков на экране, слышать их голоса. — Он показал рукой на окно.

Полпред приподнялся в кресле и увидел пеструю толпу, собравшуюся перед террасой. Яркие пятна раскрытых зонтиков колыхались на фоне свежей зелени пихт и кедров.

Генерал проводил полпреда через анфиладу комнат к небольшому залу. Посол приоткрыл дверь. Летчики крепко спали.

Первого попробовали разбудить Чкалова.

В ответ на все попытки последовал лишь глубокий вздох, и Чкалов повернулся лицом к стене.

«Однако нелегкая задача», — подумал полпред, улыбаясь, и энергичнее дотронулся до плеча Валерия.

— Уже три часа... Вас ждут... — громко сказал он.

Храп сменился бормотаньем. Чкалов натянул на лицо простыню и зарылся головой в подушку.

Полпред направился к постели Байдукова.

Но копайлот даже не пошевельнулся. Пришлось снова подойти к изголовью Чкалова.

Наконец Валерий сильно потянулся, раскрыл глаза. Он сразу же сбросил с себя простыню, вскочил:

— О! Товарищ Трояновский! Наконец-то мы с вами увиделись!

Они расцеловались. Им никогда до этого не приходилось встречаться. Но тут Валерий в лице полпреда видел первого родного, советского человека на американской земле.

Не сразу разбудили Белякова, очень долго провозились с Георгием Филипповичем; Валерий пояснил:

— Этого из пушки не разбудишь.

Из ванной комнаты Чкалов вернулся в халате генерала. Длинные волочащиеся полы он засунул за пояс.

— Уж не представляю, как нам дальше быть, товарищ посол... насчет туалетов наших...

Полпред вышел посоветоваться с генералом. К своему удивлению, в соседней комнате он нашел целое отделение универсального магазина. Там были разложены костюмы гладкие, в полоску, с искрой, белье, воротнички, ботинки, туфли с пряжками, туфли с пуговицами, туфли со шнурками, шляпы, носки, галстухи, запонки.

Полпред вернулся в комнату и предложил:

— Пожалуйте, товарищи, одеваться.

Вскоре все трое были одеты.

Валерий сделал несколько шагов по комнате. И тут обнаружилась в Чкалове еще одна новая черточка: он носил костюм, галстух совершенно безупречно, строго и элегантно, так, что ему позавидовал бы не один заправский дипломат. Переодевшись по американской моде, он сразу же вошел в окружающую обстановку, сразу же нашел верный тон в обращении с людьми, которых он видел впервые. У него начиналась «дипломатическая работа» по представительству своей великой страны.

Гостей попросили в столовую. «Рашен флайерс» [1], восполь-

[1] Русские летчики.

зовавшись присутствием всей фамилии Маршалл, высказали благодарность генералу и его жене за гостеприимство, с которыми их встретили здесь. Чкалов мило улыбнулся мисс Маршалл, сказал ей комплимент, сел. За круглым столом, заставленным хрусталем, самого разного рода коктейлями, закусками, вазами с фруктами, Валерий Павлович выпил традиционный американский глоток холодной воды, закусил кусочком дыни «канталоп» и начал отвечать, пользуясь посредничеством полпреда, на сыпавшиеся со всех сторон вопросы.

Его слушали внимательно. В перерыве между двумя тостами он сфотографировался с хозяином. Всепобеждающую роль рекламы на американской земле он схватил сразу же, он понял, насколько это важно для генерала, и в дальнейшем разговоре с журналистами старался всячески отметить участие генерала Маршалла в приеме пилотов.

Во время обеда принесли телеграмму от Рузвельта. Президент, несмотря на воскресный день, когда государственная жизнь в Америке замирает, поздравлял русских летчиков. Через несколько минут пришла телеграмма от государственного секретаря США Хэлла. Со стола еще не успели убрать суп, как прибыла целая пачка новых телеграмм со всех концов Америки.

Обед кончился. Полпреду передали еще одну, только что полученную, телеграмму. Он быстро распечатал ее. Она состояла из русских слов, напечатанных латинским шрифтом. Телеграмма была от товарища Сталина.

Валерий Павлович стоя слушал замечательный текст. С величайшей радостью и гордостью смотрел он на двух своих друзей.

Стоявшие в стороне хозяева едва услышали, как он тихо произнес что-то, обращаясь к Байдукову и Белякову.

В своей комнате, опустившись на походную кровать, он задумчиво произнес, договаривая ту мысль, которая у него возникла при чтении телеграммы товарища Сталина:

— Эх, ребята... Ведь нашим полетом мы только начинаем потихоньку платить свои долги Родине, народу...

И вдруг встал, заспешил:

— Ребята, давайте составим сейчас же ответ товарищу Сталину. Пиши, Егорушка.

Байдуков быстро составил ответный текст.

Валерий перечитал внимательно, несколько раз, и подписался.

— Эх, Байдук! Всего, брат, в телеграмме не скажешь, да и ты скуповат — мало написал.

Он подошел к подоконнику. Накрапывал дождь. День клонился к концу, когда летчики вместе с полпредом и хозяином дома вышли на балкон. Там уже были установлены микрофоны.

В своем обращении к американскому народу Чкалову предстояло рассказать о перелете. И он это выполнил блестяще.

Кругом суетились кинооператоры. Вспыхивали юпитеры. Толпа перед балконом росла. В руках мужчин взлетали шляпы. Пестрели разноцветные раскрытые зонтики. Гремели оглушительные аплодисменты. Американский народ приветствовал героев криками:

— Ур-рэй, ура!

Валерий Павлович с балкона хорошо видел кедры, газон и цветы на клумбах, а дальше колыхалось море человеческих голов. Он смотрел вдаль и думал, что всего каких-нибудь пятнадцать часов назад их самолет висел над океаном, по черному небу бежали три ярких точки — их бортовые огни, совсем недавно был он в другом полушарии, в редкие свободные минуты, накануне вылета, бродил в березовой подмосковной рощице, уединялся, чтобы еще что-то обдумать, не забыть. А незадолго до этого стоял на василевском бугре и любовался Волгой.

Американские кедры, конечно, мало походили на василевские леса, река Колумбия также не была похожа на Волгу. Но душой он был там, в Москве; его голос слушала сейчас Родина, друзья, Ольга, Игорь...

К микрофону подошел Байдуков. Последним говорил генерал Маршалл. Свою речь он закончил словами:

— Посадка героев на нашем аэродроме была для меня полной неожиданностью. Я польщен, что на мою долю выпала честь принять в своем доме этих отважных джентльменов.

Радиодиктор прочел приветствие товарища Сталина, поблагодарил летчиков за выступление. А толпа зрителей перед балконом все росла и росла.

* * *

После радиопередачи началась киносъемка. На следующий же день чкаловская тройка появилась на всех экранах Америки, всюду встречаемая восторженными аплодисментами.

Для полпреда денек выдался тоже нелегкий. Он взял на себя утомительные обязанности гида: пришлось на ходу знакомить Валерия Павловича с пристрастием американцев к автографам великих людей, переводить немногословные, но исчерпывающие чкаловские ответы на стремительные вопросы журналистов, тут же сообщать пилотам о некоторых специфических особенностях заокеанского быта.

Чкалов терпеливо писал автографы в альбомы и блокноты, принимал требуемую позу перед фотообъективом, похваливал «канталоп» и «кока-кола».

Уже совсем стемнело, когда принесли телеграмму от Ольги Эразмовны, а вскоре еще одну — от сына. Восьмилетний Игорь писал:

«Дорогой папа! Поздравляю тебя с благополучным окончанием перелета. От пионеров и октябрят лагеря Артек передаю горячий привет тебе, дяде Байдукову и дяде Белякову. 30 июня исполняется 12 лет Артека. Мы все, пионеры и октябрята, просим тебя, дядю Байдукова, дядю Белякова и маму приехать к нам на юбилейный большой костер».

В десять вечера ушли последние посетители. Сняв пиджаки и воротнички, летчики уселись на диван.

— Ну, и дотошная публика у вас в Америке, оказывается, — посетовал Валерий Павлович полпреду. — Сегодня, пожалуй, трудней пришлось всем нам, чем когда через полюс пролетали.

Он обернулся к Егору, который, держа на коленях клеенчатую тетрадь, что-то записывал в нее, и вздохнул:

— Да, ребята, это вам не остров Удд.

Потом подошел к столу. Там лежала груда телеграмм, присланных со всех концов Союза, из обкомов, крайкомов, райкомов. Он бережно расправил их, аккуратно сложил.

Вдруг Валерий зашагал по комнате.

— Товарищ посол, Саша, Егор... А как же насчет костюмов наших? Кому деньги-то платить?

Полпред объяснил, что портлэндская фирма, одевая советских летчиков, отказалась от платы, потому что она неиз-

меримо больше заработает, получив такую небывалую рекламу для своих магазинов.

— Да, и вот еще насчет генерала. Он тут нас принял необыкновенно любезно, предоставил комнату, поил, кормил... А ведь он мог ограничиться официальным приемом и послать людей в гостиницу, чтобы там номер приготовили. Ведь верно? Надо бы отметить как-нибудь, отблагодарить — а как тут по их обычаям, шут их знает. Может, подарить что-нибудь на память?

Полпред обещал подумать.

Зашел разговор об американских нравах. Полпред напомнил:

— Вы уже были свидетелями того, как американцы падки на всякие автографы и редкости. Вы знаете, что генерал сделал очень предусмотрительно, приставив к самолету охрану? Ваш самолет могли бы просто растащить на кусочки. Американцы питают исключительное пристрастие к сувенирам.

— Да. Америка... — задумчиво проговорил Чкалов. — Но пока что больше всего удивили меня эти самые мэссенджеры. До чего же расторопны и настойчивы.

— О, «Уэстерн Юнион» — редкостное учреждение, — подтвердил полпред.

Если вам случится неточно указать адрес на телеграмме, — адресат все же будет найден. Вы можете телеграммой передать любое поручение: ну, скажем, чтобы на другом конце материка в определенный час доставили вашей даме корзину цветов или коробку конфет. Все, что угодно. Был случай, когда один сумасшедший богач оставил телеграфному агентству деньги, чтобы оно кормило на городской площади голубей, — и «Уэстерн Юнион» до сих пор кормит их.

Байдуков закрыл тетрадь и подошел к портрету над письменным столом.

— Веселая дама, — сказал он.

— Смеется задорно, — добавил Валерий.

— Повидимому, родственница генерала, — пояснил полпред. — Американцы очень любят улыбаться, особенно американки. У американки на лице всегда улыбка, когда она с вами разговаривает. Но это еще ничего не значит: отвернулась, и улыбка исчезла.

Через дверь слабо доносились звуки музыки из репродуктора. Семья генерала еще не спала. В окно барабанил дождь.

Чкалов потянулся. Хорошо было у него на душе сейчас, среди троих русских людей. Он начал вдруг рассказывать полпреду о семье, об Игоре, о своем детстве, о том, как был приглашен в Сочи на дачу к товарищу Сталину. Полпред слушал и думал: какой легкий человек, этот чиф-пайлот! Как быстро ориентировался он на чужбине, и как просто себя чувствуешь с ним!

Полпред спросил Валерия Павловича, не слышал ли он о безумном летчике, который в юности пролетел под аркой Ленинградского моста?

Чкалов громко рассмеялся.

— Этого сумасшедшего летчика вы видите перед собой!

Но главное место в их беседе занял Громов, который готовился тогда лететь вслед за чкаловской тройкой. Когда заговорили об этом, Чкалов, казалось, забыл все предстоящие им дела. Он горячо просил полпреда завтра же с утра отправить телеграмму Михаилу Михайловичу с краткими итогами их опыта. Хотелось, чтобы Громов в полете учел все детали полета чкаловского экипажа.

Радиограмму под диктовку Валерия тут же написал Беляков. В ней Чкалов дал ряд ценных советов громовскому экипажу.

Попрощавшись с полпредом, Чкалов распахнул оконную раму. Луна в бледном венчике то выплывала, то скрывалась в серебристых облаках. Она совсем не походила на тот багровый раскаленный шар, которым еще вчера над Тихим океаном любовался Валерий. Он задумался. Какой большой день они прожили!

На походных военных кроватях уже давно погрузились в крепкий сон друзья — Егорушка и Саша. Егор слегка разметался, и у него свалилась на пол одна из подушек. Чкалов поднял ее и заботливо подсунул под голову друга. Потом тихо вышел на балкон. Внизу шумели кедры. Дождь накрапывал теплый, крупный; ночной воздух был наполнен запахами цветов.

Валерий облокотился на балюстраду. Задумался об Ольге. Она была далеко за океаном. За океаном оставалась его великая страна. Здесь он был ее посланцем, полпредом советских достижений, пожалуй, вроде только что ушедшего их нового знакомого. Он улыбнулся самому себе.

«Хорошо, — думал он. — Замечательно. Здорово. А ребята-то какие — Байдук и Саша».

Положил руки на каменные перила и неожиданно для самого себя вдруг вполголоса запел, по-своему, по-волжски, окая:

Всю-то я вселенную проехал,
Нигде я милой не нашел...
Где ж ты, светик, дорогая,
Сердцу весточку подай.
Где ж вы, глазки голубые,
Где же ты, моя любовь?

Он пел, не вникая в слова, — просто пел от полноты всех своих чувств.

Неподалеку шумели калифорнийские кедры.

* * *

Еще не проснулись Егор и Саша, когда Валерий Павлович, быстро одевшись, спустился вниз. Было очень рано, и в генеральском доме стояла тишина.

Неторопливо направился Валерий по дорожке, усыпанной песком ярко-оранжевого цвета. Кругом сияло умытое дождем утро.

На берегу Колумбии высились военные бараки и сторожевые посты. Навстречу попадались солдаты.

Он обернулся назад, посмотрел на кедры, растущие перед балконом. О названиях большинства деревьев он мог только догадываться.

После ночного дождя воздух был ясен, щебетали птицы, с Колумбии дул ветерок, лица встречавшихся американских солдат были просты и будничны, — Америка сейчас, после вчерашней калейдоскопической суеты, открывалась перед Чкаловым с какой-то другой стороны.

Пожалуй, преобладающее место в мыслях Валерия занимало сейчас чувство приятного любопытства. Как-никак, предстояло знакомство с американским народом, с целой страной, ее прославленной техникой, укладом ее жизни.

Когда он вернулся с прогулки, Байдуков и Беляков встретили его новостью:

— От Фетиньи Андревны поклон тебе, Валерий, — сообщил Георгий, протягивая телеграмму.

После 63 часов полета

Для американских репортеров

Утренняя почта покрывала половину стола. Приток поздравлений все возрастал.

«С большой радостью, — читал Валерий, — узнала о выполнении вашей заветной мечты. С далекого острова мы следили за вашим полетом. Докладываю: слово сдержала, учусь. Эту телеграмму писала сама, Фетинья Смирнова».

— Молодец наша Фетиньюшка!

Усевшись завтракать, вспоминали дни, проведенные на острове, начальника лова Тен-Мен-Лена...

В открытые окна ворвался гудок автомобиля. Приехал полпред. Поздоровавшись, Чкалов сразу начал торопить его:

— Идемте скорей на аэродром, к машине. Надо снять барографы и пломбы, заактировать время и место посадки.

Надев только вчера приобретенные шляпы, двинулись по улице.

Георгий Филиппович время от времени вставлял критические замечания, что-то ворчал себе под нос.

Когда вчерашний их первый переводчик, солдат Козмецкий, отдав честь, на ломаном русском языке попросил после Валерия Павловича и у него автограф, Егор выразительным шопотом высказал недоумение:

— Когда же кончится это хозяйство с автографами?

Чкалов внимательно рассматривал ванкуверские улицы, типичные улицы небольшого военного городка.

Как-то незаметно выросла за ними толпа. Люди восторженными аплодисментами приветствовали их, когда они подходили к воротам аэродрома. Наиболее экспансивные старались даже похлопать Валерия по плечу.

Чкалов дружелюбно улыбался и просил полпреда все переводить.

— Американцы говорят, что Чкалов подлинно русский человек, у Чкалова приятный тембр голоса, чиф-пайлот Чкалов говорит, как настоящий русский...

Барографы снимались с машины в торжественной обстановке. Был произведен оружейный салют, взмыл государственный флаг Соединенных Штатов Америки. Снова появился рой газетных репортеров.

Передав опечатанные барографы спортивным комиссарам, летчики направились к воротам аэродрома.

Шли, не торопясь, по аэродрому, поросшему мелкой, притоптанной травой.

«Интернациональная травка», — подумал Валерий, вспоминая такие же зеленые лужайки на многочисленных аэродромах Родины, с которых взлетал, на которые садился.

Под ногами ползало множество муравьев. Они тащили веточки, иголочки хвои, маленькие щепочки к своему земляному жилищу, размытому дождем. Ярко светило солнце. Валерий остановился, любуясь их слаженным трудом. Хлопнул по плечу своего штурмана, показал на муравьев.

— Смотри, Саша, талантливый народ муравьи.

Особенно привлек его внимание один маленький силач, по-видимому, начальник, вожак, тащивший на себе целое «бревно».

— Это, Саша, прораб муравьиный...

Позади гудела толпа, смыкали кольцо охотники за автографами, с неослабевающей настойчивостью действовали фотографы.

И Валерию Павловичу на минуту скучно как-то стало от фотографов, журналистов, от всей этой жажды сенсации, разлитой, казалось, не только на лицах, но и в самом воздухе, окружавшем их.

«Эх бы, в ястребок теперь свой сесть да взвиться. В гостях хорошо, а дома лучше...» С чувством грусти вспомнил он свои насыщенные московские летные будни.

Из раздумья вывел Валерия Павловича полпред. Он напомнил, что генерал ждет летчиков в своем «офис», — в их честь он давал парад.

* * *

Густым пороховым дымом заволокло лесную полянку перед зданием штаба.

Палила какая-то совсем старинная пушечка — ее разглядел Валерий Павлович, стоявший рядом с генералом Маршаллом. На фланге и впереди роты развевались тяжелые американские знамена. Парад принимал полпред.

Торжественно прогрохотали установленные международной традицией девятнадцать выстрелов. Весь плац на несколько минут скрылся в дыму. Сизые клочья дыма повисли на ветвях деревьев.

Глубокой стариной пахнуло на наших летчиков от этого парада.

«Забавная пальба: на современной войне уже давно не

стреляют дымным порохом», — думал Чкалов, косясь на пушку, времен, может быть, Джорджа Вашингтона, продолжавшую извергать клубы дыма.

Когда прогремел последний выстрел, летчики, поблагодарив генерала, отправились в офицерское собрание. Генерал Маршалл представил пилотов женам офицеров гарнизона.

— А теперь нам предстоит визит к мэру города Ванкувера, — сказал полпред по окончании церемонии.

Чкалов вспомнил:

— Саша, ты вынул из штурманской кабины карты и календари?

— Все убрано, — ответил Беляков.

— Американцы крайне удивлены вашим поступком, Валерий Павлович, — сказал полпред, приглашая летчиков садиться в автомобиль.

— А что?

— Ведь вы же раздали все мешки с продовольствием солдатам, когда разгружали самолет.

— Ну, да, я им сказал: получайте наше добро, делайте с ним, что хотите.

Полпред улыбнулся.

— Вот вы еще не знаете Америки. Американцы рассуждают по-другому. Они считают, что из такого предприятия, как перелет через полюс, вы должны сделать «бизнес», нажить большие деньги. Бутерброды с икрой и курицей, плитки шоколада, кубики супа и борща следовало бы упаковать в отдельные пакетики с надписью, что они вместе с вами тоже перелетели полюс, и продавать как сувениры — центов по пятьдесят...

Автомобили мягко тронулись с места и понеслись по улицам Ванкувера. Их сопровождал эскорт полисменов. Поджарые, в желтых роговых очках, одетые в галифе, краги и туго застегнутые куртки, с огромными кольтами и поясами, набитыми патронами, они мчались то впереди, то сбоку чкаловской автомашины, расчищая путь со скоростью до ста пятидесяти километров в час. Шоферы других машин, услышав еще издали пронзительный вой сирен, немедленно сворачивали ближе к тротуару. Полисмены на перекрестках мгновенно пропускали машины. Улицы, блестящий асфальт, парапеты, пешеходы, наклонившиеся набок дома, деревья — все рябило в глазах Чкалова. Порой казалось ему, что ревущие

мотоциклы, разворачиваясь на узеньких стритах, вот-вот лягут плашмя на мостовую. Не тут-то было! Поджарые ездоки с непревзойденным искусством круто поворачивались чуть ли не на одном месте, точно волчки, и снова метеором неслись вперед.

Валерий откинулся на спинку сидения и, закуривая, повернул довольное лицо к полпреду.

— Ну и прогулка. Здорово. Циркачи какие-то. Несутся, как черти...

— Привыкайте, Валерий Павлович, — шутливо заметил полпред. — Помню, мы как-то ехали в Чикаго — это самое жуткое впечатление, которое у меня осталось от Америки. Мы тогда с женой спешили к одному американскому деятелю, и нам в полчаса предстояло проехать шестьдесят километров. По прямой это не так страшно, но в Чикаго — громадный траффик, все запружено машинами. Нас посадили в полицейский автомобиль, — один спереди, другой сзади, — и мы эти шестьдесят километров сделали, но как? — поворачивались на девяносто градусов — жиг, жиг, — публика шарахалась. Два чужих автомобиля стукнули все-таки, но полицейские, конечно, обвинили пострадавших, заявив, что те сами виноваты. Позади ехали наши знакомые американцы, сами вели машины. Они приехали с нами одновременно, но если бы вы видели, что за лица у них были! Они сидели еле живые... В Чикаго полицейские привыкли гоняться на автомобилях за бандитами.

У здания городского управления собралась большая толпа. День был солнечный и жаркий. Летчики услышали приветственные крики и жгучий свист.

— Почему свистят? — удивился Байдуков.

— Это значит — хорошо, «о-кэй»! В Америке, если не нравится, то не свистят, а шипят.

Опять со всех сторон к летчикам потянулись руки. Замелькали в воздухе разноцветные манжеты, кольца на женских пальцах, блокноты, золотые самопишущие перья. Английское «конгратулейшен» перемешивалось с возгласами на русском языке.

«Неужели опять подписываться?» — подумал Чкалов. Но на этот раз ему положительно повезло: он роздал не более двухсот автографов.

У мэра пилоты не задержались, так как торопились в

Торговую палату на завтрак. Снова помчались они, окруженные свитой полицейских.

У конца моста, перекинутого через Колумбию, их встретил другой отряд полисменов, принадлежавший штату Орегон.

Вой сирен показался Чкалову еще более отвратительным. Особняки совсем плашмя валились на мостовую, а уличные киоски с прохладительным кока-кола, портики с мраморными колоннами, кучки людей на перекрестках сливались в одно расплывчатое пятно.

В Торговой палате летчиков встретил губернатор штата Чарльз Мартин. Этот человек, весьма реакционный по своим убеждениям, но прежде всего политикан, знающий, куда ветер дует, вынужден был приветствовать русских героев; он не мог позволить себе какой-нибудь бестактности, не разделить общего настроения. Предупредительно, с тонкой улыбкой на бледных сжатых губах, он провел летчиков на возвышение и вместе с ними сел за спикер-тейбл.

И вот гости, уже начавшие лакомиться закусками и наслаждавшиеся тишиной после поездки, от которой у них шумело в ушах, вздрогнули от внезапного грохота: мэр, сидевший рядом с ними, с силой ударил огромным молотком по лежавшей на столе деревянной подушке.

Этим он призывал собравшихся к вниманию.

Чкалов покосился на видавшую виды, всю в глубоких выбоинах, подушку.

Первым выступил с речью мэр города. За ним — Чарльз Мартин. Речи подходили к концу, когда к Валерию Павловичу подошла самая красивая из всех присутствующих девушек, — таков был церемониал.

Кокетливо улыбаясь, она осторожно надела на плечи Валерия Павловича пышную гирлянду из белых роз. Вдыхая тонкий, но крепкий аромат их лепестков, Чкалов внешне совершенно невозмутимо принял и этот, новый для него, ритуал.

Он не знал, что перенесенный с гавайских островов, с Гонолулу, обычай украшать венками почетных гостей и для Америки отнюдь не являлся рядовым. Сейчас ему, по американским понятиям, была оказана высшая почесть, он получил выражение высшей признательности.

Две другие миловидные девушки надели венки на Байдукова и на Белякова.

Раздался ружейный салют. Мэр пригласил летчиков выйти в венках на середину площади.

Окруженные гостями, летчики направились вслед за губернатором и полпредом.

Пестрая, по-праздничному нарядная толпа ожидала на улицах. Она приняла летчиков в свой кипящий водоворот, сомкнулась и вновь расступилась, образовав узкий коридор.

Шли медленно, долго, квартал за кварталом. С балконов, из открытых окон верхних этажей на них смотрели в бинокли. В окне небольшого уютного домика Валерий увидел важного старика с совершенно белыми волосами. Перед глазами тот держал длинную зрительную трубу. Старого джентльмена окружали бесчисленные белокурые мисс. Они ему мешали. Он делал сердитые энергичные жесты, удивительно быстрые, совсем юные.

Чкалов незаметно глазами показал друзьям на старика. Валерий Павлович умел в толпе выделять энергичные лица.

Процессия двигалась. Валерий Павлович вспомнил, что на шее у него венок, сорвал одну розу и осторожно положил в карман пиджака. «Ольге... американский сувенир», — решил он про себя.

Женщина в черном, с резкими белыми отворотами, платьи неожиданно выросла перед ним.

«Уж не монахиня ли?»

Валерий не ошибся. Женщина строгой походкой подошла вплотную и благословила его быстрым широким жестом. Он пожал плечами и продолжал итти дальше.

— Она хотела склонить тебя в католичество, — в шутку сказал ему на ухо Байдуков.

Они завернули за угол, потом за другой. И вдруг Чкалов услышал до странности знакомый говор. Он прислушался.

— Да пустите же меня к ним! Я — вятская...

Немолодая, со скуластым смеющимся лицом, одетая по-американски, женщина внезапно прорвалась сквозь цепь и бросилась к Чкалову.

— Родимые мои! Да я же ваша, русская, — и она обнимала то Чкалова, то Байдукова. — Двадцать шесть годов прожила здесь, а по-русски говорить не разучилась. Дайте посмотреть на вас, на земляков дорогих!

Валерий Павлович добродушно улыбнулся.

— Гляди, мамаша!

* * *

Наконец-то можно было отдохнуть. Откинувшись на спинку комфортабельного «дугласа», Чкалов принял полулежачее положение. Он летел в Сан-Франциско в качестве почетного гостя компании пассажирских перевозок «Юнайтед эйрлайнс», не думая ни об углах сноса, ни о запасах горючего.

Погода стояла нелетная. Внизу, сквозь разрывы клубящихся облаков, прорезывались величественные отроги Скалистых гор. На их вершинах лежал вечный снег.

Самолет сильно подбрасывало и качало. Но в воздухе Валерий всегда чувствовал себя как дома. Он уже успел рассмотреть очень удобное расположение пассажирской и пилотской кабин, подметил новые приборы у пилота, запомнил кое-что любопытное и полезное.

В «облачное окно» Валерий Павлович увидел узкую зеленую долину. Вдруг хлынуло солнце и безудержным потоком золотых лучей затопило долину. Но «окно» пропало, и опять задымились облака.

Чкалов с удовольствием сосредоточенно молчал. В глубине кабины миловидная стюардесса возилась у буфетной стойки. Там среди термосов, крошечных сэндвичей и пакетиков с жевательной резиной красовался тяжелый, богато разукрашенный торт с вензелями из шоколада, крема, цукатов, с флагами СССР и надписью на русском языке: «Привет советским летчикам».

Ловко лавируя между креслами, стюардесса преподнесла этот торт Чкалову. Валерий поблагодарил ее через полпреда, сказал соответствующий случаю комплимент и, совсем уже на американский лад, подарил польщенной девушке карточку с автографом.

Разговаривая с порозовевшей от оказанного ей внимания стюардессой, отвечая на бесчисленные вопросы неутомимых американцев, он, как и всегда, был в центре внимания. И не по одному тому, что он являлся командиром только что завершенного блестящего перелета. Он обладал способностью привлекать к себе простотой, уменьем разговаривать с людьми, которых видел впервые, хорошо пошутить.

Среди разговора он улыбнулся и, наклонившись к Белякову, тихо сказал:

— Помнишь, Саша: «Я — вятская».

Повернулся к полпреду.

— Как же, товарищ Трояновский, насчет генерала? Я все думаю, плохо мы отблагодарили его.

* * *

На горизонте вырисовывались два больших города — Сан-Франциско и Оклэнд. Очертания их домов и сорокаэтажных небоскребов еще смутно расплывались, но зато на открывшуюся зеркальную поверхность широкого залива с океанскими пароходами и двумя неправдоподобно громадными висячими мостами, перекинутыми через залив, Чкалов смотрел не отрываясь.

— Где же мы совершим посадку? — спросил он полпреда.

— В Оклэнде. — И полпред пояснил, что между городами Сан-Франциско и Оклэндом, оказывается, возник спор, кому принимать самолет. Мэр каждого города настаивал на том, чтобы посадка была произведена именно на его аэродром. В пользу Оклэнда решила спор авиационная компания, владеющая воздушной линией.

Мягко приземлился самолет на обширном бетонированном аэродроме. Этот аэродром, с которого стартовали Амелия Ирхарт и Вилли Пост, сегодня был украшен флагами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Чкалов, Байдуков и Беляков спускались по трапу. На них были надеты венки, которые преподнесли им в Портлэнде. Вид летчиков привел пятитысячную толпу в неистовый восторг.

Под ноги им летели отовсюду алые розы, букеты гвоздик, они вступили на ковер из живых цветов.

Горячая волна чувств нахлынула на Валерия при виде развевающегося освещенного солнцем знамени с вытканными золотом словами: «Коммунистическая партия Калифорнии приветствует героических советских летчиков за их выдающееся социалистическое достижение».

Время было рассчитано по минутам. Поэтому прямо с аэродрома — снова под вой сирен, к которому они уже однако стали привыкать, — летчики помчались в Сан-Франциско, через величайший в мире оклэндский мост.

Мост длиной в тринадцать километров с двумя стальными канатами, толщиною каждый более метра, является шедев-

ром современной техники. Вращающиеся маяки, укрепленные на вершинах мостовых устоев, предупреждают пролетающих здесь ночью пилотов об опасности. С полным знанием дела оценил их Валерий Павлович.

Полпред обратил внимание летчиков на островок посредине залива. На островке высились мрачные башни.

«Вроде замка средневекового какого-то», — подумал Валерий. Даже вода, окружающая островок, показалась ему очень холодной и неприветливой.

— Это знаменитая федеральная тюрьма Алькатрас.

Мелькали мимо устремленные в небо серые громады с кафетериями, зеркальными витринами, украшенными манекенами в роскошных нарядах; плакатные щиты с улыбающимися женскими головками, рекламирующие дансинги, самые изысканные и безвредные папиросы «Олдголд», ароматичную жевательную резину, непревзойденный крем для ботинок и душистый томат для супов. По прямым стритам и авеню бесшумно двигались разноцветные линкольны, кадиллаки, шевроле. Валерию показалось, что улица плыла.

* * *

Уже был сделан визит Росси, мэру города Сан-Франциско; уже отгремел на площади салют из девятнадцати выстрелов, который давал в честь пилотов командующий округом; за предоставленную в дни перелета радиосвязь его от имени экипажа самолета NO-25 в ответном слове благодарил Байдуков; посетили и начальника морской базы, мистера Смита, седого, грузного, в черном кителе с золотыми шевронами, — типичного морского волка. Любознательный Александр Васильевич озадачил адмирала вопросом о том, представляется ли ему возможным достижение Северного полюса на подводной лодке. При этом он сослался на подобную попытку Герберта Уилкинса. Адмирал даже привскочил в кресле от неожиданности и ответил не сразу, прикинув что-то про себя:

— Я бы лично... воздержался.

Вечер был отдан осмотру города.

Стриты между сорокаэтажными небоскребами напоминали дно узких колодцев. На стенах домов, на небе, на земле, в витринах летчики опять увидели поражающие величиной,

красочностью, силой рекламы фирм, океанских компаний, ресторанов, кино. Тихоходный самолет плыл над крышами, и за ним на привязи тянулась вереница букв рекламы.

Когда небо почернело, по нему во всех направлениях запрыгали золотые строчки, огненные колеса и водопады, повествующие о новых фильмах, отелях и аптеках.

— А это что? — спросил Валерий полпреда, показывая на вывеску, величиной со стену трехэтажного дома, с гигантскими буквами: «Эйр-кондишен».

— Охлажденный воздух, — сказал полпред. — Один из способов заманивания покупателей и зрителей. Я как-то спросил одного нашего инженера, почему он в кино не ходит. Он ответил: «Что одну и ту же картину смотреть? Как ни приду в кино, все «Эйр-кондишен» идет». Погодите, Валерий Павлович, в жару еще не раз потянет в прохладное кино или в магазин с «Эйр-кондишен», а уж зайдя в магазин, вы, сами того не желая, купите там какую-нибудь мелочь...

На витринах грандиозного игрушечного магазина, уже залитых мигающим светом неоновых и аргоновых трубок, кукольные слоны покачивали хоботами, ползали заводные ящерицы, прыгали пушистые маленькие мартышки и летали колибри.

На углах кричали газетчики. Рев сирен сливался со звуками, испускаемыми сотнями автомобильных радиорепродукторов. По небу через всю улицу неслась огненная реклама.

Туристы проголодались.

— Хорошо бы в такой ресторан, где без автографов. Чтобы только в своей компании... — высказал общую мысль Чкалов.

Машина остановилась у вечернего бара. Улыбающиеся головки мисс настойчиво смотрели на летчиков с уличных плакатов, когда рашен флайерс решали — окажется ли этот бар достаточно спокойным для них местом.

От реклам некуда было спрятаться. Валерий обратил внимание на одну из них: на ней веселый розоволицый джентльмен протягивал правую руку, приглашая проезжающие автомобили остановиться у изящной бензиновой колонки. Из его рта выскакивали огненные буквы, составлявшие любезную фразу: «Здесь обслуживают с улыбкой».

— Пошли, приятель, — обратился Валерий к шоферу, — и вы с нами перекусите.

Он знал, что негр немного понимает по-русски.

Шофер как-то смущенно повернулся, резко встал с сиденья и, очутившись на тротуаре, вытянулся по-военному и ответил, стараясь говорить правильно:

— Благодарю, мистер Чкалофф. — На добродушном его лице блеснули на мгновенье белые крепкие зубы.

Полпред вопросительно посмотрел на Чкалова. Он что-то хотел сказать, но ограничился коротеньким приглашением:

— Пойдемте, Валерий Павлович.

Впервые Чкалов сам столкнулся с тем, каково положение негра в Америке. Они идут в ресторан, а их шофер-негр не может. Они останавливаются где-нибудь в отеле, а шофер не может, он должен отправиться в специальный негритянский квартал или провести ночь в машине. А ведь, надо сказать, их шофер очень интересный человек, умница, участник войны на Западном фронте, имеет ветеранский полис, получил военный бонус... Это в северных штатах. А на юге белый может совершенно безнаказанно избить негра, хотя бы тот не был ни в чем виноват.

Сели за стол. Бармен принес коктейли и ужин. Валерий ел без особого удовольствия и больше молчал.

— Тут о многом поразмыслишь. Страшновато оказывается в Америке-то. Читал о притеснении негров, а вот теперь и сам увидел американские нравы.

Он вспомнил, что в свое время пришлось слышать о Мэрион Андерсон. Голос, о котором знаменитый дирижер Тосканини сказал, что такие голоса появляются раз в сто лет. Она приехала после турнэ по Европе. Газеты расписали ее голос, ее огромную популярность, — и однако она не смогла найти помещение для концерта. После долгих хлопот министр внутренних дел согласился, наконец, предоставить ей парк. Она пела под открытым небом. Семьдесят пять тысяч людей слушали ее, затаив дыхание. А в отель ни в один ее не пустили. Ей сказали: «Поезжайте лучше в негритянские кварталы. Вы же понимаете, что негритянке или мулатке не может быть предоставлен номер в гостинице, где живут белые».

Вышли из бара. Улица попрежнему мигала. Высокие полисмены регулировали движение. Упитанный, изысканно вежливый джентльмен на рекламном щите выпускал изо рта золотые буквы.

Они складывались в ровную строку:

«Здесь обслуживают с улыбкой».

* * *

В советском консульстве, где летчики должны были провести ночь, они почувствовали себя, как на крохотном участке родной земли. Егор сел писать очерк «Наш полет в Америку», Беляков, разложив на столе бортовой журнал и радиожурнал, карты и логарифмическую линейку, занялся подсчетами расхода горючего.

Валерий набил трубочку, ту самую, которой он пользовался в полете, и закурил. Крепкий запах «капитанского» табака наполнил комнату. В глубине полуосвещенного зала на круглом, идеально отполированном ореховом столе лежала пачка новых писем и телеграмм.

Он подошел к столу и распечатал одну из них. Какая-то Наталья Карповна из Пенсильвании имела честь сообщить, что она является его родственницей по материнской линии. Другая телеграмма была адресована нэвигейтору Белякову; Флегонт Щупак из Аризоны передавал привет штурману и выражал удовлетворение, что он ему тоже родня.

— Ох, фантазеры! — пробурчал Чкалов и наугад выбрал одно из писем. На тонком, почти прозрачном листике с богато выгравированным фирменным штампом было напечатано красивым шрифтом:

«Уважаемый сэр! На снимке, сделанном в Портлэнде, где вы шествуете среди цветов, из кармана вашего пиджака высовывается «вечное перо». Не откажите в любезности сообщить, — перелетело ли это перо через Северный полюс и не выпущено ли оно нашей фирмой?»

Облокотившись на подоконник, он смотрел на залив. Там среди портовых огней за Золотыми Воротами вырисовывались темные башни федеральной тюрьмы. Он старался подробно рассмотреть ее. Ему рассказали сегодня, что там в башне сидит знаменитый бандит Аль Капоне, посаженный в тюрьму... за неуплату подоходного налога.

Валерий зажег потухшую трубку, пошире раскрыл оконную раму, прислушиваясь к ночным звукам большого города, к гудкам автомобилей и низким густым — океанских пароходов.

Подвинув к столу кресло, он сел поудобнее; хотелось немного отдохнуть, как-то переварить воспринятое в этом городе, прикинуть, обобщить впечатления дня. Он вспомнил добродушного с блестевшими белками негра-шофера; растерян-

ность выражало широкое шоколадное лицо, когда Валерий сказал: «Пошли, приятель, и вы с нами перекусите». Иметь индейскую кровь здесь не считается позором. Кулидж даже гордился тем, что у него есть какие-то капли индейской крови. А вот, если будет установлено, что у человека есть хоть капля негритянской крови, то такой человек уже конченный, это скандал. Людьми с наиболее чистой кровью здесь считают тех, чьи предки раньше приехали в Америку. Потомки тех, кто приплыл в Америку в 1620 году на первом корабле — «Мей флауэр», что значит: майский цветок, — считаются аристократами, независимо от того, кем были их предки — хотя бы поваром или горничной.

В памяти разрозненно возникало увиденное. Вспомнилась уличная сценка: два бьюика столкнулись. Владельцы, попыхивая толстыми сигарами, вышли из машин, вежливо раскланялись, молча пожали друг другу руки и, повернувшись на каблуках, продолжали свой путь пешком. Страховая компания произведет свои выплаты сполна.

Валерий был сегодня свидетелем и другого происшествия. Какого-то прохожего сшиб роскошный терракотовый паккард. И на бледном, осунувшемся лице потерпевшего Валерий увидел выражение, которое заставило его остановиться: что-то, напоминавшее улыбку. Это был безработный, уже три года не имевший работы и потерявший какую бы то ни было надежду ее получить. Отныне он счастливейший человек. Страховая компания должна до конца жизни платить ему пенсию. Подавленный виденным, Валерий медленно шел по тротуару. Толпа гудела вокруг него. Он видел перед собой мраморные дворцы, мосты Сан-Франциско с гигантскими провесами, ему пришли на память рассказы о металлических скоростных пульманах с граненными зеркальными стеклами, куда не проникает ни одна пылинка с выжженных зноем пустынь, — и о многих других чудесах, созданных человеческим гением в этом мире кричащей роскоши и ханжества, бесправия и тоски.

На каком-то стрите (он уже потерял счет им) его окружила толпа фотографов. По сговору с ними, за известную мзду, попадали вместе с летчиками на пленку какие-то мистеры Смиты и Джонсоны. Фотографы с непроницаемой стандартной улыбкой записывали адреса новых своих клиентов, чтобы выслать им снимки. Валерий и не подозревал об этом, пока не рассказали работники консульства.

Он заглянул в магазин. Он видел, как продавщица быстро подбегала к покупателям и с очаровательной улыбкой спрашивала:

— Что угодно джентльмену? Жвачку? Фотоаппарат? Мыло? Пылесос? Холодильник?

Джентльмены безразличным взглядом смотрели на витрину и отходили. Девушка еле заметно вздыхала: скорей бы кончился день. Валерий заметил, что у нее очень усталые глаза. А около магазина, у светофора, скопились сотни машин. Они напирали друг на друга, и из их репродукторов неслись в фокстротном надрыве слова популярной американской песенки о том, как хорошо, что день долог...

...Чкалов прошел в глубь комнаты. Саша и Егор уже спали. Очень часто случалось так, что он ложился последним. Он настроил радиоприемник.

Мужской голос, прерываемый шумом толпы и одобрительным свистом, что-то вещал из радиоприемника.

Вошел полпред.

— О чем это он, Александр Антонович? — спросил Валерий.

— Сейчас на другом конце материка, в Чикаго, решается судьба знаменитого боксера Джо Луиса. Он дерется на звание чемпиона мира. Слышите, как неистовствует толпа? Джо был раньше рабочим у Форда, потом увлекся боксом. Вот слушайте, перевожу вам слова диктора: «Раунд кончается. Джо Луис непрерывно атакует. Противник получил страшный удар в челюсть!.. Джо Луис — чемпион мира!»

Гул многотысячной толпы, хлопки и свист заглушили голос полпреда.

— Всё. Матч кончился. С этой минуты Джо Луис — один из очень богатых людей Соединенных Штатов.

* * *

Валерий проснулся поздно. Сбросил одеяло, надел халат и направился в ванную. Но не успел он закрыть дверь за собой, как увидел внезапно возникшее стандартное веселое лицо незнакомого светловолосого американца, отвешивающего ему почтительные поклоны с непринужденностью автомата.

Валерий что-то недовольно пробурчал, безошибочно при-

знав в утреннем посетителе фоторепортера. За спиной раннего гостя виднелись высокие плечи сотрудника консульства. Чкалов обратился к нему:

— Скажите мистеру, что я еще не умыт.

Сотрудник перевел ответ фотографа:

— Вот это-то мне и нужно. Умытого вас всякий снимет, а неумытого только я.

Валерий громко расхохотался и постарался побыстрее захлопнуть дверь, вежливо извинившись за то, что не может позировать в таком костюме.

Вечером Чкалов, Байдуков, Беляков, полпред, советский военный атташе, секретарь полпреда и представитель кинопромышленности выехали в отдельном вагоне, ввиде любезности предоставленном железнодорожной компанией, в Нью-Йорк.

По дороге просматривали вечерние газеты. В одной из них увидели большую фотографию, которая изображала смеющегося Чкалова в халате, с полотенцем через плечо, стоящего около мраморной ванны.

— Увековечил все-таки... — поразился Валерий. — Ну, и ловкачи тут у вас, товарищи дипломаты...

Газету спрятал на память в свой портфель аккуратный Беляков.

Всю ночь поезд поднимался в гору, рельсы огибали крутые склоны и ущелья, на дне которых в отброшенном свете окон клубился туман.

Говорили о разном. Валерий попыхивал короткой трубочкой. Голубоватый душистый дымок сразу исчезал. Система вентиляции и охлажденного воздуха в вагоне действовала безупречно.

Поезд увеличивал скорость. В мягких креслах подбрасывало.

— Поди, километров сто тридцать в час шпарит? — сказал Чкалов.

— Пожалуй, — согласился полпред. И разговор перекинулся на железнодорожное американское хозяйство. Между Чикаго, Вашингтоном и Нью-Йорком идут параллельно две бешено конкурирующие линии, а вокзал у этих дорог в Вашингтоне общий. Компании подрывают друг друга. Балтимор-Охайо — лучшая дорога. Когда-то она имела общий вокзал с Пенсильванской, в центре Нью-Йорка, потом та отка-

зала ей, теперь все поезда останавливаются за Гудзоновым заливом, пассажиров доставляют в город на катерах. Кроме того, с железными дорогами сильно конкурируют автомобили. В Америке всю страну можно усадить на автомобили. Многие, особенно беднота, предпочитают ездить на автобусах. Это дешевле. Автобусные линии пересекают Америку вдоль и поперек.

В зеркальных стеклах окон мелькали семафоры, станции, виднелись стремительно двигающиеся в несколько рядов огненные точки фар — целый парад огней...

* * *

Сначала горы маячили где-то очень далеко. На вершинах лежал вечный снег. Потом они приблизились.

В купе стоял нежный сиреневый полумрак. Чкалов, приподнявшись с дивана, вглядывался в наступающий день. Из-за хребтов Сиерра-Невады медленно всходило багряное солнце. Деревья-мамонты отбрасывали глубокие тени. Быстрые и шумные ручьи сбегали со склонов, как бы обгоняя свет утра. И вот солнце словно пролилось. Зеленые озера, у подножий окруженные карликовыми соснами, еще хранили ночной покой, но в вышине, у диких скалистых гребней, изборожденных расселинами, свет разлился таким безудержным потоком, такой нестерпимо яркой белизной засверкали снежные вершины, что Чкалов зажмурил глаза.

— Величественно, — тихо, с уважением произнес он.

Поезд шел под уклон. Темнозеленые угрюмые горы, густо покрытые хвойными деревьями, постепенно сменялись невысокими и почти голыми холмами. Поезд входил в выжженное жарой плоскогорье. Начиналась пустыня Сиерра-Невады.

Завтракали все вместе в вагоне-ресторане.

Поезд остановился у «Соулт лэйк сити» — Города Соляного озера.

В окно было видно и самое озеро — большое, с унылыми и словно бы покрытыми льдом берегами. Полпред объяснил, что это явление объясняется необычайно высоким процентом содержания соли в водах этого озера. В районе Соляного озера живет много мормонов. Это одна из любопытнейших сект в Америке. Среди них принято многоженство, которое

американскими законами воспрещено. Мормоны обосновывают свои обычаи ссылками на библию. В библии, оказывается, есть такая фраза, из которой можно заключить, что не только допустимо, но и должно иметь много жен, что это... добродетель.

— У американцев в этом отношении традиции вообще совсем другие, чем, скажем, у нас, — рассказывал полпред.— В России, в среде дореволюционной интеллигенции, не ходить в церковь было явлением обычным. Тут наоборот. В Америку масса людей выехала на почве религиозных преследований. И я бы не сказал, что современные американцы очень религиозны, но не ходить в церковь у них считается неприличным. Сказать «я не верю» здесь не всякий решится. В сущности говоря, я встретил единственного человека, который публично заявил, что он не верит в бога. Это адвокат, который выступал в знаменитом «обезьяньем процессе», защищая учителя, проповедывающего теорию Дарвина...

Разговор был прерван появлением Байдукова. Копайлот явился из своего купе чисто выбритый, в шелковой косоворотке с пояском.

— Ты что, Байдук? — недоуменно спросил Чкалов. — Иди, переоденься. Ты тут будешь похож на белую ворону.

Егор заупрямился.

— Для меня обычаи капиталистического мира не обязательны.

Тут на него набросились, упрекая его в том, что он за красивыми фразами скрывает глубоко личные побуждения и, наверно, попросту собрался соблазнить девятую жену какого-нибудь мормона.

— Не спорь, Егор, — подытожил Валерий. — Вот и товарищи дипломаты говорят, что в Америке не принято носить рубашку навыпуск; здесь это производит впечатление, будто забыли ее запрятать в брюки. Пойми, Егор, ведь не для себя делаем, а для народа.

При разногласиях у Валерия Павловича появлялись шутливо-торжественные интонации.

— Есть, товарищ чиф-пайлот, — сдался Байдуков. — Раз уж это касается международных вопросов.

Поезд остановился в ковбойском городе Огдэн. На перроне увидели мэра города. На нем был ковбойский костюм —

синяя рубашка с отделкой из кожи и брюки с широкими лампасами и бахромой.

И опять замелькали в окнах фермерские участки, каменные и деревянные домики с мезонинами и металлическими башенками-ветряками. Кое-где на кукурузных и пшеничных полях с редкими группами деревьев ползли тракторы, гораздо больше можно было увидеть лошадей.

— Забыл спросить вас, товарищ полпред: что это за индеец встречал нас на перроне в полдень? На голове у него повязка с перьями. Кто он? Тоже мэр, что ли? Или настоящий индеец?

— Конечно, мэр, только в индейском наряде. Это мы проезжали одно из специально отведенных индейцам мест, где им предоставлено жить по их обычаям. А вы думаете, этот мэр, которого мы только что видели, — ковбой? Уверяю вас, что на ковбойских скачках мы с вами могли бы дать ему несколько очков вперед.

В постепенно темнеющем окне широко расстелился унылый ровный пейзаж.

«Вроде нашей степи», — подумал Валерий, приникнув к оконному стеклу и любуясь одинокой ранней звездой, повисшей зеленой трепещущей каплей над темнеющей далью.

* * *

Чикаго, так же как и Нью-Йорк, — город камня, геометрических форм, воздушных эстакад, грохота электрических поездов, которые стремительно проносятся над головами пешеходов.

Был ранний час, когда поезд подошел к перрону чикагского вокзала.

Уже успевших привыкнуть к американским впечатлениям летчиков все же поразила грандиозность и, главное, интернациональность встречи. Русские, китайцы, негры, евреи, поляки, американцы, французы подняли десятки тысяч рук. Мощный хор запел «Интернационал».

У Валерия горячо забилось сердце. Он с трудом пробрался сквозь толпу и, сев в автомобиль, незаметно пожал руку полпреду, тепло улыбнулся друзьям.

Заехали в отель. Полпред объявил, что в их распоряжении до поезда, отходящего в Вашингтон, шесть часов, кото-

рые они смело могут использовать для осмотра достопримечательностей города.

Отправились пешком.

Солнца еще не было видно, но на каменных улицах, не успевших остыть за ночь, было жарко, как в пекле.

Сняв шляпу, Беляков вытирал лицо платком. Чкалов посмотрел на него лукаво.

— Эх, Саша, не приходилось тебе в кочегарке работать. Бывало, дрова шуруешь — семь потов сойдет.

Перед зданием, облицованным голубым кафелем, на котором красовалась уже успевшая примелькаться надпись: «Эйркондишен», Валерий Павлович повернулся к полпреду:

— Ага! Понимаю. Кино.

Они остановились. Георгий Филиппович опустил в узкое отверстие уличного автомата пятицентовую монету. Из другого отверстия выскочил изящный стаканчик с знаменитым освежающим «кока-кола». Пил копайлот с наслаждением.

Пройдя через вращающиеся зеркальные двери и миновав несколько салонов, летчики очутились в прохладном зрительном зале. По десяткам труб, искусно скрытым, сюда поступал охлажденный воздух.

— Эдем какой-то с нежным климатом, — обратился Чкалов к друзьям, занимая место.

Зал оказался битком набитым, хотя был еще только девятый час.

После нескольких сенсационных кадров хроники Чкалов вдруг увидел самого себя, снятого в первые минуты после приземления, когда он раздавал автографы репортерам. Потом появился на экране худощавый генерал Маршалл. Он произносил с балкона речь. Увидел Валерий и лесную поляну с опушкой, и смущенное, схваченное крупным планом лицо Белякова. Улыбающаяся девушка вешала ему на шею гирлянду роз. В конце фильма зрители увидели, как Чкалов бреется, а Егор, недовольный, хмурый, соблюдая против воли американский обычай, ест дыню и курицу, запивая ее стаканом горячего чая.

— Удивительно! Картина обогнала нас в пути, — негромко, не скрывая удовольствия, произнес Чкалов.

Вслед за летчиками показался на экране чемпион бокса Джо Луис. Кисть его руки оператор снял так крупно, что были видны на ней поры и волоски.

Вышли из кино.

Пошли по набережной.

Чикаго расположен на озере Мичиган. Широкие воды этого озера бороздят белокрылые яхты миллионеров, вдоль красивейшей набережной стоят мраморные виллы, ослепляющие своей роскошью дворцы, рядом с серыми небоскребами.

Шли, любуясь строгими линиями вызолоченных подъездов, блеском белого мрамора на фоне синего неба и широкой воды.

И вот набережная постепенно привела их к кварталу еврейской бедноты.

Ветхий старьевщик с длинной белой бородой и бельмом на глазу, в надорванном котелке стоял перед разложенными прямо на земле, на газетах, ржавыми гвоздями, ключами, пуговицами, поломанными часовыми колесиками, шестеренками и еще каким-то неопределенным хламом, которому даже нельзя было подыскать названия.

— Ну и купец! Всего товару-то у него на три семишника. — Валерий Павлович остановился.

По соседству другой, помоложе, торговал рваными башмаками и залитыми калошами. Через лужу с застоявшейся водой прыгали два мальчугана. Бесчисленные пожарные лестницы были увешаны перинами, пестрыми одеялами и цветными фуфайками. Узенькая улица напоминала восточный базар. На лотках у продавцов лежали оранжевые апельсины. Повсюду торговали дешевыми часами, разной снедью, материей и душистым горошком в глиняных горшках. Лица продавцов и покупателей поражали землистой бледностью.

Когда летчики подошли к старику с бельмом, похожему на библейского пророка, Валерий Павлович рассмотрел его костюм. Удивительно было смотреть на этот сюртук, изношенный до последней степени, весь испещренный крохотными заплатками и искусными швами.

Ветер понес на тротуары вихри пыли и клочья газетной бумаги. Оборванные ребятишки собрались стайкой и подняли драку. Рядом визгливо смеялись полногрудые, сильно накрашенные женщины.

Чкалов прибавил шагу. Прошли мимо крупной фигуры полисмена в широкополой шляпе и очутились на улице, выло-

На аэродроме в Ванкувере

467 1 188

Необходимые формальности

женной булыжником, по бокам которой стояли низенькие хибарки. Возле одного из домиков сидели на вынесенных стульях, греясь на солнышке, старухи и что-то вязали.

В большой луже вода зацвела, и в ней плавали окурки.

Открывшаяся сразу после сказочной роскоши, которая еще во всем блеске стояла перед глазами, эта кричащая нужда поражала особенно остро. Валерий молча стоял, внимательно наблюдая грандиозную ярмарку нищих.

«Вот она, Америка», — подумал он.

Затем, посмотрев на своих спутников, переводя сосредоточенный, суровый взгляд с одного на другого, он крепко взял под руки Сашу и Егора и сказал раздельно, как бы думая вслух:

— Домой хочется поскорее. Мы не туристы. Приехали сюда не развлекаться.

Таким мрачным новые американские знакомые видели Чкалова впервые.

* * *

Усталые, сильно проголодавшиеся летчики приехали в полпредство вечером. Они побывали на приеме у начальника воздушных сил США, генерала Оскара Вестовера и министра земледелия Уоллеса. Разговор с Уоллесом происходил в присутствии государственного секретаря — министра иностранных дел — мистера Хэлла. Государственный секретарь поинтересовался, какими приборами приходилось пользоваться во время перелета от полюса до Америки. Он понимал, какова сложность решенной советскими летчиками аэронавигационной проблемы вождения самолета вблизи магнитного полюса.

После тропического зноя, которым Вашингтон встретил летчиков, прохлада в столовой полпредства показалась Чкалову удивительно приятной. За столом собрались только свои. Георгий Филиппович отдыхал от обязательных американских улыбок, о чем с удовольствием сообщил присутствующим.

Да и всем хотелось отдохнуть от Америки.

Как-то само собой вышло, что Валерий стал вслух вспоминать о Родине, о Волге, о своем отце.

— Умный старик был, — говорил он, наливая из сифона шипучей воды. — И работу любил. А уж строить что — так уж на веки вечные. Был у нас в василевском доме балкон.

Задумал отец, чтобы балкон стоял вечно. У старого знакомого выпросил Павел Григорьевич лист судового железа. Доставку поручил мне и брату. Как сейчас помню, приплыли к барже на лодке, смотрим: вот так лист! Прямо гигант лежит. Мы и так и эдак к нему. Наконец, взяли за концы. С величайшим трудом подняли, а середина прогибается, лежит себе преспокойно внизу и ни с места. Ребята тут копаются, десятка два собралось, а купались-то мы в Волге по тридцать пять раз в сутки. Меня ребята любили; бывало скажешь что — из-под земли выкопают. Помогли лист на берег стащить. Затем решаем: как же в гору-то тащить, по крутому взвозу, к дому? Я считал себя сильнее брата, говорю: давай, наваливай! Он даже испугался: что ты, чорт, разве сладишь? Все же он помог мне на спину взвалить. Несу, руками сзади придерживаю, как крючник, а у самого ноги дрожат, лист жиблется. Наконец, доставил. Сидим на солнышке у дома, очень довольные, покуриваем. Вдруг отец из калитки. Он знал, что я курю, но с папироской меня никогда не видел. Мне тогда шестнадцатый год шел. «Покуриваешь? Тоже курильщик...» А говорил он мало, все больше молчал. Потом заметил — лист лежит. «Кто принес?» — «Я». Отец так и ахнул: «Да что ты, Аверьян, одурел что ли? Надо сейчас же к врачу». Потом лист положили на балкон, отец его собственноручно прибил, выкрасил, он и сейчас там.

Валерий остановился и докончил тихо:

— Каждую весну перед балконом отцовские яблони в цвету, как невесты, а сверху вид на затонные острова, на Волгу, она там, как море, на семь верст кругом разливается.

Он помолчал немного.

— Я, действительно, сильный рос. Помнится, в девятнадцатом году работал у отца подручным. Крючки гнул для рыбинского дока. Где у нас теперь в Василеве литейная стоит, тогда там кузница была. В шесть утра мать, бывало, будит, даст лапши татарской, — это просто тесто ржаное раскатывается, квадратиками режется и — в чугун с кипятком. Между прочим, я любил эту самую лапшу. В кузнице бьешь кувалдой, отец только кричит: «Бей крепче, крепче, Аверьян!» Сперва никак не попадал. Ударил, помню, как-то сбоку — зубило в сторону. Отец ругается: «Чему вас только учили?» Это его любимое выражение было. Раз как-то до того доработался, что промахнулся, по зубилу не попал, да как хвачу

по чугунной наковальне, так рог и отшиб! Уж отец честил, честил меня: «Что ты, чорт этакий, силу свою показываешь, наковальню мне испортил!» А приходил я из кузницы черный, как арап...

— Батя у тебя замечательный был, — сказал Байдуков.

— Отцу жизнь нелегко доставалась. Семья большущая: Николай, Степан, Василий, Иван, Юрий, двое умерло безымянных — окрестить не успели. Выжили только четверо: Алексей, Нюра, Соня да я... Отец летом всегда в чесучовом пиджачке ходил, — продолжал вспоминать Валерий. — Может, пиджак этот и теперь существует, где-нибудь дома в сундуке лежит. В воскресенье за пирогом любил Павел Григорьевич рюмочку пропустить. А назавтра встанет чуть свет и — на работу, только матери перед уходом скажет: «Наташа, принеси-ка капустки пластовой». Мать идет за капустой. «Ты мне на блюде, с рассольцем!» Капуста была знаменитая. И опять пойдет в затон Павел Григорьевич. Его знали на всех буксирах, баржах, землечерпалках...

— Волгарь ты неисправимый, Валерий, — обратился Беляков к нему, чтобы подзадорить друга: не часто Чкалов бывал таким разговорчивым.

— Да уж вы, рязанские, такой рыбы, как у нас на Волге, и не понюхали,—разгорячившись ответил ему Валерий.— «Волгари»! Ведь они, товарищ полпред, не знают даже, как и верши-то ставить. А мы еще ребятами частенько на Телешный остров, в Заволжье, ездили; там заливчик удобный, рыбы много — особенно, когда вода мутная. Вот мы и давай осматривать чужие снасти. И какой только там рыбы не было: и язь, и лещ, и налим, и щука. Видимо-невидимо.

— А любимой твоей стерлядки? — перебил Байдуков.

— Не было, Егор. Стерлядь — рыба хитрая. Держится посреди быстряка и коряг...

* * *

Утром готовились к приему у президента. Чкалов поправлял перед зеркалом галстух. С его спины Беляков тщательно сдувал какую-то невидимую пылинку.

— Мы совершенно готовы, — объявил Валерий Павлович.

На машине полпредства проехали мимо цепи парков и скверов; остановились перед колонной — памятником первому президенту Соединенных Штатов Америки Джорджу Вашингтону; миновали другой памятник, изображающий Линкольна, сидящего в кресле. Чкалов обратил внимание на исключительно красивое здание верховного суда, отделанное мрамором. Столица Америки оказалась городом департаментов, чиновников, сплошных особняков и яркой зелени, — в отличие от Чикаго, здесь совершенно отсутствовали небоскребы, какие бы то ни было промышленные предприятия. Притом город идеально распланирован.

Белый Дом — резиденция президента — представлял собой очень простой архитектуры трехэтажное белое здание. Все окружающее пространство покрывал асфальт, несколько скрашенный зеленью коротко подстриженных кустиков. По отлогой каменной лестнице спускались туристы — мужчины и дамы. Некоторые из них задерживались на лестнице, раскрывали путеводители и посматривали то на здание, то на парк.

В вестибюле летчиков сразу окружили фотографы. В полуоткрытую дверь приемной Чкалов заметил человек восемь журналистов.

В кабинете президента летчики увидели большой светлый стол, заваленный книгами и документами. Рузвельт сидел в круглом кресле и писал. На стенах кабинета были развешаны снимки и картины, изображающие разного рода фрегаты, канонерские боты, двухмачтовые бриги и корветы. Когда-то Рузвельт был помощником морского министра.

— Чиф-пайлот Валерий Чкалов, — начал представлять летчиков полпред. — Копайлот Джорджи Ба́йдуков, — продолжал он, делая ударение на букву «а» в фамилии Байдукова. — Нэвигейтор Александр Беляков.

Президент, не вставая с кресла (у него тяжелая, трудно излечимая форма ревматизма), улыбнулся и протянул широкую руку. Одет он был просто: рубашка с галстухом и брюки на ремешке.

— Блестящий ваш перелет свидетельствует о высокой технической культуре Советского Союза. Перелет будет записан в историю, — обратился он через полпреда к летчикам. Он опять приветливо улыбнулся, вокруг проницательных, с холодным блеском, глаз сбежались морщинки. Он начал

расспрашивать о подробностях перелета — было ли холодно в кабине, какие меры предприняли летчики против обледенения?.. Полпред переводил ответы Чкалова и вскоре же, почувствовав, что пора прощаться, сделал шаг вперед. Рузвельт пожал летчикам руки. У двери Чкалов на мгновенье задержался. Он видел, как президент повернулся на своем кресле, потянувшись за какими-то бумагами; лицо, склонившееся над столом, приняло сосредоточенное выражение.

Они вышли из здания.

Необыкновенное оживление царило на улицах. Из дверей учреждений выходили служащие министерств. На перекрестках, в струйках бензиновых испарений, скапливались автомобили. Было шесть вечера — час, когда кончается официальный вашингтонский день. Но так же быстро, как появились, исчезли автомобили и люди. Через полчаса город казался мертвым.

* * *

На следующий день летчики присутствовали на заседании Конгресса. А вечером должен был состояться в честь перелета большой прием в полпредстве: пригласили весь дипломатический корпус, министров, сенаторов, военных пилотов, ученых, представителей различных партий и газет, — словом, свыше восьмисот человек.

Вытянувшись под холодной, свежей простыней, Чкалов с удовольствием думал, что можно целый часок понежиться, по-настоящему отдохнуть; он только боялся заснуть, потому что знал, как трудно будет его разбудить. Так он и лежал, полузакрыв глаза, покуривая и тихонько посвистывая, — отгоняя мысль о том, что скоро придется облачаться в сорочку с жестко накрахмаленной грудью и твердым воротничком.

А через час летчики, в полном параде, с полпредом и его женой стояли в ярко освещенном вестибюле, на верхней площадке мраморной лестницы, у входа в зал и согласно церемониалу встречали гостей. Официант в токсиде с блестящими шелковыми лацканами, сам похожий на дипломата и знавший почти всех гостей в лицо, называл фамилию каждого поднимающегося по лестнице.

— Начальник авиационного корпуса армии генерал Ве-

ствовер, — громко и раздельно произносил он. — Министр труда госпожа Перкинс, помощник государственного секретаря господин Карр.

Каждый гость подходил к летчикам, пожимал руки и любезной улыбкой выражал удовольствие приветствовать чифпайлота Чкалова, копайлота Байдукова и нэвигейтора Белякова. Отвечая на рукопожатия, Чкалов часто слышал слово «конгратулейшен» — поздравление, это удлиняло церемонию.

Когда летчики пожали рук четыреста, они почувствовали усталость.

Гости, поздоровавшись, проходили в зал, где в свете люстр накрытые столы сверкали хрусталем, бронзой, богемским разноцветным стеклом. Официанты бесшумно поднимали тяжелые серебряные крышки с блюд, и ароматный пар шел от разнообразных яств. Зал наполняла пышно разодетая толпа; золотые и серебряные туфельки, отливающий мягким розовым блеском жемчуг, бриллианты — все это сверкало, переливалось, отражаясь в зеркалах. Живой поток поднимался непрерывно по широкой лестнице, наполняя залы посольства. В глазах у летчиков начало мелькать. Из зала доносились звон посуды и смех, вокруг колыхались ароматы духов. Все трое продолжали стоять на одном месте, не меняя позы. На лбу выступила легкая испарина. Шли часы, а снизу поднимались всё новые и новые лица, туалеты, улыбки.

— Это, брат, тебе не через полюс пролететь, — выбрав момент, сказал Чкалов Байдукову, одновременно прислушиваясь к тому, как официант усталым голосом выкрикивал фамилии министра торговли и двух сенаторов. Через четыре часа незнакомый сотрудник полпредства принес летчикам тарелочку с бутербродами и вазу с апельсинами. У Валерия Павловича пересохло в горле, очень хотелось пить; взяв апельсин, он на этот раз с особенным удовольствием пожал руку, поблагодарив сотрудника за внимание. Но когда он обернулся в сторону, где стояли его друзья, то их не увидел. Они не выдержали и ушли в гостиную отдохнуть в креслах.

Из открытых дверей доносились звуки бальной музыки, банкет, повидимому, подходил к концу. Чкалов надеялся, что церемония рукопожатий сейчас прекратится, — снизу подни-

128—1—347

мались последние гости, — как вдруг начался разъезд. Из зала вновь хлынул поток людей. Каждый уходящий снова подходил к летчикам, еще раз, на прощанье, с жизнерадостной улыбкой пожимал им руки. Валерий еле дышал, пот с него лил ручьями. Процедура прощанья продолжалась еще добрых два часа.

Наконец, вестибюль опустел. Чкалов вздохнул облегченно, широкой грудью.

— Ну, ребята, и работенка нам выпала. Сосчитали — сколько? Небось, тысячи две... Пойдемте-ка, ребята, в зал и выпьем за здоровье ушедших!

Выпили немного, но у Валерия сразу зашумело в голове, — сказывалась усталость от непрерывного шестичасового стояния на ногах.

Валерия Павловича, видавшего на своем веку всевозможную рыбу, поразила огромная белуга весом в пятьсот фунтов, специально присланная из СССР и лежавшая на громадном блюде, украшенная сложным сооружением из гарниров. Рыбу уже успели основательно попробовать, и все же она производила весьма внушительное впечатление. Такое обилие черной икры он тоже в Америке видел впервые. Икра в Соединенных Штатах ценилась на вес золота.

Пока утомленные Егор и Саша вяло действовали вилками и ножами, Валерий обратился к присутствующим:

— Ну, а теперь, товарищи, и потанцовать можно. Приглашаю даму.

Жена советского консула села за рояль. Валерий закружился в вальсе с одной из сотрудниц. В перерывах между турами он расспрашивал жену консула, как ей здесь живется, как она поддерживает связь с Родиной. Потом он опять, забыв об усталости, танцовал, приглашая по очереди всех присутствующих дам, а подконец попросил сыграть русскую. После длиннейшей официальной части ему захотелось повеселиться, «пошуметь».

С первыми аккордами он не вытерпел и начал вполголоса подпевать:

Как у наших у ворот
Стоит озеро воды.
Ой люли, ой люли!
Стоит озеро воды.

128—1—347

Среди сидящих на узеньком диванчике женщин почувствовалось оживление. Одна из них встала и в плавном танце пошла навстречу Валерию Павловичу. Вынув из кармана шелковый платочек, он двинулся к ней, напевая:

Красна девица-душа,
Сбереги добра коня!
Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня.

Под неторопливые вначале звуки он двигался медленно, постепенно расправляясь, и вдруг, притопнув правой ногой, пустился в пляс.

* * *

Вдоль полотна тянулись паровозные, химические, металлургические заводы. Потом все чаще замелькали на столбах красочные щиты с изображением кинозвезд или чемпионов бокса и тенниса, рекламирующие отели, автомобили, мыло. В Америке всякий сколько-нибудь знаменитый человек может заработать изрядную сумму, если разрешит одной из фирм опубликовать его портрет с надписью, например, о том, что табак «Лаки Страйк» мягок и не сушит горла. Крупные фирмы широко рекламируют свои изделия, пользуясь услугами радиокомпаний. «Дженерал Моторс» приглашает выступить по радио знаменитого дирижера Тосканини и в перерыве концерта расхваливает свою продукцию. Форд покупает у радиокомпаний перерыв между сообщениями о ходе матча боксеров Джо Луиса и Шмеллинга...

Чкалов, положив руку на плечо Байдукова, стоял у окна небольшого дроуингрума — салона — и смотрел на щит, на котором какой-то веселый джентльмен, нарисованный яркими красками, приглашал туристов останавливаться только в отеле Линкольн.

— Еще час езды, Егор, и мы увидим Нью-Йорк.

Его внимание привлекала автострада — небесная дорога, поднятая на эстакаде на высоту шести-семиэтажного дома.

Подошел проводник-негр и попросил разрешения вынести багаж в тамбур. Затем, уже без всякого разрешения, негр до блеска натер мохнатой перчаткой ботинки Чкалова. Послышался короткий и резкий рев сирены, сменившийся гро-

хотом, — экспресс вкатился в черный тоннель под рекой Гудзон. Он шел по тоннелю минут пять, просвет блеснул на мгновенье. Валерий даже не заметил, как поезд остановился у перрона Пенсильванского вокзала, запрятанного глубоко под землей.

На перроне летчиков сразу окружили работники советской колонии. В толпе репортеров, фотографов, представителей мэрии, членов комитета по встрече летчики увидели знакомое им по портретам лицо знаменитого полярного исследователя доктора Вильямура Стефансона.

Полиция, опасаясь, как бы встреча героев не превратилась в грандиозную демонстрацию (американский народ проявлял, с ее точки зрения, слишком большой восторг, внушавший уже тревогу), провела летчиков служебными ходами к подъезду вокзала, минуя громадный зал, где собрались тысячи встречающих. Но маневр полиции не удался. Когда летчики садились в открытые автомобили, толпа с криками «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствуют советские орлы!» хлынула к ним и засыпала их цветами. И, вновь эскортируемые полисменами на мотоциклах с развевающимися американскими флагами, машины летчиков понеслись по пятой авеню через Бруклин к зданию мэрии.

Вой сирен заставлял людей выбегать на улицу. На перекрестках быстро собирались толпы. Летчиков приветствовали высоко поднятыми руками со сжатыми кулаками и кричали вдогонку по-английски, по-русски, по-итальянски и по-еврейски.

В окнах, на крышах домов стояли люди и бросали разноцветные ленты и листовки. Чкалов, весь осыпанный конфетти, махал в ответ шляпой.

Колонна остановилась у широкого подъезда. Толпа ожидающих расступилась. Летчики поднялись в вестибюль. Их представили мэру Нью-Йорка Лагардиа, приземистому человеку с полным, румяным лицом. Чкалов держал огромный букет. Поблагодарив за встречу, он вынул алую розу и преподнес мэру. Лагардиа, приложив руку к сердцу, поклонился и спросил:

— Как вам нравится сэло Нью-Йорк?

Он был когда-то американским консулом в Триесте и знал несколько русских слов.

Тем временем толпа на площади росла. Весь подъезд мэрии заполняли журналисты и фотографы. Кинооператоры и

радисты стояли наготове с аппаратами и микрофонами. Как только показались летчики, толпа заколыхалась. Фоторепортеры, обступив их, наперебой приглашали сниматься то вместе, то порознь, то в строгой позе, то в непринужденной и с улыбкой. Одновременно снимали летчиков для кино и записывали их голоса на пленку, чтобы на следующий день их видел и слышал весь Нью-Йорк.

Спустя полчаса Чкалов выполнял последнюю процедуру: он говорил перед микрофоном, и его речь транслировалась всеми радиостанциями Америки. И опять машины летчиков с неотлучными полисменами на мотоциклах понеслись под вой сирен к зданию советского консульства на Сикисти уан стрит.

К приезду летчиков все комнаты консульства были заполнены цветами, сотнями букетов красных гвоздик и алых роз; многим букетам была придана форма самолета. В розах утопал кабинет генерального консула, гвоздики и розы наполняли столовую и гостиную. Это были трогательные, в большинстве случаев безымянные, цветы от разных рабочих организаций.

После обеда перешли в гостиную. Летчикам вручили пригласительный билет на плотном, украшенном золотом паспарту. Валерий попросил перевести. Пространная надпись гласила:

«Уолдорф Астория, Нью-Йорк, 30 июня 1937 г.

Банкет дается русско-американским обществом культурной связи и кооперации совместно с Американским Географическим обществом, Американским Музеем естественных наук, Русско-Американской торговой палатой, Институтом аэронавигационных наук и Торговой ассоциацией города Нью-Йорка. Председатель банкета Вильямур Стефансон».

В самом низу первой страницы было написано: «Речи транслируются с 10 до 10.45 по всей стране». На других страничках приводился перечень почетных гостей, среди них упоминались имена мэра города Лагардиа, генерал-майора авиации Оскара Вестовера, канадского летчика Кэньона, участника экспедиции Элсворта на Южный полюс, капитана Рида, заместителя начальника аэронавигационного управления всего морского флота США, летчика Арчболда, впервые перелетевшего Америку на летающей лодке, негра Мэтью Хенсона, единственного оставшегося в живых члена экспедиции Роберта Пири к Северному полюсу, арктического иссле-

дователя Губерта Уилкинса, Фиало, руководителя циглеровской полярной экспедиции в 1903—1905 годах. Восемьсот гостей — профессоров, представителей крупнейших американских корпораций, журналистов, путешественников, пилотов, прилетевших из Вашингтона, Балтиморы, Кливленда, Бостона на чествование советских героев, — были приглашены на банкет в огромном зале нью-йоркского отеля Уолдорф Астория на Парк-авеню.

— Собрание знаменитостей, — сказал об этом банкете один из представителей прессы. — О каждом можно написать книгу.

По случаю жары летчики облачились в светлые кремовые костюмы. Среди фраков и смокингов в торжественном и пышном зале Уолдорф Астории они образовали живописную группу.

Обед, как полагается, начался с холодной воды и дыни. И сразу же начались речи. Время от времени острил тостмейстер. Это принято на американских банкетах; остроты в Америке можно покупать и продавать.

Чкалов сидел рядом с Мэтью Хенсоном за столом президиума. В Нью-Йорке негр сидел с белыми за обеденным столом! Это для Америки было редчайшим нарушением неписаного устава.

Между речами тостмейстер оглашал приветственные телеграммы. Многих Чкалов не понимал, но одна из них — от дочери Пири — привлекла его внимание.

— Мой отец, — громко, на весь зал, прочел тостмейстер, — предсказывал, что Северный полюс будет завоеван авиацией. И это осуществилось.

Товарищ министра торговли приветствовал чкаловский перелет как историческое достижение и поздравлял летчиков, чья храбрость пленила воображение американского народа.

В зале почувствовалось оживление, когда к микрофону подошел профессор Гарвардского университета Брус Хоппер. Он говорил о том, что эпоха Сталина является героической эрой, сравнивал ее с эпохой Гомера и Ренессанса.

Председательствующий доктор Стефансон объявил, что слово предоставляется Валерию Павловичу Чкалову. Гости встали. Зал загремел рукоплесканиями.

— Совершая полет из Москвы через Северный полюс в вашу страну, — говорил Валерий, отчеканивая каждое сло-

во, — мы на крыльях самолета несли привет нашего стосемидесятимиллионного народа американскому народу. В моей стране поют песню: «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Садясь в самолет, мы, три человека, несли в своих сердцах сто семьдесят миллионов сердец, и никакие циклоны и обледенения не могли нас остановить. Мы выполняли волю своего народа...

Зал снова загремел аплодисментами. Глаза Чкалова блестели.

Позади спикер-тэйбла висела большая географическая карта северного полушария. К Белякову подошел Стефансон и попросил начертить на карте маршрут полета из Москвы в Америку.

Официант подал лесенку. Александр Васильевич поднялся на верхнюю ступеньку. Несколько минут стояла тишина, пока штурман красным мелом проводил черту от Москвы до Ванкувера. В конце черты он обозначил число и час посадки самолета.

И еще одна церемония (ее присутствующие расценили как огромную честь и внимание героям) была восторженно встречена всеми собравшимися.

По распоряжению Стефансона в зал принесли глобус. Тостмейстер поднял руку:

— Господин посол, высокопочтенные гости, лэди и джентльмены, этот глобус уникален. Он принадлежит клубу полярных исследователей. На нем в разных направлениях земного шара прочерчены прямые и извилистые линии пионерских маршрутов и стоят личные подписи Фритьофа Нансена, Роальда Амундсена, Стефансона, Вилли Поста, Уилкинса, Роберта Пири, Берда, Чембэрлина, Амелии Ирхарт и других лиц, которые совершили большие путешествия и открытия. Попросим наших дорогих гостей, трех летчиков, расписаться на глобусе у свежей линии от Москвы до Ванкувера.

Стефансон протянул Чкалову перо, Валерий первым написал свою фамилию. За ним расписались Байдуков и Беляков.

Затем начался штурм. Почетные гости выскочили из-за столов и стеной окружили героев. Все были во фраках, плотно облегающих фигуру, и ничего лишнего сейчас при себе не имели — ни записных книжек, ни блокнотов. Летчикам протягивали карточки меню, пригласительные билеты, чтобы получить автограф.

* * *

Прошли первые дни приемов, банкетов, интервью. Чкалов со своими друзьями уже успел осмотреть несколько авиационных заводов, побывать в пионерском лагере советской колонии и на пляже Атлантического океана, где, смешавшись с шумной толпой купающихся, они меньше рисковали быть узнанными. Но стоило возвратиться в Нью-Йорк, и американцы попрежнему рукоплескали им, когда они появлялись на улицах или в кафе. Автографы приходилось давать даже в лифте. От всего этого они порядочно устали. Расслабляюще действовала и жара, которая в том году стояла по всей Америке. Из сельскохозяйственных районов шли тревожные вести о засухе. Газеты сообщали: «Вчера погибло 93 человека, в том числе 9 в Нью-Йорке... Вчера умерло в Америке от жары 102 человека, в Нью-Йорке — 11».

Под воскресенье сотни тысяч нью-йоркцев перебирались на автомобилях в горы или в многочисленные городки, разбросанные вдоль побережья Атлантики. На автострадах Чкалов видел автомобили, к которым сзади была прицеплена комната на колесах, вернее — квартира, состоящая из кухни, столовой и спальни с широкой кроватью.

В душную полночь группа работников советского консульства пригласила летчиков на «Эмпайр Стэйт Билдинг».

Лифт-экспресс без остановки поднял их на восьмидесятый этаж. Там они пересели на более тихоходный подъемник. Последние два этажа прошли пешком и очутились на сто втором, в небольшом стеклянном зале, на крыше знаменитого небоскреба.

Никакой шум сюда не доносился. Ночной Нью-Йорк лежал внизу, залитый огнями. Невероятное количество их скопилось на перерезающем наискось остров Манхэттен Бродвее — примерно, от Таймс-сквера до 57 стрит, где находились все увеселительные заведения — кино, театры, рестораны и кафе. Все горело, переливалось, сверкало световой рекламой.

Слова летели по черному небу, усыпанному золотыми звездами, распространяя вокруг себя сияние. Сияние тухло, вспыхивало, расходилось лучами и вновь рисовало на небе узоры.

Сбоку высились величественные серые контуры статуи «Свободы» с ярко освещенной башней. В водах Гудзона от-

ражались бесчисленные огни пароходов. Ночь стояла на редкость спокойная и звездная.

На крыше самого высокого здания мира находился звукозаписывающий аппарат. Летчики подошли к нему. Чкалов опустил в отверстие десять центов. Прибор включился, вспыхнул сигнал — внимание, — затем второй сигнал показал, что можно говорить.

— Привет тебе, наша прекрасная Родина! Привет, Москва! Еще лежат между нами и тобой тысячи земных километров, долгие мучительные часы пути, — полмира мы увидели за это время, но сердце рвется к тебе. Отсюда, с крыши сто второго этажа, мы видим твой образ, — первым произнес громко и взволнованно Валерий.

Великая страна послала его сюда, и он как бы обращался с вышины ко всему миру со словами, вошедшими в историю: «Мы связали Москву с Америкой».

Потом Байдуков и Беляков сказали по нескольку фраз.

Консул нажал на автомате кнопку. Сбоку выскочила небольшая металлическая пластинка. Ее тут же включили. Валерий слушал собственную речь.

Консул предложил летчикам взглянуть на Нью-Йорк в подзорную трубу. Это стоило один дайм. Валерий Павлович направил трубу на заинтересовавшую его статую «Свободы». Он увидел грандиозную фигуру женщины с поднятым факелом в руке. Факел светился, также был освещен и громадный постамент.

Валерий отошел от трубы. Вдали он увидел черные массивы рабочих кварталов, пересекаемые линиями огней. Темным беспокойным массивом казался и океан. Чкалов посмотрел в сторону Лонг-Айленда, и снова сверкнули перед ним тонкие линии огней бесчисленных автострад.

Он вспомнил, что на завтра предстоит много дел. Его ждали в редакции «Нью-Йорк Таймс»; хотелось побывать и на Ниагарском водопаде; надо было составить телеграмму Ольге; в прошлую субботу на пляже «Джонс-Бич», оборудованном аттракционами, он несколько раз промахнулся, стреляя из лука в цель, — завтра надо было обязательно добиться, чтобы стрела попадала с первого раза. По пути на пляж следовало бы осмотреть образцовую автостраду Хатчисон-Парквей, лишенную виражей, пересечений и покрытую асфальтом и хлопком, чтобы не скользили шины. Главное же

оставалось на вечер. Вечером в манеже 71 полка на 34 стрит предстояла самая интересная из всех встреч, — встреча с американскими рабочими. Он предложил отправиться домой, чтобы выспаться хорошенько после всех треволнений.

* * *

День начался не совсем так, как намечал Валерий. Поездку на Ниагарский водопад Георгий Филиппович убедил его заменить осмотром аэропорта Нью-Арк, самого оживленного аэропорта в мире.

Потом Георгий Филиппович куда-то скрылся и возвратился наголо обритый.

Это неприятно удивило Чкалова.

— Сколько я ни просил, все-таки обрился! Эх, Егор, упрямец, сколько раз я тебе говорил, что в Америке с бритой головой ходят только, кто недавно из тюрьмы вышел или из сумасшедшего дома.

К тому же, внезапно выяснилось, что летчики будут возвращаться в Европу на теплоходе «Нормандия». Подчиняясь великосветским правилам, как пассажиры первого класса они должны появляться в салоне, к обеду, в смокингах. Это новое беспокойство заставило Байдукова заупрямиться:

— Для меня необязательно. Можно и в сером костюме.

— Придется, Егор, облачаться в смокинг. Не спорь.

В конце концов Чкалов уговорил Байдукова, и вместо того чтобы отправиться на пляж, все трое поехали покупать смокинги. На примеривание и выбор ушел почти весь остаток дня.

В магазине, примеряя перед зеркалом смокинг с блестящими шелковыми лацканами и брюки с лампасами, Георгий Филиппович ужасался несоответствию вечернего костюма и бритой головы.

Чкалов торжествовал:

— Говорили, Егор, не брейся.

К смокингу полагались воротничок с уголками, специальные галстух и манишка. Георгий Филиппович, отдав себя терпеливо в распоряжение портных, успокоился.

Но когда он узнал, что нужно еще покупать черные носки, лакированные туфли, запонки в виде крохотных шариков и белый платочек, который обязательно должен быть виден из

кармана смокинга, он опять восстал против никчемности этикета. Однако и это последнее сопротивление было подавлено.

В консульство возвратились поздно. Не успели отдохнуть, как пора уже было ехать на митинг, устраиваемый Обществом друзей Советского Союза и редакцией журнала «Совиет Раше тудэй» («Советская Россия сегодня»). Когда они, окруженные почетным эскортом, с букетами цветов в руках, вошли в обширное, напоминающее грандиозный стадион, помещение манежа 71 полка, битком набитое народом, двенадцать тысяч собравшихся там встали, как один человек, и запели «Интернационал». Звуки росли, ширились, казалось — от их мощи рухнут стены. Потом раздался оглушающий залп аплодисментов, покрытый бурными криками восторга.

Американский народ приветствовал летчиков. Тысячи людей стояли на улице, у входа: манеж не мог вместить всех.

Председателю митинга, наконец, удалось предоставить слово руководителю Хайденского планетария. Оратор говорил о летчиках не только как о победителях арктических пространств, но и как о носителях человеческой правды.

У трибуны сидели журналисты. Они слушали ораторов и тут же выстукивали на телеграфных машинках тексты речей. Все ждали выступления Чкалова.

Отправляясь на митинг, он говорил, что надо приготовиться к речи. Но так и не успел этого сделать. И все же он произнес замечательную речь. В каждом ее слове звучала гордость за свою страну.

Он начал говорить при полнейшей тишине, что вообще редко бывает у американцев, он говорил, как политический деятель, как государственный человек. Его речь зажгла аудиторию. Каждая фраза, которую он бросал в зал, тонула в громе оваций. Председательствовал на митинге очень спокойный оратор. Но после речи Чкалова уже никто не мог говорить спокойно.

Где-то в глубине манежа, с верхних ярусов, неслась мелодия «Авиационного марша»:

Все выше, и выше, и выше...

Сердце Валерия забилось. Он видел, как толпа, заполнив проходы, продвинулась к трибуне и тесным кольцом смыкалась вокруг него. Полисмены не смогли сдержать ее. Она прорвала цепь, хлынула, как река, и понесла летчиков к вы-

Прием в Портленде

В. Нью-Йорке.

ходу. Какой-то высокий мужчина, держа на плечах ребенка, кричал охрипшим голосом: «Товарищ Чкалов, спасибо тебе, дорогой товарищ, за то, что ты сделал для человечества!» Чкалов не мог ответить. Его неудержимо нес разбушевавшийся людской поток. Донесся голос консула: «Садитесь», и, сам не понимая, для чего он так делает, Валерий Павлович вскочил в первое попавшееся такси. Автомобиль рванулся с места. Шофер оказался самым счастливым человеком. Он никак не ожидал, что на его долю может выпасть такое счастье. Байдуков и Беляков, усевшись в другую машину, обнаружили рядом с собой незнакомую американку, появившуюся в кабине неизвестно каким образом. Ее глаза восторженно блестели. Они поняли, что это ошеломленная своей удачей охотница за автографами. На подножках машины стояло трое рабочих. Машина, набирая скорость, мчалась по освещенным улицам Манхэттена.

* * *

После обеда в «Уолдорф Астория» «дипломатическая нагрузка», как выразился Беляков, несколько спала. Валерий чувствовал себя теперь здесь каким-то туристом. У него росло желание поскорее ехать в Москву.

— Мы свою задачу выполнили, нас ждут на Родине, — говорил он по несколько раз в день своим друзьям, — Америку сейчас все равно осмотреть не успеем. Если нужно будет, Правительство пошлет нас специально изучать здешние заводы. Да, ребята! Скорей домой и за работу!

Незадолго до отъезда летчиков на родину, в полпредство пришла делегация от русской секции «Интернационального рабочего ордена». Эта организация объединяла свыше трехсот тысяч рабочих — итальянцев, негров, русских, американцев, французов, испанцев, немцев. Русская секция, включающая рабочих самых различных профессий — токарей, инструментальщиков, меховщиков, судомоек, — хотела условиться о дне, когда она сможет приветствовать летчиков и поздравить их с блестящим завершением перелета.

Валерий позвал Георгия Филипповича и Белякова в торжественный зал с тяжелыми портьерами на окнах, со стенами, отделанными резными деревянными панелями и обитыми штофом.

— Вот что, дорогие, сейчас мы увидим, — сказал он не-

сколько приподнято, — представителей американских рабочих, понимаете: посланцев американского народа.

Он повернулся к консулу, сделал широкий жест рукой:

— Прошу.

Двери распахнулись. В зал вошло несколько человек. Они тепло приветствовали летчиков. Один на ломаном русском языке произнес:

— Среди наших членов возникло желание преподнести вам небольшой подарок. Просим разрешить передать его в ближайшие дни. Хотели, чтобы присутствовали наши наиболее видные работники.

Валерий Павлович внимательно слушал.

— Почему же только наиболее видных деятелей вы желаете пригласить? Пригласите и рядовых членов. Обязательно.

Накануне дня, назначенного для приема делегации, Чкалов несколько раз обращался к консулу:

— Устройте, пожалуйста, чтобы все было в порядке. Рабочих принимаем. Надо сделать так, чтобы было не хуже, чем когда президентов приглашаем... чтобы народ чувствовал, что в советское консульство пришел.

За несколько минут до прихода делегации он спустился в столовую и посмотрел, как накрыт стол.

Около восьми вечера в гостиную вошло человек пятьдесят. Всех их с улыбкой встречал Валерий:

— Здравствуйте, товарищи.

Сразу же установились дружеские отношения, не чувствовалось ни малейшей натянутости. Летчиков окружили гости, засыпали их вопросами, шутками. На шутку Валерий отвечал такой же шуткой, вызывая смех и аплодисменты.

Председатель секции, рослый мужчина с большими руками, осторожно распаковал тщательно завязанный именной подарок. Это была изумительная работа из серебра, изображающая колонну, на вершине которой три орла поддерживают земной шар. На шаре рабочие прочертили маршрут летчиков, над полюсом возвышалась миниатюрная модель их самолета, а на постаменте вазы было изящно выгравировано обращение к летчикам от имени секции.

Обычно очень сдержанный, Александр Васильевич наклонился к Байдукову:

— Видел роскошь, Егор!..

Рабочие произносили речи, очень короткие, но полные чувства. Летчики отвечали.

Затем, когда все уже думали, что прием окончен, Чкалов попросил гостей в столовую. Стол был уставлен всевозможными яствами и сверкал хрусталем. Консульский повар, негр Грэнд, как видно, постарался. Валерий на правах хозяина первым предложил тост за присутствующих здесь представителей рабочих. Гости ответили тостом за советскую авиацию и героев-летчиков. Валерий высоко поднял бокал.

— Благодарю. Я предлагаю выпить за всех наших летчиков. Мы часть, только часть, представляющая летчиков нашей страны.

Банкет кончился. Когда остались одни, Чкалов еще раз подошел к подарку.

— А, ведь, хороша работа. Егорушка, Саша, как вы думаете: если мы ее подарим Иосифу Виссарионовичу?

* * *

В ночь на 12 июля летчики узнали о том, что в Америку вылетел самолет Громова. Телеграмма пришла в консульство через полтора часа после того, как Громов стартовал с подмосковного аэродрома. И опять, как в дни чкаловского перелета, генеральное советское консульство в Нью-Йорке превратилось в оперативный штаб. Телефоны звонили непрерывно, мессэнджеры агентства «Уэстерн Юнион» то и дело приносили телеграммы.

Валерий, счастливый, шагал по ковру в кабинете консула и говорил Белякову:

— Михаил Михайлович-то уже четвертый час как летит. Я спокоен. Он все предусмотрел. Ну, что же, ребята, хоть и соскучился я по Москве, но придется на денек задержаться, пока Михаил Михалыч перемахнет Канаду, — тогда можно и домой со спокойной совестью.

Всю ночь Чкалов просидел, склонившись над картами. Когда громовский экипаж перелетел полюс, Беляков раскрыл свой бортовой журнал. Вглядываясь в цифры, он сразу понял, что Громов совершает полет в более благоприятных условиях погоды. К моменту достижения Северного полюса у него уже был выигрыш во времени на три с лишним часа.

— Добрый путь, — шептал Чкалов утром, заглядевшись в окно, откуда доносился шум городского прибоя. Валерий Павлович не спал ни минуты, на лице его лежала печать усталости, маленькими глотками он пил чай, не выпуская из рук булавочек с красными флажками. Ими он отмечал на карте продвижение громовского самолета. Валерий с удовлетворением думал о том, что полет, который он, Чкалов, со своими друзьями совершил, не являлся просто рекордсменским, но имел и крупное научное и практическое значение, и перелет этот, с еще большей дальностью, повторял теперь их товарищ.

Громов летел уже над Канадой. К отъезду первой тройки летчиков все было готово. Грэнд к прощальному завтраку приготовил для Чкалова его любимые пельмени. Валерий был весел, немного сосредоточен и только повторял изредка:

— Долетит Михаил Михалыч, как по расписанию, и опустится не раньше, чем в Сан-Франциско.

В последний раз окинул он взглядом всех собравшихся. Потом встал из-за стола и начал прощаться. Всех благодарил за хлопоты, пообещал приехать еще раз.

— И вам, мисс Арми, большое спасибо, — продолжал Валерий, обращаясь к технической сотруднице консульства.— Доставили вам немало хлопот. Небось, у вас рука устала поднимать телефонную трубку.

Три чемодана уже были погружены в автомобиль. Увидя их, Чкалов бросил коротенькую сердитую реплику:

— Куда мы столько набрали!

Но тут же ласково обратился к Байдукову:

— Хотя, Егор, тут, поди, половину всего места твоя бумага заняла? Сколько ты ее исписал?

Георгий Филиппович, действительно, был в Америке очень озабочен своими литературными делами.

Автомобили с летчиками, пробиваясь сквозь невероятное скопление машин между каменными громадами, прибыли на набережную «Френч Лайн» точно за полчаса до отхода «Нормандии».

Выйдя из машин, летчики двинулись сквозь густую толпу, под сплошным дождем цветов. В обширном зале многоэтажного морского вокзала при их появлении раздались громкие аплодисменты. Чкалову хотелось посмотреть на океан, но за огромными корпусами судов и зданий пароходных компаний не было видно ничего. Из окна зала он увидел только

высокий борт да иллюминаторы «Нормандии». По длинной ленте транспортера куда-то вверх плыли чемоданы.

По крытому трапу, похожему на тоннель и уложенному внутри дорожкой, летчики поднялись на борт. Восьмиэтажный гигант был отделан внутри как шикарнейшая парижская гостиница. На каждом шагу била в глаза позолота, в залах и на лестничных переходах стояли золоченые статуи.

Валерий спустился на палубу и вошел в отведенную ему каюту. Она была вся в живых цветах, каждый член советской колонии счел своим долгом прислать букет. В каюте собралась небольшая группа провожающих. Чкалов увидел доктора Стефансона. Крепко пожимая руки всем собравшимся здесь, Валерий каждому говорил что-нибудь на прощанье, он умел находить сердечные, простые слова.

— Примите от меня маленький подарок, — сказал Стефансон и протянул летчикам три комплекта карт и книг — труды, в которых он описывал свои экспедиции в Арктику.

— Я вам тоже кое-что подарю, — ответил Байдуков, принимая подарок. — Вот двадцатикопеечная монета. Она была у меня в кармане и перелетела вместе с нами через Северный полюс.

— Благодарю. Это для меня ценнейший сувенир.

— Приезжайте, доктор, в нашу, советскую Арктику, — пригласил Чкалов. — Воочию увидите, что создали там большевики.

Раздался резкий удар гонга, напоминавший, что провожающим следует уходить.

— Ну, еще раз прощаемся, дорогие друзья. За все вам большое спасибо.

И Чкалов опять стал крепко пожимать всем руки.

— Не забудьте передать привет Грэнду! — весело крикнул он консулу, который уже вышел в коридор. — Да скажите ему, чтобы в другой раз поменьше перцу клал в пельмени. А то получаются пельмени не по-сибирски, а по-грэндовски.

Вместе со своими двумя друзьями он на лифте поднялся на «сан-дек» — «солнечную», открытую палубу. Отсюда хорошо было видно набережную и провожающих.

— Как Громов-то? — крикнул он вниз.

— Не беспокойтесь, сообщим по радио! — слабо, издалека донесся чей-то голос.

Валерий замахал шляпой.

Пароход разворачивался медленно. Черными букашками показались Чкалову буксиры, упирающиеся носовой частью в борт «Нормандии».

— Ну, вот, Егор, и кончились наши треволнения.

— Погоди загадывать, может быть только начинаются,— ответил Байдуков.

Но Валерий уже не слушал его. Он сидел в шезлонге и смотрел на желтоватые громады небоскребов Манхэттена. Проплыла Нью-Джерси — стоянка торговых судов. Справа, освещенная солнцем, виднелась статуя «Свободы». Пароход шел ровно, рассекая гигантским носом воду. За кормой перекатывались мощные буруны. Над палубой белыми платками взмахивали крылья проносящихся одиноких чаек. Постепенно очертания города стали смешиваться. Наконец они совершенно исчезли из виду.

Перед Валерием открывалось необозримое, серое с белыми барашками, пространство.

Уже часа через два все население «Нормандии» знало, что на ее борту находятся три советских летчика, перелетевшие через полюс. Солидные, одетые по моде мужчины, с золотыми перстнями и цепочками, гуляли по палубе, попыхивая сигарами, и, кивая в сторону летчиков, перешептывались: «Норд-пол» (Северный полюс). На «променад-дек» играли в пинг-понг молодые люди, другие метко стреляли из ружья в подброшенные тарелочки. Ветер дул слабый, приятный и теплый. Пароход уклонялся к югу, обходя ньюфаундлендскую отмель, опасную главным образом обилием рыбачьих судов и суденышек.

Валерий спустился в пятый этаж. Заглянул в магазин, торгующий парфюмерией и мануфактурой, остановился в нерешительности перед тяжелой инкрустированной дверью, ведущей в костел, зашел в роскошный зимний сад. Около своей каюты он встретил веселого коренастого юношу в белом кителе. Юноша оказался «гарсоном», звали его Пьер. От него Валерий узнал распорядок дня на «Нормандии». Кроме того, Пьер, бывший в хорошем настроении и знавший порядочно русских слов, тут же сообщил Валерию, что мечтает о встрече с женой в Гавре. Пароход несколько дней будет стоять в гавани, команда получит отпуск, и он славно погуляет с молодой женой.

— Я тоже, дружище, соскучился по дому, — сказал Чкалов, задумавшись. — Так вы говорите, Пьер, ко второму завтраку надо обязательно итти в ресторан?

— Да, первый можете получать в каюту, а ко второму — в ресторан. К которому часу прикажете подавать газету?

— Какую газету?

— У нас ежедневно издается газета. Вы можете прочитать о международных событиях, быть в курсе биржевых и спортивных новостей. Например, без-бол... А главное, monsieur Чкалов, в нашей газете вы сможете прочитать подробные объявления об увеселениях, концертах и фильмах. Сегодня вечером выступает известная балерина.

Валерий слушал рассеянно. Он смотрел на стену, на которой висел список всех пассажиров с указанием номеров кают. Неподалеку, в вестибюле, разгуливали в ярких светлых платьях раскрашенные старушки с миниатюрными собачками.

Захотелось отдохнуть, и Валерий направился к каюте. Он уже открывал ключом дверь, когда услышал за спиной веселый голос Пьера:

— Monsieur Чкалов, на ваше имя пришла радиограмма.

— Саша, Егор! — воскликнул Чкалов, пробежав глазами текст и по привычке обращаясь к друзьям, хотя их и не было около него. — Молодцы, право, молодцы! Вот так Михаил Михалыч!

Ему не терпелось поделиться с друзьями радостной вестью, отправился их разыскивать. Нашел их в одной из гостиных и, потрясая бланком, громко объявил:

— Ребята, поздравляйте Михаила Михалыча. Сел в Сан-Джасинто.

В эфир немедленно понеслась приветственная радиограмма. Спустя несколько часов Валерий сидел в радиостудии и ждал вызова из офицерского клуба в Марчфилде, где после перелета отдыхал Громов со своими двумя спутниками. «Нэйшьонэл Бродкестинг Компани» пыталась установить прямую радиосвязь с шедшей в Атлантике «Нормандией».

— Алло! «Нормандия»! Алло! «Нормандия»! — услышал он вдруг голос диктора с другого конца Америки.

— Восхищены вашим мастерством... — взволнованно произнес Чкалов. — Рады за вас, за страну. Отдыхайте, Михаил Михалыч. Алло! Михаил Михалыч! Алло!..

Сквозь треск атмосферных разрядов донесся в ответ знакомый голос.

— Михаил Михалыч, слышите меня? Говорю, рады за вас... Алло! Алло!

Чкалов пожал плечами:

— Сильные помехи. Ну, ладно, и то хорошо, что узнали о благополучной посадке. Пойдемте, ребята, облачаться в смокинги. Пора ужинать.

В ресторане было шумно и весело. Весь огромный зал был залит электрическим светом софитов, запрятанных в мраморных колонках, благодаря чему создавалось впечатление, что из окон светит яркое солнце. Между столиками сновали официанты с подносами. Среди них важно расхаживал пожилой стюард с цепочкой на груди и время от времени предлагал посетителям карточку вин французских погребов. Валерию хотелось спросить водки. Немедленно явился официант и налил положенную порцию. Но это количество было явно недостаточно для Валерия, он сообщил об этом официанту по-русски и при этом показал ему два пальца, что означало двойную порцию.

— Дубль? — спросил официант и наполнил большую рюмку доверху.

— За успех Михаила Михалыча!

Валерий опустошил рюмку и закусил «белугой-малосоль» — так называлась здесь черная икра.

— Какое-нибудь бы русское блюдо или кавказское, — предложил он, косясь на дыню и вазу с грейпфрутами. — Как, Егор, насчет шашлычка?

Шашлык, хоть приготовлен был и по-кавказски, но оказался с прослойками копченой ветчины; зато рябчики с брусничным вареньем были наславу.

После ужина Валерий поднялся на открытую палубу. Ночь стояла жаркая, южная. Он остановился у спасательной лодки. Через темносиний купол неба широкой матовой полосой тянулся Млечный Путь, клочковатый, с причудливыми завитками и неравномерно разбросанными звездными скоплениями. Океан дышал спокойно, светясь еле уловимым отраженным светом звезд.

— Любуетесь? — услышал Валерий правильную русскую речь.

Он обернулся. Двое мужчин, один средних лет, другой

постарше, тучный, с полным, одутловатым лицом, стояли неподалеку от него.

— Хороша ночь, — ответил он не сразу.

— Мой компаньон... Вы простите, господин Чкалов, но, может быть, вы удовлетворите любопытство моего компаньона? — Мужчина средних лет кивнул головой в сторону другого. — Мой приятель — владелец шести металлургических заводов. Еще днем хотел он задать вам один вопрос, но он не говорит по-русски и поручил это мне. Вы богаты, господин Чкалов?

— Да, очень, — не задумываясь, ответил Валерий.

Тучный господин насторожился и приставил к уху ладонь.

— В какой же цифре, господин Чкалов, выражается ваше состояние?

— У меня сто семьдесят миллионов.

— Сто семьдесят миллионов! — воскликнул переводчик так громко, что Валерий даже чуть вздрогнул. — Чего? Рублей? Долларов?

— Сто семьдесят миллионов человек, которые работают на меня так же, как я работаю на них, — спокойно ответил Чкалов.

Переводчик улыбнулся, а его богатый компаньон, владелец нескольких американских заводов, разочарованно вздохнул и, приподняв шляпу, вежливо откланялся, сказав по-английски:

— Простите за беспокойство.

Валерий слышал его удаляющиеся неторопливые шаги.

«Не понравился мой ответ», — подумал он и, перегнувшись через борт, стал смотреть вниз. Вода у ватерлинии была черная, и по ней, не отставая от парохода, бежали дрожащие желтые полосы от освещенных иллюминаторов.

И опять так хорошо ему знакомое чувство полноты жизни, широкой, как этот темный океан, неясная, беспокойная мечта о чем-то большом, что еще нужно совершить, охватили его. Что он сделал? Перелетел через полюс? Но это позади — это вчерашний день, и это уже не воспламеняет воображения. Егор иногда подсмеивался над ним, когда он предлагал ему совершенно серьезно — «податься к Южному полюсу»... Чудак Егор... Никакой тут нет фантазии. Тут другая трудность встает на пути — скоро маршрутов на даль-

ность не выберешь — земля мала становится для самолетов.

Он вспомнил разговор с американским миллионером о рублях и долларах. Рубли, доллары... Смешно было наблюдать, как разочаровался его ответом этот вежливый господин с одутловатым лицом. Нет, к деньгам Валерий всегда был равнодушен, хотя было время, когда и нуждался в них. Чего же ему нехватало? Славы, почестей? Ее и так было с избытком, этой славы, да, по правде сказать, он уже и устал порядком от этих любопытных американских взоров, обязательных улыбок и комплиментов. И сейчас, стоя в одиночестве у борта «Нормандии», он с удовольствием думал о том, как приедет в Василево, как будет бродить с ружьем в заволжских лесах, разговаривая на заре с птицами или всецело отдаваясь своим мыслям о новом подвиге, который еще больше прославит Родину. Конечно, предстоит большая борьба — сначала споры с Егором и Сашей, бессонные ночи, выкладки, цифры, сомнения, волнения жены, потом тревожные часы ожидания, разлука с семьей, неведомые края земного шара, бушующие океаны, леденящие ветры, борьба, схватка с глазу на глаз со стихией, — вот она, жизнь, и только такой она должна быть. Он улыбнулся, подумав, что слишком далеко зашел в своих мечтаниях. «Еще не вернулся в Москву, а уже собираюсь на Южный полюс». Но мечта казалась такой возможной, а желание «слетать» и вернуться победителем было так сильно, что он решил: иначе не может быть.

Мысли его перенеслись к семье. Месяц не видел он Ольгу и детей. А кажется — как давно они разлучились. Сколько нового увидел он за это время! Он ясно представил ее синие глубокие глаза: в них было столько тревоги в тот последний вечер, когда все вместе собрались в уютной столовой. Все окончилось хорошо, напрасны были ее волнения. Теперь он увидит ее из окна вагона. Она будет стоять на перроне московского вокзала, счастливая, улыбающаяся, в голубом платьи, — обязательно в голубом, оно так к лицу ей. И в тот же вечер, если никто не помешает, он расскажет ей обо всем, что пережил за эти долгие дни, казавшиеся годом.

Посвежело, ветер усилился, «Нормандия» медленно кренилась в одну сторону и на некоторое время как бы застывала в наклонном положении.

«Ольге не понравилось бы», — подумал Валерий Павло-

вич, вдыхая полной грудью ночную прохладу океана. И опять он увидел эти, с тревожным блеском, глаза, и вдруг понял, что в темных зрачках их всегда светилась тревога. Он вспомнил: сколько огорчений, вольных и невольных, доставил он ей с того самого часа, как встретил ее впервые на клубной сцене в новогоднюю ночь. Нелегко им жилось вначале. Служебные дела не ладились, жили часто порознь: она — то одна, то в семье своих родных; он — то занимал угол в семье какого-нибудь товарища, то отсиживался на гауптвахте. Был короткий проблеск надежды на что-то лучшее, — это совпало с рождением сына, он тогда еще писал ей из Брянска: «Ты дала мне то, чем я живу сейчас, и моя жизнь стала какой-то хорошей и дорогой...» «Сын — это связующее звено в нашей жизни. А ты — друг, товарищ, который не бросит меня в тяжелую минуту и рядом с которым я отдохну и морально и физически...» А потом опять пошли неприятности с некоторыми людьми. Люди были равнодушны и далеки от того, к чему он стремился. Его прямолинейность, резкость в суждениях лишь усугубляли разлад, и только одной ей он мог излить душу. «Я не получаю повышения по службе, — делился он своими переживаниями в очередном письме. — Ты права, но ведь это зависит не от того, что я не могу работать, а от того, что я не могу делать так, чтобы это дело потом нельзя было никуда применить. Сегодня я должен был отправиться на гауптвахту, но внезапно приехало начальство и назначило мне явиться для объяснений к 15 ч. 30 м.». Да, нелегко жилось им тогда, и хорошо, что все это в прошлом.

Он отошел от борта и закурил, удивляясь тому, что эти мысли пришли ему сейчас, здесь, на палубе, в океане, на пути из Нью-Йорка в Гавр.

Он вспомнил, что еще с завтрака не переводил часовой стрелки. Ведь «Нормандия» шла на восток, переходя из одного часового пояса в другой. Он спустился к пароходным электрическим часам (они через каждые два часа переводились на пять минут вперед), сверил время: оказалось, что его ручные часы уже порядком отстали.

«Ладно, — решил он про себя, — верти не верти, а пароход и без этого идет в Европу, и Москва приближается с каждой минутой».

В каюте он опять отдался течению своих мыслей.

Платяной шкаф, большое зеркало, настольные лампы, те-

лефонная книжка около аппарата — все было так похоже на его спальню в московской квартире; только два иллюминатора с двойными стеклами напоминали, что он находится в Атлантическом океане. В нише, упакованная в ящик, стояла серебряная группа — подарок американских рабочих.

«Обязательно преподнесем Иосифу Виссарионовичу».

И с новой силой в его сознании возник образ того, кто начертал ему первый арктический маршрут и разрешил его продолжить.

Да, немало пришлось увидеть троим советским летчикам за последнее время, и сейчас невольно возникла потребность подвести итог своим впечатлениям. Видели они высокую американскую технику, изумляющую даже ее создателя — человека, превосходное обслуживание с улыбкой, великолепие дворцов и набережных, величайшие мосты Сан-Франциско, длинные ленты автострад, пересекающих страну вдоль и поперек, и многие другие чудеса, созданные человеческим гением. В Калифорнии за несколько дней до их приезда опьяняюще благоухали фруктовые сады. На плодоносной земле зеленели ряды сахарного салата, созревали винные ягоды, розоватые персики, груши и лиловые, как бы покрытые инеем, сливы. Но вот, оказывается, надо, чтобы деревья в Америке перестали приносить плоды — иначе снизятся цены. Правительство платит фермерам за то, чтобы они не возделывали полей. Пусть будет меньше товаров, и тогда товар будет дороже. Надо, чтобы он был дороже — и поэтому жгите кофе и хлеб в пароходных топках, выбрасывайте картофель в реки, обливайте плоды керосином! Капиталистам нет дела до миллионов бедняков, гонимых нуждою из одного штата в другой. И с каждым годом армия париев американского социального порядка растет за счет новых сотен тысяч людей, выброшенных с заводов и полей.

Чкалов лежал на пружинной кровати, а картины недавно виденного — забастовки с кровопролитиями, проституирующие несовершеннолетние девушки-негритянки, хилые дети бедняков, играющие в грязных канавах, — длинной чередой проходили перед ним.

Доводилось Валерию разговаривать с американскими студентами. За любую работу берутся многие из них, только бы продолжать образование. Вечерами можно видеть, как они работают официантами или играют в джазе в ресторанах. Но

всякий ли в силах выполнять одновременно две работы? — и с годами молодой человек перестает мечтать о профессии врача, химика, технолога или естествоиспытателя. Горше же всего то, что Валерий встречал в Америке людей, утверждающих, будто бы высшее образование вообще ни к чему, что оно только мешает работать и отвлекает от настоящего дела.

Но вот что нравилось ему — взаимное доверие в мелочах. Свежие газеты лежали стопками на тротуарах, и никакого продавца не было около них. Пешеходы бросали деньги в тарелочку и брали нужную газету. Утром перед дверями квартир можно видеть бутылки с молоком или принесенное из прачечной белье. Никто из посторонних не возьмет его. Очень сурово в Америке карается всякое покушение на частную собственность. Мелких преступников американский суд жестоко карает. Правда, крупные обычно остаются безнаказанными. Думая о сложном переплете политического мира с уголовным, Валерий вспомнил рассказы Линкольна Стеффенса, открывающие читателю глаза на то, как уголовный элемент в Америке оказывает влияние на политику, как он проникает во все поры общественной жизни...

Валерий поднялся с кровати, открыл иллюминатор. Было далеко за полночь. Пассажиры «Нормандии» спали. Океан потемнел, и только далеко на горизонте светилась узкая полоска.

Он проснулся поздно. Отказавшись от первого завтрака, попросил стакан чаю с лимоном. Байдуков уже давно встал. Встретив Валерия в курительном салоне, он сообщил ему, что совершил прогулку в четыре километра, обойдя восемь раз вокруг теплохода по палубе.

— Капитан приглашает нас осмотреть оборудование «Нормандии», — добавил он.

Весь день ушел на осмотр теплохода. Летчики неутомимо бродили по коридорам, заходили в гостиные, театры и каждый час открывали что-нибудь новое: то зал для танцев и игр, то типографию, то громадный бассейн для плавания, радиостудию и специальное бюро, откуда можно послать радиограмму в любую часть света. Особенно интересно было им познакомиться с управлением «Нормандии». Они шли длинными коридорами, какими-то закоулками, спускались на лифте, сходили по висячим и винтовым лестницам, пока не очутились в машинном отделении.

— За один рейс мы пожираем пять тысяч тонн нефти, — пояснил механик. — Если перевести на железнодорожные цистерны, то это составит двести вагонов.

— Когда-то я кочегаром плавал, — обратился Валерий Павлович к переводчику. — Между Нижним-Новгородом и Астраханью. Знаете такие города?.. Эх, Егор, — неожиданно обратился он к Байдукову, — когда ты побываешь в наших местах? Как бы я хотел, чтобы ты почувствовал Волгу, ее... ну, как бы тебе сказать... ее красоту. Читаю я книги, все ищу хорошего описания Волги и не нахожу... Один Горький только...

Валерий Павлович посмотрел на часы. Пора было обедать.

Когда летчики вошли в ресторан, там было очень шумно. Официант подошел к столику Чкалова.

— Дубль водка?

— Саша, скажи ему по-французски, что не каждый день Чкалов выпивает.

За соседним столиком сидела прославленная Марлен Дитрих с дочерью и мужем. Одни из пассажиров, перешептываясь, поглядывали в сторону Чкалова, другие — на кинозвезду. Восемнадцатилетняя дочь Марлен Дитрих оказалась напротив Валерия.

— Ты, Егор, говоришь — хлопотно переодеваться. Бери пример с дочки артистки. Я ее сегодня в десятом наряде вижу.

Он замолчал, съел сосредоточенно жаркое, отодвинул в сторону накрахмаленную салфетку, развернул ее, потом снова сложил.

— Вот что, ребята, — сказал он, наконец. — Я вспомнил, как мы прошлой осенью гуляли по берегу Сены. Помните, ясный такой день был. Мы еще залюбовались Эйфелевой башней. И вот я ругаю себя, что не пролетел под нее...

Байдуков рассмеялся:

— Что это тебе в голову пришло? Размах крыльев не позволил бы. И не забудь: от радиостанции на вершине башни идут вниз провода. Фантазер ты, Валерий.

— Чего хохочешь? Все можно предусмотреть. Я пролетел бы.

— Да тебе не разрешили бы.

— Это другое дело. А вполне возможно. Я бы смог...

После обеда прошли в салон. В глубине зала мужчины играли в бридж. Посредине салона Чкалов увидел разостланный ковер, на котором был нарисован круг, разделенный радиусами. Вскоре гарсоны принесли шесть деревянных лошадок. В зал входили пассажиры и покупали на любую лошадь билеты. Начались «бега».

На следующий день погода испортилась. Давящие тучи заволокли горизонт.

К обеду капитан пригласил за свой стол наиболее почетных гостей. После обеда, во время концерта, конферансье перечислил имена знаменитых пассажиров, едущих на «Нормандии». Первыми он назвал советских летчиков. Раздались аплодисменты; Чкалова и его друзей попросили выйти на середину зала, и они вновь занялись знакомым делом — писанием автографов. Марлен Дитрих также обратилась к Валерию с просьбой написать что-нибудь на память. Последними подошли к нему пожилая женщина с мальчиком. Он видел их в пионерском советском лагере, в округе Нью-Йорка.

— Кажется, Глебом звать вашего сына? — спросил он женщину.

— Да. Мы возвращаемся в Москву, — ответила она. — Мой сын так соскучился по родному языку. Мальчик просит вас написать на память.

— Ладно, Глеб. Когда будешь в Москве, приходи ко мне в гости. В шахматы играешь?

Мальчик покачал головой.

— Научим. Ну, давай напишу. На чем только писать-то?

— У меня ваша фотография есть, Валерий Павлович, — сказал мальчик, осмелев. — На карточке напишите.

— Отлично.

И он быстро написал размашистым почерком: «Будем друзьями, Глеб. И пойми, только упорный труд, знание, настойчивость и любовь может побороть все на своем пути. Желаю тебе быть таким. Учись, стремись к знаниям и будь всегда готов к любой борьбе».

В полночь Чкалов поднялся на верхнюю палубу. Ветер крепчал. «Нормандия» медленно кренилась. Стулья и стол в салонах катились к борту. Прислуга начала прикреплять мебель. На лестницах и в проходах протянули обшитые плюшем канаты. Население плавучей гостиницы как бы поредело. Пассажиры стали ходить неуверенно и неправильно.

Валерия не укачивало. Расставив ноги, он стоял на палубе, в носовой ее части. Он видел спины офицеров в белых кителях на командных местах.

Гигантский пароход клало на борт. Его стальной нос зарывался в пучину; как темные горы, громоздились кругом океанские волны. Валерий залюбовался ими. Буря, стихия захватили его.

«Хорошо! И скорее к родным берегам», — думал он, вбирая в легкие морской, влажный воздух.

— Хорошо! — повторял он вслух. — Какая силища!

Ему хотелось, чтобы шторм бушевал еще яростней; казалось, чем крепче будет налетать ветер, тем скорее покажется суша. А на суше он уже почти дома... Неужели близок этот день?

Он заторопился в каюту. «Закрою чемоданы, переложу кое-что». Хотя он отлично знал, что чемоданов в дороге не раскрывал и перекладывать нечего, но сейчас он не мог быть бездеятельным, ему хотелось придумать какую-нибудь работу, чтобы быстрее шло время.

Пьер еще не спал. Валерий встретился с ним в коридоре и подмигнул:

— Завтра в Гавре.

— О, Гавр! Жаннетта...

— Желаю весело провести отпуск, Пьер.

Общительный гарсон закивал головой и протянул Валерию Павловичу жетон с выбитым на нем названием теплохода.

— Сувенир? — спросил Чкалов.

Пьер начал что-то объяснять. Из его длинной речи Валерий понял, что жетоны раздают пассажирам для того, чтобы не захватывали на память о путешествии ложки, ножи и другие предметы.

В это время теплоход подбросило, Чкалов, ухватившись за плюшевый канат, громко рассмеялся.

...Полдень 19 июля Чкалов встречал на «сан-деке» «Нормандии».

После вынужденной голодовки, вызванной вчерашней качкой, многие пассажиры торопились в ресторан. Палуба быстро пустела. Чкалов на легком ветерке сидел в шезлонге и смотрел на залитый солнцем океан. Вдали, в голубой дымке еле угадывались берега Европы.

Вильямур Стефансон с экипажем NO-25

О. Э. Чкалова, В. П. Чкалов и Игорь Чкалов на пути в Кремль

* * *

Днем 24 июля 1937 года экспресс подошел к перрону московского вокзала. Тепло и радостно встречала Чкалова и его друзей Москва. Над привокзальной площадью неслись звуки «Интернационала».

После короткого митинга летчики сели со своими родными в автомобили, машины тронулись мимо домов, увитых гирляндами цветов, по улице Горького, переполненной москвичами, и направились к Боровицким воротам Кремля.

Взволнованный, подходил Чкалов к столу Правительства. Сталин его обнял и расцеловал.

Гостей усадили за стол. Завязалась задушевная беседа. Взяв слово одним из первых, Валерий встал из-за стола и, обращаясь к присутствующим, сказал:

— Многое повидали мы в дни перелета, в дни нашего путешествия. Мы видели, как зарубежные рабочие относятся к нашей стране, с какой надеждой и упованием смотрят они на Советский Союз. Рабочие преподнесли нам серебряную скульптуру. Экипаж передает эту скульптуру — как символ международной солидарности рабочих — товарищу Сталину.

IV

От поездки на Черное море, «курортное», как он его называл, Валерий наотрез отказался, а уехал вместе с семьей на Волгу в Василево. Его приезд сюда совпал с переименованием поселка в Чкаловск. На митинге Валерий Павлович говорил о счастьи и свою взволнованную речь заключил словами:

— Здесь, перед вами, земляки, я клянусь, что проложу со своими товарищами еще не один Сталинский маршрут. Если потребуется, я буду первым летчиком, который врежется во вражеские эскадрильи. Ни своей работой, ни своим поведением я не позволю себе оскорбить ваше доверие. Всю жизнь до последней капли крови я посвящаю Родине. Всю жизнь до последнего вздоха отдам делу социализма.

И, как в прошлый год, после митинга на откосе, он пошел к отцовскому дому, и, как год назад, на веранде, в тени яблонь и лип, потекла долгая мирная беседа.

— Да, Валерий, трудно теперь даже передать, как мы переживали твой полет, — сказал Алексей Павлович, обращаясь к брату. — Веришь ли, работать не мог, из рук все валилось. Когда в полдень по радио сообщили, что от вашего экипажа сведений не поступало, у меня сердце так и ёкнуло. А потом вдруг передают, что самолет пересекает Скалистые горы. Я обложился картами и давай высчитывать, на сколько часов вам хватит горючего. А вечером стало известно, что вы совершили посадку. Поехал я на завод, все меня поздравляют. Вот так, говорю, братец номер выкинул! Ты получил мою телеграмму в Ванкувере?

— Получил. Хорошо, Алексей, что ты меня по радио не вызывал. Помнишь, как в прошлое лето, когда с острова Удд в Москву мы возвращались? Прилетели в Омск, а ты меня по радио вызываешь. Ох, думаю, чорт этакий, спать охота, а тут разговаривай! И ругал же я тебя!

— Ты прямо американец у нас теперь, — заметила Софья, любуясь крепко слаженной фигурой брата в голубой рубашке с модным отложным воротничком.

— Да, Соня, чуть не забыл!.. — воскликнул Валерий. — Я тебе маленький подарок из Америки привез.

Чкалов на минуту вышел из комнаты и вернулся, держа в руке изящную дамскую сумку.

— Сувенир, — сказал он с улыбкой, протягивая подарок, а сам думая в это время о том, как, должно быть, тяжело переживала сестра его полет: на три года она моложе его, — и как поседела, какая стала молчаливая! И еще подумал: «Да и все мои прежние «художества» не могли не сказаться на ней». Он поцеловал сестру. Софья догадалась, о чем он думал.

— О новом мечтаешь? — спросила она.

— Ишь какая любопытная! — неопределенно ответил он.

Новые гости помешали их разговору.

— Ты все молодеешь, крестный! — говорил Чкалов, обнимая Шапошникова.

— Живем неплохо, крестник, — ответил старик, протирая платком стекла очков и прищуренными глазами вглядываясь в лицо Валерия. — Рассказывай, как тебе жилось на чужбине.

— Потом, потом, крестный.

— Ну дай хоть посмотреть на тебя...

По ступенькам лестницы поднимался новый гость, горьковский писатель Костылев.

— А, писатель, от души, от души рад... Ну, садись за стол. — И Чкалов так стиснул в своих объятиях гостя, что у того дух захватило.

— Как живешь, Валерий Павлович? — спросил гость.

— Прекрасней всех. Да ты погоди обо мне. Лучше вот что скажи мне: читал я твою книгу и давно хотел спросить тебя: как же ты допустил, чтобы бандиты убили твоего Рыбакова? А? Убили так легко, без боя? Да если бы на меня в лесу или на проселочной дороге напали бандиты... Неуже-

ли бы я так быстро сдался? Уж двоих-троих-то я непременно бы уложил, а четвертый пускай меня бы убил... Чорт с ним! Так и быть!

Чкалов прошелся по веранде.

— Нет, троих-то, пожалуй, я бы не осилил, а двоих — обязательно. Ну, скажи по совести, как же это так тебе в голову не пришло?.. Дал бы ему револьвер или топор, — уж я не знаю что, — тебе видней. Показал бы борьбу. Все-таки он мужик. Разве он вышел у тебя настоящим человеком? Разве мы такие? Мы, русские...

Начался спор о русском человеке. Ольга сидела молча, в стороне, ей немножко грустно было оттого, что Валерий до сих пор не спросил ее — как думалось, как жилось ей это время; но он сам уже знал кое-что из рассказов других и сейчас, глядя ласково на нее, попросил:

— Лёлик, расскажи гостям, как ногу чуть не сломала.

Она улыбнулась.

— Из-за тебя, Валерий. Все ждала известий. Как только узнала, что вы приземлились, я от радости понеслась бегом домой, тут нога у меня подвернулась, насилу доползла по забору. Утром к врачу поехала, а он смеется: «Как же это вы оконфузились! Муж через Северный полюс перелетел и ног не переломал, а вы, можно сказать, на ровном месте...»

— Знаешь, Валерий, — перебила старшая сестра Анна, — когда от тебя долго не было известий, я не плакала. Я сидела и тряслась.

Появилась Наталья Георгиевна с полным блюдом пельменей.

— А-а, пельмени! Ай да мать! — Чкалов захлопал в ладоши.

Выйдя вскоре в обширную деревянную кухню за следующей порцией и увидев вбитый в потолок крюк, Чкалов невольно подумал: «Ну, и строил же Павел Григорьевич. На веки вечные».

Вышедший вслед за ним Алексей угадал его мысли:

— Я четыре часа вбивал. Никак не идет, то вправо, то влево. Отец смотрит издали, ворчит: «И чему вас только учили, тоже инженеры». Взял молоток да так всадил, по всем правилам, что никакими клещами не вытянуть.

Братья решили завтра пройти на могилу отца.

* * *

Отец лежал на старом кладбище, на «панских» буграх. Когда-то считали, что Василево не доберется сюда. Теперь разросшийся поселок уже подступал к «панским» буграм.

Братья миновали небольшой деревянный домик, Алексей слегка подтолкнул Валерия. Валерий хорошо помнил этот дом, тут когда-то жила его первая василевская любовь, девушка Тая, которой он частенько таскал яблоки из отцовского сада, — самые лучшие, аппорт — по два фунта каждое. Много воды утекло с той поры. Да, он тогда увлекся не на шутку. А когда уезжал он из Василева работать кочегаром на землечерпалке, долго стояли они вдвоем звездной голубой ночью на бугре над Волгой... После американских впечатлений отрадно было вызывать в памяти далекие василевские переживания.

Подошли к железной ограде с надписью:

«Здесь похоронен Павел Григорьевич Чкалов. Родился в 1862 году. Умер в 1931».

В прошлом году Валерий на маленьком учебном самолете делал мертвые петли над этой могилой. Тогда чуть ли не все василевцы побросали работу, прибежали сюда и, не отрываясь, со страхом следили за ним. В качестве заключительного аккорда он спикировал на собравшихся и ушел в поднебесье. Так он, летчик и сын, по-своему отдавал высшую дань уважения человеку, на которого во многом походил.

Братья сели. Синие колокольчики, одуванчики и подорожник росли у могильных плит.

— Когда хоронили, — сказал Алексей, — весь котельный цех вышел его провожать.

Посидели здесь молча, каждый думая о своем. Вспоминалось то, что казалось давно забытым. Валерию было лет шесть, когда отец поучал его: «По проторенной дорожке и дурак поскачет. Ты сам протори, Аверьян. Лапти плести — много ума не надо. Ты вот из лыка резинку сделай».

Вспомнилась мать так отчетливо, как давно не вспоминалась. Случалось, отец накажет ребят, матери жалко станет, она им меду принесет. А Павел Григорьевич сдвинет брови: «Экая баловница, — скажет. — Испортишь ты медком у меня сыновей. В жизни-то никто их медком не покормит. И за-

скулят. Ты больше, Арина, стращай их. Плетка пускай себе висит на стене: не то от плетки к кнуту перейдешь, а всё силы над ними не возьмешь. А стращать надо».

«Оттого и мы такие угрюмые, — думал Алексей. — Вот дочка растет, люблю ее, а показать не умею... У Валерия в этом отношении от матери перешло многое... Как-то соединились в нем такие разные начала...»

Валерий сидел на каменной плите, сбоку, в профиль — плотной грузной фигурой — вылитый отец. Алексею пришли в голову рассказы Павла Григорьевича о том, как на него в десятом году напали будто бы грабители: он ехал зимой в Кострому, и в тот же день должен был ехать туда доверенный купца Бугрова с большими деньгами. И вот в вагоне на Павла Григорьевича напали четверо, приняв его за бугровского доверенного. Павел Григорьевич сначала двоих схватил за шиворот и стукнул лбами, они тут же и повалились. А других двоих тоже за шиворот ухватил, да так и держал до самой станции. Они его по рукам били, он не отпускал; руки черные потом были у него, в синяках. Когда поезд подошел к станции, передал жандармам. Его там самого чуть не арестовали за то, что он заявил: «Сами вы тут жулики и жуликов возите».

Сидя рядом с Валерием, Алексей думал о том, как был бы доволен отец, увидев своего сына, воплотившим лучшие его мечты. Отец часто говорил Валерию: «Ты у меня героем будешь».

Когда Павлу Григорьевичу нравился какой-нибудь знакомый большевик, он одобрительно о нем говорил: «Шибко партиённый».

Алексей пожалел, что так мало приходится бывать с Валерием вместе. Он, как метеор, сначала слетал на Удд, потом — через полюс, в Америку, теперь мечтает о полете вокруг «шарика». Сюда, в Горький, приехал неожиданно, не предупредив родных. Алексей как был в рабочем костюме на заводе, так и поехал на вокзальную площадь, к трибунам. Валерий, поздоровавшись, добродушно обругал: «Что же ты не бритый?» — «Да только что в котел лазил».

— И Нюры, и Сони нет, — говорил тогда Валерий. — Народ встречает, знамена, плакаты, а своих нет...

Когда возвращались с кладбища, солнце стояло в зените. На «панских» буграх пахло мятой и полынью.

— Вот она, родная травка. Где только я не побывал, Алексей, а все тянет к себе родная травка-то.

Братья шли бесконечно знакомой тропой. Где-то сбоку, вся в солнце, угадывалась серебристая степь. Валерий докончил:

— Да, мне в жизни, Алексей, торопиться надо. Кому год дано, а мне с этим надо в день суметь управиться.

В этих коротких разговорах, в короткие дни свиданий, с какой-то новой стороны раскрывался для Алексея Валерий, сумевший, очевидно, за последние годы многое додумать и решить для себя.

Возле дома встретился нарядный Щипакин. Старик, сняв картуз, благодарил Валерия Павловича за мануфактуру, которую тот привез катунским рыбакам.

— Когда тонять будем, дед? — спросил весело Чкалов.

— Как леталось-то? — в свою очередь спросил старый рыбак.

— Идем, расскажу. — И Валерий, обняв старика, направился к саду.

Он любил рассказывать под отцовской яблоней, и всегда в таких случаях постепенно подходили и рассаживались вокруг него парни, старые бородатые лоцманы, водоливы, знавшие о приезде земляка еще задолго до того, когда катер показывался из-за острова; многочисленные родственники, друзья детства, василевские румяные девушки и полногрудые, степенные женщины-односельчанки; а больше всего бывало загорелых, прибежавших с берега ребятишек, со светлыми, цвета спелой ржи, волосами, еще мокрыми после купанья. Так и сейчас, не успел Валерий начать свой рассказ, откуда ни возьмись вырос кружок слушателей. Останавливались бабы с коромыслами через плечо, подходили ближе; проходил один-другой шабер; сбивалось плотное кольцо вокруг Валерия. Ребятишки протискивались вперед и усаживались на корточки, замирая от восторга и расширенными глазами уставившись в рот рассказчику.

В этот раз Валерий говорил долго, подробно вспоминая и самый полет и некоторые эпизоды путешествия по Америке.

— Такие-то дела были, дед, — говорил он, обращаясь к рыбаку. — Мы с Егором и Сашей на следующий день после того, как сели на американском аэродроме, разгружаем самолет от всякого добра. Я, значит, ему, американскому солдату-то, который нашу машину охранял, плитку шоколада предла-

гаю, кушай, говорю, — а он не берет. Вот так дисциплина! — думаю. А оказывается, дело-то не в дисциплине. Он хотел, чтобы я ему на обертке автограф написал на память. Так рукой и показывает: напиши, мол. Я расписался на этой самой обертке, — тогда взял он.

— Это как же, Валерий Павлович? Для чего ему роспись-то ваша на конфетке? — удивленно спросил рыбак, не совсем понимая рассказ Чкалова.

— Такой у них обычай, дед. Замучили они нас этими самыми автографами. Все просят, и малый, и старый: напиши да напиши что-нибудь на память.

Он замолчал. Рыбак не переставал смотреть на него, покачивая головой и раскрыв от любопытства рот, из которого показывались три передних уцелевших желтых зуба.

— Чудно... Что-то невдомек мне... — шептал рыбак, шевеля впалыми, сухими губами.

— Американцы у меня копейку покупали, — продолжал Валерий, произнося эту фразу нарочно медленно, чтобы подольше полюбоваться выражением лица рыбака.

— Какую копейку? Зачем покупали? — закричали наперебой ребятишки.

— Да обыкновенную нашу, советскую. Она у меня случайно в кармане завалилась, вместе со мной через полюс перелетела. Двести долларов за нее давали. Я не отдал... Она у меня и сейчас в кошельке лежит, позеленела только... Выходит, ребята, дорого стоит наша советская копеечка.

Чкалов вдруг поднялся с травы, отряхнулся, он увидел входившую в калитку восьмидесятилетнюю старуху, вдову багермейстера, которую он вчера поднимал на самолете. Несмотря на свой преклонный возраст, старуха бодро семенила мелкими шажками по садовой тропинке. Ее маленькие карие глазки быстро бегали, отыскивая в толпе Чкалова.

— Здравствуй, Дарья Акимовна! — крикнул он.

— Здравствуй, батюшка, Валерий Павлыч, — старуха костлявыми легкими руками обняла Чкалова.

— Ну как дела, Акимовна, после вчерашнего полета?

— Много довольны тобой, батюшка наш Валерий Павлыч! Уж налеталась с тобой всласть. Я с тобой куда хошь полечу.

— А вокруг шарика полетишь, Акимовна?

— Полечу, батюшка, полечу. Только старая я, неровен

час, если помру у тебя в машине; ты уж возьми с собой лопаточку, чтобы закопать меня на острове-окияне. Лишний груз-то тебе не возить.

— Ничего, поживем еще, бабушка! А ты не хочешь полетать со мной, Ипат? — неожиданно спросил Валерий старика-лодочника.

Ипат не ожидал такого вопроса. Он все время стоял поодаль, у изгороди, увитой повиликой, не принимая участия в разговоре, и только внимательно слушал других.

— Ипат, полетишь? — повторил Чкалов.

— Это вы касательно меня, Аверий Павлыч? — и, вдруг поняв вопрос, Ипат испуганно замахал руками: — Что вы, что вы! Помилуйте, Аверий Павлыч, боязно. Мне не в небеса, а в подземелье скоро...

— Умирать, говоришь, не страшно, а летать боишься.

— И-и... милый... там дело натуральное.

— Постарел ты что-то, дед, — сказал Валерий

— Девять десятков отмахал. А может, и больше, кто их знает, счет им потерял, годкам-то....

— Вот мы с тобой, Ипат, завтра баню закажем, сразу помолодеешь.

— Это верно, Аверий Павлыч. Баня все поправит, — убежденно сказал Ипат.

Хотя пора было обедать, Чкалов отправился на аэродром и попросил приготовить самолет. Ему хотелось доставить землякам удовольствие — показать им с воздуха Волгу, леса, пашни и поселок. Толпа желающих покататься образовалась большая — сотни две.

— Всех не смогу, по одному только, — говорил Валерий, оглядывая собравшихся. Он остановил взгляд на плотном старике в синем картузе. Из-под картуза выбивались пегие, подстриженные под скобку волосы, это был старый приятель покойного отца, когда-то он занимался извозным промыслом в Васильеве.

— С тебя и начну, Володя, — сказал Чкалов, обращаясь к старику и называя его уменьшительным именем, как его все без исключения звали в поселке, хотя Володе было далеко за семьдесят.

— Вот-вот, Аверьян Павлыч, ты уж меня свози на тучку, помнишь, как я тебя, ребятенка, на лошади катал, в масляную, перед великим постом...

— Ладно, Володя. Ты меня на лошади возил, а я тебя — на самолете.

Он усадил его в кабину, привязал ремнями; старик важно сидел, нахлобучив еще глубже картуз, и с любопытством рассматривал крылья и растяжки у биплана.

Оторвались от земли. Валерий, набрав высоту, покружился над взвозом.

— Хорошо? — спросил он, когда приземлились.

— Ну и хорошо. Уж и одолжил ты мне, Аверьян Павлыч.

Чкалов покатал приятеля Васю Мошка́, потом бакенщика Костьку-рыжего, его жену Агашу. Очередь на стартовой площадке увеличивалась. Блестела вечерняя роса, когда Валерий, подняв в воздух одного за другим уже с полсотни василевцев, забастовал:

— На сегодня хватит. В следующий раз тяжелый бомбовоз пригоню из Москвы, чтобы сразу по шестьдесят человек.

Толпа загудела:

— Во-во, верно, Валерий Павлович, приезжай скорей, какая у тебя там машина на шестьдесят человек есть.

Полный месяц стоял над садом. Голубоватым светом были облиты тропинки, кусты смородины. Пахло липой. Чкалов постучался в комнату сестры Анны. Анна уже много лет жила в Горьком, обзавелась семьей и хозяйством, но когда приезжала в родное село, по старой привычке занимала эту угловую комнату, где провела свои девичьи годы.

— Нюра, спишь? — тихо спросил он. И вдруг вспомнил, как стучался в эту же дверь грозовой ночью семнадцать лет тому назад, когда прощался с сестрой, уезжая из Василева учиться на летчика. Он бросил взгляд на люк в полу, вблизи двери. Почти детское желание посмотреть, что делается там, в погребке, охватило его. Он приподнял половицу и заглянул вниз. Та же лестница... Те же кольца, ввернутые в черную дубовую плаху. Ему почудилось даже, что в углу, где когда-то отец сваливал арбузы, стояла та же самая крынка, из которой в детстве пил холодное, густое молоко. Ах, эти арбузы!.. И он, и Алексей были большие охотники до них, и однажды ему здорово попало за это от отца. «Мать отметки на арбузах делает. Зачем таскаешь?» И отец было уже отправился за плеткой-двухвосткой, да раздумал, вернулся с полдороги и, посмотрев сурово в глаза сыну, вдруг почему-то

шопотом сказал: «Экий баловник! Ты учись, да еще учись честным быть, своим трудом жить надо. Ты запомни, Аверьян: жареными не только куропатки, и воробьи в рот не летят».

Чкалов улыбнулся при этом воспоминании. Дверь открылась. Анна стояла на пороге.

— Не спишь, Нюра?

— Я книгу читала. Сборник о твоем полете в Америку. От самого тебя не добьешься толку.

— Все как-то некогда, сестра.

— Да, — ответила она задумчиво. — Я понимаю. Некогда. Тебя и сейчас ждут на террасе. Какие-то новые гости приехали. А ты так с обеда и ушел.

— Ждут?.. — рассеянно переспросил он, садясь на кровать. — Да, Нюра, редко нам с тобой поговорить доводится.

— Валерий, хоть ты и жаловался днем, под яблоней, что замучили вашу тройку автографами, — я хочу просить тебя: напиши на память, на обложке, вот здесь, на книге.

— Давай, — весело согласился он. — В Москве-то этим делом я уж не так часто занимаюсь. Американцы — вот те надоедали.

Он взял книгу в руки, задумался на несколько минут и быстро, одним росчерком написал:

«Сестра! Как странно, — не так давно ты воспитывала меня. Был я озорной, непослушный, а теперь всему миру известный человек. Но помни, Нюра, слава меня не испортила и не испортит. Я тот же Волька, каким был и раньше, только более серьезный и уже немного пожилой человек. Сестра! Знай, трудно было нам лететь через полюс, но мы преодолели стихию. В этом твоя часть. Всегда в мыслях с тобой. Валерий Чкалов».

— Говоришь, гости приехали? — спросил он, размахивая книгой, чтобы скорее высохли чернила.

В эту минуту в дверях показалась Ольга. Он потащил ее в глубину сада. Хотелось сделать ей приятное: сесть там, за изгородью, на скамью, смотреть на Волгу, на огоньки бакенов, слушать тихие всплески воды и говорить, говорить, о чем она только пожелает: о полюсе, о вашингтонских банкетах, о Сиерра-Неваде, о негритянских джазах, о том, как он тосковал по Родине, по семье и как собирался писать ей длинное письмо. Но слишком были сильны другие впечатления, василевские, и они затемняли американские. И он, не бу-

дучи в силах побороть желание говорить именно о Василеве, все рассказывал ей, и рассказывал об этом, крепко сжимая ее теплую тонкую руку. Они ходили по тропинкам, порой нагибаясь под ветки черемухи или сторонясь колючего репейника. И когда ее лицо попало в широкую полосу лунного света, он остановился на дорожке, еще крепче сжал руку жены:

— Какой ты у меня молодец, Лёлик! А глаза большие-большие, как блюдца...

— Как блюдца... Выдумаешь! — смеялась она.

На ней было голубое, в оборках платье, то самое, в котором она встречала его на перроне вокзала.

«Удивительно, — проносилось у него в голове. — Я думал об этом платьи еще в океане, и теперь она в нем. И она со мной... Как все просто...»

И новый прилив чего-то необыкновенно хорошего охватил его.

Он потянул ее вперед, и она, спотыкаясь, со смехом бежала за ним. Ему захотелось показать ей самые памятные с детства места. Вот галлерейка с кадушками... Вот крыша сарая... тут Валерий мальчиком играл в «пароход» и длинным шестом, брошенным за ветхостью каким-нибудь плотовщиком, «промерял глубины»... А вон в лунном, дрожащем свете уходит в небо старая колокольня. С нее он прыгал, держа в руках огромный землемерный парусиновый зонт.

— Да так, Лёлик, трахнулся, что неделю сидеть не мог.

И он уже тянул ее с крыльца на неезжую дорогу, поросшую бурьяном, чтобы показать то место, где когда-то, в пасхальную ночь запускал с ребятами фейерверк и чуть глаза не выжег, все ресницы спалил. Он показывал ей уголки, где особенно было сладко уплетать за обе щеки сусальные пряники, которые покупал на копейку, подаренную матерью. И Ольге казалось, что она здесь тоже бывала, ела пряники, и что ее мать тоже дарила ей копейку. По ее лицу скользили круги лунного света, пробивавшегося сквозь частые ветви деревьев, и она, переполненная счастьем, сжимала крепкую ладонь Валерия.

* * *

— Неужели он все катает их на самолете? — говорила недавно приехавшая из города гостья, обращаясь к сидящим за большим продолговатым столом на террасе.

— Вы кушайте пирожки: с пылу, с жару, — угощала Наталья Георгиевна.

— Не могу, милая, сыта.

— Вот еще новое дело! Да они горячие, вот возьмите румяный.

— Может, на остров поехал? — высказал предположение Шапошников.

— Вернее, что прилегли. Они намедни за столом всё смеялись и устали, — категорически сказал Ипат, хлопая себя по щеке и убивая комара. — Вот, проклятые, одолели.

— Хорошо здесь у вас. Вы знаете, как я познакомилась с Валерием Павловичем? В Париже. В клубе советской колонии. Он на международную авиационную выставку прилетал. Я как раз вешала на стену плакат с маршрутом его первого перелета: на остров Удд; вдруг Валерий Павлович появляется — мы и не ждали его — и спрашивает: «Тебя как звать?» — «Мария». — «Так вот что, Машенька, на плакате много неточностей». Обнял он меня за плечи, подвел к стэнду и начал подробно рассказывать о маршруте. И всё повторял: «Главное, Москву выделите... Чтобы Москва была видна поярче». Знаете, от всего того, что он рассказал нам тогда, и от этого обращения на «ты» и от «Машеньки», повеяло таким теплом...

— Душа у них открытая, без перегородок, — заметил Ипат, протягивая хозяйке пустую чашку.

— Тебе еще, Ипат? — спросила Наталья Георгиевна.

— Ежели дозволите. Душа меру знает.

Ипат неторопливо налил чай в блюдце, подул, положил на язык маленький кусочек сахара и долго шевелил губами.

По тропинке, слегка накренив корпус вперед, шагал Валерий под руку с Ольгой.

— Машенька? Какими судьбами залетела в наши края?

Он крепко пожал ее руку.

— Знакомься, Лёлик. По случаю встречи по рюмочке бы, Машенька, а? Давно ли из Парижа? Как нашла-то нас, рассказывай.

— Ехала на пароходе из Костромы, узнала, что вы здесь, думаю, не сделать ли остановку. Очень вас видеть хотелось.

Почти до рассвета сидели все на террасе.

— А помните, Валерий Павлович, как вы говорили про Париж: «Ну и город — негде щей покушать! В воскресенье

к тебе нагрянем, Машенька, щи свари!» И с каким аппетитом вы их уничтожали!..

— Да, ты мастерица готовить их. Ну, и мы тебя тут угостим... А в самом деле, друзья, не покушать ли сейчас щей? Да и вы-то хороши. Все без меня пообедали. А про меня так и забыли. Мать, как у тебя там, в печке, осталось что-нибудь?

— Есть, Валерушка, вчерашние, суточные, самые что ни на есть настоящие, русские... Да ведь и забыли-то, Валерушка, на радостях. Все в доме кругом идет... Сейчас я, сейчас, и как же это я, старая, не углядела... — И Наталья Георгиевна захлопотала, забегала, несмотря на то, что сквозь густые верхушки лип уже просачивался бледный рассвет и день у нее за плечами был не из легких. Все она хотела сделать сама для такого дорогого гостя.

...Утром долго не удавалось разбудить Валерия.

— Вот с ним всегда так, — говорил Алексей, стоя у изголовья брата. — Бывало в Ленинграде, когда он еще холостым был, квартирная хозяйка толкает его, толкает, — ни в какую. Наконец, обдаст из ведра холодной водой, он вскочит, изругается: «Какая ты к чорту хозяйка! Съеду!» А потом спросит: «Сколько времени-то?» — «Четыре утра». — «Брррр... Что же ты меня, Калистратовна, раньше не разбудила?» Оденется и побежит на аэродром.

— Дай ему поспать, Алексей, — вступилась сестра Софья.

Но Валерий уже потягивался во сне.

Между тем, у дома собиралась толпа. Одни приехали из Катунок и Пучежа приглашать Чкалова в гости. Другие лелеяли план провести с ним день на острове. Тетке Устинье нехватало семидесяти пяти рублей на корову, она надеялась, что Чкалов ей поможет, и тоже ждала вместе с другими, когда он проснется. У калитки сидел Ипат с березовым веником. Старик побывал в бане и предупредил истопника, что «Аверий Павлыч придут сегодня париться».

Но вышло не так, как все гадали. Чкалов, встав, спустился по тропинке на берег, искупался, потом позавтракал и уехал в Лысково, где должен был выступать среди колхозников. И вот когда он вернулся в Василево, то узнал: в клубе собралось очень много народа, и все уверены, что он придет туда. В этом Валерий отказать не мог и после заката отправился в клуб. Он шел медленно, мимо хлебных амбаров,

домов с кирпичными крылечками и резными петушками на окнах, и каждый столбик, каждая скамеечка, березка вызывали новые и новые воспоминания юности. Наконец, он остановился у каменного одноэтажного здания и постарался незаметно проскользнуть в сумерках — через черный, узкий вход — за кулисы клубной сцены.

Спустя несколько минут Валерий стоял, освещенный огнями рампы, и рассказывал о полете. Продолговатый низкий зал был битком набит рабочими затона, водоливами, матросами, лоцманами, бакенщиками, пришедшими с женами и детьми. В последних рядах сидели на деревянных скамьях пожилые женщины в ситцевых платочках. В зале стояла тишина. Валерий говорил взволнованно:

— Как нас встретила Москва после возвращения из Америки — передать не могу, дорогие земляки. Скажу только, Иосиф Виссарионович так охарактеризовал наш полет: «Вы, наверное, и сами-то не знаете, что наделали».

Он замолчал и продолжал уже более спокойно:

— Самое приятное — это чувство возвращения на Родину. Как я мечтал об этом, когда разгуливал по палубе «Нормандии» в океане! Я думал об этом радостном дне и на банкетах, и во сне, и посреди улиц Нью-Йорка. Волга, Москва, Отчизна, Родина для меня никогда не были, знаете, каким-то таким отвлеченным понятием. Я люблю людей моей Родины, люблю ее сады, ее реки, какие у нас бывают рассветы и закаты. Вот я опять среди вас у себя дома. А каких-нибудь полтора месяца назад мы с Егором и Сашей побывали в местах, где еще не ступала нога человека. Что вам рассказать про то, как мы летели?.. Вначале машину вел я. За штурвалом хотелось курить. У меня прозапас трубочный табачок был — капитанский. Егор шутил, что название подходящее: потому, дескать, что плавание нам предстояло весьма дальнее. Затянулся я этим капитанским табачком, сижу себе спокойно за рулем, вдруг Беляков кричит:

— Масло откуда-то бьет!

Смотрю — весь пол залит. Что такое стряслось? Лопнуло где-нибудь? Что делать? Неужели возвращаться?.. Кричу Егору:

— Откачивай!

Саша стащил Егора за ногу с мешка из собачьих шкур. Егор еще недавно довольно сладко похрапывал, а тут мигом

проснулся, первый попавшийся мешок — финкой, на тряпки, протер места, где сочилось масло. К счастью, оно текло из дренажа. Ну, думаю, это полбеды!

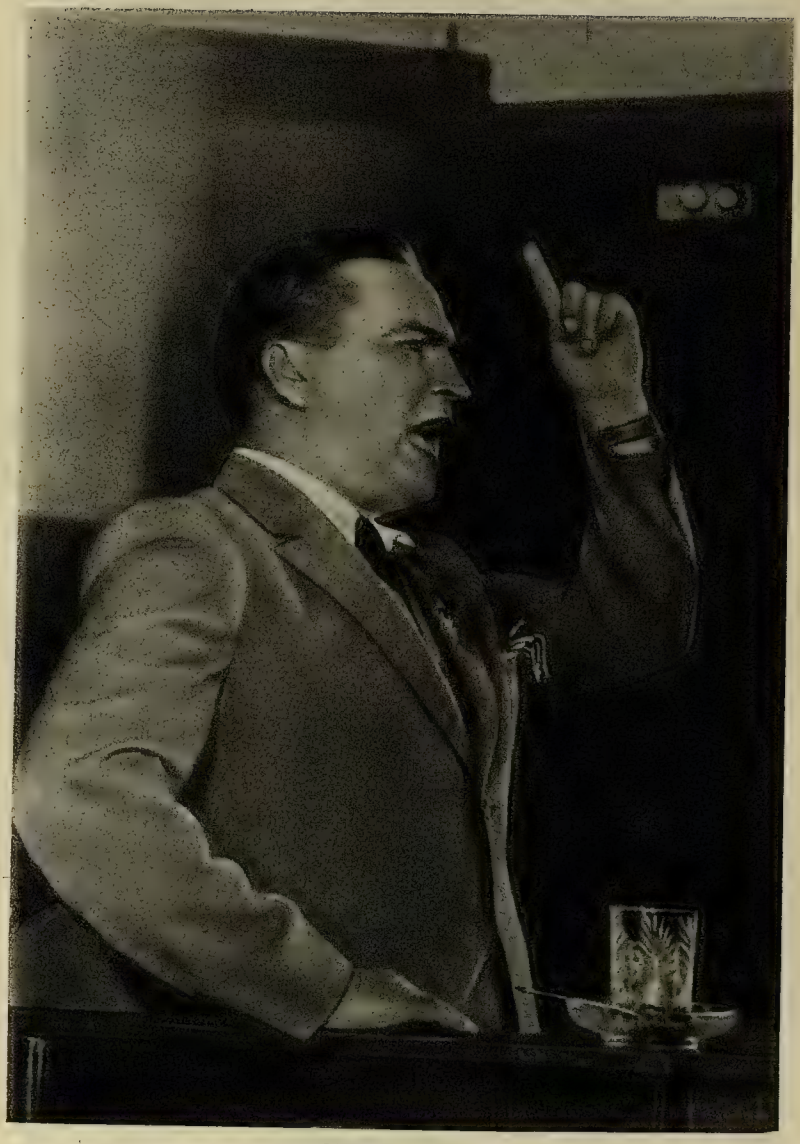
— Досыпай! — говорю Егору, — через час меня сменишь. Впереди много всего. Нужно сохранять силы.

В девять утра я, как полагается, прилег. Не спалось, конечно. Пилотировал теперь Егор. Он мне потом рассказывал, что ему сразу не понравилось, как вела себя машина: она сильно валилась влево, все время приходилось держать равновесие элеронами. А от этого, знаете, как устаешь — и руки и ноги немеют. Ну вот. Шли мы так: сверху и снизу два сплошных слоя облаков, которые каждую минуту могут сомкнуться. Знаете ли, ощущение такое, об этом Егор хорошо написал в своей корреспонденции: будто не летишь, а падаешь в глубокое ущелье, и где-то внизу — узенькое дно. Все мы боялись, очень боялись обледенения. Это — конец всему. И вот тут вдруг я слышу, как Егор истошным голосом вопит:

— Давай скорей давление на антиобледенитель!

— Сейчас! — ору в ответ изо всех сил, поняв, что значит мы уже обледеневаем. Спускаюсь с бака (это наша постель) более чем быстро и качаю насосом. Ох, товарищи, эти минуты дорого стоят... Да... Егор молодец! Еще час, и машина или рассыплется, или сядет из-за перегрузки на землю. И он решился: дал полный газ, — и мы начали набирать высоту. Вскоре посветлело. А еще через некоторое время открылось чистое небо. Да... Саша — это Беляков — как сидел над своим штурманским столиком, так и заснул, едва только опасность миновала. Губы у него посинели, и вокруг них морщины выступили. Отлично это помню. В это время мы были в полете уже тринадцать часов и летели над Баренцовым морем. Если посмотреть в наш бортовой журнал, — Валерий бережно раскрыл книгу в красивом красном переплете, — что вы здесь прочтете? Колонки цифр да скупые фразы, написанные мелким почерком: «Не работает масломер. Исправили», «Немного закусили», «Немного перистых облаков», «Немного подбалтывает», «Впереди ясно», «Жаль, что нет фотоаппарата». Или: «Идем . . . . вверх, чорт его знает, какого слоя облачность?». «Как шапкой накрывает». Малозначащие слова. Ничего они не говорят вам. А уж если подробно о нашем полете, то нужно рассказать, какие мы трю-

В. П. Чкалов. 1938 г.



На трибуне

ки — как акробаты в цирке или как клоуны — проделывали, когда нам с Егором приходилось меняться местами; а еще — как хлынула у меня носом кровь — нехватало воздуха; и как в третий, четвертый, пятый раз начинали обледеневать: видим, крылья как кто белилами мажет. А это — уже ледяная корка. До полутора сантиметров доходит, а это, знаете, груз какой. И лед-то нарастает! Еще немного, и вместо самолета — глыба льда. А как вы думаете, куда эта глыба полетит: вперед или кверху?.. А нам сдаваться нельзя. Только вперед!.. Выбрались... Это — как в сказке говорится: скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается... Подошли к Земле Франца-Иосифа. Ну, эту картину описать — надо быть писателем. Величественное зрелище. Но нам наблюдать за красотой, надо сказать, здорово мешало управление самолетом. Мы держали курс через Северный полюс к полюсу неприступности: району, который еще до сих пор обозначают на картах белым пятном...

И вот вскоре я составил радиограмму на имя товарища Сталина и попросил Белякова передать ее:

«Полюс позади, — сообщали мы. — Идем над полюсом неприступности. Полны желанием выполнить Ваше задание. Экипаж чувствует себя хорошо. Привет».

Между тем, циклон опять наступал на нас, можно сказать — развернутым фронтом. Стекло пилотской кабины опять начало обледеневать, и все быстрее. А тут вдруг из мотора брызнуло, и мы почувствовали запах спирта...

— Нож, скорее нож! — крикнул Егор. Я сунул ему финку, и он стал срубать лед, дотягивался из боковых окошек. Во льду образовался глазок, и стало видно, что вода из расширительного бачка вся ушла. Байдуков стал качать насосом — ни черта! Вода не засасывается. Трубопровод замерз. Тут у меня мурашки по спине побежали. Что делать? Сейчас все замерзнет, мотор откажет. Катастрофа!

— Воды! Воды! Иначе сожжем мотор! — кричит Егор.

Легко сказать. Я — к запасному баку. Лед... К питьевой, которая в резиновом мешке. Лед... Тогда Беляков разрезал мешок и продолбил ледяную корку — там еще оказалось немного воды. Вылили ее в бак... В термосах чай с лимоном. Сливаем туда же! И вот постепенно трубопровод обогрелся... Мы снова полезли на высоту, но, забравшись до пяти тысяч метров, пошли опять вниз из-за начавшегося обледенения... Да,

земляки, три часа мы потеряли на этом деле: с циклоном схватились. Но теперь уже зато светило солнце, дышалось легко... Тут уже можно и в окошко посмотреть, полюбоваться. Да и то — как сказать. Саша и Егор проголодались. Они принялись за обе щеки уплетать промерзшие яблоки и апельсины: отогреют немного на отоплении и — в работу. Я отказался от пищи и потуже набил трубку...

Чкалов замолчал. В зале стало еще тише. Внезапно Валерий Павлович раскинул широко руки и, напряженно всматриваясь в глубь зала поверх голов сидящих, воскликнул:

— Тетка Дарья, голубушка ты моя, родная! Ты как сюда попала? Да поди сюда, милая, дай я тебя расцелую!

Все обернулись назад, отыскивая глазами тетку Дарью и с любопытством ожидая, что будет дальше. Но Чкалов уже шагал по узкому проходу, между скамьями, приговаривая:

— Погоди, погоди, милая, я сам к тебе подойду.

Он обнял и поцеловал пожилую женщину и, не переставая любоваться ее лицом с кроткими светлыми глазами, сказал:

— Тетка Дарья, как я рад... Помнишь, ты в нашей василевской школе работала истопницей, а я, мальчишка, дрова у тебя таскал!..

Все засмеялись, но Чкалов даже не улыбнулся. И вдруг он вспомнил, что тетка Дарья помешала ему докончить рассказ. Взволнованный и несколько смущенный, он зашагал опять к сцене.

— Простите, не виделись-то с каких пор... — и, разводя руками, точно собирая растерянные мысли, продолжал:

— Прошли над мысом Пирс-Пойнт. Много мы потеряли времени, горючего и еще больше физических сил в борьбе с циклонами, но мы летели первыми, и история нас не осудит. Верно об этом писал Егор Байдуков. Или уж про историю это я добавил: для красоты?.. Ну вот. Летим мы и летим. И опять встречаем задачу: перебираться через цепи Скалистых гор и итти прямо на юг, до крупнейшего канадского порта на Тихом океане — Ванкувера — и дальше, до Сиэтла, или же итти в обход горных кряжей, на запад, и все опять из-за циклона. В горах циклон еще во много раз опаснее. Я решил, что ничего не придумаешь другого, надо сворачивать резко вправо, и Егор повел самолет к Тихому океану...

Летели мы уже третьи сутки. На большой высоте приходилось часто глотать кислород. Помню, Егор побледнел, вы-

тянулся весь и, освободившись от штурвала, сразу бросился к кислородной маске. Вот высота уже 6 000 метров. Дышать еще трудней. Я чувствую на губе что-то подозрительно теплое. Вытер. На пальцах — кровь. Еще несколько секунд — и кровь хлынула носом. Сердце колет. Пульс, наверно, 140. Надеваю маску — сразу полегчало. А тут новая беда: Беляков пишет мне записку: кислород кончился. Час он работал еще без кислорода. Потом — смотрю: ползет к Байдукову на четвереньках... и тут же он так и опустился на масляный бак...

Когда Чкалов кончил рассказывать, в зале долго не было слышно ни звука. Мужчины сидели, сосредоточенно задумавшись. Женщины глядели широко раскрытыми глазами на сцену, хотя Валерия там уже не было. Потом все вдруг поднялись со скамей, шумно задвигались, многие направились к дверям, но там столпились катунские, приехавшие послушать Чкалова. Они не могли проникнуть в клуб из-за тесноты и теперь, окружив Валерия Павловича, просили его повторить рассказ.

— Спать пора! — шутя отбивался он.

— Ты нам, Валерий Павлович, можешь покороче, больно уж охота тебя послушать.

Пожимая тянувшиеся к нему со всех сторон руки, похлопывая кое-кого из старых знакомых по широким плечам, Чкалов вышел из толпы. Большинство катунских рыбаков было одето по-праздничному, в чистые ситцевые рубахи.

Девочка-пионерка догнала его, когда он поднимался по взвозу, оживленно о чем-то беседуя с братом Алексеем. При ненадежном свете покачивающегося на углу фонаря он разглядел ее. Девочка протягивала ему букет полевых цветов.

— Валерий Павлович, это вам...

Помолчав немного, она продолжала уже более смело:

— Когда я вырасту, я хочу быть такой, как вы, товарищ Чкалов.

Он взял букет, погладил девочку по голове:

— Как зовут-то?

— Надей.

— Хорошее имя. Как учишься, Наденька?

— Ничего учусь. Мама не ругает.

— А правду говоришь?

— Да спросите маму.

— Верю. Молодец! Ну, а как ведешь себя? Озоруешь? Балуешься?

— Что вы, Валерий Павлович! Поведение у меня тоже «на отлично».

— Ну, значит, ты совсем молодец. Я здесь у вас, в василевской школе, тоже учился. Учился-то хорошо, а вот отметку за поведение — больше тройки никогда не имел.

Он потрепал девочку по голове, сказал на прощанье: «Заходи ко мне, Наденька, вареньем из ежевики угощу», и зашагал к своему дому.

Чкалов не зашел в комнату, прошел в сад, сел на скамейку. Кто-то окликнул его — он не ответил, даже не повернул головы. С реки неслась протяжная песня — не слушал, хотя в другое время даже рассердился бы, если бы кто-нибудь помешал ему слушать любимую песню. Так он сидел долго, видимо, чем-то потрясенный. К нему подошел Алексей. Валерий поднялся со скамьи и, взяв брата под руку, проговорил очень тихо:

— Послушай, Алексей... Какое большое слово она сказала!

Алексей удивленно посмотрел на брата.

— Кто? Какое слово?

— Да девочка та, помнишь? Быть такой, как Чкалов! И кто это говорит? Ребенок. Ты пойми, какая у нее душа-то. Да разве я достоин ее! Ты думаешь, легко это слушать?

Они с Алексеем спустились по дорожке к берегу. На воде лежали лунные блики. Чкалов взобрался на узенькие новые мостки. Светлую августовскую ночь разорвал пароходный гудок, назойливый и призывный, а через минуту из-за баржи показался буксир, толстобокий, неуклюжий. При луне Валерий хорошо разглядел столпившихся на громоздкой корме людей — капитана, матросов, женщин, ребятишек — и прочитал надпись на борту: «Валерий Чкалов».

Буксир снова протяжно загудел.

— Чего на-до? — громко крикнул Чкалов, и его голос далеко разнесла темная вода.

— На тебя желаем поглядеть! — ответил за всех капитан.

— А-а-а-а! — и Чкалов захохотал.

— Вот тебе и а-а-а!.. — дружески прогрохотал капитан ему в ответ.

— Ну, поглядите и плывите дальше. Вот он, весь я! Скорей глядите и валяйте работать, черти!

Медленно проплывал пароход, а он долго еще, стоя на мостках, любовался волжской ночью. Рубиновые огоньки бакенов горели на реке.

* * *

Вернувшись в Москву, Чкалов долгое время не мог заняться любимым делом — испытанием самолетов. Наконец, гости в его доме стали появляться реже, Валерий Павлович перестал стесняться и уходил на аэродром, оставляя приезжих земляков на попечении жены. Летал он попрежнему на истребителях, объясняя свою привязанность к ним тем, что на них очень остро ощущаешь полет. Ему нравились точеные и хищные формы «ястребка», какая-то особенная подобранность и сжатость всех его частей. Да и сам Чкалов во время работы становился более подтянутым, строгим, — товарищи не замечали в нем прежних размашистых движений, пропало ребяческое балагурство, и широкая улыбка на его лице сменилась каким-то внутренним горением. Он прилагал все усилия к тому, чтобы испытываемые им самолеты были неуловимыми в воздухе — увертливыми и быстрыми.

Но стоило ему очутиться в кругу семьи или друзей, и он опять был все тем же неуемным в своем весельи Валерием. Казалось, не все силы истратил он за день, чего-то еще не сделал, — и он спешил то в театральный клуб, то на художественную выставку или часами играл с маленькой Лерочкой. Что тогда делалось в их квартире! Он заставлял Ольгу изображать бабушку, сам превращался в деда и, размахивая суковатой палкой, скакал по комнате и пел:

Чйки, чйки, чалочки,
Едет дед на палочке,
Бабушка в тележке
Щелкает орешки.

Когда за окном лил дождь, Валерий сажал дочь на плечи, и оба они, приникнув к стеклу, напевали:

Дождик, дождик, пуще!
Дам тебе гущи,
Поливай весь день
На наш ячмень.

Но вдруг из-за тучи показывалось солнце.

— Солнышко, папа, солнышко! — хлопая в ладоши, кричала девочка, и Валерий подхватывал:

Солнышко, солнышко,
Выкатись на бревнышко,
Сделай тепло,
Всем светло.

— Папа, еще! — требовала девочка, разрумянившаяся от восторга. И Чкалов пел любимую, русскую, ту, что всегда, еще с детства, хранил в своей памяти:

Радуга-дуга,
Унеси меня в луга,
Не тем концом,
Золотым кольцом.

На подоконнике стояла клетка с зеленым попугаем. Лерочка требовала объяснений, почему у него короткий и толстый язык и почему голос у него резкий — точно каркает или лает. И Валерий терпеливо объяснял.

Потом вдруг, посреди игры или шутливого разговора, становился серьезным, вспоминая о завтрашнем полете, и уже не видел никого вокруг себя, курил папиросу за папиросой. Иногда брал за руку Ольгу и садился с ней на кожаный диван. Они сидели долго и молча. Он первым нарушал тягостное для нее молчание.

— Да, Лёлик, хорошо мы сегодня повеселились.

Она чувствовала, что он говорит не то, о чем думает. Она не допытывалась, помня старый уговор. И вдруг он весь раскрывался перед ней, — и тогда больно сжималось ее сердце, и она с упреком говорила:

— Зачем ты об этом, Валерий?

— А что? — спокойно, даже нарочито спокойно отвечал он. — Наше дело такое.

— Ты о чем? —с тревогой в голосе спрашивала она.

— Я? — удивленно переспрашивал он. — Не понимаю, о чем ты говоришь... Ты сама чего-то выдумала.

Звонок в прихожей прерывал их беседу.

— Гости... — ужасалась она. — Я скажу — тебя дома нет.

Он махал руками:

— Что ты! Что ты! Зови, приглашай, время не позднее.

И через минуту тянул какого-нибудь приятеля за рукав в столовую и, с шумом раздвигая стулья, усаживал за стол.

Он любил привести кого-нибудь из гостей в детскую, постоять у кроваток.

— Что случится — пусть инвалидом буду, только бы голова осталась. Я бы смотрел, как дети мои растут, — говорил он.

А утром он опять появлялся на аэродроме; в перерыве, между полетами, иногда любовался четко отработанными фигурами, которые проделывали молодые пилоты. Когда покидал лётное поле, обращался к своему механику:

— Некоторые старые летчики завидуют, что молодежь частенько летает лучше стариков. Вот у меня этой зависти нет. Кто-то из стариков намедни говорил: стыдно, мол, обидно. Не стыдиться, а радоваться надо: заимствовать у молодых, что можно... Они же, дьяволы, глазастые. Всё увидят, подсмотрят. А нам уж иногда надо и за ними подсматривать.

Однажды он уехал в Горький испытывать новый самолет. Жители города видели, как над самым мостом и крышами домов с невероятной быстротой пронеслась красная машина. Пешеходы останавливались и шептали:

— Чкалов прокатил...

Тем временем Валерий несся уже над перелеском. Вдруг машина закачалась, сама нырнула вниз, взметнулась вверх. «Рвутся цилиндры мотора, — мелькнуло в голове Чкалова, — неужели так глупо?» Страшная мысль оборвалась. «Нет, невозможно». И он, задрав нос машины, бросил ее на частый кустарник. Через несколько секунд Чкалов, еле поднявшись на ноги, шатаясь, вылезал из-под обломков. Рукой он держал затылок, из которого сочилась кровь. Он оглянулся. В воздухе кружились свежие листья, над разодранным в клочья «ястребком» густой пеленой висела пыль.

Валерий долго не решался возвращаться в Москву: рана заживала медленно, не хотелось, чтобы жена видела его с повязкой на голове. Но, в конце концов, желание поскорее быть в семье взяло верх, он сел в поезд и утром стоял перед дверью своей квартиры. Открыла Ольга. Она сначала испугалась. Он тотчас же, еще не входя в прихожую, успо-

коил ее, она улыбнулась, но улыбка вышла неестественная. Однако Ольга поборола в себе тревогу и, еще раз улыбнувшись, тихо сказала:

— Ты, как в чалме...

— Совсем сценка из «Чайки», — весело заметил он. — Помнишь?

Два дня Чкалова навещал доктор. Валерий досадовал на него, что он не разрешает пойти в баню. В пользу медицинских процедур он верил меньше и был, как старый Ипат, глубоко убежден, что «баня все поправит». В особо серьезных случаях надо было лишь выпить после бани несколько рюмок водки, настоенной на подсолнухах.

Но наконец и этот счастливый день наступил.

Так постепенно жизнь вошла в прежнюю колею.

* * *

170 миллионов, которыми так гордился Валерий Павлович, в свою очередь, ценили его.

Вскоре в жизни Валерия Павловича произошло величайшей важности событие. Трудящиеся Горьковской области и Чувашской республики выдвинули кандидатуру Чкалова в депутаты Верховного Совета Союза ССР.

В морозные декабрьские дни он объезжал районы Горьковской области и Чувашии и выступал перед избирателями. Всюду встречали его тысячи колхозников. Приходили из отдаленных деревень, отшагав за ночь десятки километров. На пронизывающем ветру стоял на трибуне Валерий с непокрытой головой. Густой пар шел у него изо рта.

Находившиеся рядом с ним советовали:

— Валерий Павлович, наденьте фуражку, простудитесь.

Он сердито отвечал:

— Как вы можете так говорить? Я же с народом — понимаете, с народом — разговариваю.

А мороз все крепчал. Чкалов уже охрип, но он и не собирался прерывать поездку. По замерзшей дороге, переваливаясь с бугра на бугор, медленно двигался его автомобиль. В утренних сумерках показалась деревня Пыщуг.

— Говоришь, редко кто приезжает сюда из города? — обратился Валерий к шоферу. — Народ-то здесь, наверное, ядреный, к земле близко живет.

Остановились около избы.

— Зайдем погреться, — предложил Чкалов.

У завалинки женщина в овчинном тулупе огребала лопатой снег. Из заиндевелого окна выглядывала девочка-подросток.

— Мамаша, можно погреться? — спросил Чкалов.

— Заходите, миленькие. Чаем угощу.

Женщина воткнула лопату в сугроб и побежала на крыльцо. Горячий, банный воздух охватил Чкалова, когда он шагнул в горницу. Хозяйка крикнула:

— Парашка, раздувай самовар!

Девочка скрылась в кухню, а хозяйка захлопотала, усаживая проезжих на большую деревянную лавку.

— Замерзли, миленькие. Далеко ли путь держите?

— По делам выборов, хозяюшка, — сказал Валерий Павлович. — За кого голосовать-то будете?

— Ай, миленькие, сразу видно, вы не здешние. У нас ведь Чкалов выбираться будет. Слыхали про такого? Любезный и бесстрашный человек, говорят. Такой из себя представительный, высокий, весь в орденах. Летал на самый край земли...

Валерий не выдержал, улыбнулся:

— Слышал о таком... Только, говорят, не так уже он высок.

В горницу вошла девочка. Пристально вглядываясь в лицо Валерия, она спросила:

— А вы не Чкалов? Уж больно похожи на его портреты, что в газетах печатают.

— Как говорят, от народа не скроешься, — рассмеялся Валерий. — Буду у вас доклад делать.

— Ай, миленькие, радость-то какая! — и хозяйка засуетилась пуще прежнего. — Неужто ты Чкалов? Нет, уж теперь я вас так быстро не выпущу, чайку отведайте, пускай в деревне все знают, что Чкалов у меня чай пил...

... Валерий Павлович стал депутатом Верховного Совета, и у него началась как бы вторая, новая, жизнь. Он переписывался с избирателями, принимал их в своей квартире; нередко, возвратившись с аэродрома, садился ночью в поезд, а утром ходил по заволжским полям, щупая колос пшеницы, или осматривал птицеферму. Его интересовали все мелочи жизни Горьковской области. Приезжая в город или в село, он шел

в магазины, в парикмахерскую, в артель, в больницу, в цех, в школу, в библиотеку, в радиоузел...

— Давайте любое поручение, и я выполню, — говорил он.

Свободные дни он предпочитал проводить в Василеве.

Тогда оживал старый дом над Волгой. Наталья Георгиевна извлекала из буфета банки с вареньем, блюда с пирожками и заливной рыбой. В большой комнате появлялись гости, на столе — медный самовар. Окна и двери распахивались. Всё — и люди, и вещи — принимало праздничный вид. Наталья Георгиевна угощала и приговаривала:

— Ах, Воля, когда ты у нас бываешь, все ходуном ходит, посуда-то вся поет. Жаль только, любимого твоего поросеночка с хреном не подала. Предупредил бы ты, Волюшка, что приедешь.

— Не люблю, мама, ездить жданным и званным.

— Да, Воля, вот что хотела я сказать тебе: жильцы, что в мезонине, стесняются. Съехать, говорят, на другую квартиру надо бы.

— Ты упроси их остаться. Хорошо, когда кругом жизнь. А то приеду погостить, а верх у тебя пустой.

Погостив несколько дней, Чкалов уезжал в Москву.

На дорогу Наталья Георгиевна упаковывала корзину яблок. Валерий недовольно бурчал:

— Да куда ты столько?

— Бери, Волюшка, небось из своего сада.

Она провожала его на пристань. Он вдруг вспоминал:

— А команде парохода ничего не принесли? Как же это так? Беги, мама, скорей домой, принеси «белого налива».

Наталья Георгиевна возвращалась с полной корзинкой. Пароход давал отвальный гудок.

— Ну, Волюшка, прощай. Всколыхнулось мое море. Теперь опять одна...

— В Москву приезжай!

Она долго стояла на пристани, вглядываясь в темную даль. Наконец, мачтовый огонек пропадал за островом, и Наталья Георгиевна, поднимаясь по взвозу, тихо брела к дому.

Как-то приехал Валерий, по старой привычке обошел знакомых, подарил внуку Дарьи Акимовны изящный перочинный ножичек, добавив: «Береги, этот ножик всегда летал со мной». Из соседних домов сбежались знакомые, пришел бая-

нист, Валерий Павлович схватил девяностолетнюю Дарью Акимовну и закружился с ней по комнате.

— Воленька, отпусти, мыслимо ли так вертеться, убьешься, тебе-то ничего, а из меня, старой, кости посыплются.

Валерий посадил старуху на стул.

— Никогда я, бабушка, не допущу, чтобы ты убилась. Ну, а теперь выпей рюмочку сладенького за мое здоровье.

Акимовна закачала головой.

— Воленька, не стану я пить.

— Любить тебя тогда не буду.

— Какой озорной! Уже нельзя и отказаться—обиделся...

Старуха выпила рюмочку, вытерла губы ладонью, ее маленькие глаза заблестели. Чкалов остался очень доволен.

— Какая ты, бабушка, стала хорошенькая, румяная. Расскажи что-нибудь нам.

— Когда тебя из Америки поджидали, изо всех палисадников цветов нарвали, — сказала Акимовна. — «Дорогие бабы, — говорю, — пойдем в дом Павла Григорьевича, по всем комнатам цветы разбросаем и попляшем». Человек сто набралось. Всем любопытно и весело.

— Вот видишь, бабушка, без меня плясала, а со мной не хочешь.

— Ай, и неверно! — воскликнула старуха и, выйдя на середину комнаты, захлопала в ладоши. — А ну, кто подтянет?

И Акимовна, притопывая ногой, запела звонким, почти девичьим голосом:

Как у барских у ворот
Девки водят хоровод,
Барыня, барыня,
Барыня, сударыня.
Аль барыня угорела,
Много сахара поела,
По печи елозила,
Ножки обморозила.

Чкалов смеялся от души. Посидев еще немного, он простился с хозяевами, зашел в другую избу. На пороге столкнулся с молодой женщиной.

— Здравствуй, Саша! — крикнул он и, не дожидаясь ответа на приветствие, поднял ее высоко, к потолку.

— Как перышко легкая. Надо поправляться, на курорт ехать.

— Средств нехватает.

Он похлопал женщину по плечу:

— Погоди, Саша, поможем.

Ему не терпелось посмотреть на Волгу, и он поспешил в отцовский дом, взбежал на верхний балкон, крытый тем самым листом судового железа, который когда-то они с братом Алексеем притащили на плечах с пристани. Приложив ко лбу щитком ладонь, он долго любовался рекой и синеющими просторами.

— Ой, как хорошо, мама! Что за роскошь! — крикнул он.

Из сада донесся голос Натальи Георгиевны:

— Ты, Воля, как маленький.

Но он уже не слушал ее, а вглядывался в берег, где рыбаки укладывали в промасленную черную лодку невод. Вскоре рыбаки сели за весла и поплыли к Покровской горе. Он пешком отправился к ним вдоль берега.

Темнело. Когда Чкалов приблизился к глиняному обрывистому берегу Покровской горы, рыбаки уже тянули первую тоню. Фонарь на корме лодки отбрасывал в воду узкий луч. Луч дрожал, порой становился неподвижным и тогда походил на длинное острие копья. Рыбаки в штанах, завернутых до колен, перебирали руками мокрую сеть. Они проделывали это сосредоточенно, не торопясь, в полном молчании, точно совершали торжественный обряд. Щипакин, несмотря на густые сумерки, заметил стоявшего на обрыве Чкалова и замахал руками. Валерий крикнул:

— Здорово, староста!

Он знал, что ловля обычно оканчивалась костром, варкой ухи в трехведерном котле, потом Щипакин опрокинет стаканчик «крепкой», вытрет усы, закусит зеленым пером лука, раздаст каждому по тарелке и деревянной ложке; после ухи его будут просить спеть, и староста, сидя на влажном песке, снимет картуз и запоет, «глядя по сезону»: летом — «Березыньку», осенью — «Не осенний мелкий дождичек».

Одновременно Чкалов вспомнил, как, еще в детстве, вертелся на маленькой лодчонке около щипакинской бударки и садка, полного стерлядей и лещей. Щипакин был тогда муж-

чина в соку, статный, с пушистыми усами, рыбу ниже пяти вершков выбрасывал обратно в реку, и Валерий ловил ее на лету; если иной раз ловил мало, то просил Щипакина: «Дядя Александр, прибавь еще, не выходит уха-то». И Щипакин никогда не отказывал.

Пока рыбаки сортировали рыбу, Чкалов наломал сучьев, выворотил несколько старых корней и раздул большой костер. Валерий любил смотреть на пламя. И сейчас он любовался рыжими языками костра, склонив голову и вдыхая запах испарений от мокрого песка, смешивающийся с запахом тины, рыбачьих лодок и проконопаченных барж.

Где-то на пароходе, огибавшем Василевский остров, отбили склянки, звук явственно донесся до берега, и вместе с последним ударом колокола к костру подошли рыбаки.

Уха вышла наславу. Чкалову выбрали лучший кусок стерлядки. Он ел с аппетитом.

— Хорошо здесь у вас, — сказал Чкалов.

— А ты почаще к нам приезжай, — отозвался кто-то из рыбаков.

— Не выходит, друзья. Испытать одну машинку поручили мне.

— Не довольно испытывать-то? Пусть еще кто: кто помоложе. Ты теперь, Валерий Павлович, нужен на другие дела.

— Эка, хватил: еще кто! — с обидой произнес Чкалов.— А мы что ж, бычки, что ли, домашние? Привязали нас к стойлу — мы и жуем?..

Он начал говорить о скоростях, которых добиваются советские летчики... В темноте дрожали красные точки дымящих цыгарок; они то пропадали, то свет от них вспыхивал снова и бегал по загорелым грубым лицам рыбаков.

— Неужто, Валерий Павлович, сядешь в Горьком в самолет, а через два часа — на Черном море? Хоть бы внуку моему дожить до этих дней, — заметил Щипакин.

— Эх, дед, — горячо перебил Чкалов. — Как орлы, будем летать...

Он помолчал немного и повторил:

— Вольно, как птицы... Ты понимаешь, дед?

Валерий заговорил о заветных своих планах; никогда рыбаки не видели его таким красноречивым и возбужденным.

— К тому дело идет. Растем, крепнем. Давай рассудим,

дед: север облетан. Полюс завоеван. Коккинаки с Бряндинским из Москвы к Владивостоку как шарахнули. За сутки, ведь! Понимаешь, в чем тут дело? Врагам нашего Союза какая острастка! А Алексеев? А Павел Головин? Слыхал, дед, о таких? 184 человека зазимовали на судах во льду, вот эти ребята и переправляли их в жилые места. А лететь — знаешь, какая даль. Да надо льдами. Да погода-то там, на Севере, знаешь, какая... А Серов. Анатолий Серов... Вот это, дед, истребитель!..

— Ваш ученик, говорят? — сказал один из местных знатоков летного дела.

— Да не в этом суть. Это, брат, такой орел, такие «пятерные» бочки выделывает в воздухе. С «перцем» летает. Что говорить. Золотая голова... Его не только люди, его и машины любят. Враги только не долюбливают... Оно и понятно...

Светало, когда он, попрощавшись, сел в лодку и один поплыл к Телешному острову. Розовые лучи играли в светлой воде, лес на левом берегу также окрасился в розовое; Валерий встал, огляделся, ему захотелось погрести стоя. Но кругом лежала такая тишина, что, взмахнув веслами, он не донес их до воды и так и замер с прижатыми к груди кулаками, — точно движением своего тела боялся спугнуть покой реки.

* * *

Чкалов попрежнему мечтал совершить полет «вокруг шарика». При встречах с Байдуковым и Беляковым это было любимой темой разговоров. Однажды они решили написать письмо Иосифу Виссарионовичу.

«Мы помним Ваше обещание, — писали они, — разрешить нам перелет в 1939 году за пределы СССР. До 1939 года осталось времени не так уж много, и поэтому мы решились Вас просить конкретно о следующем:

1) Построить самолет с дальностью 15—20 тысяч километров, с дизельным мотором и рабочей высотностью машины 8—10 тысяч метров.

2) Разрешить подготовку к перелету, как только самолет будет готов, начиная с его испытания.

3) Дать установку Наркому Оборонной промышленности о всех мероприятиях, связанных с указанной просьбой (по-

стройка нескольких экземпляров машин и дизелей и ускоренное их испытание с нашим участием).

Очень просим удовлетворить нашу просьбу.

Экипаж: летчик *В. Чкалов*, летчик *Г. Байдуков*, штурман *А. Беляков*».

Тем временем три летчицы-подруги, Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова, готовились совершить на самолете «Родина» прыжок из Москвы на Дальний Восток. Валерий Павлович интересовался предстоящим полетом и принимал живейшее участие в его осуществлении.

Появляясь на аэродроме, он следил, как Гризодубова отрывала машину.

— Хорошо... — тихо ворчал про себя. Он знал по собственному опыту, как трудно взлететь на тяжело нагруженной машине. Иногда шутил:

— Давайте, девки, я вам сделаю взлет, а потом спрыгну... Вы дальше одни полетите... Хоть ни разу не прыгал, но для такого случая придется...

Когда взлет получался хуже, Чкалов вслед уходящей в небо машине грозил указательным пальцем.

— Тренируйся на одном моторе, — убеждал он Гризодубову. — Представь, один сдаст, нужно уметь летать на другом. На одном машина обязательно будет заворачивать, приучайся справляться.

Чкалов принимал близко к сердцу подготовку этого перелета, — словно лететь предстояло ему самому. Он любил делиться с молодыми летчицами богатым опытом своей испытательной работы; часами рассказывал он им о полете в Америку.

— Напрасно вы, девки, деликатничаете, — говорил он, когда кто-либо из инженеров отказывался в короткий срок смонтировать приборы.

Однажды он даже стукнул кулаком по столу, пристыдил инженеров:

— Нужно сделать! И вы-то хороши, — обратился к летчицам, — миндальничаете. Вы не просите, а требуйте. Смелости побольше!

Но Чкалов быстро «отходил», и через несколько минут шагал из ангара к самолету, широко улыбался и, дружески обнимая своих подшефных, виновато оправдывался:

— Не подумайте, девчата, что я только все ругаю. Я вас от души люблю и добра желаю. Поймите, перелет — не личное ваше дело, а всего народа. Раз уж вы согласились, что я ваш шеф, будьте добры слушаться.

В квартире у Чкаловых часто собирались летчики. В этот насыщенный летными событиями год особенно часто заходил разговор о дальнейших планах, об успехах и неудачах товарищей по работе.

Тяжелое впечатление произвела на Валерия Павловича трагедия экипажа Леваневского. Напряженно следил весь летный мир, весь советский народ за розысками. Правительство Советского Союза предоставило неограниченные материальные возможности для организации поисков пропавшего экипажа, посылало большое число самых различных самолетов, к предполагаемому месту аварии шел ледокол «Красин», радисты непрерывно искали в эфире позывные «РЛ», Правительством СССР были финансированы полеты американских летчиков, вызвавшихся искать героев.

Когда ясно стало, что дальнейшие поиски безрезультатны, Валерий Павлович с грустью сказал как-то о Леваневском: «Сложил Сигизмунд свою смелую голову»...

Телефонные звонки, почтальоны, школьники, представители разного рода учреждений попрежнему донимали Валерия Павловича. Одним хотелось заручиться его согласием приехать и рассказать о своей летной деятельности, другие обращались к нему с жалобами, третьи — с просьбами. Чкалов отказать никому не мог, хотя времени на все никак нехватало.

И в Василеве, стоило появиться на улице или на берегу, как его окружали жители поселка: кто с мужем разводится, кто с соседкой поссорился, кто в авиашколу хочет поступить, кому на достройку дома нехватает — все к нему. Както раз он рассердился на преследовавшего его всюду парня из Катунок:

— Что у меня, госбанк, что ли? Я матери дал на хлеб, придется теперь у нее занимать на обратный путь. Уходи и больше не показывайся мне на глаза.

Но долго сердиться Чкалов не умел, и через час уже добродушно беседовал с незнакомой женщиной. Женщина стояла у калитки своего палисадника и, комкая в руках носовой платок, жаловалась:

— Мой-то запил, ушел от меня к снохе жить. Валерий Павлович, подействуйте, чтобы вернулся.

— Зачем он тебе нужен, раз пьет, — убеждал Чкалов.

— Мужичок нужен. Я без мужичка-то не проживу.

— А... тебе нужен мужичок, а не работничок. Понятно.

Он покачал головой и весело подмигнул:

— Вот какие у нас в Василеве бабочки-бабурочки поживают!

Этот разговор развеселил его, и он, обещав женщине повлиять на мужа, направился к дому Дарьи Акимовны.

Акимовна сидела у раскрытого окна и пила из большого блюдца чай; кусочки булки клала в чашку и осторожно, медленно разжевывала их.

— Чайком угостишь, Акимовна? — сказал Валерий, снимая ремень и расстегивая воротник гимнастерки. — Я у тебя, бабушка, душой отдыхаю.

Старуха внимательно посмотрела на него поверх очков.

— А в Москве, Воля, тебе велят застегиваться?

— Велят, бабушка.

— Большой ты человек стал, — вздохнула Акимовна. — А бывало, — еще мальчонкой рос, — кричу тебе: «Волька, не ходи к воде близко! Гривенник подарю, только не ходи». Бегу за гривенником, а ты уже на плоту. «Волька, — кричу, — если не вернешься, ремешок у меня в кармане!», а ты только рукой помахиваешь... Ох, и озорной!

— А помните, Валерий Павлович, как василевские девушки заставляли вас из чужих садов цветы воровать? — спросила сноха Дарьи Акимовны. Она стояла на пороге, облокотившись о косяк двери, и не сводила с Валерия глаз.

Чкалов оживился:

— Вот уж это и забыл!

— А вы, бывало, нарвете самых пышных, преподнесете нам, девушкам, — мы постарше вас были, — и скажете: «Вам подаришь, вы только «мерси» ответите и пойдете с капитанами по откосу гулять».

Валерий рассмеялся:

— Конечно, обидно было.

Сноха подсела к самовару, вспоминала еще некоторые проказы Валерия.

— Эх, молодость! — вздохнул Чкалов. — Завидная штука!

Акимовна опять посмотрела на него поверх очков и тут только впервые заметила, какими глубокими морщинами был испещрен его лоб. И в самом деле, он немного постарел за последний год: складки, идущие от ноздрей к губам, обозначились еще резче, движения стали размеренны, неторопливы, и только глаза, полные блеска и жизни и видящие, казалось, далеко вокруг себя, выдавали его молодой возраст.

— Засиделся я у тебя, бабушка, — сказал Чкалов, застегивая гимнастерку.

— Заходи, Воленька, не забывай старую.

Акимовна вышла на середину комнаты, взяла Валерия за руку и, глядя прямо ему в глаза, сказала многозначительно:

— Воленька, я ведь помню твои рассказы, как ты на Камчатку летал. Ты не гляди, что я старая, память у меня молодая... Когда, значит, облака-то сомкнулись, ты о своей матери подумал. Мама, говоришь, вспомни обо мне! Пропал я! А потом повыше, повыше, все равно как кто поднял тебя. Тогда вздохнул ты и подумал: значит, родители помнят обо мне! Ведь так рассказывал, а?

Чкалов кивнул головой в знак согласия, хотя Акимовна передавала его рассказ не совсем точно,—и вышел на улицу.

Женщина лет за сорок, но с лицом удивительно моложавым, загоняла хворостиной во двор теленка. Валерий любил в былые годы встречаться с этой рослой, всегда жизнерадостной женщиной. Он уважал ее за то, что она была матерью семерых детей, любая работа спорилась в ее проворных руках и на все хватало времени. И сейчас, наблюдая ее белозубую улыбку, он медлил подойти к ней, издали любуясь ею. Но она уже заметила его и, забыв про теленка, зашагала не торопясь навстречу.

— Ты никак, Дуняша, опять насносях! — ласково сказал он.

— Да что ж поделаешь, Валерий Павлович. Хожу опять, как трактор.

— Небось трудно рожать? Подумай, почти каждый год.

— Э-э, крута гора, да забывчива.

— Обожаешь ты, как погляжу, своего Павла.

— Живем в ладу. Не то, что Рукавичкины, помнишь, те, базарские?

— Ах, да, Дуняша, — перебил Чкалов, — я давно собирался спросить тебя: как старший-то их, Степан, поживает?

— Ну, что, как живет? Своя баба пава, а чужую подсекает.

Дуняша произнесла это тоном строгим, таким невозмутимо-спокойным, что Валерий прыснул со смеху.

— Да, ведь она, говорят, вальяжная, добротная, белая, — возразил он, не переставая смеяться.

— Не лежит, Валерий Павлович, душа к таким. Надела туфли и рада. Ходит, востроколытая.

«Хороша баба! За словом в карман не полезет», — думал Чкалов, направляясь к дому.

Дома Чкалов узнал новость: приехала погостить младшая сестра Софья. Было поздно, она уже спала. Он заглянул в спальню; в этой комнате он когда-то играл с Софьей. Игры иногда заканчивались дракой.

«Надо напомнить ей», — подумал он. Он раскрыл чемодан, вынул сборник, посвященный перелету через Северный полюс; тихо, боясь разбудить сестру, прошел через комнату, сел на табурет возле изголовья и написал на первой странице:

«Милая Сонечка! Вспомни, как бывало мы с тобой дрались. У тебя трещали волосы, у меня — уши. Дарю тебе эту книгу как память о нашем перелете. Твой брат, драчун Волька».

Он положил книгу под подушку и вышел из комнаты.

В столовой стелила постель Наталья Георгиевна.

— Не надо, мама. Я буду спать в твоей комнате.

— Ох, Волюшка, ты у меня прошлый раз всю пружинную сетку продавил. Спи лучше здесь.

— Мама, уступи мне. Тоскливо одному.

— Какой упрямый! Ладно. Только уж не сердись, я под сетку ящик подставлю.

— Во-во. Подставляй.

Наталья Георгиевна легла. Валерий долго ворочался на своей кровати, не спалось ему. В углу перед старинным образом мерцала лампадка. На комоде тикали часы.

— Мама, спишь? — тихо спросил Валерий.

— Вот полуночник! — отозвалась с другого конца комнаты Наталья Георгиевна.

Он повернулся на бок.

— Мама, праздник завтра?

— Праздник.

— Какой?

— Всем святым, — ответила Наталья Георгиевна, чтобы только отвязаться.

Он помолчал немного.

— А сколько было их всех?

— Сорок мучеников. Спи, Волюшка.

— Есть такой праздник. Сорок мучеников. А кто из них был самый старший?

— Николай-угодник.

— Знаю такого.

Наталья Георгиевна приподнялась с постели.

— Воля, если тебя беспокоит лампадка, я погашу ее.

— Нет, не гаси. Не ты у меня, а я у тебя в гостях.

Наталья Георгиевна не ответила. Валерий продолжал лежать с открытыми глазами, прислушиваясь, как в лампадке потрескивал фитиль.

— Ох, и жирной же ухой ты угощала меня сегодня. Не добавляла чего-нибудь?

— Ты не архирей какой-нибудь, чтобы добавлять в уху телятину.

— Хороша! Эх, эту бы рыбку да в Кремль. Не я буду, если не доставлю живую на самолете.

— Когда ты уснешь, полуночник!

— Молчу, сплю...

Но как он ни старался заснуть, сон не приходил. Валерий сел на кровати, нащупывая ногой туфли, и закурил.

— Мама, я тебе вот о чем хочу сказать: люби летчиков. Случись приедут без меня, угощай яблоками да говори, что из нашего сада.

— Люблю я их, Воля.

— Люби больше. Народ-то какой, мама!

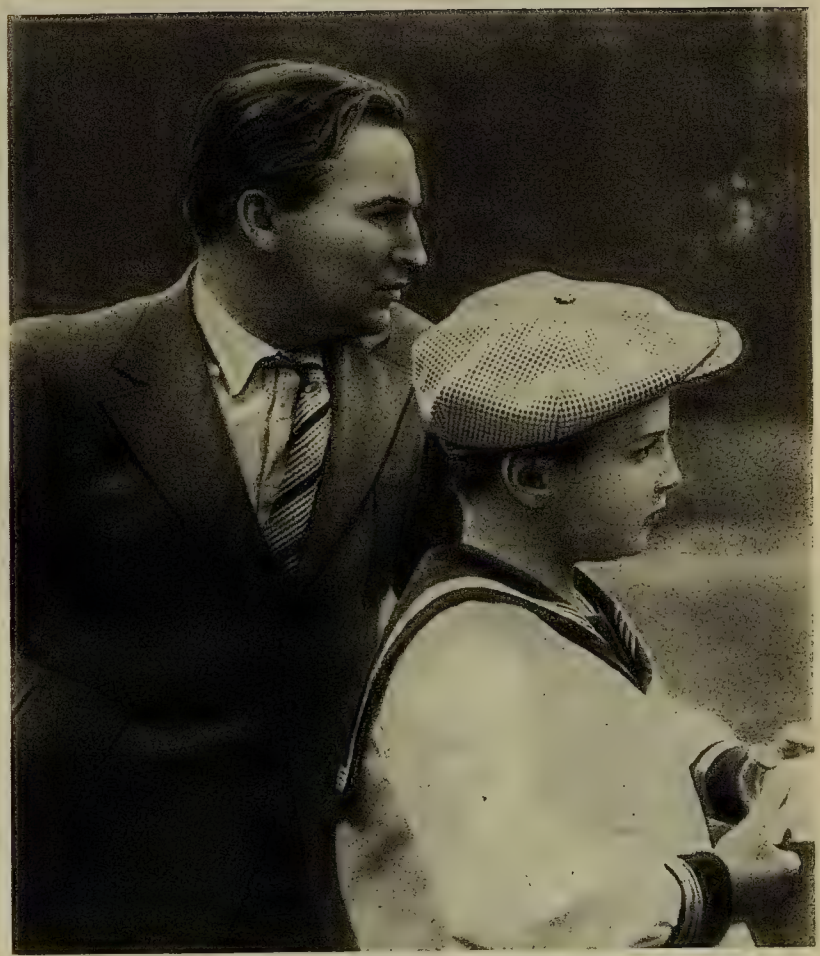
В углу зашелестело, потом что-то шлепнулось об пол. Толстомордый рыжий кот, потряхивая пушистыми бакенбардами, с виноватым видом крался вдоль стены к двери.

— Ой, как ты раскормила своего котофеича. Ну и здоров, чорт!

— Воленька, такой у нас хозяин важный, а кот худым будет. Что люди подумают?

— Мне бы хоть денек так беззаботно пожить, как этот чортушка!

Валерий опять прилег и неожиданно заговорил о сыне:



В. П. Чкалов с сыном Игорем на автомотогонках. 1938 г.

На Волге

— Вот подрастет Игорь, пошлю его на пароход кочегаром. Пусть испробует тяжелый труд.

— Вижу, не уснешь ты сегодня, Воля. Признавайся, о чем думаешь-то?

— На-днях новую машину испытывать буду. Сначала ее погоняю по земле, потом подниму на метр, потом еще выше, пожму, помучаю ее...

— А я думала — сразу в воздух...

— Нет, так не делается, мама.

И Валерий погрузился в свои мысли. В саду щебетали птицы, когда он, зарывшись головой в подушку, уснул здоровым, крепким сном.

* * *

Чкалов вместе со всей страной радовался, когда узнал, что перелет «Родины» окончился благополучно. В дни возвращения экипажа в Москву, он телеграфировал на Дальний Восток:

«Горячо приветствую наших летчиц Валентину Гризодубову, Полину Осипенко и Марину Раскову, возвращающихся с победой в Москву.

Желаю славным подругам новых успехов в борьбе за авиационное первенство нашей родины. Комбриг В. Чкалов».

Валерий Павлович был счастлив вдвойне: и его испытательные полеты прошли благополучно.

Чкалов готовился к испытанию следующей машины. Вместе с тем он все чаще задумывался о новом большом перелете. Это были даже не мечты, а подробный, точно разработанный план полета вокруг «шарика» и в Австралию.

— А потом через Южный полюс. Так, Егор? — говорил он Байдукову.

— Уж очень просто ты стал смотреть на земной шар, — отвечал Байдуков.

Чкалов начинал сердиться.

— Ну, не мы, так еще кто, это дела не меняет. Тут другая загадка, Егор: скоро маршрутов на дальность не выберешь, — земля мала становится для техники.

И пускался развивать мысль о будущем авиации, о стратопланах, несущихся в стратосфере с тысячекилометровой скоростью...

— А ты, Егор, разве не мечтаешь о таком полете? Чтобы как ураган махнуть? Не верю. Мечтаешь. Ты же летчик. — Валерий пытливо глядел в лицо друга.

— Тебе отдохнуть надо, Валерий.

— И тебе не мешает, Байдук. Знаешь, что? Пригласим Сашу, поедем втроем в мое Василево. Такую охоту закачу. Ну, не раздумывай. По рукам, а?

— Саша уехал в санаторий.

— Ну вот, ты всегда найдешь предлог отказаться. Придется одному. А не ехать не могу. Тянет на Волгу. Хоть денек побывать.

И спустя неделю Чкалов уехал по «старейшему маршруту» — так он называл путь от Москвы до Чкаловска. В этот раз ему удалось пожить там только сутки. Но и за это короткое время он успел многое сделать: навестил старых приятелей, наметил место для постройки Дворца культуры, побывал на рыбалке, устранил кое-какие неполадки в сельском совете, записал просьбы земляков.

Часа за два до отъезда Валерия из Чкаловска погода резко изменилась. По широкой улице ветер погнал пыль, она катилась большими клубами по дороге, взвиваясь над заборами, колодцами и домами. И сразу после жары подуло холодком. Где-то с силой хлопнула калитка, в знакомом саду две яблони пригнуло вихрем до самой земли, листья затрепетали.

Валерий шел, не торопясь, к обрыву. Упали первые капли дождя ему на шею, он пошире расстегнул воротник и удвоил шаги. Вспоминались почти позабытые картинки далекого детства: как бурей сорвало железную вывеску с лавки купца-крупчатника и чуть не убило проходившего мимо старика... Сколько тогда об этом говорили в Василеве!

Не часты бури на Волге, и Валерий знал, что сейчас с обрыва увидит бурю во всей ее силе и красоте.

Широкая Волга открывалась оттуда вся серая, беспокойная, как бы расчесанная частой волной. Белые барашки катились на коренной, накатываясь друг на друга и в ярости разбегаясь. Потом вдруг закипела вода, ветер погнал возросшую во много раз волну к берегу, и казалось — она еще на середине реки разнесет в щепки промасленную лодочку старика-водолива.

Тяжелое небо нависло над островами. Из заволжских ле-

сов ползла черная туча. Зигзагом прочертила небо молния, ее неестественно яркая вспышка на мгновенье разорвала тучу. И вот Волгу задернуло почти непроницаемой сеткой дождя, безудержно хлынувшего в разбушевавшуюся реку.

Воздух запах водой — свежий, вихревой, пьянящий. Им с наслаждением дышал Чкалов, не обращая внимания на потоки дождя. Белая рубашка вымокла насквозь, вода стекала ручейками. Валерий обернулся.

По скользкой тропинке к Валерию бежал кто-то, накинув на голову пальто.

Это был старый Ипат.

— Аверий Павлыч, пойдемте скорей. Просушиться вам надо, переодеться.

Ударил раскатистый гром. Чкалов с досадой отмахнулся от деда.

— Погоди...

Девяностолетний волгарь и сам, шмыгая коротким носом от удовольствия и собирая с бороды в пригоршни дождевую воду, не мог оторвать по-стариковски дальнозорких глаз от «родной матушки», как про себя любил называть Волгу.

Утлая лодчонка, прыгая с волны на волну, пробиралась к берегу. Ветер упал...

Чкалов, отказавшись надеть резиновое пальто, вместе с Ипатом направился к дому.

* * *

15 декабря 1938 года страна Советов понесла тяжелую утрату: не стало Валерия Чкалова.

Советское Правительство опубликовало следующее сообщение:

«Правительство Союза ССР с глубоким прискорбием извещает о гибели великого летчика нашего времени Героя Советского Союза тов. Валерия Павловича Чкалова при испытании нового самолета 15 декабря сего года».

В эти дни по-новому зазвучали слова Чкалова:

«Я буду держать штурвал самолета до тех пор, пока в моих руках имеется сила, а глаза видят землю».

Так сказал он однажды товарищу Сталину.

Чкалов до последней минуты не выпускал из рук штурвала боевого самолета.

Сотни тысяч москвичей шли к Дому Союзов, чтобы проститься с великим пилотом.

Москва дважды на улицах и площадях встречала его, народного героя, триумфатора, возвращавшегося из победных рейсов. 18 декабря она провожала прах Чкалова на Красную площадь, к Кремлевской стене. «Правда» в своей передовой статье писала на следующий день:

«Вчера советская страна похоронила великого летчика нашего времени, замечательного сына родины, мужественного патриота Героя Советского Союза — Валерия Павловича Чкалова. Кремлевская стена, в которой покоятся останки многих выдающихся борцов за социализм, отдавших всю свою жизнь делу рабочего класса, приняла прах Валерия Чкалова. Товарищ Сталин, руководители партии и правительства проводили героя в его последний путь.

Валерий Чкалов был любимцем всего советского народа. На траурном митинге тов. Байдуков — боевой соратник и друг покойного — сказал:

«Свою кипучую энергию и силу воли он черпал из недр глубоких масс народа, лучшие черты которого он воплощал в себе. Вот почему Валерий пользовался огромной любовью советского народа, всей страны, большевистской партии и лично товарища Сталина. И эта любовь и эта крепкая связь с народом родили в нем дерзость, силу, благородство и волю».

Слова товарища Байдукова выражают мысли и чувства всех трудящихся нашей родины.

С именем Валерия Чкалова связаны блистательные победы советской авиации. Несравненное мужество сочеталось в нем с отличным знанием авиационной техники. Высокое мастерство сочеталось в нем с горячей любовью к родине, к великой большевистской партии, к товарищу Сталину — отцу и другу советских летчиков.

Валерия Чкалова нет среди нас. Навеки остановилось горячее сердце великого летчика нашего времени. Никогда мы больше не услышим его замечательного голоса, полного тепла и задушевности. Но в нашей памяти и в памяти грядущих поколений навеки сохранится весь его богатырский облик, отражающий силу и мощь великого русского народа, сыном которого он являлся...

...Это был, поистине, народный витязь — чудесный, изумительный летчик, сердечный друг, простой, душевный человек.

Имя Валерия Чкалова будет вдохновлять советских пилотов, гордых соколов нашей родины. Имя его будет вдохновлять наших конструкторов, создающих новые, совершенные типы авиационных машин. Имя его будет вдохновлять всех трудящихся, всех, кому дорога родина, кому дорог социалистический строй, кому дорого дело партии Ленина — Сталина.

Слава блестящих авиационных подвигов Валерия Чкалова гремела далеко за пределами нашей родины. Когда наши герои-летчики во главе с Валерием Чкаловым пронеслись, подобно вихрю, над ледяными полями Арктики, пересекли полюс и проложили невиданную трассу из СССР в Америку,— весь мир был восхищен изумительным перелетом, весь мир воздал должное советской стране и ее могущественной авиации. Валерий Чкалов был одним из тех новаторов авиационной техники, которые двигают вперед дело борьбы с воздушной стихией. Поэтому гибель Валерия Чкалова является тяжелой потерей не только для нашей страны, но и для всего прогрессивного человечества. Несравненный чкаловский стиль самолетовождения будет тщательно изучаться, будет обогащать творческую деятельность многих тысяч пилотов...

...И если грянет гром войны, если коварный враг нарушит священные рубежи советской земли, тысячи и десятки тысяч советских пилотов ринутся в бой, поведут свои боевые машины по-чкаловски, будут беспощадно разить врага на его же территории!

И нет такой силы в мире, которая могла бы устоять против наших гордых соколов, питомцев сталинской авиации.

Пусть помнят поджигатели войны крылатые чкаловские слова:

«Ручаюсь, враги... на деле убедятся, что Чкаловых, Громовых, Байдуковых и Юмашевых в советской стране куда больше, чем они себе это представляют...»

* * *

Был светлый полдень. Над полноводной рекой, в высокой синеве, застыли облака. Легкие, полупрозрачные тени лежали на песках, поросших редким тальником.

Стоял май. Волга разлилась, затопив пойменные луга, зеленеющие кое-где свежим ковром молодого пырея. Над пенистым цветом яблонь порхал легкий ветер. В необычайно про-

зрачном воздухе летали над рекой белые мартыны. Мартынов отчетливо было видно с обрыва. С берега, у самой воды, нетрудно даже было различить окраску их оперенья — с розовым, нежным налетом на груди — и головки шоколадного цвета, с длинным прямым клювом. Издавая хриплое «киаукоэ», мартыны то описывали над буксирами и баржами смелые широкие круги, то на лету, не касаясь крыльями воды, хватали корку хлеба, брошенную кем-нибудь с баржи ради забавы.

На длинной, из дубового теса, скамье, почерневшей от времени, у края обрыва перед чкаловским домом молча сидели Ольга Эразмовна, Игорь и Алексей Павлович. На пригорке, на солнышке, сгорбившись, пристроился Ипат и сухими, узловатыми пальцами крутил цыгарку. Возле ног его лежал раскрытый пестрый кисет, полный крупной махорки-самосада.

Лес в Заволжьи простирался далеко, уходил в степь, но с обрыва виднелась лишь его синяя зубчатая кромка. Зато внизу, у подножья обрыва, все вырисовывалось с необычайной резкостью. На мостах женщины, сидя на корточках, полоскали белье. У песчаной косы, горевшей, точно золотой клинок, в лучах солнца, копошилась скрежещущая черпаками землечерпалка. На стрежне, зарывшись носом в волну, скользила парусная яхта.

Ольга Эразмовна первой встала со скамьи. Направилась к пригорку, где на солнцепеке уже задремал Ипат.

Дед, заслышав шаги, вскочил и, сунув в рот потухшую цыгарку, почтительно поклонился.

— Что ты, Ипат, мы же виделись сегодня, — сказала Ольга Эразмовна, печально улыбаясь.

— Запамятовал, матушка, — ответил Ипат. Потом вздохнул глубоко, посмотрел ей в глаза пристальным, долгим взглядом:

— Да. Так-то... матушка...

— Все по-старому, Ипат.

— Все по-старому, — согласился как-то нехотя Ипат и вдруг, оживившись, заговорил, теребя редкую, мягкую, как пух, бороденку:

— Были они человек почвенный, с юности богаты мягкостью душевной. Вы, матушка, под стол пешком ходили, когда в дом покойного Павла Григорьевича Геннадий Михалыч, надзиратель, приезжали в преферанс играть. Чудак они бы-

ли, Геннадий Михалыч, любили рюмочку пропустить и горчицей закусить. Вашему супругу тогда годков пять было. «Дядя, — говорит, — что ешь?» — «Хлеб с медом». «Дайка, говорит, мне». Геннадий Михалыч и отломил Аверию Павловичу-то ломоть с горчицей намазанной. Аверий Павлович откусили да как заплачут и к матери бежать. Арина Ивановна, помнится, больно обиделась. А Геннадий Михалыч развалился в кресле и хохочет: «Меду твой захотел». Потеха!

Ольга слушала равнодушно.

— А вот этой весной, перед тем как оттепели быть, иду мимо базара, вдруг — Аверий Павлович, и мешок крупчатки у них на плечах...

Ипат говорил долго и сбивчиво, путая события.

Через Волгу величаво и спокойно пролетал, распластав лоснящиеся на солнце крылья, темнобурый беркут.

За кустами послышался сухой прерывистый кашель. В калитке показалась древняя старуха с платком на голове, усеянным мелким горошком.

— Акимовна! — крикнул Игорь.

Старуха не расслышала окрика и продолжала осторожно двигаться к скамье, прощупывая ногой каждый камешек на узенькой заросшей тропинке.

Акимовна подошла к скамье и села. Она долго расправляла сухими в темных жилках руками складки платья, потом поправила платок на голове и вдруг заговорила довольно бойко, так, что показалась всем и не такой уже древней:

— Да, родимые, отлетался наш орелик. Какие моря перелетел, а тут... Я, бывало, ему завсегда говорила: «Воленька, тебя под стекло надо поставить». Обижался: «Эх ты, под стекло! Мне еще одно дело надо свершить». Всё к себе звал, Знала бы, что случится так, пешком доползла бы до Москвы...

Вчетвером направились к дому. День разгорался все ярче. Над крохотным незатопленным кусочком Телешного острова тянулся кверху светлосиреневый дымок невидимого костра. В высоком небе кружился одиноко самолет. Самолет то ложился на крыло, переворачивался, вертелся юлой, то падал отвесно, как стрела, и снова уходил в синюю вышину, исчезая в легком весеннем облачке. Рокот мотора далеко разносила вода.

— Молодежь-то наша как летает! — сказал Алексей Пав-

лович. — Молодец!.. Сколько таких пилотов воспитал Валерий... Вот смотри, Игорь, этот здесь кружит, а в эту самую минуту где-нибудь над сибирской тайгой тоже кружит самолет, и над Кавказом тоже, и на Дальнем Востоке... над всей страной. Всё твоего отца выученики. Он, конечно, не знал их всех в лицо, но они его знали все.

Не успел Алексей Павлович закончить фразы, как с неба донесся такой оглушительный рев мотора, что Ольга и Игорь невольно подняли головы. Звук вдруг замер. Из-под облачка вынырнул самолет и, блеснув на солнце серебристой черточкой, пошел в штопор.

Самолет скрылся за горизонтом. Чкаловскую семью догнал дед Ипат.

— Видал, дедушка? Ловко? — обратился к старику Игорь, показывая рукой на небо.

Ипат неторопливо поднял глаза.

— А чего тут ловкого?

— Как? Ведь он двадцать витков сделал!

— А пущай хоть бы тысячу. Ваш батюшка разве такие штуки выделывали.

— Что же выделывал? Расскажи.

— А многое. Про то они знали.

И Ипат, наклонившись над ухом мальчика, сообщил с таинственным видом:

— Они с собой завсегда веревочку брали, когда поднимались в воздух.

— Зачем? Какую веревку?

— А обыкновенную. Из пеньки.

— И что же он делал с этой веревкой?

— А она спасала его завсегда.

— Как спасала?

— А очень просто, вы понапрасну смеетесь, — сказал строго Ипат. — Вы вот не знаете, как у Аверия Павлыча крыло однажды отвалилось. Отвалилось крыло, а они не растерялись, встали на хвост ногами и привязали туго-натуго крыло веревкой... Да... Летят под самой тучкой, уж и забыли про это, вдруг опять затрещи что-то сбоку, они смотрят: батюшки! Второе крыло отваливается, проклятое! Они и его веревкой затянули — да так крепко, что на земле отвязать никто не в силах был... С той поры Аверий Павлыч и брали завсегда с собой веревочку.

В. П. Чкалов. 1937 г.

Бюст В. П. Чкалова работы (с натуры) скульптора И. Менделевича

— Хорошо ты рассказал, Ипат, — с улыбкой проговорил Алексей Павлович. — Этого случая я что-то не знал.

— А вот теперь будете знать, — сердито ответил Ипат.

* * *

Вечерами Ольга Эразмовна подолгу просиживала на обрыве. Задумавшись, смотрела на реку, на вечерние тени, в которые одевалась Волга, на далекие дрожащие огоньки.

И в тот вечер вышла Ольга Эразмовна посидеть на знакомой скамеечке.

Дед Ипат рассказывал ей вчера, как они с Валерием Павловичем последний раз любовались бурей. И теперь Ольга Эразмовна так ясно видела перед собой Валерия: ему самому буря была сродни, с какого-то края... Он всю жизнь был неуемным, как эта волжская буря, тысячи препятствий поборол в жизни, всегда горел мыслями творческими, созидательными, утверждал в авиации новое, невиданное, ломая препоны и преграды...

Мимо проходил человек в форме речного капитана. Поздоровался, присел рядом.

— Хорош вечерок, Ольга Эразмовна. Слышите, как нашей водой пахнет. А на Жигулях сейчас соловьи свистят...

Он зорко посмотрел на реку.

— Дали-то какие...

Капитан снял фуражку, поправил волосы. Оба помолчали немного.

— Валерий Павлович в последний раз здесь первого декабря, когда кончалась у нас навигация, был, за две недели до того дня. Я его в Горький на пароходе вез. Сало уже шло по реке, кругом голые берега, давно уже сняли вехи и бакены. Он в рубке сидел. Мне и сойти хочется с мостика, поговорить, — ведь школьные приятели когда-то с Валерием Павловичем были, — и нельзя: на вахте я. Он сам пришел в штурвальную рубку, — так до самого Горького и не сходил ни на минуту. «Эх, — говорит, — как хорошо, Генаша: русская зима». Я отвечаю: «Рисковато, Валерий, идем. Перекаты серьезные». — «Генаша, — говорит, — на тебя надеюсь. Мы — василевцы». Проехали Балахну, вдруг видим: пассажирский стоит на мели. Валерий говорит мне: «Нельзя оставлять судно в беде. Давай помощь, такой у нас, волга-

рей, закон». Ну, что вам еще сказать... Подошли мы, чалку бросили, пассажиры на палубе столпились, узнали его сразу, машут, кричат...

...На следующее утро приехал Беляков.

С пристани валил народ. Женщины несли ведерки, кошелки, кто-то тащил деревянный крашеный сундучок. Неожиданно среди незнакомых Игорь еще издали заметил высокую фигуру Белякова. Игорь помчался навстречу ему и повис у него на правой руке.

— Александр Васильевич! Давайте я ваш чемодан потащу.

Беляков улыбнулся.

— Поди купаться бежал, из воды не вылезаешь? А мама тебя, вероятно, ищет завтракать. — Он посмотрел на ручные часы. — Ну, конечно: еще только шесть утра, а ты уже сбежал.

— Мама всегда зовет, — протянул капризно подросток. — А вы мне еще в Москве хотели досказать про воздушный бой. Я не забыл...

Миновав хлебные амбары на высоких столбах и выставленные для просушки кадки из-под засола, они вышли к опушке березовой рощицы. На ветвях, казалось, еле слышно позванивали золотистые сережки. От раскрывающихся с горы просторов и речных далей Александр Васильевич не мог оторвать взгляда. Сюда он приехал впервые. Теперь он понимал, за что так сильно Валерий любил родные места.

В Чкаловске начинался трудовой день. Ремонтные рабочие шли в затон. Группа штукатуров и каменщиков в белых фартуках спешно, почти военным шагом, торопилась к месту стройки Дворца культуры. Внизу по реке проплывал белотрубый двухпалубный пароход, оставляя за собой широкую борозду.

— Пароход наш запоздал, грузили бумагу в Балахне, а то бы ночью приехал, — сказал Беляков.

— Да, Александр Васильевич! — перебил его нетерпеливо Игорь, — вы же обещали про бой, а вы — про пароход... Ну, давайте. Вы тогда рассказали, как Кравченко только что перешел линию фронта и увидел с воздуха поле, и на поле стояли восемнадцать самолетов, неприятельские...

— Молодец! Запомнил...

И Беляков продолжал свой рассказ об одном из боев.

Рассказывая, он думал о том, что все эти подвиги неразрывно связаны с именем Валерия Павловича. Чкалов испытал за свою жизнь десятки типов новых самолетов, и в скольких уже боях наши летчики на них громили и еще будут громить врага. А само ведение боя! Любой наш военный пилот скажет, как он применяет в боевых действиях знаменитую чкаловскую атаку... Летчик Нестеров первый совершил мертвую петлю. А Чкалов впервые проделал несколько витков восходящего штопора. Он первый поразил летчиков фигурой, которая названа «медленная бочка». А после перелета через полюс в Соединенных Штатах говорили про него: «Чкалов из Москвы вылетел героем Советского Союза, а прилетел в Америку героем мира».

И как он любил жизнь...

Обо всем этом Александр Васильевич не мог сейчас говорить мальчику, шагавшему с ним рядом, он только искоса поглядывал иногда на сосредоточенное детское лицо в тех местах своего рассказа, которые особенно живо вызывали в памяти образ его друга, хотя разговор шел о новых наших героях-летчиках.

Из переулочка показались Ольга Эразмовна, Наталья Георгиевна, Алексей Павлович, рыбак Щипакин.

Несколько смущенный Беляков поздоровался со всеми.

— А Георгий Филиппович не приехал? — спросила Ольга Эразмовна.

— Егор занят в Москве и просил передать об этом. Мы все же надеемся, что нам разрешат в память Валерия третий Сталинский маршрут.

Конец

1965

Редактор Ю. Лукин

*

Художествен. редактор Г. Мануйлов

*

Технический редактор Ж. Примак

*

Переплет, титул, инициалы и заставки худ. Д. Бажанова

*

На переплете барельеф со скульптуры И. Менделевича

*

Цветной портрет В. П. Чкалова работы худ. М. Штейнера

*

Карта и рисунки фигур высшего пилотажа худ. Е. Десятова

*

Корректоры А. Беньяминович и Е. Миронова

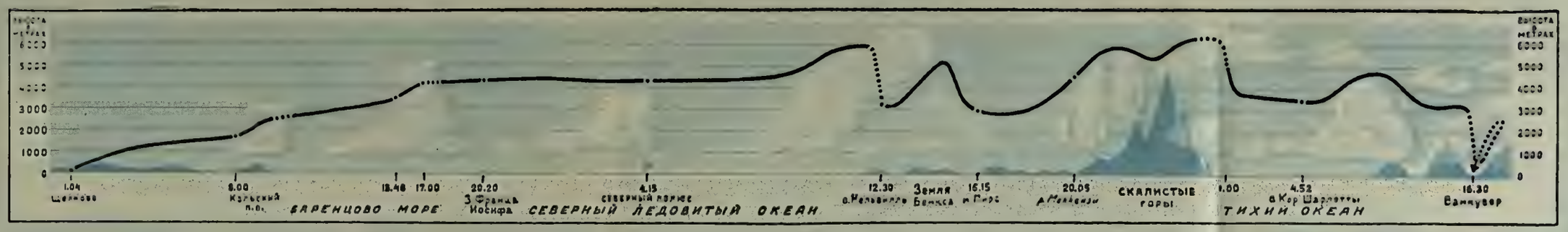
* *

Сдано в набор 19 ноября 1940 г. Подписано в печать 12 декабря 1940 г. А—33140. Зак. изд. 106. Индекс Х—11. Б72. Формат бумаги 62×88¹/₁₆ д. 20 печ. листов. 16,89 авт. листов

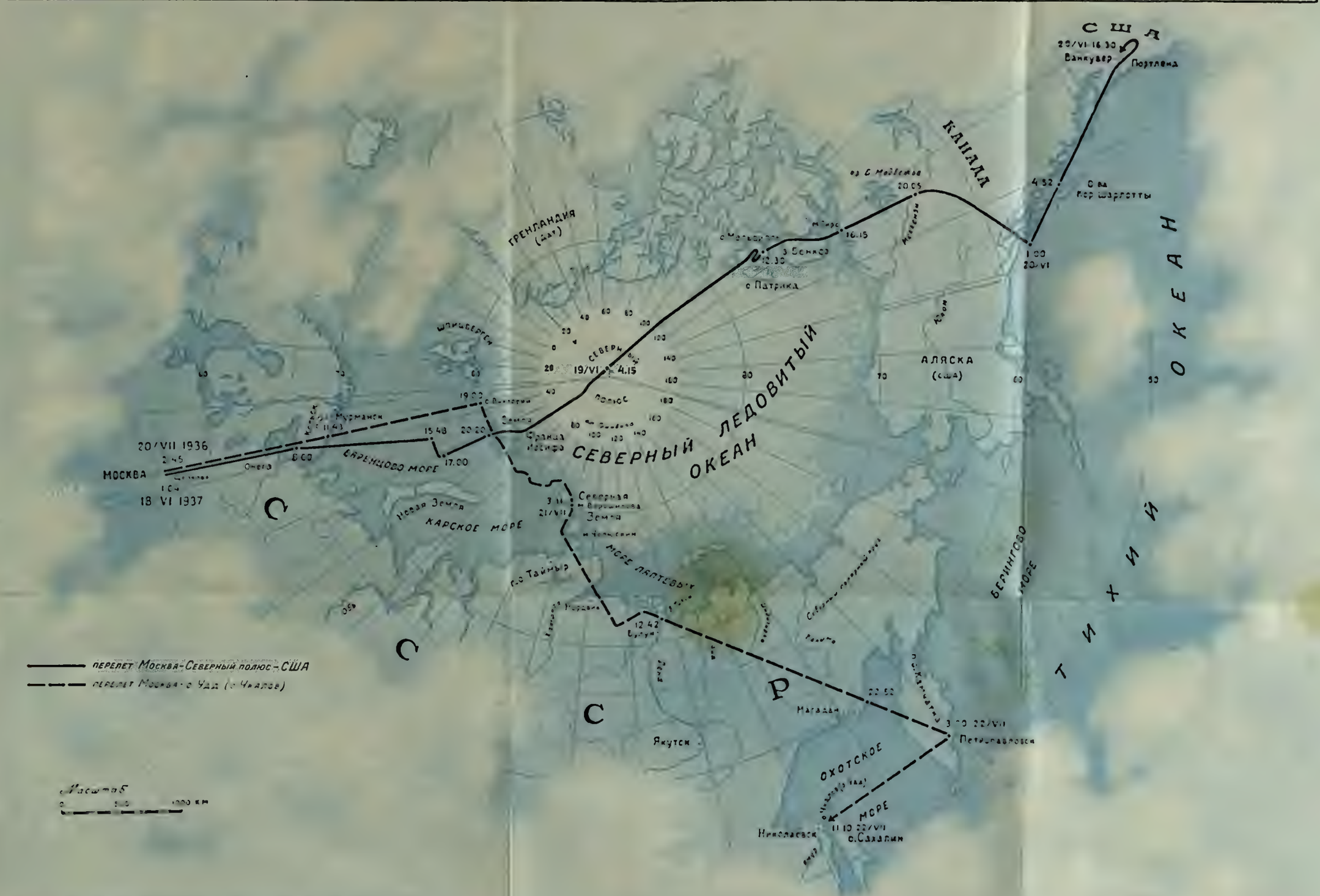
Тираж 30 000

* * *

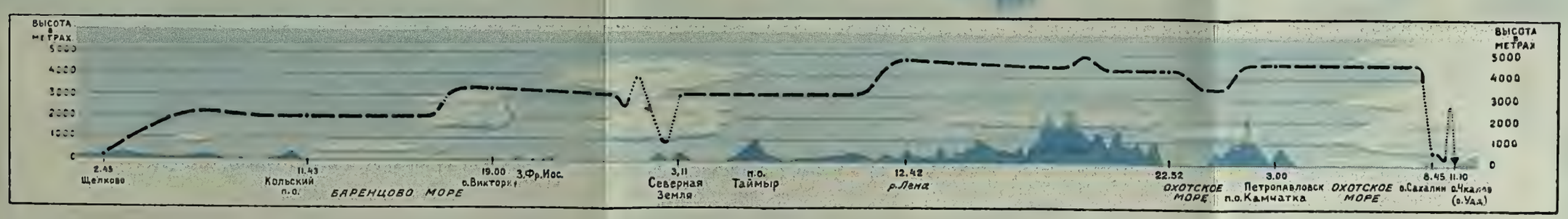
Типография и цинкогр. Гослитиздата. Москва, 1-й Самотечный пер., 17. Зак. 1938



ВЫСОТА в МЕТРАХ
6000
5000
4000
3000
2000
1000
0
1.04 Щелково
8.00 Кольский п.о.
18.48
17.00
20.20 З. Франца Иосифа
4.15 Северный полюс
12.30 о. Мельвилль
Земля Бенкса
16.15 м. Пирс
20.05 р. Маккензи
СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ
1.00
4.52 о. Кор Шарлотты
16.30 Ванкувер
БАРЕНЦОВО МОРЕ
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
ТИХИЙ ОКЕАН



США
20/VI 16.30 Ванкувер
Портленд
КАНАДА
о. Б. Мадбежье
20.05
4.52
о. Кор Шарлотты
1.00 20/VI
16.15
12.30
о. Патрика
ГРЕНЛАНДИЯ (дат.)
ШПИЦБЕРГЕН
СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС
19/VI 4.15
19.00
Мурманск
11.43
15.48
20.20
17.00
8.00
Онега
20/VII 1936
2.45
МОСКВА
1.04
18 VI 1937
БАРЕНЦОВО МОРЕ
Франца Иосифа
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
АЛЯСКА (США)
ТИХИЙ ОКЕАН
Северная Земля
3.11 21/VII
Новая Земля
КАРСКОЕ МОРЕ
МОРЕ ЛАПТЕВЫХ
п.о. Таймыр
12.42
БЕРИНГОВО МОРЕ
С С С Р
Магадан
22.52
3.00 22/VII
Петропавловск
Якутск
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Николаевск
11.10 22/VII
о. Сахалин
перелет Москва-Северный полюс-США
перелет Москва-о. Удд (о. Чкалов)
Масштаб
0 500 1000 км



ВЫСОТА в МЕТРАХ
5000
4000
3000
2000
1000
0
2.45 Щелково
11.43 Кольский п.о.
19.00 о. Викторки
З. Фр. Иос.
3.11 Северная Земля
п.о. Таймыр
12.42 р. Лена
22.52 ОХОТСКОЕ МОРЕ
3.00 Петропавловск п.о. Камчатка
ОХОТСКОЕ МОРЕ
8.45 о. Сахалин
11.10 о. Чкалов (о. Удд)
БАРЕНЦОВО МОРЕ

13